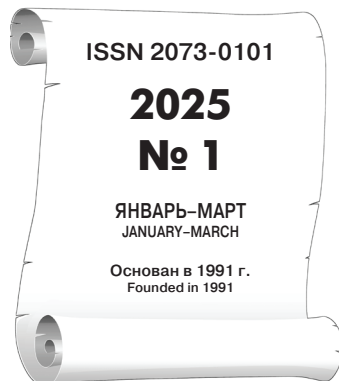

ВЕСТНИК АРХИВИСТА

VESTNIK ARHIVISTA /
HERALD OF AN ARCHIVIST

В ближайших номерах

Записки русского путешественника:
Н. М. Карамзин читает Афанасия Никитина

Баронесса М. П. Фредерикс: краткий
обзор документальных материалов
из фондов российского Министерства
императорского двора

Татары-кantonисты
Казанского порохового завода
в первой половине XIX века

Рассмотрение и вынесение приговоров
по делам об убийстве супруга или
супруги по архивным материалам
Тобольской губернии начала XX века

О крестьянских настроениях
по материалам «Ленинской недели»

Этнонационализм народа телугу
в оценках съезда коммунистической
партии Индии 1948 г.

Цифровые архивы: проблема
определения понятия и границы
исследовательского поля

Coming soon

Notes of a Russian Traveler:
N. M. Karamzin reads Afanasy Nikitin

Baroness M. P. Fredericks: a brief
review of documentary materials
from the fonds of the Russian Ministry
of the Imperial Court

Tatars-Cantonists of the Kazan
Gunpowder Factory in the First Half
of the XIX Century

Consideration and sentencing in cases
of murder of a spouse according to
the archival materials of Tobolsk province
of the beginning of the XX century

On peasant sentiments according
to the materials of “Leninskaya Nedeli”
(Lenin’s Week)

Ethno-nationalism of the Telugu people
in the assessments of the Congress
of the Communist Party of India in 1948

Digital Archives: the Problem of Definition
of the Concept and the Boundaries
of the Research Field

Translated with DeepL.com (free version)

Вестник архивиста.ru: www.vestarchive.ru

Вестник архивиста.com: www.herald-of-an-archivist.com

Вестник архивиста.TV: www.tv.vestarchive.ru

Вестник архивиста.Vk.com: www.vk.com/heraldofanarchivist.vk.com

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ИСТОРИКОВ-АРХИВИСТОВ (РОИА)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Анфертьев, И. А., доктор исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Артизов, А. Н., доктор исторических наук, Федеральное архивное агентство, г. Москва, Российская Федерация

Афани, В. Ю., кандидат исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация

Безбородов, А. Б., доктор исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация

Брянцев, М. В., доктор исторических наук, Брянский государственный университет им. академика И. Г. Петровского, г. Брянск, Российская Федерация

Гагиева, А. К., доктор исторических наук, Коми республиканская академия государственной службы и управления, г. Сыктывкар, Российская Федерация

Иноземцева, З. П., кандидат исторических наук, заместитель главного редактора, г. Москва, Российская Федерация

Исакова, М. С., доктор исторических наук, Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека, г. Ташкент, Республика Узбекистан

Калашникова, Н. П., доктор политических наук, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, г. Нур-Султан, Республика Казахстан

Козлов, В. П., доктор исторических наук, член-корреспондент Российской академии наук, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация

Коровин, В. В., доктор исторических наук, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация

Кулинок, С. В., кандидат исторических наук, Национальный архив Республики Беларусь, г. Минск, Республика Беларусь

Ланской, Г. Н., доктор исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация

Ларин, М. В., доктор исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация

Мазур, Л. Н., доктор исторических наук, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Российская Федерация

Мироненко, С. В., доктор исторических наук, член-корреспондент Российской академии наук, Государственный архив Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

Петин, Д. И., кандидат исторических наук, Исторический архив Омской области, Омский государственный технический университет, г. Омск, Российская Федерация

Пивовар, Е. И., доктор исторических наук, академик Российской академии наук, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация

Прозорова, В. Б., кандидат исторических наук, руководитель представительства журнала в Европе, г. Париж, Франция

Синиченко, В. В., доктор исторических наук, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация, Российская Федерация

Солдатова, О. Н., доктор исторических наук, Российский государственный архив в г. Самаре, г. Самара, Российская Федерация

Суровцева, Н. Г., доктор исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация

Трошина, Т. И., доктор исторических наук, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова, г. Архангельск, Российская Федерация

Тюрнина, Е. А., кандидат исторических наук, Российский государственный архив экономики, г. Москва, Российская Федерация

Хорхордина, Т. И., доктор исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация

Чернобаев, А. А., доктор исторических наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

Чубарьян, А. О., доктор исторических наук, академик Российской академии наук, Институт всеобщей истории РАН, г. Москва, Российская Федерация

FOUNDER AND PUBLISHER

THE RUSSIAN SOCIETY OF HISTORIANS AND ARCHIVISTS (ROIA)

EDITOR-IN-CHIEF

Anfertiev, Ivan A., doctor of historical sciences, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

EDITORIAL BOARD

Artizov, Andrey N., doctor of historical sciences, Federal Archival Agency, Moscow, Russian Federation

Afiani, Vitaly Yu., PhD in History, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Bezborodov, Alexander B., doctor of historical sciences, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Bryantsev, Mikhail V., doctor of historical sciences, Academician I. G. Petrovsky Bryansk State University, Bryansk, Russian Federation

Gagieva, Anna K., doctor of historical sciences, Komi Republican Academy of State Service and Administration, Syktyvkar, Russian Federation

Inozemtseva, Zinaida P., PhD in History, deputy editor-in-chief, Moscow, Russian Federation

Isakova, Mukhae S., doctor of historical sciences, Mirzo Ulugbek National University of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan

Kalashnikova, Nataliya P., doctor of Political sciences, L. N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan

Kozlov, Vladimir P., doctor of historical sciences, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Korovin, Vladimir V., doctor of historical sciences, South-West State University, Kursk, Russian Federation

Kulinok, Svyatoslav V., PhD in History, National Archive of the Republic of Belarus, Minsk, Republic of Belarus

Lanskoi, Grigory N., doctor of historical sciences, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Larin, Mikhail V., doctor of historical sciences, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Mazur, Lyudmila N., doctor of historical sciences, First President of the Russian Federation B. N. Yeltsin Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation

Mironenko, Sergey V., doctor of historical sciences, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, State Archive of the Russian Federation (GARF), Moscow, Russian Federation

Petin, Dmitry I., PhD in History, Historical Archive of the Omsk region, Omsk State Technical University, Omsk, Russian Federation

Pivovarov, Efim I., doctor of historical sciences, member of the Russian Academy of Sciences, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Prozorova, Victoria B., PhD in History, head of the branch of the "Herald of an Archivist" in Europe, Paris, France

Sinichenko, Vladimir V., doctor of historical sciences, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation

Soldatova, Olga N., doctor of historical sciences, Russian State Archive in Samara, Samara, Russian Federation

Surovtseva, Nataliya G., doctor of historical sciences, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Troshina, Tatiana I., doctor of historical sciences, M. V. Lomonosov Northern (Arctic) Federal University, Arkhangelsk, Russian Federation

Tyurina, Elena A., PhD in History, Russian State Archive of Economy (RGAE), Moscow, Russian Federation

Khorkhordina, Tatiana I., doctor of historical sciences, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Chernobaev, Anatoly A., doctor of historical sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation

Chubaryan, Alexander O., doctor of historical sciences, member of the Russian Academy of Sciences, World History Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Содержание

Проблемы архивоведения, источниковедения, документоведения, археографии

- Дружинина, И. А., Илюшина, М. Ю. Новый источник по истории Кабарды XV века: сведения из анонимной арабской рукописи «Драгоценные ожерелья в достоинствах государства ал-Ашрафа ал-Гаури» 1515 г. // Вестник архивиста. 2025. № 1. С. 11–32, doi 10.28995/2073-0101-2025-1-11-32 11
- Сенюткина, О. Н. «Панисламизм с самого возникновения на Кавказе носил окраску пантюркизма»: идеи тюркского и исламского единства в оценках российской власти в начале XX века // Вестник архивиста. 2025. № 1. С. 33–49, doi 10.28995/2073-0101-2025-1-33-49 33
- Новосельский, С. С. Концепция народного представительства А. Д. Голицына в 1905 г.: к истории земского конституционализма // Вестник архивиста. 2025. № 1. С. 50–66, doi 10.28995/2073-0101-2025-1-50-66 50
- Синиченко, В. В. Дипломатический конфликт США и России в годы Первой мировой войны по делу американского консула в Харбине Чарльза Мозера по документам из фондов Архива внешней политики Российской империи // Вестник архивиста. 2025. № 1. С. 67–82, doi 10.28995/2073-0101-2025-1-67-82 67
- Ченцов, А. С. Документальные источники о деятельности органов МВД на территории Калининградской области. 1945–1949 гг. // Вестник архивиста. 2025. № 1. С. 83–98, doi 10.28995/2073-0101-2025-1-83-98 83
- Володарская, Е. А., Фандо, Р. А. Достижения советских биологов в экспозиции Дворца науки на Всемирной выставке в Брюсселе. 1958 г. // Вестник архивиста. 2025. № 1. С. 99–117, doi 10.28995/2073-0101-2025-1-99-117 99

- Самарин, А. В. Отчеты Советско-Американской комиссии по научно-техническому сотрудничеству СССР – США в 1973–1979 гг. как источник по изучению научной политики СССР // Вестник архивиста. 2025. № 1. С. 118–135, doi 10.28995/2073-0101-2025-1-118-135 118
- Никифоров, Ю. С. «Наследник», «маска», «возмутитель спокойствия»: образы политиков периода перестройки в СССР 1985–1991 гг. По страницам зарубежной печати из фонда Н. И. Рыжкова в РГАСПИ // Вестник архивиста. 2025. № 1. С. 136–153, doi 10.28995/2073-0101-2025-1-136-153 136
- Научная публикация архивных документов**
- Сушко, А. В., Петин, Д. И. Совершенно секретный отчет Е. М. Ярославского в ЦК ВКП (б) о командировке в Сибирь в ноябре-декабре 1942 г. // Вестник архивиста. 2025. № 1. С. 154–170, doi 10.28995/2073-0101-2025-1-154-170 154
- Полторац, С. Н., Зотова, А. В. «Россия хочет чего угодно, только не войны...». О проводах 13 апреля 1941 г. И. В. Сталиным министра иностранных дел Японии Ё. Мацуоки накануне Великой Отечественной войны // Вестник архивиста. 2025. № 1. С. 171–185, doi 10.28995/2073-0101-2025-1-171-185 171
- Исторические исследования**
- Лямин, С. К., Ловцов, В. А. И. А. Тарасенко-Отрешков и Н. Ю. Шильдер-Шульднер: факторы карьерной неуспешности вице-губернаторов в Российской империи начала XX века // Вестник архивиста. 2025. № 1. С. 186–203, doi 10.28995/2073-0101-2025-1-186-203 186
- Шевельков, А. И. Проблема аграрной реконструкции российского Нечерноземья в решениях ЦК ВКП (б) и Совнаркома в первой половине 1930-х гг. // Вестник архивиста. 2025. № 1. С. 204–224, doi 10.28995/2073-0101-2025-1-204-224 204

Бондарев, В. А., Булыгин, Ю. А. Народное ополчение в СССР в 1941 г.: трудности процесса формирования. По архивным документам партийных органов Ростовской области // Вестник архивиста. 2025. № 1. С. 225–241, doi 10.28995/2073-0101-2025-1-225-241	225
Коскарева, С. Г., Сесицкая, А. С. Материалы Государственного архива Камчатского края о советско-японских отношениях 1950-х–1970-х гг. // Вестник архивиста. 2025. № 1. С. 242–259, doi 10.28995/2073-0101-2025-1-242-259	242
Научная жизнь: история, историки, методы исторического исследования	
Безбородов, А. Б. Советский исторический опыт как объект познания // Вестник архивиста. 2025. № 1. С. 260–281, doi 10.28995/2073-0101-2025-1-260-281	260
Смирнов, Ю. Н. Создатель морского компонента ядерной триады В. Н. Перегудов: архивы открывают завесу секретности // Вестник архивиста. 2025. № 1. С. 282–288, doi 10.28995/2073-0101-2025-1-282-288	282
Аргамонова, Л. М. Архивисты продолжают издание трудов одного из создателей Саратовской ученой архивной комиссии А. Н. Минха // Вестник архивиста. 2025. № 1. С. 289–296, doi 10.28995/2073-0101-2025-1-289-296	289
Люди. События. Факты	
Гордина, Е. Д., Гордин, А. А. «Дома росли как в сказке»: метод народной стройки в Горьковской области 1950-х гг. // Вестник архивиста. 2025. № 1. С. 297–312, doi 10.28995/2073-0101-2025-1-297-312	297
Указатель материалов	
Указатель материалов, опубликованных в журнале «Вестник архивиста / Vestnik arhivista / Herald of an Archivist» в 2024 г. / Сост. И. А. Анфертьев // Вестник архивиста. 2025. № 1. С. 313–319, doi 10.28995/2073-0101-2025-1-313-319	313

Contents

Archive Science, Source Studies, Document Science and Archaeography Issues

- Druzhinina, Inga A., Iliushina, Milana Yu. (2025). A new source on the history of Kabarda XV century: information from the anonymous Arabic manuscript “Precious Necklaces in the Dignities of the State of al-Ashraf al-Ghauri” 1515, *Herald of an Archivist*, no. 1, pp. 11–32, doi 10.28995/2073-0101-2025-1-11-32 11
- Senyutkina, Olga N. (2025). “Pan-Islamism from the very emergence in the Caucasus carried the coloring of pan-Turkism”: the ideas of Turkic and Islamic unity in the assessments of the Russian authorities in the early XX century, *Herald of an Archivist*, no. 1, pp. 33–49, doi 10.28995/2073-0101-2025-1-33-49 33
- Novoselsky, Sergey S. (2025). A. D. Golitsyn’s Concept of People’s Representation in 1905, Toward the History of Zemstvo Constitutionalism, *Herald of an Archivist*, no. 1, pp. 50–66, doi 10.28995/2073-0101-2025-1-50-66 50
- Sinichenko, Vladimir V. (2025). Diplomatic conflict between the United States and Russia during World War I in the case of Charles Moser, American Consul in Harbin, based on documents from the archives of the Foreign Policy Archive of the Russian Empire, *Herald of an Archivist*, no. 1, pp. 67–82, doi 10.28995/2073-0101-2025-1-67-82 67
- Chentsov, Alexey S. (2025). Documentary sources on the activities of the Ministry of Internal Affairs in the territory of the Kaliningrad region, 1945–1949, *Herald of an Archivist*, no. 1, pp. 83–98, doi 10.28995/2073-0101-2025-1-83-98 83

- Volodarskaya, Elena A., Fando, Roman A. (2025). Achievements of Soviet biologists in the exposition of the Palace of Science at the World Exhibition in Brussels. 1958, *Herald of an Archivist*, no. 1, pp. 99–117, doi 10.28995/2073-0101-2025-1-99-117 99
- Samarin, Alexey V. (2025). Reports of the Soviet-American Commission on Scientific and Technical Cooperation between the USSR and the USA, 1973–1979, as a source for the study of the USSR science policy, *Herald of an Archivist*, no. 1, pp. 118–135, doi 10.28995/2073-0101-2025-1-118-135 118
- Nikiforov, Yury S. (2025). “Heir”, ‘mask’, ‘troublemaker’, images of politicians of the perestroika period in the USSR 1985–1991, on the pages of the foreign press from the collection of N. I. Ryzhkov in RGASPI, *Herald of an Archivist*, no. 1, pp. 136–153, doi 10.28995/2073-0101-2025-1-136-153 136

Scientific Publication of Archival Documents

- Sushko, Alexey V., Petin, Dmitry I. (2025). Top secret report of E. M. Yaroslavsky to the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks on official journey to Siberia in November–December 1942, *Herald of an Archivist*, no. 1, pp. 154–170, doi 10.28995/2073-0101-2025-1-154-170 154
- Poltorak, Sergey N., Zotova, Anastasia V. (2025). “Russia wants anything but war...”. On April 13, 1941, Stalin’s April 13, 1941 farewell to the Japanese Foreign Minister Yo. Matsuoka on the eve of the Great Patriotic War, *Herald of an Archivist*. no. 1, pp. 171–185, doi 10.28995/2073-0101-2025-1-171-185 171

Historical Research

- Lyamin, S. K., Lovtsov, V. A. (2025). I. A. Tarasenko-Otreshkov and N. Yu. Schilder-Shuldner: factors of career failure of vice-governors in the Russian Empire of the early XX century, *Herald of an Archivist*, no. 1, pp. 186–203, doi 10.28995/2073-0101-2025-1-186-203 186

- Shevelkov, Anatoly I. (2025). The Problem of Agrarian Reconstruction of the Russian Non-Black Earth Region in the Decisions of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks (b) and the Council of People's Commissars of the USSR in the First Half of the 1930s, *Herald of an Archivist*, no. 1, pp. 204–224, doi 10.28995/2073-0101-2025-1-204-224 204
- Bondarev, Vitaly A., Bulygin, Yuri A. (2025). People's militia in the USSR in 1941, difficulties of the formation process, Based on archival documents of party bodies of the Rostov region, *Herald of an Archivist*, no. 1, pp. 225–241, doi 10.28995/2073-0101-2025-1-225-241 225
- Koshkareva, Svetlana G., Sesitskaya, Anastasia S. (2025), Materials of the State Archive of the Kamchatka Territory on Soviet-Japanese relations in the 1950s–1970s, *Herald of an Archivist*, no. 1, pp. 242–259, doi 10.28995/2073-0101-2025-1-242-259 242
- Scientific Life: History, Historians,
Methods of Historical Research**
- Bezborodov, Alexander B. (2025). Soviet historical experience as an object of cognition, *Herald of an Archivist*, no. 1, pp. 260–281, doi 10.28995/2073-0101-2025-1-260-281 260
- Smirnov, Yuri N. (2025). Creator of the Naval Component of the Nuclear Triad Vladimir N. Peregudov: Archives open the Veil of Secrecy, *Herald of an Archivist*, no. 1, pp. 282–288, doi 10.28995/2073-0101-2025-1-282-288 282
- Artamonova, Ludmila M. (2025) Archivists continue to publish the works of one of the founders of the Saratov Academic Archival Commission A. N. Minh, *Herald of an Archivist*, no. 1, pp. 289–296, doi 10.28995/2073-0101-2025-1-289-296 289

People. Events. Facts

Gordina, Elena D., Gordin, Alexey A. (2025). “Houses grew like in a fairy tale”: the method of ‘people’s construction’ in the Gorky region in the 1950s., *Herald of an Archivist*, no. 1, pp. 297–312, doi 10.28995/2073-0101-2025-1-297-312 297

Index of Materials

Anfertiev, I. A. (Ed.) (2025). Index of materials published in the journal “Vestnik arhivista / Vestnik arhivista / Herald of an Archivist” in 2024, *Herald of an Archivist*, no. 1, pp. 313–319, doi 10.28995/2073-0101-2025-1-313-319313

**ПРОБЛЕМЫ АРХИВОВЕДЕНИЯ,
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ,
ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЯ, АРХЕОГРАФИИ**

**Archive Science, Source Studies, Document Science
and Archaeography Issues**

Научная статья

УДК 93/94+001.814.2+002.513.5+303.832+001.891+001.814.4+001.92+930.85+303.422+35.081.66+002.2+651.9+930.2+930.24+001.35+001.89+316.6+297.17+297.1+351/354+352/354-1+35.977.535.3+35.081.64+35.081.65+930.25

doi 10.28995/2073-0101-2025-1-11-32

Для цитирования

Дружинина, И. А., Илюшина, М. Ю. Новый источник по истории Кабарды XV века: сведения из анонимной арабской рукописи «Драгоценные ожерелья в достоинствах государства ал-Ашрафа ал-Гаури» 1515 г. // Вестник архивиста. 2025. № 1. С. 11–32, doi 10.28995/2073-0101-2025-1-11-32

Дружинина, И. А., Илюшина, М. Ю.

Институт востоковедения РАН,
г. Москва, Российская Федерация

**Новый источник по истории Кабарды XV века:
сведения из анонимной арабской рукописи
«Драгоценные ожерелья в достоинствах
государства ал-Ашрафа ал-Гаури» 1515 г.**

Введение. Одним из этапных событий средневековой истории адыгских народов является образование княжества Кабарда, с которым связан если не наиболее успешный, то, во всяком случае самый продолжительный опыт политической самоорганизации адыгов. Начало научного изучения Кабарды положено в последней четверти XIX в. масштабными археологическими раскопками на территории современной Кабардино-Балкарии и Пятигорья, в ходе которых были исследованы сотни позднесредневековых курганов¹. Полученные в результате этих работ

археологические источники позволили поставить целый ряд ключевых для изучения кабардинской истории XV–XVII вв. вопросов: о времени массового переселения адыгов в районы Центрального Предкавказья, о влиянии традиций соседних народов на процессы политогенеза у восточных адыгов – кабардинцев, о социальной стратификации их общества, о принципах расселения, особенностях материальной культуры и хозяйственной деятельности населения Кабарды.

Постановка проблемы. Поскольку средневековые адыги, известные наряду с другими народами Северного Кавказа в арабских, персидских, а также европейских рукописях XIV–XV вв. под именем черкесы, не оставили своих письменных памятников, археологические материалы имеют значение ключевого, а порой единственного источника, в том числе при изучении истории Кабарды до середины XVI в., когда между местной знатью и правителями Русского государства установились прочные связи, которые отразились в десятках документов Посольского приказа, родословных книгах и других письменных памятниках позднего русского Средневековья и Нового времени.

Обзор источников и историографии. До настоящего момента единственным источником, где упоминается Кабарда XV в., считалось сочинение венецианского купца, дипломата, государственного деятеля Иосафата Барбаро (1413–1494). В созданном между 1488 и 1492 г. сочинении итальянский автор описал земли и народы Приазовья, Северо-Восточного Причерноморья и Северо-Западного Кавказа: «Дальше за этим народом [жителями Кремука] лежат области, населенные племенами с различными языками, однако они не слишком удалены друг от друга. Это племена Кипке (Chipche), Татаркосия (Tatacosia), Собаи (Sobai), Кевертеи (Cheverthei), Ас (As), то есть Аланы (Alani), о которых мы говорили выше. Они следуют одно за другим вплоть до Менгрелии, на пространстве двенадцати дней пути»². В другом месте источника, при описании похода на Северный Кавказ Шейха Хайдара (1459–1488), который Барбаро датирует 1486 г., указано: «Затем они [войска Шейха Хайдара] потянулись в сторону Черкесии (Circassia), проходя в сторону [племени] Киппике (Chippiche) и в сторону [племени] Карбатри (Charbatri), которые оба находятся со стороны Великого моря, и подобным образом

поступили в тех местах, наконец с ними сразились те из [племен] Тетаркосса (Tetarcossa) и из Кремука (Cremuch) и нанесли им такое сокрушительное поражение, что не спаслись и двадцать на сотню, которые в беспорядке спасались бегством в свою страну»³.

Названия племени Кевертеи связывают с первым упоминанием кабардинцев. С ним вполне соотносится и название Карбатри из второго процитированного фрагмента записок Иосафата Барбаро, хотя такая интерпретация и ставилась под сомнение как в первом⁴, так и во втором случае⁵. Этой отрывочной и скупой информацией исчерпывается приводимый исследователями список упоминаний Кабарды и кабардинцев XV в. в средневековых текстах.

Результаты исследования. В данной связи сложно переоценить появление на научном поле отечественного кавказоведения нового источника, в котором от лица мамлюкского султана из династии Бурджи (1382–1517) – ал-Ашрафа Кансуха ал-Гаури (1501–1516), родившегося, по сведениям данного источника, в Кабарде в середине 40-х гг. XV в., описываются события и герои первых десятилетий истории этого княжества. Речь идет о двухтомной анонимной рукописи из фондов Süleymaniye Yazma Eser Kütüphanesi (Стамбул), маркированной Ayasofya 3312 и 3313. Название источника, указанное во введении первого тома как *al-'Uqud al-jawhariya fi al-nawadir al-Ghawriya* (Драгоценные ожерелья в занимательных рассказах об ал-Гаури), приведено несколько в иной форме во втором томе как *al-'Uqud al-jawhariya fi al-mahasin al-dawla al-Ashrafiya al-Ghawriya* (Драгоценные ожерелья в достоинствах государства ал-Ашрафа ал-Гаури).

До настоящего времени сведения источника привлекались только для изучения жизни при дворе черкесских султанов⁶, и даже имеющиеся в рукописи биографические сведения о самом ал-Ашрафе Кансухе ал-Гаури не были в полной мере использованы специалистами⁷. Между тем, второй том рукописи содержит уникальные сведения по истории народов Северного Кавказа XV–XVI вв., ранее не известные отечественным кавказоведам.

Подробная характеристика источника приведена в монографии Кристиана Маудера⁸.

Первый том рукописи (AS 3312) состоит из введения, краткого вопросно-ответного раздела по темам, приличествующим

для обсуждения при дворе правителя (прежде всего, связанным с толкованием Корана и хадисов), длинной основной части, которая касается истории человечества от времени Адама до правления аббасидского халифа ал-Мамуна (р. 198–218/813–833), и небольшого заключения с колофоном.

Второй том (AS 3313) начинается с введения, после этого продолжается исторический обзор с того места, где он остановился в первом томе, и до первых дней правления ал-Гаури. В этой части текста приводится биография ал-Гаури вплоть до начала его правления, а также сведения о Черкесии до рождения султана и периода его жизни. Завершает текст короткий заключительный раздел с еще одним колофоном.

Источник создан на арабском языке, при этом содержит несколько небольших фрагментов турецкого текста.

Согласно колофону, первый том был завершен в середине сафара 921 / март–апрель 1515 г., второй том – в середине раби I 921 / апрель–май 1515 г.

Рукопись, отличающаяся высоким качеством бумаги, использованием золотых чернил и четкой, упорядоченной структурой, по-видимому, была изготовлена одним из участников регулярных собраний (*majālis*), который ал-Ашраф Кансух ал-Гаури проводил в большом зале Цитадели с участием *улемов*, интеллектуалов и литераторов для обсуждения самых разных вопросов – от тонкостей арабской грамматики и мусульманского права до деталей одежды древних египтян и старинных персидских преданий. В Стамбул она была доставлена, скорее всего, на волне османского завоевания Мамлюкского султаната и была включена в библиотеку Махмуда I, открывшуюся в 1155/1742 гг. в мечети Айя-София.

Анализ текста привел К. Маудера к заключению, что автор рукописи около десяти лет состоял при дворе султана. Текст источника свидетельствует о том, что арабский был родным языком составителя рукописи. Вероятнее всего, он принадлежал кругу каирских ученых и был связан с ханафитской школой права⁹.

Выводы об арабском происхождении автора подтверждает использованная в источнике при описании Черкесии лексика, соответствующая социально-политическим реалиям Ближнего

Востока, в частности традиционная для Султаната, а также распространенная на Восточном Кавказе, но чуждая Северо-Западному и Центральному Кавказу титулатура: *султан*, *малик*, *эмир*. Так, в памятниках северокавказской эпиграфики титул *султан* фиксируется на территории Дагестана с конца XIV в., с XV в. – на территории Ингушетии, и только в начале XVIII в., под 1715 г., отображен вместе с именем кабардинского князя Батумара Кайтука в надписи о передаче земельного участка во владение Исмаила Урусбиева; титул *малик* упомянут в северокавказской средневековой эпиграфике дважды – в надписи под 1454 г. вместе с именем ширваншаха Халилаллаха (Халил-улла I) и под 1598–1599 гг. – в надписи с упоминанием шамхала Казикумухского; титул *эмир* довольно распространен в средневековых надписях Дагестана, где был зафиксирован уже в 1242 г., и только в XIX в. встречается вместе с именами представителей знати Западного Кавказа, в частности в эпитафии 1872/1873 гг. Каламата Булатука (Келемета Болотокова)¹⁰.

Но еще более показательно объяснение некоторых событий, описываемых в AS 3313, в контексте специфических традиций ближневосточного этикета. Так, борьба за власть в Кабарде между двумя наследниками Китуком и Килак-Султаном была сопряжена со следующим эпизодом: «И сказал Килак-Султан: никогда я не удовольствуюсь миром, пока не придет он мне убийцу моего брата. И отправил [Китук] к нему эмира, который был убийцей его брата, полагая, что он [Килак-Султан] не убьет его, соблюдая обязательство перед ним. Но когда явился к ним эмир, они убили его ножами. Поднялось волнение у Китука и он сказал: «Я сделал это с ними [во имя] *муруввы*, чтобы отвратить зло, а они убили его! Не осталось между нами ничего, кроме меча»¹¹.

Свои действия Китук оправдывал «кодексом» *муруввы* – сложившимся на арабском Востоке еще в доисламские времена представлением о наборе качеств настоящего мужчины, который составляли доблесть, великодушие, щедрость, умение любить и веселиться, красноречие, верность данному слову¹². Безусловно, слова, апеллирующие к нормам ближневосточного этикета, были вложены в уста черкесского правителя автором рукописи, принадлежавшим к арабской

культуре, в которой эти традиции издревле регламентировали социальные отношения, или такие слова использовал сам мамлюкский султан Кансух ал-Гаури.

Арабское происхождение автора рукописи ставит вопрос о ее достоверности в части изложения северокавказской истории, а, следовательно, об источниках информации о *стране черкесов*, которыми пользовался составитель AS 3313.

Одним из таких источников, вероятно, был труд Бадр ад-Дина ал-'Айни, посвященный биографии султана ал-Му'аййада Шайха (1412–1421)¹³. В частности, информация, содержащаяся в этом источнике начала XV в., отображена в части AS 3313, посвященной генеалогии правителей Кармука. При этом в рукописи AS 3313 при сохранении структуры предложения и содержания использованы другие слова, но личные имена полностью, до буквы, совпадают в обоих текстах. Поскольку имена неарабские, при независимом воспроизведении их различными авторами, вероятнее всего, появились бы какие-то вариации, но их нет.

Часть сведений, видимо, была получена автором AS 3313 от самого ал-Гаури, на что прямо указывает источник¹⁴. Этот вывод косвенно подтверждают и филигранно выверенные оценки социального положения рода *Баузирия*, откуда происходил султан, призванные «оправдать» не самое высокое его происхождение: «Но не опустилась она [душа ал-Гаури] в дом самих владык, ибо невозможно быть владыкам черкесским правителями Египта и Хиджаза. И не опустилась она к их подданным из-за того, что те занимают униженное положение. Он совершал добрые дела, находясь посредине [между владыками и подданными]. А что касается того, что он – да будет славной его победа – выбрал землю черкесов, то по этой причине стал он Служителем обоих Священных городов¹⁵, султаном обеих земель и обоих морей¹⁶; благодаря этому он – величайший из людей своего времени»¹⁷.

Достоверность сведений, касающихся истории черкесов, содержащихся в AS 3313, подтверждается данными других исторических текстов.

Так, родословная правителей Кабарды, приведенная в AS 3313, в значительной степени коррелирует с составленными для кабардинских князей XVII в. генеалогиями,

зафиксированными в родословных книгах, принадлежавших А. М. Пушкину и А. И. Лобанову-Ростовскому¹⁸, при этом русские источники имеют значительные расхождения данных, касающихся первых трех поколений кабардинских князей. В родословной книге, принадлежавшей А. М. Пушкину, родоначальником кабардинских князей назван Инал-мурза, которому наследовал его сын Тобулда-мурза¹⁹, а в родословной книге А. И. Лобанова-Ростовского имя Инала отсутствует вовсе, а родоначальником кабардинских князей и мурз показан не упомянутый в первой генеалогии Акабгу, Табула же назван его сыном. Компаративному анализу этих источников и AS 3313 посвящена наша отдельная работа, здесь же укажем, что содержащиеся в арабской рукописи данные о генеалогии кабардинских правителей позволяют объединить и в значительной степени дополнить оба русских источника. Так, в AS 3313 упомянуты все три правителя: Ах Буга (Акабгу) и два его сына – Инал и Табалди. В целом анализ источников подтверждает вывод Е. Д. Налоевой о том, что по сравнению с генеалогией кабардинских князей из родословной книги А. М. Пушкина, сведения второго списка, принадлежавшего А. И. Лобанову-Ростовскому, отличаются большей достоверностью и, вероятно, большей древностью²⁰.

AS 3313 предоставляет уникальные сведения о месте Кабарды в этнотерриториальном и социально-политическом устройстве Черкесии²¹, которые подтверждаются другими историческими текстами, в частности, упомянутым выше трактатом о бурджитском султানে ал-Му'аййаде Шайхе (1412–1421), составленном Бадр ад-Дином ал-'Айни, и сочинениями итальянских авторов XV в. – Иосафата Барбаро и Джорджио Интериано.

Автор рукописи AS 3313 называет, по крайней мере, три «земли», «племена» или «страны» черкесов – *Кармук, Кабак и Кабарда*. При этом в AS 3313 Кармук упоминается только в контексте изложения истории Кабарды, а Кабак и вовсе назван лишь в связи с сообщением о происхождении двух мамлюкских султанов.

Самое раннее на сегодняшний день упоминание Кармука содержится в трудах ал-'Айни, где Кармук – имя основателя одного из черкесских родов. В середине XV в. источники

описывают Кармук уже в другом качестве – как самую большую и богатую область черкесов²². В XVI в. под названием Кермук эта область упоминается в турецком источнике²³ и, возможно, в русском источнике – в отчете посла в Крым А. Ф. Нагова о событиях 17 июня и 30 июля 1570 г. – под названием Кумук²⁴.

Местоположение Кармука сегодня точно не устанавливается. По сведениям источников, эта область располагалась в трех или четырех днях пути от Темрюка в глубь материка. Однако при дальнейшей локализации исследователи²⁵, опирающиеся в решении данного вопроса, главным образом, на материал археологических памятников Северо-Западного Кавказа XIV–XV вв., связывают эту область с районом распространения элитарных Белореченских курганов в Восточном Закубанье. И. В. Волков на основе анализа письменных, а также картографических источников локализует Кармук на правом берегу Кубани, в степной зоне²⁶.

Как и в биографии ал-Му'аййада Шайха, созданной ал-'Айни, в AS 3313 это название встречается сначала в качестве имени основателя рода: «Малик Кармук, а это имя владыки из Джаркас». Но, как указывает источник, уже внук Кармука по имени Такадж овладел *всем Кармуком*. Данное сообщение AS 3313 позволяет рассматривать Кармук времен Такаджа не только как название рода, но и как территориальное объединение, вероятно, межплеменное. С учетом того, что, согласно ал-'Айни, султан ал-Му'аййад Шайх (1412–1421) происходил из рода Кармук и принадлежал к четвертому поколению после Такаджа, правление последнего можно отнести приблизительно к началу XIV в. С этим же временем, вероятно, связывается и превращение Кармука из родового имени в название области и/или территориально-политического объединения.

Вторая область черкесов, названная в AS 3313 – это Кабак. По свидетельству источника, отсюда происходят два бурджитских султана – ал-Ашраф Барсбай (1421–1438) и аз-Захир Джакмак (1438–1453).

Важно также подчеркнуть, что ал-'Айни в первой декаде XV в. называет Кабак среди родов черкесов. Это название определенно не соотносится пока ни с одним известным этнонимом, но отметим упомянутое Иосафатом Барбаро название

соседнего с Кремухом народа *кипке* или *киптики*²⁷, а также название черкесских селений – *кабак*²⁸.

Видимо, под именем Каба область Кабак упоминается в тарханном ярлыке хана Хаджи-Гирея 1453 г.²⁹ Сведения AS 3313, где четко разделены области Кабак и Кабарда, позволяют опровергнуть высказанное ранее предположение³⁰ о том, что Каба – это искаженное название Кабарды.

Основное внимание автора AS 3313 уделено третьей черкесской области – Кабарде. Прежде всего, текст рукописи содержит самое раннее упоминание этого названия: как указано в источнике, будущий султан ал-Гаури родился именно в *Кабарде* в 848/1444–1445 гг. До настоящего момента считалось, что первые упоминания названия Кабарда (именно в этой форме) содержат документы русского Посольского приказа середины XVI в.

Местонахождение Кабарды не уточняется, но по контексту повествования ясно, что эта область располагалась по соседству или недалеко от Кармука. При этом убийство кабардинского князя Кирлыша произошло «под горой»³¹.

Рукопись AS 3313 предлагает реконструкцию событий, связанных с междоусобицами черкесских правителей, приведших к возникновению Кабарды. При этом род кабардинских правителей источник возводит к одному из представителей рода Кармук. Также и несколько эпизодов истории Кабарды наполнены конфликтами с владельцами Кармука. В качестве косвенного свидетельства в пользу того, что Кабарда «выделилась» из Кармука можно упомянуть приведенный в AS 3313 инцидент, когда во время одного из конфликтов часть кабардинской знати приняла решение реализовать свое право о переходе к другому сюзерену, и им оказался правитель Кармука³². Эти сведения источника являются весомым аргументом в пользу версии об образовании Кабарды в результате переселения части черкесского населения с территории Северо-Западного Кавказа и противоречат гипотезам о переселении кабардинцев из Крыма³³, Приазовья³⁴ и других отдаленных от Западного Кавказа территорий.

Внутри Кабарды автор AS 3313 называет племя Баузирия, откуда происходит ал-Гаури, а, следовательно, помимо него,

еще один мамлюкский султан, племянник ал-Гаури – ал-Ашраф Туманбай (1516–1517).

Название этого племени – Баазирия, может быть соотнесено с историческим этнонимом, известным по русским источникам XVI в. – *Баазытцкие черкасы*³⁵. Исследователи связывают этот этноним с абазинами³⁶, впрочем, не приводя никаких веских аргументов в пользу такой интерпретации. Тем более, что в русских документах абазины именуется как *обезы*, *обазинцы*, *абазы*³⁷, и версия о появившемся в XVI в. новом названии абазин не вполне убедительна. Баазытцкие черкасы упомянуты только в одном документе – в отчете русского посла в Крым А. Ф. Нагова о событиях 30 июля 1570 г., когда кабардинский князь Темрюк пришел на помощь в Кумук (видимо, в Кремух) против войск под командованием сына крымского хана Девлета I Гирея – Адиль Гирея (ум. 1579): «Царевич деи Алди-Гирей посылал от себя посылку в Черкасы в Кумук, а велел воевати, и черкасы деи Алди-Гиреевых царевичевых татар побили... Июля в 30 день ... Приехал деи из Черкас Алди-Гирей царевич, а воевал деи черкасы Баазытцкие. И Темрюк деи з детьми Баязытцим черкасом приходил помогати, и был деи Темрюку-князю со царевичем бой, и Темрюк деи князь з бою свехал ранен, а дву сынов Темрюковых Мамстрюка да Беберюка царевич Алди-Гирей на бою взял и привел с собою ко царю в Крым»³⁸. В пользу возможного отождествления племени Баазирия и Баазытцких черкас указывает как участие кабардинского князя с сыновьями в этом конфликте, так и связь Кабарды и Кармука.

Отдельно в источнике, без привязки к какой-либо черкесской области, выделяется род Рагаджик, к которому, как указано в AS 3313, принадлежал бурджитский султан ал-Ашраф Инал (1453–1461). Название Рагаджик в настоящее время достоверно не идентифицируется.

Заключение. Одним из важнейших достоинств рукописи является то, что она позволяет восстановить хронологию целого ряда событий истории Кабарды XV в. Такая хронологическая реконструкция опирается на приведенные в источнике точные даты (так, в AS 3313 указан год рождения Кансуха ал-Гаури – 848/1444–1445, год отъезда будущего султана в Каир – 871/1466–1467 и т. д.), а также на относительные хронологические реперы (например, в конфликт Китука и Килак-Султана, по сведениям

AS 3313, был вовлечен султан Ак-Коюнлу Йакуб, точные сроки правления которого известны: 1478–1490 гг.). Помимо того, хронология отдельных событий, упоминаемых в AS 3313, может быть восстановлена на основе информации других источников (в частности, в рукописи приводятся сведения о походе на Северный Кавказ Шейха Хайдара, в свою очередь, описанном у Иосафата Барбаро и датированном им 1486 г.).

В целом источник впервые позволяет реконструировать цепь событий истории Кабарды как минимум с 40-х гг. XV в. и до начала XVI в. Работа с источником только начинается, но уже очевидно, что анонимная рукопись «Драгоценные ожерелья в достоинствах государства ал-Ашрафа ал-Гаури» раскрывает уникальную информацию о целом веке кабардинской истории.

Примечания

¹ Дружинина, И. А. Погребальные памятники Северо-Восточного Причерноморья и Северного Кавказа XIII–XVIII вв. как источник по истории адьгских народов. Дис. ... канд. ист. наук. Москва, 2019. С. 54, 67–70.

² Барбаро, Иосафат. Путешествие в Тану // Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. / Вступительная статья, подготовка текста, перевод и комментарий Е. Ч. Скржинской. Ленинград: Наука, 1971. С. 20, 128, 153.

³ Цит. по: Волков, И. В. Путешествие Иосафата Барбаро в Персию в 1473–1478 гг. // Генуэзская Газария и Золотая Орда / Отв. ред. С. Г. Бочаров, А. Г. Ситдииков. Кишинев: Stratum Plus publ., 2015. С. 652–653.

⁴ Волков, И. В. Еще раз о локализации области Кремук и карте Джакомо Гастальдо 1548 г. // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. 2003. № 2. С. 229.

⁵ Там же. С. 686, прим. 315.

⁶ Eckmann, J. (1963). The Mamluk-Kipchak Literature, *Central Asiatic Journal*, v. 8, № 4, pp. 312–313; Mauder, C. (2021). In the Sultan's Salon, Learning, Religion and Rulership at the Mamluk Court of Qāniṣawh al-Ghawrī (r. 1501–1516), Series Islamic history and civilization, v. 169/1, Boston, Brill publ., pp. 194–214.

⁷ Alhamzah, Kh. (2009). Late Mamluk patronage, Qansuh al-Ghuri's waqf and his foundation in Cairo, Boca Raton, Universal publ., 152 p.; Petry, C. F. (2022). The Mamluk Sultanate, A History, Cambridge, Cambridge University Press publ., 358 p.

⁸ Mauder, C. (2021). In the Sultan's Salon, Learning, Religion and Rulership at the Mamluk Court of Qāniṣawh al-Ghawrī (r. 1501–1516), Series Islamic history and civilization, v. 169/1, Boston, Brill publ., pp. 187–214.

⁹ Там же. Рр. 206–214.

¹⁰ Эпиграфические памятники Северного Кавказа (на арабском, персидском и турецком языках). Ч. 2: Надписи XVII–XX вв. / Издание текстов, переводы, комментарии, статья и приложения Л. И. Лаврова. Москва: Наука, 1968. С. 16–18.

¹¹ Al-‘Uqud al-jawhariya fi al-mahasin al-dawla al-Ashrafiya al-Ghawriya. Süleymaniye Yazma Eser Kütüphanesi, AS 3313. F. 55 r.

¹² Родионов, М. А. Мурувва, асабийя, дин: к интерпретации ближневосточного этикета // Этикет у народов Передней Азии / Ред. А. К. Байбурин, А. М. Решетов. Москва: Наука, 1988. С. 61.

¹³ Илюшина, М. Ю. Политическая история Султаната мамлюков Бурджи (1382–1517): борьба за власть в условиях нединастийной системы престолонаследия. Дис. ... докт. ист. наук. Москва, 2022. С. 76–77; Ito, T. (2024). Al-Mu‘ayyad Shaykh and His Biographers. IN: Tenth Conference of the School of Mamluk Studies, Abstracts, Kuwait, 5th–7th March, 2024, Al-Kuwait, Dar al-Athar al-Islamiyyah publ., pp. 36–37.

¹⁴ Al-‘Uqud. F. 52 r.

¹⁵ Почетный титул правителя, который оказывал покровительство Мекке и Медине.

¹⁶ То есть «повелителем Египта и Сирии, Красного и Средиземного морей».

¹⁷ Al-‘Uqud. F. 53 v.

¹⁸ Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы в 2-х томах. Т. I. XVI–XVII вв. / Сост. Н. Ф. Демидова, Е. Н. Кушева, А. М. Персов. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1957. С. 383–387.

¹⁹ Там же. С. 383.

²⁰ Налоева, Е. Д. Кабарда в первой половине XVIII века: генезис адыгского феодального социума и проблемы социально-политической истории / Ред. А. С. Мирзоев. Нальчик: Печатный двор, 2015. С. 154.

²¹ В AS 3313 анонимный автор пишет о *земле черкесской* («И склонилась птица его души к земле черкесской ...»), *стране черкесов* («Затем Китук отправился в гости к Килак-Султану, а тот поймал его и убил своею рукой, и овладел всею *страной черкесов*»), о *царстве черкесов* («И стал править *всем царством черкесов* Тау-Султан») или просто о Черкесии («А затем сказали им старейшины *Черкесии*: «Половина *Черкесии* тебе, а другая половина – ему»).

²² Барбаро, Иосафат. Путешествие в Тану // Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. / Вступительная статья, подготовка текста, перевод и комментарий Е. Ч. Скржинской. Ленинград: Наука, 1971. С. 128, 153; Интериано, Джорджио. Быт и страна зихов, именуемых черкесами. Достопримечательное повествование // Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов / Отв. ред. В. К. Гарданов. Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 47.

²³ Печеви, Ибрахим Эфенди. История / Перевод с турецкого языка и примечания Э. М. Бунятова. Баку: Элм, 1988. С. 52; Зайцев, И. В. Кремук – Кермук и «Татарский угол» (к пониманию двух средневековых этно-топонимов) // Книга Картины земли. Сборник статей в честь Ирины Геннадиевны Коноваловой / Ред. Т. Н. Джаксон, А. В. Подосинов. Москва: Индрик, 2014. С. 93–95; Волков, И. В. Локализация области Кремук на основании сведений Ибрахима Эфенди Печеви (XVI–XVII вв.) // Достижения и перспективы изучения археологии Северного Кавказа в XX – первой четверти XXI века. Материалы Международной научной конференции по археологии Северного Кавказа «XXXIII Крупновские чтения», посвященной 120-летию со дня рождения Евгения Игнатьевича Крупнова, Москва, 22–26 апреля 2024 г. / Отв. ред. Д. С. Коробов. Москва: Институт археологии РАН, 2024. С. 275–277.

²⁴ Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы в 2-х томах. Т. I. XVI–XVII вв. / Сост. Н. Ф. Демидова, Е. Н. Кушева, А. М. Персов. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1957. С. 22–23.

²⁵ Кузнецов, В. А. Забытый Кремук // Сборник Русского исторического общества / Гл. ред. В. В. Каргалов. Т. 4 (152). Москва: Русская панорама, 2002. С. 206–217; Крамаровский, М. Г. Кертибей – «истинный господин» феода Кремук. О феномене северокавказского могильника «Белореченский» // Человек средневековой улицы: Золотая Орда. Византия. Италия / Ред. А. Г. Юрченко. Санкт-Петербург: Евразия, 2012. С. 332–334.

²⁶ Волков, И. В. Локализация области Кремук на основании сведений Ибрахима Эфенди Печеви (XVI–XVII вв.). С. 275–276.

²⁷ Барбаро, Иосафат. Указ. соч. С. 128, 153.

²⁸ Дружинина, И. А. Бадр ад-Дин ал-‘Айни о черкесах // *VyzantinoSaucasica* / Отв. ред. В. Н. Чхаидзе. Москва: ИВ РАН, 2023. Вып. 3. С. 156.

²⁹ Некрасов, А. М. Международные отношения и народы Западного Кавказа (последняя четверть XV – первая половина XVI в.). Москва: Наука, 1990. С. 28.

³⁰ Там же. С. 28.

³¹ Al-‘Uqud. F. 54 г. Это уточнение важно, особенно на фоне развернувшихся в научных публикациях споров вокруг местонахождения Кармука, в описании которого средневековые авторы горы не упоминают.

³² Более подробно этот сюжет освещен в подготовленной к печати работе: Дружинина, И. А., Илюшина, М. Ю., Кабардов, И. Б. Знать и власть в Кабарде XV столетия по сведениям рукописи «Драгоценные ожерелья в достоинствах государства аль-Ашрафа аль-Гаури» // История, археология и этнография Кавказа. 2024. Т. 20. № 4. С. 772–782.

³³ Лавров, Л. И. Происхождение кабардинцев и заселение ими нынешней территории // Советская этнография. 1956. № 1. С. 20–21.

³⁴ Нарожный, Е. И. О «пятигорских черкесах», которые «совершают богослужение на славянском языке» (историко-археологическая версия) // XXII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов) / Ред. С. Н. Савенко. Ессентуки – Кисловодск: Кавказинтерпресс, 2002. С. 96–98.

³⁵ Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы в 2-х томах. Т. I. XVI–XVII вв. / Сост. Н. Ф. Демидова, Е. Н. Кушева, А. М. Персов. Москва: Изд-во АН СССР, 1957. С. 22.

³⁶ Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. С. 22, 395, прим. 68; Кушева, Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI – 30-е годы XVII века). Москва: Изд-во АН СССР, 1963. С. 154–155; Волкова, Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. Москва: Наука, 1973. С. 52.

³⁷ Волкова, Н. Г. Указ. соч. С. 52.

³⁸ Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. С. 22–23.

Аннотация

Авторы знакомят читателей с новым источником, содержащим уникальные сведения по истории народов Северного Кавказа XV в. В статье анализируется блок информации, извлеченный из второго тома анонимной арабской рукописи *al-‘Uqud al-jawhariya fi al-mahasin al-dawla al-Ashrafiya al-Ghauriya* (Драгоценные ожерелья в достоинствах государства ал-Ашрафа ал-Гаури), датированной 1515 г., находящейся на хранении в фондах Süleymaniye Yazma Eser Kütüphanesi (Стамбул). Созданный неизвестным автором текст посвящен восхвалению предпоследнего мамлюкского султана из династии Бурджи (1382–1517) – ал-Ашрафа Кансуха ал-Гаури (1501–1516), от имени которого излагается целый ряд событий, в том числе связанных с периодом его жизни на Северном Кавказе до отъезда в Каир. Наибольшую информацию рукопись содержит по истории одной

из областей или земель черкесов, известной в отечественной историографии как княжество Кабарда. В источнике развернута подробная картина социальной, политической, конфессиональной, этнокультурной жизни в Кабарде XV в., приводится генеалогия шести поколений первых ее князей. Описываются междоусобные конфликты претендентов на верховную власть в этом княжестве, а также контакты кабардинцев с правителями Большой Орды, Ширвана, Ак-Коюнлу и Султаната Бурджи. Представлены уникальные сведения и о других областях черкесов – Кармуке и Кабаке. По тематическому охвату и подробности изложения сведения рукописи многократно превосходят все известные на сегодняшний день источники по истории черкесов XV в. – сочинения западноевропейских авторов Иосафата Барбаро (1488–1492) и Джорджо Интериано (1502), арабских историков ал-‘Айни (ум. в 1451 г.), Ибн Тагри Бирди (ум. в 1469 г.), ас-Сахави (ум. в 1497 г.), ал-Малати (ум. в 1514 г.), а также русские документы Посольского приказа второй половины XVI в. и данные родословных книг, содержащих списки генеалогий кабардинских князей XVII в. В настоящей работе представлено краткое кодикологическое описание источника, затронуты вопросы о происхождении автора рукописи, о достоверности приводимых сведений и источниках заимствованной им информации, о системе датировки основных описываемых событий и тематическом охвате содержащегося в рукописи «северокавказского нарратива», при этом сделан акцент на анализе фрагментов текста, посвященных описанию этнотерриториального и социально-политического устройства Черкесии XV столетия и того места, которое занимало на политической карте региона княжество Кабарда. Данная информация сопоставляется с материалами арабских, западноевропейских и русских источников XV–XVI вв.

Ключевые слова: Средние века, черкесы, Кабарда, Кабак, Кармук, политическая история, социально-политическое устройство, новый источник, Султанат мамлюков Бурджи, ал-Ашраф Кансух ал-Гаури (1501–1516).

Список литературы

Барбаро, Иосафат. Путешествие в Тану // Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. / Вступительная статья, подготовка текста, перевод и комментарий Е. Ч. Скржинской. Ленинград: Наука, 1971. С. 113–161.

Волков, И. В. Еще раз о локализации области Кремук и карте Джакомо Гастальдо 1548 г. // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. 2003. № 2. С. 224–260.

Волков, И. В. Путешествие Иосафата Барбаро в Персию в 1473–1478 гг. // Генуэзская Газария и Золотая Орда / Отв. ред. С. Г. Бочаров, А. Г. Ситдинов. Кишинев: Stratum Plus publ., 2015. С. 605–691.

Волков, И. В. Локализация области Кремук на основании сведений Ибрахима Эфенди Печевы (XVI–XVII вв.) // Достижения и перспективы изучения археологии Северного Кавказа в XX – первой четверти XXI века. Материалы Международной научной конференции по археологии Северного Кавказа «XXXIII Крупновские чтения», посвященной 120-летию со дня рождения Евгения Игнатьевича Крупнова, Москва, 22–26 апреля 2024 г. / Отв. ред. Д. С. Коробов. Москва: Институт археологии РАН, 2024. С. 275–277.

Волкова, Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. Москва: Наука, 1973. 208 с.

Дружинина, И. А. Погребальные памятники Северо-Восточного Причерноморья и Северного Кавказа XIII–XVIII вв. как источник по истории адыгских народов. Дис. ... канд. ист. наук. Москва, 2019. 622 с.

Дружинина, И. А. Бадрад-Динал-‘Айни о черкесах // *ByzantinoCaucasica* / Отв. ред. В. Н. Чхаидзе. Москва: ИВ РАН, 2023. Вып. 3. С. 153–163.

Дружинина, И. А., Илюшина, М. Ю., Кабардов, И. Б. Знать и власть в Кабарде XV столетия по сведениям рукописи «Драгоценные ожерелья в достоинствах государства ал-Ашрафа ал-Гаури» // История, археология и этнография Кавказа. 2024. Т. 20. № 4. С. 772–782.

Зайцев, И. В. Кремук – Кермук и «Татарский угол» (к пониманию двух средневековых этнопонимов) // Книга Картины земли. Сборник статей в честь Ирины Геннадиевны Коноваловой / Ред. Т. Н. Джаксон, А. В. Подосинов. Москва: Индрик, 2014. С. 93–97.

Илюшина, М. Ю. Политическая история Султаната мамлюков Бурджи (1382–1517): борьба за власть в условиях нединастийной системы престолонаследия. Дис. ... докт. ист. наук. Москва, 2022. 657 с.

Интерьяно, Джорджио. Быт и страна зихов, именуемых черкесами. Достопримечательное повествование // Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов / Отв. ред. В. К. Гарданов. Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 43–52.

Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы в 2-х томах. Т. I. XVI–XVII вв. / Сост. Н. Ф. Демидова, Е. Н. Кушева, А. М. Персов. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1957. 478 с.

Крамаровский, М. Г. Кертибей – «истинный господин» феода Кремух. О феномене северокавказского могильника «Белореченский» // Человек средневековой улицы: Золотая Орда. Византия. Италия / Ред. А. Г. Юрченко. Санкт-Петербург: Евразия, 2012. С. 332–334.

Кузнецов, В. А. Забытый Кремух // Сборник Русского исторического общества / Гл. ред. В. В. Каргалов. Т. 4 (152). Москва: Русская панорама, 2002. С. 206–217.

- Кушева, Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI – 30-е годы XVII века). Москва: Издательство АН СССР, 1963. 371 с.
- Лавров, Л. И. Происхождение кабардинцев и заселение ими нынешней территории // Советская этнография. 1956. № 1. С. 19–28.
- Налоева, Е. Д. Кабарда в первой половине XVIII века: генезис адыгского феодального социума и проблемы социально-политической истории / Ред. А. С. Мирзоев. Нальчик: Печатный двор, 2015. 368 с.
- Нарожный, Е. И. О «пятигорских черкесах», которые «совершают богослужение на славянском языке» (историко-археологическая версия) // XXII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов) / Ред. С. Н. Савенко. Ессентуки – Кисловодск: Кавказинтерпресс, 2002. С. 96–99.
- Некрасов, А. М. Международные отношения и народы Западного Кавказа (последняя четверть XV – первая половина XVI в.). Москва: Наука, 1990. 128 с.
- Печеви, Ибрахим Эфенди. История / Перевод с турецкого языка и примечания З. М. Бунятова. Баку: Элм, 1988. 98 с.
- Родионов, М. А. Мурувва, асабийя, дин: к интерпретации ближневосточного этикета // Этикет у народов Передней Азии / Ред. А. К. Байбурын, А. М. Решетов. Москва: Наука, 1988. С. 60–68.
- Эпиграфические памятники Северного Кавказа (на арабском, персидском и турецком языках). Ч. 2: Надписи XVII–XX вв. / Издание текстов, переводы, комментарии, статья и приложения Л. И. Лаврова. Москва: Наука, 1968. 248 с.
- Al-'Uqud al-jawhariya fi al-mahasin al-dawla al-Ashrafiya al-Ghawiya. Süleymaniye Yazma Eser Kütüphanesi. AS 3313.
- al-'Aynī, Badr al-Dīn Maḥmūd ibn Aḥmad (1998). Al-Sayf al-Muḥannad fi Sīrat al-Malik al-Mu'ayyad Shaykh al-Maḥmūdī, ed. by Fahim Muḥammad Shaltūt, Cairo, Dār al-Kutub al-Miṣriyah publ., 427 p.
- Alhamzah, Kh. (2009). Late Mamluk patronage, Qansuh al-Ghuri's waqf and his foundation in Cairo, Boca Raton, Universal publ., 152 p.
- Eckmann, J. (1963). The Mamluk-Kipchak Literature, *Central Asiatic Journal*, v. 8, no. 4, pp. 304–319.
- Ito, T. (2024). Al-Mu'ayyad Shaykh and His Biographers. IN: Tenth Conference of the School of Mamluk Studies, Abstracts, Kuwait, 5th–7th March, 2024, Al-Kuwait, Dar al-Athar al-Islamiyyah publ., pp. 36–37.
- Mauder, C. (2021). In the Sultan's Salon, Learning, Religion and Rulership at the Mamluk Court of Qāniṣawh al-Ghawrī (r. 1501–1516), Series Islamic history and civilization, v. 169/1, Boston, Brill publ., 1302 p.

Mauder, C. (2024). When the Angels Descended upon Circassia, The birth and early life of the Mamluk Sultan Qāniṣawh al-Ghawrī (r. 1501–1516) in biographical literature. IN: Tenth Conference of the School of Mamluk Studies, Abstracts, Kuwait, 5th–7th March, 2024, Al-Kuwait, Dar al-Athar al-Islamiyyah publ., pp. 37–38.

Petry, C. F. (2022). The Mamluk Sultanate, A History, Cambridge, Cambridge University Press publ., 358 p.

Сведения об авторах

Дружинина Инга Александровна, кандидат исторических наук, Институт востоковедения РАН, центр византийско-кавказских исследований, старший научный сотрудник, г. Москва, Российская Федерация, 8-495-625-42-62, inga_druzh@mail.ru

ORCID 0000-0002-3180-7697

Илюшина Милана Юрьевна, доктор исторических наук, Институт востоковедения РАН, центр византийско-кавказских исследований, ведущий научный сотрудник, г. Москва, Российская Федерация, 8-495-625-42-62, aspirant_vf@mail.ru

ORCID 0000-0001-5901-961X

Сведения о грантах

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00869, <https://rscf.ru/project/23-18-00869/>

В редакцию статья поступила 22.08.2024 г., рекомендована к публикации 20.12.2024 г.

Scientific article

doi 10.28995/2073-0101-2025-1-11-32

For citation

Druzhinina, Inga A., Iliushina, Milana Yu. (2025). A new source on the history of Kabarda XV century: information from the anonymous Arabic manuscript “Precious Necklaces in the Dignities of the State of al-Ashraf al-Ghauri” 1515, *Herald of an Archivist*, no. 1, pp. 11–32, doi 10.28995/2073-0101-2025-1-11-32

Druzhinina, Inga A., Iliushina, Milana Yu., Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

A new source on the history of Kabarda XV century: information from the anonymous Arabic manuscript “Precious Necklaces in the Dignities of the State of al-Ashraf al-Ghauri” 1515

Abstract

The authors introduce reader to a new source containing unique information on the history of the peoples of the North Caucasus in the 15th century. The article analyzes a block of information extracted from the second volume of the anonymous Arabic manuscript *al-'Uqud al-jawhariya fi al-mahasin al-dawla al-Ashrafiya al-Ghawriya* (Precious Necklaces in the Dignities of the State of al-Ashrafiya al-Ghawriya), dated 1515, which is in the custody of the Süleymaniye Yazma Eser Kütüphanesi (Istanbul). The text by an unknown author praises the penultimate Mamluk sultan of the Burji dynasty (1382–1517), al-Ashraf Kansukh al-Ghauri (1501–1516), and describes a number of events on his behalf, including those related to the period of his life in the North Caucasus before his departure for Cairo. The manuscript contains the most information on the history of one of the Circassian regions or lands, known in Russian historiography as the principality of Kabarda. The source provides a detailed picture of social, political, confessional and ethno-cultural life in Kabarda in the 15th century, as well as the genealogy of six generations of its first princes. It describes the internecine conflicts between the pretenders to supreme power in this principality, as well as contacts of Kabardians with the rulers of the Great Horde, Shirvan, Ak-Koyunlu and the Sultanate of Burji. Unique information about other Circassian regions – Karmuk and Kabak – is also presented. In terms of thematic coverage and detail, the information in the manuscript exceeds many times all known sources on the history of Circassians of the 15th century – the works of Western European authors Josaphat Barbaro (1488–1492) and Giorgio Interiano (1502), Arab historians al-'Aini (d. 1451), Ibn Taghri Birdi (d. 1469), al-Sahawi (d. 1497), al-Malati (d. 1597), and al-Malati (d. 1549). in 1451), Ibn Tagri Birdi (d. 1469), al-Sahawi (d. 1497), al-Malati (d. 1514), as well as Russian documents of the Embassy Order of the second half of the 16th century and data from genealogical books containing lists of genealogies of Kabardin princes of the 17th century. This paper presents a brief codicological description of the source, addresses questions about the origin of the manuscript author, the reliability of the information given and the sources of information borrowed by him, the dating system of the main events described and the thematic scope of the “North Caucasian narrative” contained in the manuscript, with an emphasis on the analysis of text fragments devoted to the description of the ethno-territorial and socio-political structure of Circassia in the 15th century and the place it occupied on the political map of the region This information is compared with the materials of Arab, Western European and Russian sources of the XV–XVI centuries.

Keywords

Middle Ages, Circassians, Kabarda, Kabak, Karmuk, political history, socio-political organization, new source, Mamluk Sultanate of Burji, al-Ashraf Kansukh al-Ghauri (1501–1516).

References

Barbaro, Josaphat (1971). Journey to Tana. IN: Barbaro and Contarini about Russia, to the history of Italian-Russian relations in the XV century, introduction, text preparation, translation and commentary by E. Ch. Skrzhinskaya, Leningrad, Nauka publ., pp. 113–161.

Interiano, Giorgio (1974). Life and country of the Zikhs, called Circassians, a remarkable narrative. IN: Adygs, Balkars, Karachais in the news of European authors, ed. by V. K. Gardanov, Nalchik, Elbrus publ., pp. 43–52.

Demidova, N. F., Kusheva, E. N., Persov, A. M. (Ed.) (1957). Kabardino-Russian relations in the XVI–XVIII centuries, documents and materials in 2 volumes, v. I. XVI–XVII centuries, Moscow, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR publ., 478 p.

Pechevi, Ibrahim Efendi (1988). History, translation from Turkish and notes by Z. M. Buniyatov, Baku, Elm publ., 98 p.

Volkov, I. V. (2015). Travel of Josaphat Barbaro to Persia in 1473–1478. IN: Genoese Gazaria and the Golden Horde, ed. by S. G. Bocharov, A. G. Bocharov, A. G. Sitdikov, Kishinev, Stratum Plus publ., pp. 605–691.

Volkov, I. V. (2024). Localization of the Kremuk region based on the information of Ibrahim Efendi Pechevi (XVI–XVII vv.). IN: Achievements and prospects of studying the archaeology of the North Caucasus in the XX – the first quarter of the XXI century, Proceedings of the International Scientific Conference on Archaeology of the North Caucasus “XXXIII Krupnov Readings”, dedicated to the 120th anniversary of Evgeny I. Krupnov, Moscow, April 22–26, 2024, ed. by D. S. Korobov, Moscow, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences publ., pp. 275–277.

Volkova, N. G. (1973). Ethnonyms and tribal names of the North Caucasus, Moscow, Nauka publ., 208 p.

Druzhinina, I. A. (2019). Burial monuments of the North-Eastern Black Sea region and the North Caucasus XIII–XVIII centuries as a source on the history of Adyghe peoples, Dis. ... kand. hist. nauk, Moscow, 622 p.

Druzhinina, I. A. (2023). Badr al-Din al-'Aini about Circassians. IN: ByzantinoCaucasica, ed. by V. N. Chkhaidze, v. 3, Moscow, IV RAS publ., C. 153–163.

Druzhinina, I. A., Iliushina, M. Y., Kabardov, I. B. (2024). Knowledge and power in Kabarda of the XV century according to the manuscript “Precious

- necklaces in the dignity of the state of al-Ashraf al-Gauri”, *History, Archaeology and Ethnography of the Caucasus*, v. 20, no. 4, pp. 772–782.
- Zaitsev, I. V. (2014). Kremuk – Kermuk and “Tatar corner” (to the understanding of two medieval ethno-toponyms). IN: Book Pictures of the Land, Collection of articles in honor of Irina Gennadijevna Konovalova, ed. T. N. Dzhakson, A. V. Podosinov, Moscow, Indrik publ., pp. 93–97.
- Iliushina, M. Y. (2022). Political history of the Sultanate of Mamluks Burji (1382–1517), struggle for power in conditions of non-dynastic system of succession to the throne, Dis. ... doct. ist. Nauk, Moscow, 657 p.
- Kramarovskiy, M. G. (2012). Kertibey – “true lord” of the Kremukh feud, On the phenomenon of the North Caucasian burial ground “Belorechensky”. IN: Man of the medieval street, Golden Horde, Byzantium, Italy, ed. A. G. Yurchenko, St. Petersburg, Eurasia publ., pp. 332–334.
- Kuznetsov, V. A. (2002). Forgotten Kremukh. IN: Collection of the Russian Historical Society, ed. by V. V. Kargalov, v. 4 (152), Moscow, Russian Panorama publ., pp. 206–217.
- Kusheva, E. N. (1963). Peoples of the North Caucasus and their ties with Russia (the second half of the XVI – 30 years of the XVII century), Moscow, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 371 p.
- Lavrov, L. I. (1956). Origin of the Kabardians and their settlement of the present territory, *Soviet Ethnography*, № 1, pp. 19–28.
- Naloeva, E. D. (2015). Kabarda in the first half of the XVIII century: genesis of Adyghe feudal society and problems of socio-political history, ed. by A. S. Mirzoev. A. S. Mirzoev, Nalchik, Pechatny dvor publ., 368 p.
- Narozhny, E. I. (2002). About the “Pyatigorsk Circassians” who “perform divine service in the Slavic language” (historical and archaeological version). IN: XXII “Krupnov Readings” on the archaeology of the North Caucasus (abstracts), ed. by S. N. Savenko, Essentuki; Kislovodsk, Kavkazinterpress publ., pp. 96–99.
- Nekrasov, A. M. (1990). International relations and the peoples of the Western Caucasus (the last quarter of the XV – the first half of the XVI century), Moscow, Nauka publ., 128 p.
- Rodionov, M. A. (1988). Muruvva, asabiyya, din, to the interpretation of Near Eastern etiquette. IN: Etiquette in the peoples of West Asia, ed. by A. K. Baiburin, A. M. Reshetov, Moscow, Nauka publ., pp. 60–68.
- Lavrov, L. I. (Ed.) (1968). Epigraphic monuments of the North Caucasus (in Arabic, Persian and Turkish), Part 2, Inscriptions of the XVII–XX centuries, Moscow, Nauka publ., 248 p.
- Al-Uqud al-jawhariyya fi al-mahasin al-dawla al-Ashrafiyya al-Ghawiyya. Süleymaniye Yazma Eser Kütüphanesi. AS 3313.

- al-ʿ Aynī, Badr al-Dīn Maḥmūd ibn Aḥmad (1998). *Al-Sayf al-Muhannad fī Sirat al-Malik al-Muʿayyad Shaykh al-Maḥmūdī*, ed. by Fahīm Muḥammad Shaltūt, Cairo, Dār al-Kutub al-Miṣriyah publ., 427 p.
- Alhamzah, Kh. (2009). Late Mamluk patronage, Qansuh al-Ghuri's waqf and his foundation in Cairo, Boca Raton, Universal publ., 152 p.
- Eckmann, J. (1963). The Mamluk-Kipchak Literature, *Central Asiatic Journal*, v. 8, no. 4, pp. 304–319.
- Ito, T. (2024). Al-Muʿayyad Shaykh and His Biographers. IN: Tenth Conference of the School of Mamluk Studies, Abstracts, Kuwait, 5th–7th March, 2024, Al-Kuwait, Dar al-Athar al-Islamiyyah publ., pp. 36–37.
- Mauder, C. (2021). In the Sultan's Salon, Learning, Religion and Rulership at the Mamluk Court of Qāniṣawh al-Ghawrī (r. 1501–1516), Series Islamic history and civilization, v. 169/1, Boston, Brill publ., 1302 p.
- Mauder, C. (2024). When the Angels Descended upon Circassia, The birth and early life of the Mamluk Sultan Qāniṣawh al-Ghawrī (r. 1501–1516) in biographical literature. IN: Tenth Conference of the School of Mamluk Studies, Abstracts, Kuwait, 5th–7th March, 2024, Al-Kuwait, Dar al-Athar al-Islamiyyah publ., pp. 37–38.
- Petry, C. F. (2022). *The Mamluk Sultanate, A History*, Cambridge, Cambridge University Press publ., 358 p.

About authors

Druzhinina, Inga A., PhD Historical Sciences, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Center for Byzantine-Caucasian Studies, Senior Researcher, Moscow, Russia, 8-495-625-42-62, inga_druzh@mail.ru
ORCID 0000-0002-3180-7697

Iliushina, Milana Yu., Doctor Historical Sciences, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Center for Byzantine-Caucasian Studies, Leading Researcher, Moscow, Russia, 8-495-625-42-62, aspirant_vf@mail.ru
ORCID 0000-0001-5901-961X

Grant information

The research was supported by the Russian Science Foundation grant no. 23-18-00869, <https://rscf.ru/project/23-18-00869/>

The article was received in the editorial office on 22.08.2024, recommended for publication on 20.12.2024

Научная статья

УДК 93/94+297.17+303.64+001.814.2+35.977.535.3+002.513.5+299.27+930.85+372.893+651.9+001.92+930.2+930.24+316.6+303.424+303.832+001.891+32.019.51+325.1+001.8+001.98+001.99+303.029+303.642.022+314.044+314.74+314.745+314.745.23+314.742+314.7.044+32.019.51+32.019.52+32.019.57+392.77+930.25

doi 10.28995/2073-0101-2025-1-33-49

Для цитирования

Сенюткина, О. Н. «Панисламизм с самого возникновения на Кавказе носил окраску пантюркизма»: идеи тюркского и исламского единства в оценках российской власти в начале XX века // Вестник архивиста. 2025. № 1. С. 33–49, doi 10.28995/2073-0101-2025-1-33-49

Сенюткина, О. Н.

Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация

«Панисламизм с самого возникновения на Кавказе носил окраску пантюркизма»: идеи тюркского и исламского единства в оценках российской власти в начале XX века

Введение. Современные исламоведы большое внимание уделяют мусульманскому Кавказу, подчеркивая изменчивый характер и мозаичность исламского поля¹. Ислам проникает в самые разные сферы жизни кавказских народов². По мнению известного исламоведа А. А. Ярлыкапова, ислам на Кавказе стал темой, с одной стороны, значительно политизированной, а с другой стороны, гипертрофированное внимание к нему связано с феноменом распространения экстремизма среди мусульман³. Однако эта односторонность не снимает актуальности исследования истории региона. Напротив, повышает необходимость рассмотрения его с разных точек зрения.

Актуальность. Мозаичность может быть понята только при изучении основных тенденций исторического развития мусульманского Кавказа и преемственности концептуальных управленческих подходов, определявших понимание

властями пререждающими, чиновниками «кавказского» ислама и мусульман. К примеру, в 1920-е гг. мы обнаруживаем оценки местной общественно-политической ситуации, весьма сходные с установками имперского периода. В материалах ОГПУ отмечалось, чья суннитская среда Северного Кавказа была «заражена» так называемыми панисламистскими идеями, сторонники которых тяготели к Турции как лидеру халифата, выступали за установление шариатских норм и пр.⁴

В начале XX в. мусульманский Кавказ включал в себя Азербайджан, Дагестан, Чечню, Ингушетию, Центральный и Северо-Западный Кавказ. Специфика развития региона (в широком обозначении, с учетом и Северного Кавказа, и Закавказья) может изучаться и изучается в разных аспектах. Среди прочего исследование этого объекта возможно с точки зрения политического воздействия на него извне. Если акцентировать внимание на кавказских мусульманах в геополитическом раскладе, приходится иметь в виду Россию, Турцию, Персию/Иран, то есть ближайших соседей прошлого и настоящего.

Хронологические рамки статьи определены как начало XX в. и до Первой мировой войны, поскольку вступление Османской империи в Первую мировую войну полностью изменило расстановку сил на политической арене.

Постановка проблемы предполагает исследование влияния панисламизма и пантюркизма младотурок на кавказское общество в оптике российской власти. Для достижения этой цели проанализированы исторические источники, дающие малоизвестные факты истории Кавказа, знание которых позволяет глубже понять ситуацию в этом регионе в предвоенный период начала XX столетия. Ракурс во многом диктовался содержанием вновь введенных в научный оборот источников, в которых на первый план вышли наиболее значимые для российской власти факты.

Историография. Панисламизм как идеология и практика нашел в историографии довольно широкое освещение, но продолжает интересовать современных исследователей. Общим местом в работах о пропаганде идей единства мусульман и тюрков стало упоминание имени аль-Афгани как одного из первых идеологов панисламизма⁵. Некоторыми

исследователями проводится дифференциация «теоретического панисламизма аль-Афгани» и панисламизма практического, рассматриваемого на примере политики османов начала XX столетия. Так, проводится идея о том, что «султан Абдул-Хамид II был убежденным сторонником идей халифата и исламского единства во внешней и внутренней политике империи. Его панисламизм, в отличие от теоретического панисламизма аль-Афгани, не был какой-то аморфной идеологией, а был реализован на практике. В различных кампаниях в духе исламского единства решались как религиозные, так и политические вопросы»⁶. Автор приходит к выводу, что доктрина панисламизма может рассматриваться как «инструмент в стабилизации султанского режима и легитимизации имперской власти»⁷. В противовес этой позиции о значимости «абдулхамидовского панисламизма» как части официальной идеологии панисламизма звучит точка зрения турецкого историка О. Кологлу о том, что «султан вообще не был связан с идеями панисламизма»⁸.

Наша исследовательская позиция ближе к трактовке этого явления, предлагаемого А. Халидом, который видит в нем не религиозное, а сложное, зонтичное, социально-политическое явление, связанное с актуальными проблемами различных групп в разнообразных мусульманских обществах. Три его составляющими являлись: панисламизм, как его понимали современные европейцы; панисламизм как государственная политика Османской империи (о которой и пойдет речь в статье); панисламизм как форма эффективной солидарности, которая объединила мусульманские элиты вокруг Османского государства (Халид именует его «публичным панисламизмом»)⁹.

Что касается младотурок, то их воззрения на достижение мусульманского и национального единства в обществе нуждаются в дальнейшем изучении. В том числе влияние панисламизма и пантюркизма на Кавказ со стороны младотурок все еще мало изучено. В первом систематическом изложении истории младотурецкого режима за весь период его существования (1908–1918), осуществленном в начале 1970-х гг. Г. З. Алиевым¹⁰, этот аспект практически не затронут, как и в последующих опубликованных работах.

Изучение панисламизма накануне и в период Первой мировой войны страдает от часто повторяющихся клише. В традиционных представлениях панисламизм обычно ассоциируется с правлением Абдулхамида II, в то время как последующая эпоха младотурок считается периодом секуляризации, отуречивания и пантуранства. Современные исследователи указывают, что в политике идентичности младотурки отстаивали преимущественно османско-мусульманский национализм, а в сфере внешней политики выступали за панисламизм¹¹. Османско-итальянская война за Ливию продемонстрировала революционное переосмысление панисламизма как силы, направленной против европейского колониализма¹². Научно актуален вопрос: почему советская бюрократия и политические акторы отказывались признавать революционизирующее начало панисламизма? При этом это было характерно не только для Кавказа, но и для других мусульманских регионов бывшей Российской империи.

Иногда внимание ученых акцентируется на отдельных аспектах национальной политики начала XX столетия. Например, исследуется малоизученный вопрос взаимоотношения младотурецкого и младокурдского движений в переломные для Османской империи годы, предшествующие революции 1908 г. Отмечается, что после победы младотурецкой революции 1908 г. в курдском обществе и среди его лидеров произошел раскол по отношению к новому правительству и его лозунгам¹³. Комментарии историков о том, что курдское движение показало большую консервативность и приверженность традиционным исламским ценностям, а пантуркистскую проевропейскую идеологию младотурецкой политической верхушки в основной курдской массе не приняли, помогают оценить правильность выводов российских аналитиков начала XX в. на этот счет. К тому же привлеченные нами материалы позволяют глубже понять действия младотурок по отношению к курдам, живущим на приграничных с Россией территориях.

Источниками для статьи послужили как неопубликованные, так и опубликованные материалы. Особый интерес из обобщающих ситуацию действий младотурок на Кавказе в период, предшествующий Первой мировой войне, имеют для нас следующие неопубликованные документы,

отложившиеся в спецхране Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ): «Обзор деятельности панисламистских групп на Кавказе. 1905–1914 гг.» (далее – «Обзор»), подготовленный не позднее 1953 г.¹⁴ и «Обзор деятельности мусульманской национальной партии “Дифай” (“Оборона”)¹⁵ в 1905–1917 гг.», составленный архивным отделом МВД Грузинской ССР в 1944 г.¹⁶ «Обзор деятельности панисламистов на Кавказе. 1905–1914 гг.» был подготовлен сотрудниками Центрального государственного архива (ныне ГАРФ) не позднее 1953 г., подписан заведующим отделом секретных фондов Центрального исторического архива (ЦИА) Л. Бабаджановым. Этот документ представляет собой перечень фактов, выбранных архивистами из различных фондов (исходная нумерация – № 2, 3, 10, 23). Все факты изложены как цитаты из собранных вместе источников чиновничьего происхождения, не структурированных в разделы.

Преамбула «Обзора» оценивает панисламизм как религиозно-политическое движение, с чем вполне можно согласиться. В ней делается интересное замечание о том, что панисламизм пришел на Кавказ в конце XIX столетия из Турции и «именно поэтому панисламизм с самого возникновения на Кавказе носил окраску пантюркизма». В этом комментарии интересен, в первую очередь, сам подход к значению элементов понятийного аппарата. В концептосфере «панисламизм–пантюркизм» выявляется взаимосвязь двух указанных дефиниций и первоочередная характеристика панисламизма по сравнению с пантюркизмом, применительно к Кавказу: пантюркизм – лишь окраска явления, а суть его – панисламизм.

Из опубликованных источников назовем, в первую очередь, материалы Особого отдела Канцелярии Наместника Его Императорского Величества на Кавказе, извлеченные из Российского государственного исторического архива (РГИА) и изданные Д. Ю. Араповым¹⁷. Они ценны в формате данной статьи тем, что материалы в целом по Кавказу разделены на отдельные блоки по пространствам региона (Батумская область, Елисаветпольская губерния, Дагестанская область, Терская область и др.), что позволяет изучить специфику влияния политики младотурок. Например, если, по мнению составителей

материалов о распространении идей панисламизма на Кавказе, город Баку можно рассматривать как «очаг явной пропаганды панисламистского учения путем местной татарской прессы, то «в Бакинском градоначальстве не установлено существование каких-либо нелегальных мусульманских организаций и не обнаружено тайной проповеди панисламизма»¹⁸.

Носители идей панисламизма, прибывавшие на Кавказ. Пытаясь понять, кто приходит на Кавказ с панисламистскими идеями, российские наблюдатели отмечали две волны пропагандистов: «Сначала паломники – мусульмане с Кавказа, побывавшие в Мекке (Турция), турецкие проповедники-муллы и ходжи», называемые в материалах соответствующих фондов «чалмоносами»¹⁹. Затем следующей волной назывались: «турецкие эмиссары, командированные на Кавказ под видом турецких купцов и путешественников»²⁰. Отслеживая историю проникновения турецких эмиссаров на территорию Кавказского края, сотрудники Особого отдела Канцелярии Наместника Его Императорского Величества на Кавказе утверждали, что «Турция, всякий раз, когда хотела создать нам осложнения в этом крае²¹, прибегала через посредство эмиссаров к возбуждению фанатизма среди туземцев»²². В качестве аргументации приводились примеры восстания в Чечне и Дагестане в 1877–1878 гг.

Факторы влияния на кавказское общество извне. Обратим внимание на влияние революционных событий в центральной России 1905 г. на окраинную ситуацию на Кавказе. Если опираться на Всеподданнейший отчет сенатора А. М. Кузьминского, проводившего тогда проверку настроений мусульман Баку и Бакинской губернии, то картина вырисовывается прямо-таки идеальной с точки зрения отношения мусульман к власти. Д. Ю. Араповым был отмечен субъективный характер такой оценки, с чем можно однозначно согласиться²³. Да и сам А. М. Кузьминский писал не только «о вкоренившемся в них²⁴ твердом сознании верноподданнического долга», но и о возможном «социальном движении» в мусульманской среде²⁵.

Фактором, который может подтолкнуть мусульманский Кавказ к повышению градуса революционности, чиновники считали «армяно-татарские столкновения» и то, что извне,

со стороны армян провоцировалось движение к смуте. В качестве примера было указано на напечатанный в египетской газете «Чохра Нума» («Показатель истины») от 25 мая 1905 г. призыв армян к мусульманам принять участие в революционном движении под угрозой в случае отказа «обагрить всю землю мусульманской кровью». Однако в той же газете в этом же номере был дан ответ мусульман, в котором утверждалось, что «в никакой смуте участвовать не будут; в случае же, если армяне позволят себе какие-либо посягательства на мусульман, грозят “превратить степи в кладбище армянских тел”»²⁶. Анализируемый «Обзор» прямо указывал на усиление панисламизма «в период армяно-татарских столкновений, происходивших в Закавказье благодаря агитации самих же панисламистов»²⁷.

Город Баку назван в одном из документов Особого Отдела Канцелярии Наместника Его Императорского Величества на Кавказе «центром Закавказского мусульманства... очагом явной пропаганды панисламистского учения путем местной татарской прессы»²⁸. Как мы видим, аргумент в пользу Баку как центра основан, прежде всего, на панисламистской активности в газетном деле. Можно добавить и тот факт, что Баку был назван местом расположения ЦК партии «Иттифак аль-Муслимин» по решению Первого Всероссийского мусульманского съезда 1905 г., но так реально и не стал им.

В анализируемом «Обзоре» упоминается делегат от Кавказа на Первом съезде мусульман Топчибашев²⁹. В документах, привлеченных для составления «Обзора», не мог не быть упомянут Первый Всероссийский съезд мусульман и его делегат от Кавказа Али Мардан-бек Топчибашев³⁰. Некоторые авторы не сходятся во мнении о том, кто инициировал указанный съезд. Джамиль Гасанлы считает³¹, что это было сделано Али Мардан-беком, ссылаясь на его автобиографию. Д. М. Усманова³², О. Н. Сениюткина полагают, что инициаторами проведения съезда, который прошел в Нижнем Новгороде в августе 1905 г., были И. Гаспринский и Р. Ибрагимов. Как бы то ни было, объективно в обществе назрела та ситуация, которую осознали активисты мусульманской среды России. В формате нашей статьи важно подчеркнуть, что Первый Всероссийский съезд мусульман, отмеченный в «Обзоре», зафиксировал в названии то общее,

что объединяло всех собравшихся делегатов, а именно их конфессиональную принадлежность. Наша оценка перекликается с оценками российских спецслужб, которые считали, что панисламизм в России не определился в партийном смысле (добавим от себя: несмотря на название созданной партии – Иттифак ал-муслимин»), а пантюркизм все больше заявлял о себе.

Формы приобщения мусульман Кавказа к панисламизму и пантюркизму. Как отмечали российские структуры МВД и МИД, еще при султানে Абдул-Хамиде II фиксировались отдельные «пожертвования кавказцев в пользу “мусульманских святых” Турции (Мекка и др.)»³³, шел сбор средств нуждающимся в Турции единоверцам, что вполне вписывается в идею взаимопомощи мусульман (часть концепта «панисламизм»), происходило тайное обучение турецкими муллами тюркскому языку детей мусульманских школ (часть концепта «пантюркизм»)»³⁴. Активизация воздействия на Кавказ со стороны младотурок накануне Первой мировой войны проявлялась и в том, что «турецкие эмиссары через своих единомышленников проводили вербовку добровольцев-мусульман в турецкую армию и нелегально переправляли их группами через пограничные пункты в Турцию»³⁵.

Неудивительны и попытки турецкой власти осуществить сборы по возрождению военно-морского флота. Особое внимание младотурецкого режима к военно-морскому флоту вполне объяснимо, поскольку именно османский флот и береговая оборона делали неприступными оборону проливов и Стамбула. Иногда эти попытки давали успешный результат. Например, видные члены эрзерумского младотурецкого клуба (3 человека) за короткое время собрали по Тифлису 100 00 руб., по Карской области 2 000 руб. в пользу развития турецкого флота»³⁶. Эмиссары могли появляться на Кавказе и группами, и поодиночке.

Из материалов соответствующих фондов, на которые ссылается «Обзор», устанавливается, что «к началу 1913 г. в ряде городов и пунктов Кавказа функционировали панисламистские комитеты: в Баку, Тифлисе, Дербенте, Нухе, м. Ахты (Самурского округа бывш. Дагестанской области), отдел комитета Геокчае (быв. Бакинская губерния), Агдаше

(бывшая Елисаветпольская губ.), на ст. Кюрдамир Закавказских жел. дорог»³⁷. Руководство указанными комитетами осуществлял младотурецкий комитет «Иттихад ве Таракки» («Единение и прогресс»).

В «Обзоре» указаны конкретные имена «панисламитов по городу Батуму в 1911–1912 гг.». В списке: «Парикмахер Хасан-Ибрагим-оглы, кофейщик Али-Эфенди Гаджи-Осман-Оглы, Сулейман Диасамидзе, Хасан Кикава, Сулейман Кикава, Али-Эфенди и Аслан-заде Джик-Ошлы, Амир-Лютфи Эфенди, братья Сулейман, Юсуф и Хайцар Абашидзе, Фезли бек Абашидзе, Шианага, братья Хасан, Шукри и Али-Ага Варшамидзе³⁸ и др. Эти люди вели устную агитацию там, где было достаточное количество мусульман (мечеть, чайхана, парикмахерская и др.), прибывали в села Закавказья, распространяя печатные издания. В «Обзоре» нашли отражение пути и способы доставки прокламаций панисламистского характера: контрабандисты в ящиках на пароходах и парусных судах доставляли их в Севастополь и Сухуми, направляя дальше в Тифлис, Баку, Дагестан³⁹ и т. д.

По мнению российских экспертов, специальная миссия младотурок заключалась в том, чтобы подготовить вооруженное восстание на Кавказе для отторжения его от России, в случае ожидаемой войны. Для этого организовывалась доставка оружия из Турции и Персии и вооружалось мусульманское население Кавказа: «Оружие, прибывающее из Турции на турецких фелюгах, выгружалось между рекой Чорохом и Кобулетами при содействии местных панисламитов»⁴⁰.

Уровень знаний о курдах российских аналитиков был достаточно высок. Первое знакомство в России с курдами и их языком относится еще ко второй половине XVIII в. В середине XIX в. выяснилось, что курды воевали против российской армии в ходе российско-иранских и российско-турецких войн и интерес к ним возрос значительно теперь уже по политическим причинам. Панисламистская пропаганда в курдской среде могла лечь на хорошо подготовленную почву: подавляющее большинство курдов составляли мусульмане-сунниты⁴¹. По мнению одного из западных авторов, специально занимавшихся историей курдов, первые ростки националистических

настроений, по сути, начало курдского национально-освободительного движения этого народа, относятся к концу XIX в. Обстановка, сложившаяся на территориях, населенных курдами, по донесениям русских дипломатов и военных агентов, серьезно накалилась накануне Первой мировой войны. В 1910–1914 гг. прошла волна курдских восстаний в Дерсиме, Битлисе, Иракском Курдистане и др. против нового режима.

Заключение. Источники, использованные при написании статьи, в некотором смысле можно считать «кривым зеркалом», которое дает частично искаженное, частично соответствующее объективной действительности представление о том, что именно российские политические элиты рассматривали как наиболее угрожающий фактор для безопасности государства. Угрозы, идущие от панисламизма и пантюркизма, российская власть явно преувеличивала, оценивая ситуацию на Кавказе как вполне возможную для проявления сепаратистских настроений.

С приходом к власти в Османской империи младотурок, идеология которых базировалась преимущественно на доктрине пантюркизма, панисламизм временно утратил доминирующие позиции, но не прекратил свое существование. В преддверии Первой мировой войны российская власть через сотрудников спецслужб и военных агентов внимательно отслеживала ситуацию на территории Кавказа.

Примечания

¹ Понятие «Кавказ» в широком смысле слова включает в себя жизненное пространство, разделенное природой, прежде всего, Кавказскими горами, на две части: Северный Кавказ и Южный Кавказ (исторически именуемый в русскоязычной традиции Закавказье). В 1878 г. после длительных военных действий присоединение Кавказа к России завершилось. Его территория имела официальное название «Кавказский край», центром которого считался Тифлис. Главы региона именовались «главноначальствующие гражданской частью на Кавказе» (1882–1905) и наместники (1905–1917). Значительную часть населения Кавказа составляли мусульмане, насчитывавшие 3 млн 200 тыс. человек из общего количества населения цифрой около 9 млн (См.: Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / Сост. Д. Ю. Арапов. Москва:

Академкнига, 2001. С. 326). Решением императора Александра II от 8 апреля 1872 г. было утверждено Положение о создании двух правлений – Закавказского мусульманского духовенства шиитского (I) и суннитского (II) учений (Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. 1872. Санкт-Петербург, 1875. Т. 47. Отд. первое. № 50680). Российской власти было известно, что почти все мусульмане Северного Кавказа придерживались суннитского толка ислама, а в Закавказье мусульмане-шииты к концу XIX в. численно преобладали над суннитами. Поэтому прогнозирование возможного объединения Северного Кавказа с Южным Кавказом на платформе панисламизма российскими имперскими администраторами не ставилось во главу угла. При проведении политики усиления контроля над периферией власть мог беспокоить вопрос объединения суннитов Кавказа и влияния на этот процесс со стороны Турции.

² Ярлыкапов, А. А., Адиев, А. З. Ислам на Северном Кавказе: реисламизация, мозаикация, проблема «традиционности» // Исламоведение. 2021. Т. 12. № 4. С. 59–74; и др.

³ Ярлыкапов, А. А. Ислам на Кавказе и его влияние на конфликтность в регионе и России // Сравнительная политика. 2013. № 13. С. 133–152.

⁴ Подробнее см.: Арапов, Д. Ю. Ислам на Северном Кавказе в 1920-е годы (по материалам ОГПУ) // Ислам и советское государство (1917–1936). Вып. 2. Москва: ИД Марджани, 2010. С. 191–198; Христофоров, В. С. Советские спецслужбы открывают Восток. Москва: РГГУ, 2019. С. 116–131.

⁵ Мухетдинов, Д. В. Вступительное слово // Ал-Афгани, Джамал ад-дин. Ответ материалистам. Москва: Медина, 2021. С. 6.

⁶ Абидулин, А. М., Аюпова, Н. И. Анализ факторов возникновения имперской идеологии и практики султана Абдул-Хамида II // Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение. 2016. № 4. С. 28, 18–32.

⁷ Там же.

⁸ Kologlu, O. Abdülhamit gerçeği. İstanbul: Gür Yayınları, 1987. S. 175. Цит. по: Абидулин, А. М., Аюпова, Н. И. Анализ факторов возникновения имперской идеологии и практики султана Абдул-Хамида II // Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение. 2016. № 4. С. 28.

⁹ Khalid, Adeeb (2005). Pan-Islamism in practice: the Rhetoric of Muslim Unity an its Uses in Late Ottoman Society. IN: The Intellectual Legacy (Ed. by E. Ozdalga), London; New York, Routledge Curzon publ., pp. 201–224.

¹⁰ Алиев, Г. З. Турция в период правления младотурок (1908–1918). Москва: Наука, 1972. 388 с.

¹¹ Eissenstat, Howard (2015). Modernization, imperial nationalism, and the ethnicization of confessional identity in the late Ottoman Empire. IN: Berger, Stefan, Miller, Alexei (Eds.), Budapest, Nationalizing empires publ., pp. 429–459.

¹² McCollum, Jonathan (2018). The anti-colonial empire, Ottoman mobilization and resistance in the Italo-Turkish War, 1911–1912, Thesis, University of California Los Angeles publ.

¹³ Михайлов, В. В. Младокурды и младотурки: особенности национально-политических движений в Османской империи в конце XIX – начале XX в. // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Серия: Исторические науки. 2021. Т. 7 (73). № 1. С. 96.

¹⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5325. Оп. 4. Д. 473. Л. 1–3.

¹⁵ Организация «Дифаи» – секретная контртеррористическая организация, сформированная в 1906 г. в городе Гянджа в целях противодействия армянской партии «Дашнакцутюн».

¹⁶ ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 4. Д. 85.

¹⁷ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 821. Департамент духовных дел иностранных исповеданий. Оп. 133. Д. 469. Л. 331–346 об.; Императорская Россия и мусульманский мир / Сост. Д. Ю. Арапов. Москва: Наталис, 2006. С. 402–425.

¹⁸ Там же. С. 424.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Имеется в виду Кавказ.

²² Императорская Россия и мусульманский мир. Указ. соч. С. 473.

²³ Там же. С. 426.

²⁴ Имеются в виду мусульмане.

²⁵ Императорская Россия и мусульманский мир. Указ. соч. С. 403.

²⁶ Там же.

²⁷ ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 4. Д. 473. Л. 1.

²⁸ Императорская Россия и мусульманский мир. Указ. соч. С. 424.

²⁹ ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 4. Д. 473. Л. 1.

³⁰ Там же.

³¹ Гасанлы, Дж. П. Али Мардан-бек Топчибашев: Жизнь за идею. Москва: ФЛИНТА; Наука, 2014. С. 127.

³² Усманова, Д. М. Мусульманские представители в Российском парламенте. 1906–1916 гг. Казань: Фэн АН РТ, 2005. С. 134.

³³ Так в тексте документа. ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 4. Д. 473. Л. 1.

³⁴ Там же.

³⁵ ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 4. Д. 473. Л. 2.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

³⁹ ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 4. Д. 473. Л. 2.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Nikitine, V. (1956). *Les Kurdes. Etude sociologique et historique*, Paris, 249 p.; Никитин, В. П. *Курды* / Пер. с фр. И. О. Фаризова и др. Москва: Прогресс, 1964. 249 с.

⁴² Olson, Robert W. (1989). *The emergence of Kurdish nationalism and the Sheikh Said Rebellion, 1880–1925*. University of Texas Press, pp. 6–7.

Аннотация

Автор поставил целью исследовать влияние панисламизма и пантюркизма младотурок на кавказское общество в оптике российской власти накануне Первой мировой войны (1908–1914 гг.). Тесно связанные между собой идеологии панисламизма и пантюркизма существовали в политическом дискурсе правящей элиты Российской империи на протяжении финального периода ее истории. Имперская власть часто преувеличивала их опасность, считая эти идеологии угрозой государству и выраженной основой для политического сепаратизма. Эту же линию впоследствии унаследовала советская власть и отчасти ее разделяют современники, рассматривая панисламизм и пантюркизм в его идеях и отдельных реальных проявлениях как вражескую силу. Дефиниции «панисламизм» и «пантюркизм» до сих пор используются в политической лексике ряда государств и обществ – поэтому актуальность тематики статьи не ушла в прошлое и представляет собой вопрос упрочения безопасности РФ. Структура статьи во многом определяется логикой изложения анализируемых архивных источников спецхрана Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), посвященных деятельности так называемых панисламистских и пантюркистских движений и групп на Кавказе в довоенный период. Новизна статьи в привлечении архивного неопубликованного ранее материала, в акценте на политике младотурецкого режима в отношении соседнего Кавказа, а также в раскрытии темы глазами чиновников и наблюдателей российского государства. Метод исследования: сопоставление анализируемых документов спецхрана ГАРФ с другими опубликованными и неопубликованными документами, часть которых не является элементом историографии влияния младотурок на Кавказ. Делается вывод, что младотурки продолжали линию панисламизма, использованную в период правления Абдул-Хамида II, но заметно скорректировали ее, окрасив в «пантюркистский цвет». Османизация приняла новую форму.

Ключевые слова: панисламизм, пантюркизм, младотурки, Кавказ, Россия, Турция, правление Абдул-Хамида II, преддверие Первой мировой войны, российские сотрудники спецслужб, военные агенты, панисламистские комитеты в Баку, Тифлисе, Дербенте.

Список литературы

- Абидулин, А. М., Аюпова, Н. И. Анализ факторов возникновения имперской идеологии и практики султана Абдул-Хамида II // Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение. 2016. № 4. С. 18–32.
- Алиев, Г. З. Турция в период правления младотурок (1908–1918). Москва: Наука, 1972. 388 с.
- Арапов, Д. Ю. Ислам на Северном Кавказе в 1920-е годы (по материалам ОГПУ) // Ислам и советское государство (1917–1936). Вып. 2. Москва: ИД Марджани, 2010. С. 191–198.
- Гасанлы, Дж. П. Али Мардан-бек Топчибашев: Жизнь за идею. Москва: ФЛИНТА; Наука, 2014. 608 с.
- Гусева, Ю. Н., Сенюткина, О. Н. «Пантюркизм» в архивных источниках эпохи сталинизма (1944–1953) // Российская история. 2023. № 6. С. 122–130.
- Императорская Россия и мусульманский мир / Сост. Д. Ю. Арапов. Москва: Наталис, 2006. 479 с.
- Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика / Сост. Д. Ю. Арапов. Москва: Академкнига, 2001. 367 с.
- Михайлов, В. В. Младокурды и младотурки: особенности национально-политических движений в Османской империи в конце XIX – начале XX в. // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Серия: Исторические науки. 2021. Т. 7 (73). № 1. С. 96–103.
- Мухетдинов, Д. В. Вступительное слово // Ал-Афгани, Джамал ад-дин. Ответ материалистам. Москва: Медина, 2021. 64 с.
- Никитин, В. П. Курды / Пер. с фр. И. О. Фаризова и др. Москва: Прогресс, 1964. 249 с.
- Усманова, Д. М. Мусульманские представители в Российском парламенте. 1906–1916 гг. Казань: Фэн АН РТ, 2005. 583 с.
- Ярлыкапов, А. А., Адиев, А. З. Ислам на Северном Кавказе: реисламизация, мозаизация, проблема «традиционности» // Исламоведение. 2021. Т. 12. № 4. С. 59–74.
- Ярлыкапов, А. А. Ислам на Кавказе и его влияние на конфликтность в регионе и России // Сравнительная политика. 2013. № 13. С. 133–152.
- Христофоров, В. С. Советские спецслужбы открывают Восток. Москва: РГГУ, 2019. С. 116–131.
- Kologlu, O. (1987). Abdülhamit gerçeği, İstanbul, Gür Yayınları, 440 p.
- Nikitine, V. (1956). Les Kurdes. Etude sociologique et historique, Paris, no publ., 249 p.
- Olson, Robert W. (1989). The emergence of Kurdish nationalism and the Sheikh Said Rebellion, 1880–1925. University of Texas Press publ., 262 p.

Сведения об авторах

Сенюткина Ольга Николаевна, доктор исторических наук, доцент, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, кафедра истории и мировой политики, профессор, г. Нижний Новгород, Российская Федерация, 8-905-661-47-47, senutkina@mail.ru

Сведения о грантах

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РНФ, проект «Панисламизм и пантюркизм: история, современность и прогностический дискурс в лицах и событиях», № 24-28-00188, <https://rscf.ru/project/24-28-00188/>

В редакцию статья поступила 04.09.2024 г., рекомендована к опубликованию 20.12.2024 г.

Scientific article

doi 10.28995/2073-0101-2025-1-33-49

For citation

Senyutkina, Olga N. (2025). "Pan-Islamism from the very emergence in the Caucasus carried the coloring of pan-Turkism": the ideas of Turkic and Islamic unity in the assessments of the Russian authorities in the early XX century, *Herald of an Archivist*, no. № 1, pp. 33–49, doi 10.28995/2073-0101-2025-1-33-49

Senyutkina, Olga N., N. A. Dobrolyubov Nizhny Novgorod State Linguistic University, Nizhny Novgorod, Russia

“Pan-Islamism from the very emergence in the Caucasus carried the coloring of pan-Turkism”: the ideas of Turkic and Islamic unity in the assessments of the Russian authorities in the early XX century

Abstract

The author aimed to study the influence of pan-Islamism and pan-Turkism of the Young Turks on the Caucasian society in the optics of the Russian authorities on the eve of the First World War (1908–1914). The closely related ideologies of pan-Islamism and pan-Turkism existed in the political discourse of the ruling elite of the Russian Empire during the final period of its history. The imperial authorities often exaggerated their danger, considering these ideologies a threat to the state and an expressed basis for political separatism. The same line was later inherited by the Soviet regime and partially shared by contemporaries, considering Pan-Islamism and Pan-Turkism in its ideas

and individual real manifestations as an enemy force. The definitions of “pan-Islamism” and “pan-Turkism” are still used in the political vocabulary of a number of states and societies – therefore, the relevance of the topic of the article has not passed into the past and represents the issue of strengthening the security of the Russian Federation. The structure of the article is largely determined by the logic of the presentation of the analyzed archival sources of the special repository of the State Archive of the Russian Federation (GARF), dedicated to the activities of the so-called pan-Islamist and pan-Turkist movements and groups in the Caucasus in the pre-war period. The novelty of the article lies in the use of archival unpublished material, in the emphasis on the policy of the Young Turk regime towards the neighboring Caucasus, as well as in the disclosure of the topic through the eyes of officials and observers of the Russian state. Method of research: comparison of the analyzed documents of the GARF special repository with other published and unpublished documents, some of which are not part of the historiography of the Young Turks’ influence on the Caucasus. It is concluded that the Young Turks continued the line of pan-Islamism used during the reign of Abdul-Hamid II, but significantly adjusted it, coloring it in the “pan-Turkist color”. Ottomanization took a new form.

Keywords

Pan-Islamism, pan-Turkism, Young Turks, Caucasus, Russia, Turkey, Abdul-Hamid II’s rule, pre-World War I, Russian special services, military agents, pan-Islamist committees in Baku, Tiflis, Derbent.

References

- Abidulin, A. M., Ayupova, N. I. (2016). Analysis of factors of the emergence of imperial ideology and practice of Sultan Abdul-Hamid II, *Bulletin of Moscow University, Series 13 Oriental Studies*, № 4, pp. 18–32.
- Aliev, G. Z. (1972). Turkey during the rule of the Young Turks (1908–1918), Moscow, Nauka publ., 388 p.
- Arapov, D. Y. (2010). Islam in the North Caucasus in the 1920s (on the materials of the OGPU). IN: *Islam and the Soviet State (1917–1936)*, v. 2, Moscow, Marjani Publishing House publ., pp. 191–198.
- Hasanly, J. P. (2014). Ali Mardan-bek Topchibashev, Life for the Idea, Moscow, FLINTA; Nauka publ., 608 p.
- Guseva, Y. N., Senyutkina, O. N. (2023). “Pantyurkism” in archival sources of the Stalinist era (1944–1953), *Russian History*, № 6, pp. 122–130.
- Arapov, D. Yu. (Ed.) (2006). *Imperial Russia and the Muslim World*, Moscow, Natalis publ., 479 p.
- Arapov, D. Yu. (Ed.) (2001). *Islam in the Russian Empire (legislative acts, descriptions, statistics)*, Moscow, Akademkniga publ., 367 p.

- Mikhailov, V. V. (2021). Mladokurds and Young Turks, features of national-political movements in the Ottoman Empire in the late XIX – early XX centuries, *Scientific Notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky, Series Historical Sciences*, v. 7 (73), № 1, pp. 96–103.
- Mukhetdinov, D. V. (2021). Introductory word. IN: Al-Afghani, Jamal al-Din, Reply to materialists, Moscow, Medina publ., 64 p.
- Usmanova, D. M. (2005). Muslim representatives in the Russian Parliament. 1906–1916, Kazan, Feng AN RT publ., 583 p.
- Yarlykapov, A. A., Adiev, A. Z. (2021). Islam in the North Caucasus, re-Islamization, mosaization, the problem of “traditionality”, *Islamology*, v. 12, № 4, pp. 59–74.
- Yarlykapov, A. A. (2013). Islam in the Caucasus and its impact on conflict in the region and Russia, *Comparative Politics*, № 13, pp. 133–152.
- Kologlu, O. (1987). Abdülhamit gerçeği, İstanbul, Gür Yayınları publ., 440 p.
- Nikitine, V. (1956). Les Kurdes. Etude sociologique et historique, Paris, no publ., 249 p.
- Olson, Robert W. (1989). The emergence of Kurdish nationalism and the Sheikh Said Rebellion, 1880–1925, University of Texas Press publ., 262 p.

About authors

Senyutkina, Olga N., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, N. A. Dobrolyubov Nizhny Novgorod State Linguistic University, Department of History and World Politics, Professor, Nizhny Novgorod, Russia, 8-905-661-47-47, senutkina@mail.ru

Grant information

This article was prepared with the financial support of the RNF grant, project “Pan-Islamism and Pan-Turkism: History, Modernity and Prognostic Discourse in Persons and Events”, no. 24-28-00188, <https://rscf.ru/project/24-28-00188/>

The article was received in the editorial office on 04.09.2024, recommended for publication on 20.12.2024

Научная статья

УДК 351/354+001.814.2+930.25+303.424+303.422+32.019.51+329.05+329.1/.6+329.271+303.832+929+303.686.2+342.53+303.423+342.25+340.132.2+341.218+35.977.535.3

doi 10.28995/2073-0101-2025-1-50-66

Для цитирования

Новосельский, С. С. Концепция народного представительства А. Д. Голицына в 1905 г.: к истории земского конституционализма // Вестник архивиста. 2025. № 1. С. 50–66, doi 10.28995/2073-0101-2025-1-50-66

Новосельский, С. С.

Европейский университет в Санкт-Петербурге,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Концепция народного представительства А. Д. Голицына в 1905 г.: к истории земского конституционализма

Введение. 1905 г. стал поворотным для еще не рожденного российского парламентаризма. Теперь о нем можно было рассуждать не только в теории. События Первой русской революции давали значительной части общественности надежду на скорый созыв народных представителей. Но что это будут за представители, кого и как они станут представлять, оставалось неясным. На этот счет в 1905 г. высказывались многие: от сановников до крестьян. Немало голосов звучало из среды местного самоуправления, в которой вопрос о парламенте был поставлен открыто еще в ноябре 1904 г. И представители которой не только сформировали ядро партии октябристов¹, но и во многом определяли облик Государственной думы². Одним из таких влиятельных общественных деятелей был князь Александр Дмитриевич Голицын. Он стоял у истоков создания «Союза 17 октября», был депутатом Государственной думы III созыва, а с 1915 г. – выборным членом Государственного совета, где играл заметную роль в группе центра.

Историографический обзор. А. Д. Голицыну посвящены лишь биографические статьи в энциклопедических изданиях. Авторы заостряют внимание на его работе в Государственной

думе³, Государственном совете⁴ и жизни в эмиграции⁵. Земская деятельность А. Д. Голицына в них практически не отражена. Обходят ее стороной и исследователи либерального движения в России в начале XX в. как отечественные⁶, так и зарубежные⁷.

Постановка проблемы. В начале 1905 г. Харьковское земство, где служил А. Д. Голицын, готовилось к выборам председателя губернской земской управы. Выборы проходили под влиянием ноябрьского 1904 г. общеземского съезда и банкетной кампании. В земства стремительно ворвалась политика или, как считал сам А. Д. Голицын, политиканство⁸. На должность председателя управы претендовали либерально настроенные земцы, среди которых выделялся несомненный лидер – член «Союза освобождения» Н. Н. Ковалевский. Это обстоятельство, а также отказ трех умеренных кандидатов от участия в выборах вынудили А. Д. Голицына баллотироваться на пост председателя.

Тем временем «смута» в стране нарастала. А. Д. Голицын вспоминал, как однажды на заседание управы проникли неизвестные. Они обошли стол и, протянув вперед кепку, призывали членов управы «жертвовать на революцию». Опешившие гласные «инстинктивно потянулись за кошельками и стали бросать в шапку деньги»⁹. «Революционная ситуация» оказалась на руку А. Д. Голицыну и облегчила его избрание. Опасаясь потрясений, большинство харьковского земства поддержало умеренную, а не радикальную «партию». Сам же А. Д. Голицын впервые в Российской империи стал председателем губернской земской управы, оставаясь при этом предводителем дворянства. Для совмещения им этих должностей потребовалось всеподданнейшее ходатайство Министерства внутренних дел¹⁰.

Результаты исследования. В качестве председателя управы А. Д. Голицын в 1905 г. принимал активное участие в общеземских съездах. На них, особенно на апрельском и майском, велись ожесточенные споры о народном представительстве и оптимальной системе выборов. Большинство апрельского съезда выступало за всеобщее, равное, тайное и прямое голосование¹¹. А. Д. Голицын оказался в меньшинстве. Аргументы против «четырёххвостки» были в общих чертах сформулированы 22–23 мая 1905 г., накануне следующего съезда. Их детальному обсуждению помешала Цусимская катастрофа¹². Идеи витали

в воздухе и просились на бумагу. Поэтому уже в начале лета А. Д. Голицын приступил к разработке собственного проекта народного представительства.

Проект А. Д. Голицына был единогласно принят управой и большинством голосов – земским собранием¹³. Однако дальнейший его путь оказался нехарактерным для подобного рода записок. В основном они составлялись земствами, городскими думами, общественными организациями, крестьянскими волостными сходами и частными лицами во исполнение Указа Правительствующему Сенату от 18 февраля 1905 г. Такие проекты направлялись на рассмотрение Совета министров и, как следствие, отложились в Российском государственном историческом архиве¹⁴.

Записка А. Д. Голицына тоже стала ответом на Указ от 18 февраля. По словам автора, он возложил на земства «нравственную ответственность», призвав их высказаться о будущем государственном устройстве¹⁵. Однако проект князя отличался по жанру от большинства таких записок. Это не было воззванием к государю и правительству с требованиями немедленных и радикальных перемен.

Записка А. Д. Голицына в первую очередь была плодом внутриземской дискуссии. Она была направлена в Министерство внутренних дел и, по-видимому, «по старой памяти» передана сотрудниками П. Д. Святополк-Мирскому, который и после отставки продолжал интересоваться политикой. Вероятно поэтому документ, отложившийся в личном фонде министра в Государственном архиве Российской Федерации, ранее не публиковался и не привлекал внимание исследователей.

Каким же, по мнению А. Д. Голицына, должно было стать народное представительство? В первую очередь законодательным. Автор проекта был убежден, что Россия – часть Европы. А значит, с ней происходило то же, что уже случилось с европейскими монархиями: старый порядок уступал место новому. В период турбулентности для режима было крайне соблазнительно выбрать совещательную модель представительства и тем самым сохранить лицо. А. Д. Голицын полагал, что делать этого ни в коем случае нельзя. И не только потому, что конституционализм торжествовал на западе. Российские эксперименты

в этой области автор тоже не считал удачными. Опыт совещательных комиссий (от Валуевских и Кахановской до Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности) показал, что при искреннем и добросовестном участии общества в их работе достигался или нулевой, или вовсе отрицательный результат, что общество только раздражало¹⁶.

Выступая против совещательного представительства, А. Д. Голицын апеллировал к аргументам историка Б. Н. Чичерина, который утверждал, что бесправное собрание никогда не может разумно договориться с правительством. Ему остается только оказывать давление на власть, сгущая краски. К тому же ораторы, лишённые возможности принимать решения, не чувствуют ответственности. И их речи становятся радикальнее. Все это неминуемо дестабилизирует ситуацию в стране¹⁷. Представительство должно работать непрерывно. Это адекватный ответ на вызовы времени, которые, конечно, были принципиально иными, нежели в XVI–XVII вв., когда Земские соборы могли созываться периодически. Выборы – это стресс для обществности. Они надолго отвлекают «от нормального течения жизни». К тому же слишком частая смена депутатов порождает постоянные и не всегда уместные изменения в законодательстве. Поэтому А. Д. Голицын, учитывая опыт европейских парламентов, предлагал предоставить депутатам полномочия на срок вдвое больше земского – на 6 лет¹⁸.

Выборы, по утверждению А. Д. Голицына, должны быть «всеобщими и равными». Если в стране есть всеобщая воинская повинность, необходимы и всеобщие политические права. К тому же подданные, обложенные косвенными налогами, имели право влиять на их принятие¹⁹. Отстранение тех или иных групп населения от выборов лишь усугубило бы политический кризис. Поэтому в российских реалиях об имущественном и образовательном цензе для активного избирательного права не могло быть и речи. Ценз оседлости сроком в один год допускался А. Д. Голицыным лишь для удобства организации выборов²⁰.

Автор проекта выступал категорически против любой формы корпоративного представительства. Сословное начало было атавизмом, который «можно встретить лишь в верхних палатах некоторых западноевропейских парламентов, в отдельных

ландтагах союзных германских государств и в наших земских учреждениях»²¹. Профессионально-классовое представительство тоже не годилось. Оно вполне подходило земствам, где решались экономические и хозяйственные вопросы местного значения, но не народному представительству, в котором должны были отстаиваться национальные, а не частные интересы²².

На деле предлагаемые А. Д. Голицыным выборы не были ни всеобщими, ни равными. Права голоса лишались практически те же лица, что и по Избирательному закону 11 декабря 1905 г.: не достигшие 25-летнего возраста, женщины, неспособные и находящиеся под опекой, военные. Чиновники могли голосовать, но в случае избрания должны были оставить государственную службу²³.

Для пассивного избирательного права по проекту А. Д. Голицына устанавливался образовательный ценз. Такое ограничение, хотя бы на уровне простой грамотности, обеспечивало дееспособность народного представительства²⁴. Схожей логики придерживались и чиновники, которые в это время работали над проектом «булыгинской думы». На том, что неграмотный депутат окажется попросту неработоспособным, настаивали А. Г. Булыгин²⁵ и С. Е. Крыжановский²⁶. На Петергофских совещаниях их поддержали многие сановники, в частности, В. Н. Коковцов и А. Д. Оболенский²⁷. Убедить императора, однако, не удалось.

По проекту А. Д. Голицына каждый избиратель мог проголосовать лишь единожды. В отличие, к примеру, от Англии, где владевшие недвижимостью в разных графствах могли отдать свой голос несколько раз. Так, по мнению автора, реализовывался принцип равенства выборов²⁸. Но чтобы выборы были действительно равными, каждый голос должен «весить» одинаково. А значит, выборы должны быть еще и прямыми. А. Д. Голицын с этим не спорил. Более того, он утверждал, что «прямая подача голосов есть тот фокус, через который лучи народной воли и мысли, прямо и непосредственно собираясь, отражаются в органе народного представительства в соответственно уменьшенном, но фотографически верном изображении»²⁹.

Но это в теории, а на практике прямые выборы в России были невозможны, считал А. Д. Голицын. Его аргументы определялись

чисто земской оптикой. При единственно возможном с организационной точки зрения абсолютном большинстве голосов в самом маленьком уезде Харьковской губернии (Валковском) оно составит больше 16 тысяч, а в самом большом (Изюмском) почти 31 с половиной тысячу голосов. А. Д. Голицын обоснованно полагал, что даже если на выборы придет лишь десятая часть избирателей, абсолютного большинства не получит ни один из кандидатов. А относительное большинство при столь невысокой явке делает результат выборов абсолютно непредсказуемым³⁰.

Поэтому выборы должны быть пропорциональными и двухступенчатыми, для крестьян естественной третьей ступенью выступала община. Во-первых, это позволило бы пройти в парламент «отдельным выдающимся лицам, не подходящим под партийные шаблоны, которых никогда не выставит ни одна партия страны»³¹. Во-вторых, сводило на нет бесплодную агитацию на первой ступени, т. к. выбирали не депутатов, а выборщиков. Наконец, последних, в отличие от простых избирателей, было трудно и опасно подкупать³². Голосование, конечно, могло быть исключительно тайным. Ведь суть выборов вовсе не в том, чтобы «произвести экзамен обывателю и удостовериться его твердости в политических убеждениях»³³. Их главная цель – свободное волеизъявление подданных.

В 1905 г. у общества не было готовых рецептов представительства. И записка А. Д. Голицына не исключение. Она стала плодом напряженного интеллектуального поиска и внутренних компромиссов. Автор проекта был безусловным противником созыва в 1905 г. представительства в форме Земского собора. Хотя и допускал в апреле, что общеземский съезд «вылетится» в Земский собор и сумеет найти выход из «смуты»³⁴. В то же время А. Д. Голицын в славянофильском духе рассуждал о том, что народ «в тайниках своей души» хранил «чистые идеалы» того самодержавия, которое было установлено в 1613 г. и периодически с ним в формате народного представительства совещалось. В основе достигнутого тогда консенсуса между царем и народом лежали идеи «высшей правды, справедливости и закономерности». Нынешний же строй был установлен не народом, а Петром I. И воплощал лишь одну идею – «идею абсолютизма»³⁵.

Славянофильская риторика роднила проект А. Д. Голицына с проектом «булыгинской думы», который князь впоследствии называл «половинчатым» и резко критиковал³⁶. Его разработчики тоже романтизировали времена первых Романовых, чьи отношения с народом будто бы строились на доверии. А потому не нуждались в правовом регулировании, как на Западе³⁷. Царь и без того был ограничен нравственно – он не мог поступить вопреки воле подданных. А потому воссозданное в начале XX в. в форме Думы представительство, оставаясь совещательным, на деле положит конец абсолютизму и восстановит подлинное единение царя с народом.

На апрельском съезде 1905 г. А. Д. Голицын упрекал сторонников всеобщего избирательного права в непоследовательности. Князь призывал их идти до конца и предоставить право голоса женщинам, что изначально не предполагалось. Представители большинства съезда считали подобный эксперимент слишком рискованным и преждевременным. На это А. Д. Голицын возражал, что княгиня Ольга, царица Софья и императрица Екатерина II оказались вполне подготовлены к управлению страной. А женщины-домохозяйки на сельском уровне имели равные с мужчинами права.

При этом А. Д. Голицын оговорился, что сам он не поддерживал предоставления избирательных прав женщинам. Это не спасло князя от репутации «ярого феминиста». И предпринимались попытки пролоббировать с его помощью в III Думе законопроекты по женскому вопросу³⁸. Но всего пару месяцев спустя А. Д. Голицын высказывался совершенно иначе. Он утверждал, что предназначение женщины – «семейный очаг» и «первоначальное воспитание детей». И эта роль благодарно принималась большинством женщин, которые сознавали свое «природное назначение и призвание, связанное с особым физиологическим строением»³⁹. Равноправие было равносильно утрате женщиной своего пола. Что, по утверждению А. Д. Голицына, встречалось только в рабочей среде, которая остро нуждалась в «инъекции» семейных ценностей⁴⁰.

Идею создать народное представительство на основе органов местного самоуправления разделяли некоторые сановники. В первой половине 1905 г. на этом настаивали, в частности,

С. Е. Крыжановский⁴¹ и А. Н. Куломзин⁴². Бюрократия нередко оказывалась более «земской», чем сами земцы. А. Д. Голицын, напротив, призывал спасти земства от выборов народных представителей. Партийная борьба отвлекала бы органы местного самоуправления от дел. К тому же в них были в основном представлены специалисты в области городского и сельского хозяйства. Но хороший хозяйственник совсем не обязательно будет хорошим политиком. Наконец, если выберут лучших из лучших, кто останется на хозяйстве⁴³?

Проектируемое А. Д. Голицыным представительство все же обладало существенным недостатком. Был риск, что оно «заразится» сверхцентрализацией и станет просто новым элементом бюрократического строя. А. Д. Голицын предлагал парадоксальное для себя самого решение – «уравновесить» орган народного представительства вторым, составленным из депутатов от земств и городов. Очертания этого органа в записке А. Д. Голицына намечены приблизительно и немного наивно. Оба учреждения равноправны, а споры решаются путем компромисса. Создание такой «параллельной» палаты требовало значительной подготовки. Сначала нужно было распространить земства на всю империю и создать мелкую земскую единицу⁴⁴.

В ноябре 1905 г. А. Д. Голицыну выпала еще одна возможность напомнить о своем проекте властям. Причем при весьма занятных обстоятельствах. С. Ю. Витте, которому князь нанес визит после общеземского съезда, долго расспрашивал его о кадетях и их программе. А в заключение уточнил, не принадлежал ли сам А. Д. Голицын к Конституционно-демократической партии. Князь, разумеется, ответил отрицательно, а заодно изложил премьер-министру ключевые положения записки⁴⁵.

Выводы. Предлагаемое А. Д. Голицыным народное представительство очень напоминало ту Государственную думу, которая в итоге и заседала в Таврическом дворце. И это неслучайно. В его записке неославянофильский образ мыслей сочетался с доктринами классического либерализма. Именно поэтому проект А. Д. Голицына стал ответом моделям народного представительства и «справа», и «слева». Противовесом как законосовещательным формам представительства, так и стремлению обратить его в Учредительное собрание.

Попыткой определить контуры срединного пути, по которому, в результате, и пошла власть.

Проект А. Д. Голицына, казалось бы, шел вразрез правительственным тенденциям лета 1905 г. Князь настаивал на законодательном представительстве. Сановники еще не заходили дальше совещательной Думы. На деле оппоненты говорили разными словами, но об одном и том же. Они желали действенной и эффективной представительной власти. Без нее нельзя было победить революцию.

Примечания

¹ Соловьев, К. А. Октябризм. Программатика vs прагматика // Таврические чтения 2018. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция, Санкт-Петербург, Таврический дворец, 6–7 декабря 2018 г. Сборник научных статей. В 2 ч. Ч. 1. / Под ред. А. Б. Николаева. Санкт-Петербург: Астерион, 2019. С. 215–223.

² В Третьей Думе выходцы из земско-городской среды составляли 47% от всех депутатов. В отдельных фракциях их число было подавляющим и доходило до 88%. В Четвертой Думе численность представителей органов местного самоуправления еще более возросла. См.: Соловьев, К. А. Союз 17 октября. Политический класс России: взлет и падение. Москва: Новое литературное обозрение, 2023. С. 54.

³ Николаев, А. Б. Голицын Александр Дмитриевич // Государственная дума России: Энциклопедия: В 2-х т. Т. 1. Государственная дума Российской империи (1906–1917 гг.) / Отв. ред. В. В. Шелохаев. Москва: РОССПЭН, 2006. С. 140.

⁴ Бородин, А. П. Голицын Александр Дмитриевич // Государственный совет Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия / Отв. ред. В. В. Шелохаев. Москва: РОССПЭН, 2008. С. 57–58.

⁵ Голицын Александр Дмитриевич // Российское зарубежье во Франции, 1919–2000: биографический словарь. В 3 т. Т. 1. А–К. / Под общ. ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. Москва: Наука; Дом-музей Марины Цветаевой, 2008. С. 382.

⁶ Королева, Н. Г. Земство на переломе (1905–1907 гг.). Москва: Институт российской истории РАН, 1995. 236 с.; Шелохаев, В. В. Либерализм в начале XX в. Москва: РОССПЭН, 2019. 502 с.; Хайлова, Н. Б. Центризм в российском либерализме начала XX века. Москва; Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, Институт российской

истории РАН, 2022. 640 с.; Соловьев, К. А. Союз 17 октября. Политический класс России: взлет и падение; Соловьев, К. А. Юридическая корпорация Российской империи конца XIX – начала XX в.: у власти, около власти, против власти // *Historia Provinciae – Журнал региональной истории*. 2024. Т. 8. № 3. С. 759–794.

⁷ Galai, S. (1973). *The Liberation Movement in Russia, 1900–1905*, Cambridge, Cambridge University Press publ., 325 p.; Brainerd, M. C. (1979). *The Octobrists and the gentry, 1905–1907, leaders and followers?* IN: *The politics of rural Russia, 1905–1914*, ed. by L. H. Haimson, Bloomington, Indiana Univ. Press publ., pp. 67–93; Zimmerman, J. E. (1980). *Russian liberal theory, 1900–1917, Canadian and American Slavic studies*, v. 14, № 1, pp. 1–20; Fröhlich, K. (1981). *The Emergence of Russian Constitutionalism, 1900–1904, The Relationship between Social Mobilization and Political Group Formation in Pre-revolutionary Russia*, Boston, Martinus Nijhoff publ., 340 p.; Galai, S. (2004). *The True Nature of Octobristism*, *Kritika*, v. 5, № 1, pp. 137–147.

⁸ Голицын, А. Д., кн. Воспоминания / Сост., подгот. текста, послесл., указатель имен А. К. Голицына. Москва: Русский путь, 2008. С. 215.

⁹ Там же. С. 214.

¹⁰ Там же. С. 216–217.

¹¹ Шипов, Д. Н. Воспоминания и думы о пережитом. Москва: Издательство М. и С. Сабашниковых, 1918. С. 311.

¹² Там же. С. 315–316.

¹³ Голицын, А. Д., кн. Воспоминания. С. 233.

¹⁴ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1276. Оп. 1. Д. 7–26.

¹⁵ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1729. Оп. 1. Д. 164. Л. 1.

¹⁶ Там же. Л. 2–3 об.

¹⁷ Чичерин, Б. Н. О народном представительстве. Москва: Типография Товарищества И. Д. Сытина, 1899. С. 141–142, 146–147.

¹⁸ ГАРФ. Ф. 1729. Оп. 1. Д. 164. Л. 4 об.–5.

¹⁹ Там же. Л. 9.

²⁰ Там же. Л. 5 об.–6, 11.

²¹ Там же. Л. 7.

²² Там же.

²³ Там же. Л. 9 об.–11.

²⁴ Там же. Л. 11.

²⁵ Богданович, А. В. Три самодержца. Дневники генеральши Богданович. Москва: Вече, 2008. С. 270.

²⁶ Гурко, В. И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника / Подгот. текста и коммент. Н. П. Соколова. Москва: Новое литературное обозрение, 2000. С. 683.

²⁷ Петергофские совещания о проекте Государственной думы. Какую Думу хотели дать народу Николай II и его министры. Петроград: Государственная типография, 1917. С. 96, 144, 154.

²⁸ ГАРФ. Ф. 1729. Оп. 1. Д. 164. Л. 11.

²⁹ Там же. Л. 11 об.

³⁰ Там же. Л. 12–13.

³¹ Там же. Л. 14.

³² Там же. Л. 14 об.–15.

³³ Там же. Л. 15–15 об.

³⁴ Голицын, А. Д., кн. Воспоминания. С. 224.

³⁵ ГАРФ. Ф. 1729. Оп. 1. Д. 164. Л. 5 об.

³⁶ Голицын, А. Д., кн. Воспоминания. С. 223.

³⁷ РГИА. Ф. 727. Оп. 2. Д. 41. Л. 73.

³⁸ Голицын, А. Д., кн. Воспоминания. С. 229–230.

³⁹ ГАРФ. Ф. 1729. Оп. 1. Д. 164. Л. 9 об.

⁴⁰ Там же. Л. 9 об.–10.

⁴¹ Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства / Ред. П. Е. Щеголев. Т. V. Москва–Ленинград: Госиздат, 1926. С. 380.

⁴² РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 132. Л. 9 об.–11.

⁴³ ГАРФ. Ф. 1729. Оп. 1. Д. 164. Л. 8–8 об.

⁴⁴ Там же. Л. 16–16 об.

⁴⁵ Голицын, А. Д., кн. Воспоминания. С. 237.

Аннотация

В статье анализируются события 1905 г., определившие судьбу и облик будущего российского парламента. Если ранее дискуссии о необходимости трансформации государственного строя Российской империи были уделом относительно небольшой группы интеллектуалов, то «смута» вынудила задуматься о политике тех, кто ею прежде не интересовался. Это привело к заметному росту политического проектирования, причем огромную популярность в обществе стали набирать идеи созыва Учредительного собрания и всеобщего избирательного права. Проект народного представительства, составленный летом 1905 г. председателем Харьковской губернской земской управы князем Александром

Дмитриевичем Голицыным (1874–1957), который рассматривается в статье, оппонировал этим настроениям. Подготовленная им записка стала ответом как на эскалацию революционного кризиса, так и на стремительную политизацию земского движения. В отличие от большинства подобных проектов, записка А. Д. Голицына была направлена не в Совет министров, а в Министерство внутренних дел и отложилась в фонде бывшего министра П. Д. Святополк-Мирского в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ). Документ впервые вводится в научный оборот. При его анализе оказались полезны подходы интеллектуальной истории, которые позволили рассмотреть записку в широком общественно-политическом контексте. Предложения автора проекта представляют интерес не сами по себе, а в сопоставлении с оценками, которые современники давали идее представительной власти. Поэтому особое внимание в статье уделено тому, как идеи А. Д. Голицына соизмерялись с правительственным, земским и неославянофильским дискурсами. Проект князя находился на стыке этих мировоззренческих установок и сочетал в себе различные их элементы. С большинством ноябрьского земского съезда 1904 г. А. Д. Голицына роднило требование парламента и категорическое неприятие корпоративного (в первую очередь – сословного) представительства. Со значительной частью бюрократии – славянофильские идеи и риторика. При этом А. Д. Голицын твердо отстаивал необходимость автономии земского самоуправления от деятельности представительных учреждений. Таким образом, князь пытался органично встроить народное представительство в политический «ландшафт» Российской империи, стремясь сделать ее более устойчивой к вызовам времени. Анализ проекта А. Д. Голицына и его места в дискуссии о путях выхода из революционного кризиса показывает, что идея представительной власти в середине 1905 г. стремительно становилась доминирующей в российском общественно-политическом интеллектуальном пространстве.

Ключевые слова: Российская империя, 1905 г., Русско-японская война 1904–1905 гг., революционные события 1905 г., проект «бульгинской думы», славянофильские идеи, народное представительство, конституционализм, общественная мысль, земское движение, А. Д. Голицын, идеи созыва Учредительного собрания, всеобщее избирательное право, проект народного представительства, женский вопрос и избирательное право, неославянофильский образ мыслей, классический либерализм.

Список литературы

Богданович, А. В. Три самодержца. Дневники генералыши Богданович. Москва: Вече, 2008. 480 с.

- Бородин, А. П. Голицын Александр Дмитриевич // Государственный совет Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия / Отв. ред. В. В. Шелохаев. Москва: РОССПЭН, 2008. С. 57–58.
- Голицын, А. Д., кн. Воспоминания / Сост., подгот. текста, послесл., указатель имен А. К. Голицына. Москва: Русский путь, 2008. 608 с.
- Голицын Александр Дмитриевич // Российское зарубежье во Франции, 1919–2000: биографический словарь. В 3 т. Т. 1. А–К. / Под общ. ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. Москва: Наука; Дом-музей Марины Цветаевой, 2008. С. 382.
- Гурко, В. И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника / Подгот. текста и коммент. Н. П. Соколова. Москва: Новое литературное обозрение, 2000. 808 с.
- Королева, Н. Г. Земство на переломе (1905–1907 гг.). Москва: Институт российской истории РАН, 1995. 236 с.
- Медушевский, А. Н. Политическая теория российского конституционализма XX в. // Российская история. 2010. № 1. С. 45–63.
- Николаев, А. Б. Голицын Александр Дмитриевич // Государственная дума России: Энциклопедия: В 2-х т. Т. 1. Государственная дума Российской империи (1906–1917 гг.) / Отв. ред. В. В. Шелохаев. Москва: РОССПЭН, 2006. С. 140.
- Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства / Ред. П. Е. Щеголев. Т. V. Москва–Ленинград: Госиздат, 1926. 473 с.
- Петергофские совещания о проекте Государственной думы. Какую Думу хотели дать народу Николай II и его министры. Петроград: Государственная типография, 1917. 164 с.
- Соловьев, К. А. Октябризм. Программатика vs прагматика // Таврические чтения 2018. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция, Санкт-Петербург, Таврический дворец, 6–7 декабря 2018 г. Сборник научных статей. В 2 ч. Ч. 1. / Под ред. А. Б. Николаева. Санкт-Петербург: Астерион, 2019. С. 215–223.
- Соловьев, К. А. Союз 17 октября. Политический класс России: взлет и падение. Москва: Новое литературное обозрение, 2023. 344 с.
- Соловьев, К. А. Юридическая корпорация Российской империи конца XIX – начала XX в.: у власти, около власти, против власти // *Historia Provinciae – Журнал региональной истории*. 2024. Т. 8. № 3. С. 759–794.
- Хайлова, Н. Б. Центризм в российском либерализме начала XX века. Москва; Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, Институт российской истории РАН, 2022. 640 с.

- Чичерин, Б. Н. О народном представительстве. Москва: Типография Товарищества И. Д. Сытина, 1899. 810 с.
- Шелохаев, В. В. Либерализм в начале XX в. Москва: РОССПЭН, 2019. 502 с.
- Шипов, Д. Н. Воспоминания и думы о пережитом. Москва: Издательство М. и С. Сабашниковых, 1918. 592 с.
- Brainerd, M. C. (1979). The Octobrists and the gentry, 1905–1907, leaders and followers? IN: The politics of rural Russia, 1905–1914, ed. by L. H. Haimson, Bloomington, Indiana Univ. Press publ., pp. 67–93.
- Fröhlich, K. (1981). The Emergence of Russian Constitutionalism, 1900–1904, The Relationship between Social Mobilization and Political Group Formation in Pre-revolutionary Russia, Boston, Martinus Nijhoff publ., 340 p.
- Galai, S. (1973). The Liberation Movement in Russia, 1900–1905, Cambridge, Cambridge University Press publ., 325 p.
- Galai, S. (2004). The True Nature of Octobristism, *Kritika*, v. 5, № 1, pp. 137–147.
- Zimmerman, J. E. (1980). *Russian liberal theory, 1900–1917 // Canadian and American Slavic studies*, v. 14, № 1, pp. 1–20.

Сведения об авторах

Новосельский Сергей Сергеевич, кандидат исторических наук, Европейский университет в Санкт-Петербурге, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, младший научный сотрудник, Российский государственный гуманитарный университет, Историко-архивный институт, исторический факультет, кафедра истории и теории исторической науки, г. Москва, Российская Федерация, доцент, 8-495-250-71-09, novoselsky.rggu@gmail.com

Сведения о грантах

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда № 23-18-00520 «За пределами “колониальности” и национализма: пространства интеграции в Российской империи (XIX – начало XX в.)», <https://rscf.ru/project/23-18-00520/>

В редакцию статья поступила 04.04.2024 г., рекомендована к опубликованию 20.12.2024 г.

Scientific article

doi 10.28995/2073-0101-2025-1-50-66

For citation

Novoselsky, Sergey S. (2025). A. D. Golitsyn's Concept of People's Representation in 1905, Toward the History of Zemstvo Constitutionalism, *Herald of an Archivist*, no. 1, pp. 50–66, doi 10.28995/2073-0101-2025-1-50-66

Novoselsky, Sergey S., European University in St. Petersburg, St. Petersburg, Russia

Golitsyn's Concept of People's Representation in 1905, Toward the History of Zemstvo Constitutionalism

Abstract

The article analyzes the events of 1905, which determined the fate and shape of the future Russian parliament. If earlier discussions about the need to transform the state system of the Russian Empire were the domain of a relatively small group of intellectuals, the Troubles forced those who had not been interested in politics before to think about it. This led to a marked increase in political projection, with the ideas of convening a Constituent Assembly and universal suffrage gaining great popularity in society. In the summer of 1905, the project of popular representation, drafted by Prince Alexander Dmitrievich Golitsyn (1874–1957), chairman of the Kharkov provincial zemstvo, which is discussed in this article, opposed these sentiments. The note he prepared was a response to both the escalation of the revolutionary crisis and the rapid politicization of the zemstvo movement. Unlike most similar projects, A. D. Golitsyn's note was sent not to the Council of Ministers, but to the Ministry of Internal Affairs and was deposited in the fonds of former Minister P. D. Svyatopolk-Mirsky in the State Archive of the Russian Federation (GARF). This is the first time the document has been introduced into the scientific turnover. When analyzing it, the approaches of intellectual history proved useful, which allowed us to consider the note in a broad socio-political context. The author's proposals are of interest not in themselves, but in comparison with the assessments that contemporaries gave to the idea of representative power. Therefore, the article pays special attention to the way A. D. Golitsyn's ideas were measured against the governmental, zemstvo and neo-Slavophile discourse. The prince's project was at the crossroads of these worldviews and combined their various elements. A. D. Golitsyn was related to the majority of the November 1904 Zemstvo Congress in demanding a parliament and categorically rejecting corporate (primarily class) representation. With a significant part of the bureaucracy – Slavophile ideas and rhetoric. At the same time, A. D. Golitsyn firmly defended the need for autonomy of zemstvo self-government from the activities of representative institutions. Thus, the prince tried to organically build the people's representation into the political "landscape" of the Russian Empire, seeking to make it more resistant to the challenges of the time. The analysis of A. D. Golitsyn's project and its place in the discussion of ways out of the revolutionary crisis shows that the idea of representative power in the middle of 1905 was rapidly becoming dominant in the Russian socio-political intellectual space.

Keywords

Russian Empire, 1905, Russo-Japanese War of 1904–1905, revolutionary events of 1905, “Bulygin Duma” project, Slavophile ideas, people’s representation, constitutionalism, public thought, zemstvo movement, A. D. Golitsyn, ideas of convening the Constituent Assembly, universal suffrage, project of people’s representation, women’s issue and suffrage, Neo-Slavophile way of thinking, classical liberalism.

References

- Bogdanovich, A. V. (2008). Three autocrats, Diaries of Generaless Bogdanovich, Moscow, Veche publ., 480 p.
- Borodin, A. P. (2008). Golitsyn Alexander Dmitrievich. IN: State Council of the Russian Empire, 1906–1917, Encyclopedia, ed. by V. V. Shelokhaev, Moscow, ROSSPEN publ., pp. 57–58.
- Golitsyn, A. D., prince (2008). Vospominanii, Composition, text preparation, afterword, index of names by A. K. Golitsyn, Moscow, Russian Way publ., 608 p.
- Mnukhin, L., Avril, M., Losskaya, V. (Ed.) (2008). Alexander Dmitrievich Golitsyn. IN: Russian Abroad in France, 1919–2000, Biographical Dictionary in 3 v., v. 1, A-K., Moscow, Nauka; Marina Tsvetaeva House-Museum publ., p. 382.
- Gurko, V. I. (2000). Features and silhouettes of the past, Government and the public in the reign of Nicholas II in the portrayal of a contemporary, Preparatory text and commentary N. P. Sokolov, Moscow, New Literary Review publ., 808 p.
- Koroleva, N. G. (1995). Zemstvo na perelom (1905–1907 gg.), Moscow, Institute of Russian History RAS publ., 236 p.
- Medushevsky, A. N. (2010). Political theory of Russian constitutionalism of the twentieth century, *Russian History*, № 1, pp. 45–63.
- Nikolaev, A. B. (2006). Golitsyn Alexander Dmitrievich. IN: State Duma of Russia, Encyclopedia in 2 v. v. 1, State Duma of the Russian Empire (1906–1917), ed. by V. V. Shelokhaev, Moscow, ROSSPEN publ., p. 140.
- Shchegolev, P. E. (Ed.) (1926). The Fall of the Tsarist Regime, Verbatim reports of interrogations and testimony given in 1917 in the Extraordinary Investigative Commission of the Provisional Government, v. V, Moscow; Leningrad, Gosizdat publ., 473 p.
- No Ed. (1917). Peterhof meetings on the project of the State Duma. What kind of Duma Nicholas II and his ministers wanted to give the people. Petrograd: State Printing House publ., 164 p.
- Solovyov, K. A. (2019). Octoberbrism, Programmatic vs pragmatics. IN: Tavricheskie readings 2018, Actual problems of parliamentarism, history and modernity, International Scientific Conference, St. Petersburg,

Tavrichesky Palace, December 6–7, 2018, Collection of scientific articles in 2 parts, part 1, ed. by A. B. Nikolaev, St. Petersburg, Asterion publ., pp. 215–223.

Soloviev, K. A. (2023). The Union of October 17, Political class of Russia, rise and fall, Moscow, Novoye literaturnoye obozrenie publ., 344 p.

Soloviev, K. A. (2024). Legal Corporation of the Russian Empire in the late XIX – early XX centuries: in power, near power, against power, *Historia Provinciae – Journal of Regional History*, v. 8, № 3, pp. 759–794.

Khailova, N. B. (2022). Centrism in Russian liberalism of the early twentieth century, Moscow; St. Petersburg, Center for Humanitarian Initiatives, Institute of Russian History RAS publ., 640 p.

Chicherin, B. N. (1899). On People's Representation, Moscow, Tipografiya Tovarishchestvo I. D. Sytin publ., 810 p.

Shelokhaev, V. V. (2019). Liberalism at the Beginning of the XX Century, Moscow, ROSSPAN publ., 502 p.

Shipov, D. N. (1918). Vospominaniya i dumy o vestivatom, Moscow, M. and S. Sabashnikovs publ., 592 p.

Brainerd, M. C. (1979). The Octobrists and the gentry, 1905–1907, leaders and followers? IN: The politics of rural Russia, 1905–1914, ed. by L. H. Haimson, Bloomington, Indiana Univ. Press publ., pp. 67–93.

Fröhlich, K. (1981). The Emergence of Russian Constitutionalism, 1900–1904, The Relationship between Social Mobilization and Political Group Formation in Pre-revolutionary Russia, Boston, Martinus Nijhoff publ., 340 p.

Galai, S. (1973). The Liberation Movement in Russia, 1900–1905, Cambridge, Cambridge University Press publ., 325 p.

Galai, S. (2004). The True Nature of Octobristism, *Kritika*, v. 5, № 1, pp. 137–147.

Zimmerman, J. E. (1980). *Russian liberal theory, 1900–1917 // Canadian and American Slavic studies*, v. 14, № 1, pp. 1–20.

About authors

Novoselsky, Sergey S., PhD in History, European University in St. Petersburg, St. Petersburg, Russian Federation, Junior Researcher, Russian State University for the Humanities, Institute of History and Archives, Department of History and Theory of Historical Science, Moscow, Russian Federation, Associate Professor, +7-495-250-71-09, novoselsky.rggu@gmail.com

The article was received in the editorial office on 04.04.2024, recommended for publication on 20.12.2024

Научная статья

УДК 93/94+001.814.2+002.513.5+651.9+001.92+303.422+342.78+930.85+001.814.4+35.977.535.3+303.424+930.2+930.24+316.6+303.423+355.01+351/354+355/359+355/359.07+331.07+351.86+32.019.51+325.1+303.64+930.25

doi 10.28995/2073-0101-2025-1-67-82

Для цитирования

Синиченко, В. В. Дипломатический конфликт США и России в годы Первой мировой войны по делу американского консула в Харбине Чарльза Мозера по документам из фондов Архива внешней политики Российской империи // Вестник архивиста. 2025. № 1. С. 67–82, doi 10.28995/2073-0101-2025-1-67-82

Синиченко, В. В.

Байкальский государственный университет,
г. Иркутск, Российская Федерация

Дипломатический конфликт США и России в годы Первой мировой войны по делу американского консула в Харбине Чарльза Мозера по документам из фондов Архива внешней политики Российской империи

Введение. Проблема политической линии США в годы Первой мировой и Второй мировой войны является достаточно дискуссионной в историческом сообществе. Специалисты отмечают, что власти Соединенных Штатов первоначально в отношении России занимали нейтральную позицию в Первой мировой войне, но постепенно склонялись на сторону Антанты и вступили в войну с Германией на поздних ее этапах для того, чтобы укрепить свои геополитические позиции на мировой арене. Однако политическая целесообразность такого поведения не была изначально заданной и в политическом истеблишменте Вашингтона преобладали разные взгляды на деятельность американской дипломатии и армии. Так, часть американских политических и финансово-экономических кругов как в годы Первой, так и Второй мировой войны, занимали прогерманские позиции.

В качестве примера такой деятельности отметим эпизод, случившийся осенью 1915 г., когда российским следователям удалось установить, что генеральный консул Соединенных Штатов Америки в Харбине Чарльз Мозер оказывает помощь бежавшим из русского плена из Российской империи на территорию Китая германским и австро-венгерским военнослужащим. Несмотря на дипломатическую ноту Российской империи, госсекретарь США Роберт Лансинг не посчитал возможным отзыв дипломата по политическим обстоятельствам.

Историографический обзор. Рассматриваемая в статье тема многогранна. Во-первых, это политика США в Китае. Здесь очень много исследований, прежде всего американских. Но много исследований в этом плане сделано в советской, российской и китайской историографии¹. В частности, исследования, посвященные вопросам организации деятельности германской разведки на территории Китая в годы Первой мировой войны², продолжают оставаться в поле зрения специалистов. Отечественные ученые достаточно подробно исследовали вопросы деятельности жандармского полицейского управления Китайской Восточной железной дороги и контрразведывательных и разведывательных служб Российской империи в Китае.

Связано это в первую очередь с тем, что в годы Первой мировой войны (1914–1918 г.) Вашингтон ориентировался на формирование тесных контактов с республиканским правительством Китайской республики, рассчитывая таким путем не только сохранить, но и усилить позиции в Китае. Соединенные Штаты Америки использовали различные способы: миссии протестантских миссионеров, поставки вооружений и пр. При своем проникновении в Китай американское правительство и деловые круги Северной Америки столкнулись с геополитическими интересами Японии. Японское правительство в 1914 г., захватив германскую колонию в Циндао, на Шаньдунском полуострове, в 1915 г. предъявило т. н. 21 требование правительству Китайской республики.

Целью японцев было установление своего политического влияния над Китаем, и здесь американская экспансия в регионе вызывала у японцев крайне негативную реакцию. В 1916 г.

Япония и Россия даже заключили военный договор, что было воспринято негативно американскими дипломатами в Китае, предполагавшими, что затем последует раздел Китая на зоны влияния Российской и Японской империями. Поэтому в 1915–1916 гг. дипломаты США видели своими противниками в Китае как Японию, так и Россию, и даже сотрудничали с их противниками – дипломатическими кругами Германской и Австро-Венгерской империй. Только вступление США в войну с Германией в 1917 г. изменило этот взгляд американской дипломатии. Интересы США в Европе в тот период времени стали доминировать над ее азиатскими интересами.

Обзор источников. Основные источники по рассматриваемому вопросу находятся в фондах Архива внешней политики Российской империи (АВП РИ, г. Москва) и Государственном архиве Иркутской области (ГАИО, г. Иркутск). Дело в том, что в годы Первой мировой войны Харбин, равно как и иные города на линии Китайской Восточной железной дороги (КВЖД), входили в состав судебного округа Иркутской судебной палаты и, следовательно, расследование преступлений, совершаемых иностранными подданными на линии КВЖД, осуществлялось судебными следователями из Иркутска.

Постановка проблемы. Одним из направлений контрразведывательной работы в Российской империи в годы Первой мировой войны стало противодействие побегам военнопленных, размещенных в лагерях Сибири и Дальнего Востока в нейтральный Китай. С декабря 1914 г. по лето 1915 г. несколько сот военнопленных воспользовались этим маршрутом и сбежали из российских концентрационных лагерей, расположенных на востоке империи.

Так, российская разведка в Китае фиксировала, что бежавших из России в Китай, как правило, сопровождал кто-то из российских подданных. В Китае бывший военнопленный обращался в свое консульство, получал денежную помощь, часть которой военнослужащий Германии, Австро-Венгрии или Османской империи отдавал российскому подданному, а тот зачастую переводил деньги в Россию через китайское отделение Русско-Азиатского банка.

Деньги на организацию побегов выдавало германское консульство в Шанхае, а участие в финансировании бежавших из плена принимал американский консул в Харбине Чарльз Мозер. Для проверки этих сведений в отношении Чарльза Мозера было запланировано проведение ряда активных мероприятий, когда к нему под видом германских офицеров проникали секретные агенты российских специальных служб Михаил Шляхтин и Александр Эструп.

Целью оперативной игры российской разведки и контрразведки было выявление русских подданных, прибывавших в Китай с целью получения вознаграждения от германских дипломатов и специальных разведывательных служб «Срединных государств» за организацию и проведение побегов военнослужащих этих стран из российских концентрационных лагерей, располагаемых на территории Сибири и Дальнего Востока.

Приамурский генерал-губернатор Н. Л. Гондатти в связи с этим информировал русского посланника в Пекине Василия Николаевича Крупенского в письме от 28 августа 1915 г. за № 915, что на Китайской Восточной железной дороге создана преступная организация с целью оказания содействия к побегам военнопленных и что к концу августа 1915 г. уже были арестованы два российских подданных – Любимов и Тагамлицкий. Первый был задержан 7 августа 1915 г. на станции Маньчжурия (Китайская республика), а второй 13 августа в г. Харбин (Китайская республика). Задержанные были пойманы с вещественными доказательствами, вместе с письмами от военнопленных и денежными суммами от ранее бежавших.

Любимов и Тагамлицкий содержались в Харбинском арестном доме, где следователи провели допрос, благодаря которому они установили третьего участника организации – Иуду-Ханана Самсонова-Берова, известного в кругах местных контрабандистов под кличкой «Ефим-хромой»³.

Руководство Жандармского пограничного управления (ЖПУ) КВЖД и следователь Иркутской судебной палаты, расследуя дело, пришли к выводу, что задержанные составляют малую часть русских подданных, прельстившихся на деньги германской разведки⁴. Поскольку первые задержанные

сознались в содействии побегу военнопленного австрийского офицера Журека, Любимова приговорили к 5 годам каторжных работ, а Тагомлицкого к ссылке на поселение⁵.

Одновременно было установлено, что германский подданный Зибс вербовал российских подданных, прибывавших на территорию Китайской республики. Помогал ему австрийский еврей Гернер. Общение Гернера и Зибса осуществлялось по адресу: город Шанхай, Джон Бродвей, 930. Гернер выезжал во Владивосток, где через местную синагогу пытался склонить евреев к содействию побегам германских и австрийских офицеров⁶.

Результаты исследования. В процессе установки данных о русских подданных еврейского происхождения, содействовавших германской разведке, были получены сведения об антироссийской деятельности американского дипломата. Выяснилось, что в Харбине на протяжении полутора лет с начала войны, в гостинице «Пятигорск», расположенной в доме Шатковского на углу Участковой и Мостовой улиц, которую содержал австрийский подданный Леопольд Грущинский, неоднократно проживали бежавшие из русского плена германские и австрийские офицеры. По просьбе этих беглых офицеров жена Грущинского, кстати, русская подданная, отводила их к американскому консулу, который помогал австрийским подданным в Харбине⁷.

Активную роль в разоблачении этой пары сыграл поляк-католик С. Ф. Мрочковский, беженец из оккупированной Германией Польши. Он не только донес жандармам о том, что офицеры ходили к американскому консулу, заходили в консульство, но и вызвался участвовать в их задержании⁸.

С. Ф. Мрочковский сообщил начальнику Харбинского сысского отделения о новой партии прибывших пленных и их замыслах выехать из Харбина в Шанхай для последующей отправки морским путем в Германию. Пленные были арестованы жандармами во время следования железнодорожным транспортом в центральные районы Китая⁹. 18 марта 1916 г. следователь В. Соколов допрашивал Елену Феликсовну Грущинскую, 40 лет от роду. Следователю удалось воззвать к ее патриотическим чувствам, все-таки женщина происходила

из мещанской семьи Каменец-Подольской губернии, родители ее были русские подданные, девичья фамилия Трачевская. Грущинская дала признательные показания. Родители подозреваемой к этому времени умерли, братья служили в русской армии и погибли на войне, защищая веру, царя и Отечество. В Харбине Грущинская проживала с мужем и владела гостиницей в течение трех лет¹⁰.

Поскольку гостиничное дело шло плохо, они оказались с мужем в долгах и стоял вопрос о продаже бизнеса. Грущинские дали обязательство перед австрийской разведкой и стали принимать на своем постоялом дворе бежавших из русского плена военнослужащих. Деньги им приходили от германского консула в Шанхае каждое 14-е число месяца, последний раз 14 марта 1916 г. Официально пособие выдавалось из средств, присланных императором австрийским Францем-Иосифом в пользу американского благотворительного общества, которое и передавало деньги австрийским гражданским подданным как нуждающимся в Китае¹¹. Рассказала Грущинская и о том, как военнопленные посещали консула США в Харбине Чарльза Мозера. После этого российское посольство с новыми данными обратилось в Государственный департамент США с просьбой об удалении дипломата от службы в Китае.

В ответ 20 мая 1916 г. в депеше за № 2342 русский посол в Вашингтоне сообщил в МИД России: Государственный секретарь США заявил ему, что Государственный департамент США снимет с должности Чарльза Мозера в ближайшее время¹². Однако Чарльз Мозер остался к Китаю в своей должности, более того, ему повысили денежное содержание с 3 000 до 4 000 долларов¹³.

31 октября (13 ноября) 1916 г. российский посланник в Вашингтоне снова имел беседу с Государственным секретарем США по поводу Чарльза Мозера. Глава американской дипломатии пояснил, что не считает возможным отозвать Чарльза Мозера с должности консула в Харбине сейчас, так как это дискредитировало бы всех американских дипломатов. Вместе с тем государственный секретарь США обещал, что воспользуется первым переназначением, чтобы перевести Чарльза Мозера на другой дипломатический пост в иной

стране мира. Однако и этого не произошло, так как территориальному переводу Чарльза Мозера помешал американский посланник в Пекине Рейнш, муж сестры Чарльза Мозера¹⁴.

После нового обращения российского посланника в Вашингтоне к секретарю Государственного департамента тот в третий раз обещал поменять своего скандального дипломата в течение года в порядке ротации дипломатов. Однако и в этот раз американские дипломаты не сдержали своего обещания. 18 января 1917 г. в депеше за № 71 в российское посольство в Вашингтоне поступило письмо Министерства иностранных дел (МИД) Российской империи. В нем предлагалось снова напомнить государственному секретарю и даже президенту США о необходимости отставки Чарльза Мозера из-за «образа его действий по отношению к германским военнопленным», которые заключались не только в выдаче им денег, но и в сообщении сведений о том, где они могут заказать поддельные паспорта и как могут достичь германских дипломатических миссий в Китае¹⁵.

Однако американская сторона отказалась от своих обещаний после крушения Российской империи в марте 1917 г. После этого американские дипломаты стали отрицать факт оказания помощи консулом Мозером австро-германским военнопленным и способствование им их побегам из русского плена. Новому министру иностранных дел России П. Н. Милюкову было заявлено, что беглые австро-германские пленные, получившие помощь в американском консульстве в Харбине, уже перестали быть пленными с того момента, как переступили через русскую границу.

Поэтому Чарльз Мозер из гуманитарных соображений мог оказать помощь нуждающимся на территории нейтральной страны – Китайской Республики, пользуясь предоставленными правительствами Австрии и Германии в его распоряжение, с ведома правительства США, денежными средствами благотворительных фондов¹⁶.

Попытки министра Временного правительства России указать на то, что Китайская Восточная железная дорога находится в зоне экстерриториальности России, а бежавшие военнопленные задерживались на выходе из американского

посольства на улице на совершенно законном основании, были проигнорированы властями США¹⁷.

По сути, в 1917 г. американские дипломаты не считали, по-видимому, что их российские коллеги обладают устойчивой позицией и поэтому их доводы не принимались во внимание¹⁸. Попытки российских властей в 1917 г. шантажировать американских дипломатов, угрожая в случае неудаления Чарльза Мозера, ограничить права американских бизнесменов в Северной Маньчжурии, также не имели успеха.

Так, российский МИД, обращаясь в Государственный департамент США, сообщал: «Война выдвинула Харбин на линию важных мировых центров торговли, и для иностранных коммерсантов, особенно из нейтральных стран, открываются здесь широкие перспективы. Для американцев безусловно невыгодно иметь своим представителем в Харбине человека, который в данный момент увлекается теорией о «китайском открытом порте Харбин», а с действительными хозяевами города незнаком. Оставлением здесь Мозера задерживается, по-видимому, и присоединение Америки к муниципальному соглашению о распространении на американских граждан действующих на территории КВЖД порядков и повинностей, связанных с этим прав и преимуществ, как, например, долгосрочной аренды у Управления дороги земельных участков и т. д.»¹⁹.

Однако только в апреле 1919 г., когда уже в бывшей Российской империи бушевала Гражданская война, Чарльз Мозер покинул свой пост и выехал из Харбина, сдав управление американским консульством молодому дипломату Дженкинсу²⁰. Так завершилась история с отстранением Чарльза Мозера от обязанностей американского генерального консула в Харбине.

Выводы. Американская внешняя политика в Китае в период с 1914 по 1917 г. прошла несколько этапов. На первом этапе, в 1914–1915 гг., среди американских дипломатов, несмотря на нейтральный статус США в войне, преобладали прогерманские взгляды. Дипломатические представительства США даже взяли на себя функции представлять и защищать интересы германских и австро-венгерских подданных. Но с 1916 г.

ситуация меняется. Власти США начинают менее активно поддерживать дипломатов с прогерманской позицией, ведут с МИД России переговоры о их замене. Но после Февральской революции 1917 г., несмотря на то, что сами США в марте вступили в войну со странами «Тройственного союза», военно-политическое ослабление России и снижение соответственно ее дипломатического рейтинга привели к тому, что просьбы ее представителей о смене тех или иных дипломатов США в Китае, замеченных в симпатии к германским и австрийским подданным, уже благожелательно игнорировались.

Заключение. Таким образом, американская дипломатия смогла навязать свою волю российской стороне. Несмотря на прогерманские взгляды дипломата и его поступки, противоречащие дипломатическому этикету, он покинул свой пост только после завершения мирового военного конфликта в ноябре 1918 г. Анализ источников по теме позволяет понять алгоритм мышления американских дипломатов, проанализировать их представление о том, что соответствует интересам американского государства и народа. В работе впервые введены в научный оборот документы из фондов Архива внешней политики Российской империи, позволяющие описать сложные русско-американские отношения на территории Китая в годы Первой мировой войны, касающиеся той поры, когда правительство США все же приняло решение присоединиться к Антанте.

Примечания

¹ Дэвис, Д. Э. Кривые зеркала. США и их отношения с Россией и Китаем в XX веке. Москва: Вагриус, 2009. 912 с.; Li, Tien-yi (1952). Woodrow Wilson's China Policy, 1913–1917, Kansas City, Kansas Univ. Press publ., 268 p.; Baker, R. S. (1937). Woodrow Wilson, Life and Letters, in 8 v., v. 6, Facing War, 1915–1917, Garden City, N. Y., Doubleday, Doran & Co publ., 187 p.; Reinsch, P. S. (1922). An American Diplomat in China, N. Y., Doubleday & Co publ., 396 p.; Cohen, W. (1980). America's response to China, An interpretative history of Sino-American relations, N. Y., John Wiley & Sons publ., 271 p.; Байбакова, Л. В. Эволюция внешнеполитической доктрины У. Дж. Брайана: от силового реализма к мирному урегулированию международных конфликтов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2009.

№ 4. С. 11; Pugach, N. H. (1979). Paul S. Reinsch, Open Door Diplomat in Action, N. Y., KTO Press publ., 310 p.; Pugach, N. H. (1970). Making the Open Door Work, Paul S. Reinsch in China, 1913–1919, *Pacific Historical Review*, XXXIX, pp. 157–175; Griswold, A. W. (1938). The Far Eastern Policy of the United States, N. Y., Harcourt, Brace & Co publ., 528 p.; Аварин, В. Я. Борьба за Тихий океан: Агрессия США и Англии, их противоречия и освободительная борьба народов. Москва: Госполитиздат, 1952. 672 с.

² Ананьева, Н. П. О роли Китайской Восточной железной дороги в экспансионистских замыслах США в Маньчжурии в 1906–1917 гг. // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 2011. № 4 (33). С. 46–56; Гостев, С. С., Мыцков, В. В. Жандармско-полицейский надзор на железных дорогах России в начале XX в. // Берегиня. 777. Сова: общество, политика, экономика. 2009. № 1 (1). С. 9–14; Греков, Н. В. Русская контрразведка в 1905–1917 годах – шпиономания и реальные проблемы. Москва: МОНФ, 2000. 209 с.; Греков, Н. В. Разработка и реализация мер по охране железных дорог Сибири в 1914–1917 гг. // Известия Лаборатории древних технологий. № 4 (17). 2015. С. 76–85; Иконникова, Т. Я. Военнопленные Первой мировой войны на Дальнем Востоке России (1914–1918 гг.). Хабаровск: Типография Хабаровского УПП ВОС, 2004. 178 с.; Синиченко, В. В. Работа негласной агентуры МВД по выявлению фактов шпионажа на востоке Российской империи в годы Первой мировой войны: монография. Москва: Проспект, 2021. 144 с.; Качкин, А. Н. Деятельность сотрудников Отдельного корпуса жандармов Российской империи по борьбе со шпионажем на Дальнем Востоке перед началом и в годы Первой мировой войны // Вестник ТОГУ. 2012. № 1 (24). С. 281–286.

³ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. 1915–1919 гг. Д. 1022. Л. 14.

⁴ Там же. Л. 23.

⁵ Там же. Л. 26.

⁶ Там же. Л. 353.

⁷ Там же. Л. 81.

⁸ Там же.

⁹ Там же. Л. 82.

¹⁰ Там же. Л. 83.

¹¹ Там же.

¹² Там же. Д. 1021. Л. 88.

¹³ Там же. Л. 92.

¹⁴ Там же. Л. 94.

¹⁵ Там же. Л. 99.

¹⁶ Там же. Л. 102.

¹⁷ Там же. Л. 101.

¹⁸ Там же. Л. 102.

¹⁹ Там же. Л. 104.

²⁰ Там же. Л. 105.

Аннотация

В статье описан дипломатический конфликт США и России в годы Первой мировой войны по делу американского консула в Харбине Чарльза Мозера по документам из фондов Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ, г Москва). В работе использован на основе принципов историзма историко-системный метод, который позволил прийти к выводу о том, что в основе американской дипломатии еще со времен Первой мировой войны лежит приоритет американских интересов, а не общих интересов партнеров по политической коалиции. Основанием для проведения исследования послужило отсутствие современных трудов по анализу причин формирования позиции американской дипломатии в отношении как союзников, так и военно-политических противников. История русско-американских дипломатических отношений достаточно многогранная тема. Первоначально благожелательное отношение Российской империи к возникшим в конце XVIII в. Северо-Американским Соединенным штатам сохранялось на протяжении почти всего XIX в. Причиной этого являлось достаточно напряженные отношения США со своей бывшей метрополией – Британской империей, геополитическим противником Российской империи в тот период времени. Кроме того, в первой половине XIX в. США входили в пятерку главных внешнеторговых партнеров России. Однако во второй половине XIX в. ситуация изменилась. Во-первых, Россия построила железные дороги к черноморским портам и стала через проливы активно вывозить пшеницу в страны Европы. С конца 1870-х гг. главным конкурентом на европейском рынке продовольствия для русского хлеба стал американский. Во-вторых, в конце XIX в. из России в США начался значительный иммиграционный отток лиц прежде всего еврейской национальности. Многие из новых граждан США негативно относились к стране, которую они покинули, все это накладывало отпечаток и на политический класс американского общества, зависевшего от мнений избирателей. В результате в начале XX в. в период Русско-японской войны 1904–1905 гг. значительная часть американского истеблишмента занимала прояпонскую позицию. В годы Первой мировой войны правительство США

заяло позицию нейтралитета, которую сохраняло до начала 1917 г., пока в руки американских властей не попала телеграмма, посланная министром иностранных дел Германской империи германскому послу в США. В ней предлагалось привлечь Мексику на сторону Германии в случае вступления США в войну на стороне Антанты. Эта телеграмма послужила поводом для вступления Вашингтона в мировую войну на стороне Антанты. Однако до апреля 1917 г. американское правительство придерживалось строгого нейтралитета. В этих условиях часть американских дипломатов занимала прогерманскую позицию и, более того, совершала действия в пользу германской стороны. Один из таких эпизодов произошел в 1915 г., когда Чарльз Мозер, американский консул в китайском городе Харбин, который располагался на территории Китайской Восточной железной дороги – магистрали, проходившей по Маньчжурии и соединявшей Забайкалье с Приморьем, оказывал содействие бежавшим из русского плена офицерам германской и австро-венгерской армий, снабжал их деньгами и рекомендациями по установлению контактов с прогермански настроенными русскими подданными и дипломатическими представителями Германской и Австро-Венгерской империй в Китайской Республике.

Ключевые слова: Первая мировая война 1914–1918 гг., Российская империя, Антанта, Китай, Германская империя, Австро-Венгерская империя, российская контрразведка, КВЖД, консул, государственный секретарь США, российский посланник в Вашингтоне, военнопленные Первой мировой войны 1914–1918 гг., Временное правительство, П. Н. Милоков, Харбин.

Список литературы

Аварин, В. Я. Борьба за Тихий океан: Агрессия США и Англии, их противоречия и освободительная борьба народов. Москва: Госполитиздат, 1952. 672 с.

Ананьева, Н. П. О роли Китайской восточной железной дороги в экспансионистских замыслах США в Маньчжурии в 1906–1917 гг. // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 2011. № 4 (33). С. 46–56.

Байбакова, Л. В. Эволюция внешнеполитической доктрины У. Дж. Брайана: от силового реализма к мирному урегулированию международных конфликтов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2009. № 4. С. 12–22.

Гостев, С. С., Мыцыков, В. В. Жандармско-полицейский надзор на железных дорогах России в начале XX в. // Берегиня. 777. Сова: общество, политика, экономика. 2009. № 1 (1). С. 9–14.

- Греков, Н. В. Русская контрразведка в 1905–1917 годах – шпиономания и реальные проблемы. Москва: МОНФ, 2000. 209 с.
- Греков, Н. В. Разработка и реализация мер по охране железных дорог Сибири в 1914–1917 гг. // Известия Лаборатории древних технологий. № 4 (17). 2015. С. 76–85.
- Дэвис, Д. Э. Кривые зеркала. США и их отношения с Россией и Китаем в XX веке. Москва: Вагриус, 2009. 912 с.
- Иконникова, Т. Я. Военнопленные Первой мировой войны на Дальнем Востоке России (1914–1918 гг.). Хабаровск: Типография Хабаровского УПП ВОС, 2004. 178 с.
- Качкин, А. Н. Деятельность сотрудников Отдельного корпуса жандармов Российской империи по борьбе со шпионажем на Дальнем Востоке перед началом и в годы Первой мировой войны // Вестник ТОГУ. 2012. № 1 (24). С. 281–286.
- Baker, R. S. (1937). Woodrow Wilson, Life and Letters, in 8 v., v. 6, Facing War, 1915–1917, Garden City, N. Y., Doubleday, Doran & Co publ., 187 p.
- Cohen, W. (1980). America's response to China, An interpretative history of Sino-American relations, N. Y., John Wiley & Sons publ., 271 p.
- Griswold, A. W. (1938). The Far Eastern Policy of the United States, N. Y., Harcourt, Brace & Co publ., 528 p.
- Li, Tien-yi (1952). Woodrow Wilson's China Policy, 1913–1917, Kansas City, Kansas Univ. Press publ., 268 p.
- Pugach, N. H. (1979). Paul S. Reinsch, Open Door Diplomat in Action, N. Y., KTO Press publ., 310 p.
- Pugach, N. H. (1970). Making the Open Door Work, Paul S. Reinsch in China, 1913–1919, *Pacific Historical Review*, XXXIX, pp. 157–175.
- Reinsch, P. S. (1922). An American Diplomat in China, N. Y., Doubleday & Co publ., 396 p.

Сведения об авторах

Синиченко Владимир Викторович, доктор исторических наук, профессор, Байкальский государственный университет, проректор по научной работе и международной деятельности университета, г. Иркутск, Российская Федерация, 8-964-733-49-29, v.v.sinichenko@bk.ru

В редакцию статья поступила 24.06.2024 г., рекомендована к опубликованию 20.12.2024 г.

Scientific article

doi 10.28995/2073-0101-2025-1-67-82

For citation

Sinichenko, Vladimir V. (2025). Diplomatic conflict between the United States and Russia during World War I in the case of Charles Moser, American Consul in Harbin, based on documents from the archives of the Foreign Policy Archive of the Russian Empire, *Herald of an Archivist*, no. 1, pp. 67–82, doi 10.28995/2073-0101-2025-1-67-82

Sinichenko, Vladimir V., Baikal State University, Irkutsk, Russia
Diplomatic conflict between the United States and Russia during World War I in the case of Charles Moser, American Consul in Harbin, based on documents from the archives of the Foreign Policy Archive of the Russian Empire

Abstract

The article describes the diplomatic conflict between the United States and Russia during World War I in the case of the American consul in Harbin Charles Moser on the basis of documents from the funds of the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI, Moscow). The work uses the historical-systemic method based on the principles of historicism, which allowed us to come to the conclusion that American diplomacy since World War I has been based on the priority of American interests rather than the common interests of political coalition partners. The basis for the study was the lack of modern works on analyzing the reasons for the formation of the position of American diplomacy in relation to both allies and military-political adversaries. The history of Russian-American diplomatic relations is a rather multifaceted topic. The initial favorable attitude of the Russian Empire to the North American United States, which emerged in the late 18th century, was maintained throughout most of the 19th century. The reason for this was the rather tense relations of the United States with its former metropolis – the British Empire, the geopolitical adversary of the Russian Empire at that time. In addition, in the first half of the nineteenth century, the United States was one of the five main foreign trade partners of Russia. However, in the second half of the nineteenth century the situation changed. First, Russia built railroads to the Black Sea ports and began to export wheat to European countries through the Straits. Since the late 1870s, the main competitor for Russian bread in the European food market became the American one. Secondly, at the end of the nineteenth century, there was a significant immigration outflow from Russia to the United States, primarily of Jewish nationality. Many of the new U.S. citizens had a negative attitude to the country they had left, and all this also affected the political class of

American society, which depended on the opinions of voters. As a result, in the early twentieth century, during the Russo-Japanese War of 1904–1905, a significant part of the American establishment took a pro-Japanese position. During World War I, the U.S. government adopted a position of neutrality, which it maintained until the beginning of 1917, when a telegram sent by the Foreign Minister of the German Empire to the German ambassador to the United States fell into the hands of the U.S. authorities. It suggested that Mexico should be brought on the side of Germany in case the United States entered the war on the side of the Entente. This telegram prompted Washington's entry into the world war on the side of the Entente. However, until April 1917, the American government adhered to strict neutrality. Under these conditions, some American diplomats took a pro-German position and, moreover, committed acts in favor of the German side. One such episode occurred in 1915, when Charles Moser, the American consul in the Chinese city of Harbin, which was located on the territory of the Chinese Eastern Railway – the main line that ran through Manchuria, connecting Transbaikalia with Primorye, assisted officers of the German and Austro-Hungarian armies who had escaped from Russian captivity, provided them with money and advice on establishing contacts with pro-German Russian subjects and diplomatic representatives of the German and Austro-Hungarian empires in the Republic of China.

Keywords

World War I 1914–1918, Russian Empire, Entente, China, German Empire, Austro-Hungarian Empire, Russian counterintelligence, CEL, consul, U.S. Secretary of State, Russian envoy to Washington, prisoners of war of World War I 1914–1918, Provisional Government, P. N. Milyukov, Harbin.

References

- Avarin, V. Ya. (1952). Struggle for the Pacific Ocean, Aggression of the United States and England, their contradictions and the liberation struggle of the peoples. Moscow: Gospolitizdat, 672 p.
- Ananyeva, N. P. (2011). On the role of the Chinese Eastern Railway in the expansionist plans of the United States in Manchuria in 1906–1917, *Bulletin of the Ryazan State University named after S. A. Esenin*, № 4 (33), pp. 46–56.
- Baibakova, L. V. (2009). Evolution of the foreign policy doctrine of W. J. Bryan, from power realism to the peaceful settlement of international conflicts, *Izvestiya vysokikh uchebnykh uchebnykh obrazovaniya. Volga region. Social Sciences*, № 4, pp. 12–22.
- Gostev, S. S., Mytsykov, V. V. (2009). Gendarme-police supervision on the railroads of Russia in the early twentieth century, *Bereginya. 777. Sova, society, politics, economy*, № 1 (1), pp. 9–14.

- Grekov, N. V. (2000). Russian counterintelligence in 1905–1917 years – spionomania and real problems, Moscow, MONF publ., 209 p.
- Grekov, N. V. (2015). Development and implementation of measures to protect the railroads of Siberia in 1914–1917, *Izvestiya Laboratoriya Ancient Technologies*, № 4 (17), pp. 76–85.
- Davis, D. E. (2009). Crooked mirrors, USA and its relations with Russia and China in the twentieth century, Moscow, Vagrius publ., 912 p.
- Ikonnikova, T. Y. (2004). POWs of the First World War in the Russian Far East (1914–1918), Khabarovsk, Tipografiya Khabarovsky UPP VOS publ., 178 p.
- Kachkin, A. N. (2012). Activity of the staff of the Separate Corps of Gendarmes of the Russian Empire to combat espionage in the Far East before the beginning and during the First World War, *Vestnik TOGU*, № 1 (24), pp. 281–286.
- Baker, R. S. (1937). Woodrow Wilson, Life and Letters, in 8 v., v. 6, Facing War, 1915–1917, Garden City, N. Y., Doubleday, Doran & Co publ., 187 p.
- Cohen, W. (1980). America's response to China, An interpretative history of Sino-American relations, N. Y., John Wiley & Sons publ., 271 p.
- Griswold, A. W. (1938). The Far Eastern Policy of the United States, N. Y., Harcourt, Brace & Co publ., 528 p.
- Li, Tien-yi (1952). Woodrow Wilson's China Policy, 1913–1917, Kansas City, Kansas Univ. Press publ., 268 p.
- Pugach, N. H. (1979). Paul S. Reinsch, Open Door Diplomat in Action, N. Y., KTO Press publ., 310 p.
- Pugach, N. H. (1970). Making the Open Door Work, Paul S. Reinsch in China, 1913–1919, *Pacific Historical Review*, XXXIX, pp. 157–175.
- Reinsch, P. S. (1922). An American Diplomat in China, N. Y., Doubleday & Co publ., 396 p.

About authors

Sinichenko, Vladimir V., Doctor of Historical Sciences, Professor, Baikal State University, Vice-Rector for Research and International Affairs, Irkutsk, Russia, +7-964-733-49-29, v.v.sinichenko@bk.ru

The article was received in the editorial office on 24.06.2024, recommended for publication on 20.12.2024

Научная статья

УДК 93/94+651.5+355.01+001.814.2+002.513.5+316.6+353.8+303.424+353.9+930.85+651.512+351/354+651.9+930.2+930.24+651.513.2+303.423+338.23+651.531.17+651.838.2+342.78+351.86+651.7+325.1+651.9+303.64+353.1+353.2+930.25

doi 10.28995/2073-0101-2025-1-83-98

Для цитирования

Ченцов, А. С. Документальные источники о деятельности органов МВД на территории Калининградской области. 1945–1949 гг. // Вестник архивиста. 2025. № 1. С. 83–98, doi 10.28995/2073-0101-2025-1-83-98

Ченцов, А. С.

Военный университет им. князя Александра Невского,
г. Москва, Российская Федерация

Документальные источники о деятельности органов МВД на территории Калининградской области. 1945–1949 гг.

Введение. Ранняя история Калининградской области представляет собой яркий пример быстрой и эффективной интеграции новых территорий в состав Советского Союза по итогам Второй мировой войны. Именно в период с 1945 по 1949 г. руководством СССР на территории северо-восточной части бывшей германской провинции Восточная Пруссия был проведен комплекс мероприятий, направленный на реформатирование политической системы, встраивание в общегосударственную экономическую систему промышленности и сельского хозяйства, а также полную смену национального состава региона.

Историографический обзор. Начиная с 1990-х гг. силами калининградских историков были освещены практически все вопросы ранней истории Калининградской области. Помимо фундаментальных трудов, посвященных истории Восточной Пруссии и ее включению в состав Советского Союза¹, калининградскими историками Ю. В. Костяшовым, Г. В. Кретининым, Д. В. Манкевичем, В. Н. Масловым² и другими авторами рассмотрены вопросы деятельности советских и партийных

органов по интеграции региона в состав Советского Союза, освещены проблемы заселения нового региона, вопросы изменения его национального и конфессионального состава. Вместе с тем, несмотря на большое количество публикаций, за рамками исследований осталась деятельность органов МВД СССР на территории Калининградской области, рассмотрение которой позволяет дать более полную характеристику обстановки в исследуемый период, а также определить место правоохранительных структур в реализации задач интеграции региона в состав СССР. Следует отметить, что данный вопрос рассматривается в некоторых публикациях, которые носят, прежде всего, информационный характер и не представляют собой серьезных исторических исследований³.

Обзор источников. Имеющиеся в открытом доступе документы позволяют практически в полном объеме представить деятельность органов МВД в период интеграции Калининградской области в состав Советского Союза. Фактически все они находятся на хранении в отделе специальных фондов и реабилитации жертв политических репрессий информационного центра Управления МВД России по Калининградской области. Данная статья представляет собой первую попытку характеристики уникальных документов, раскрывающих деятельность органов МВД на территории Калининградской области в период с 1945 г. по 1949 г.

Структуры НКВД СССР в виде оперативных групп приступили к работе на территории Восточной Пруссии в январе 1945 г. Первоначально их деятельностью руководили уполномоченные НКВД СССР по 1-му Прибалтийскому и 3-му Белорусскому фронтам, а к осени 1945 г. был сформирован аппарат уполномоченного НКВД СССР по Восточной Пруссии (с января 1946 г. – уполномоченного НКВД–НКГБ по Восточной Пруссии), в подчинении которого находились два оперативных сектора, имевших в своем составе 24 оперативные группы. После образования Кенигсбергской области в составе РСФСР на ее территории в течение мая – июня 1946 г. были сформированы органы МВД, которые включали в себя Управление МВД по Кенигсбергской/Калининградской области, областное управление милиции, Кенигсбергское/Калининградское

городское управление милиции, городские и районные отделы (отделения) МВД. С некоторыми изменениями подобная структура просуществовала до конца 1949 г., когда из состава МВД в МГБ СССР были переданы органы милиции.

Постановка проблемы. Выполнение задач, возлагаемых на органы МВД, в специфических условиях Калининградской области было сопряжено с определенными трудностями, связанными с большим количеством немцев, оставшихся в области до конца 1948 г., репатриированных советских граждан, угнанных в годы войны на работы в Германию, а также массовым переселением в регион рабочих и колхозников из различных районов СССР, начавшимся в 1946 г. Несмотря на это, органам МВД в исследуемый период удалось не допустить осложнения криминогенной обстановки в регионе и достичь определенных успехов в борьбе с уголовной и экономической преступностью.

Документы, находящиеся на хранении в отделе специальных фондов и реабилитации жертв политических репрессий информационного центра Управления МВД России по Калининградской области, позволяя практически в полном объеме представить многогранную деятельность правоохранительных структур в период 1945–1949 гг. Наибольший интерес для исследователей ранней истории Калининградской области представляют документальные материалы фонда № 48 «Отдел делопроизводства и режима Управления МВД по Калининградской области».

В описи № 1 указанного фонда к исследуемому периоду относится 55 дел, в которых отложились материалы переписки уполномоченного НКВД СССР по Восточной Пруссии с народным комиссаром внутренних дел СССР, а также начальника Управления МВД по Калининградской области с министром внутренних дел СССР по вопросам организационного строительства структур МВД на территории региона, а также документации населения, проведенной в 1946 г.⁴, специальные сообщения в адрес военного совета 11-й гвардейской армии о наиболее резонансных преступлениях в области⁵, специальные сообщения руководству Калининградского областного комитета ВКП (б) и Калининградского областного исполнительного комитета об оперативной обстановке в области в 1947 г.⁶ Среди дел описи значительный интерес представляет доклад о политико-экономическом

состоянии Калининградской области по состоянию на 1 января 1947 г., состоящий из следующих разделов: 1) общие сведения об области, ее административное деление и количество населения; 2) краткая политическая характеристика области; 3) краткая характеристика промышленности; 4) краткая характеристика сельского хозяйства; 5) краткая характеристика транспорта и связи; 6) краткая характеристика объектов культуры, просвещения и здравоохранения. В приложении к докладу приведены краткие статистические характеристики Калининграда, а также всех районов Калининградской области⁷. Кроме того, отдельное дело включает в себя донесения начальников районных отделов (отделений) МВД, касающиеся встречи колхозников, переселяемых в 1946 г. из различных регионов СССР в Калининградскую область, организации их быта, возникавших при переселении проблем⁸. Отдельные дела описи содержат квартальные отчеты о деятельности Управления МВД по Калининградской области за 1947–1948 гг.⁹, а также протоколы оперативных совещаний при начальнике Управления МВД по Калининградской области за 1948–1949 гг.¹⁰, в которых отражены материалы, касающиеся особенностей оперативной обстановки, результатов деятельности органов МВД по борьбе с уголовной и экономической преступностью, проблемных вопросов и путей их решения.

Значительная часть документов описи № 1 фонда № 48 посвящена процессу выселения немецкого населения из Калининградской области в советскую зону оккупации Германии, проведенного в три этапа: осенью 1947 г., весной и осенью 1948 г. Вместе с тем, еще с февраля 1947 г. отдельным категориям немцев стали выдаваться разрешения на выезд в советскую зону оккупации Германии. В исторической литературе распространено мнение, что в период с апреля по июнь 1947 г. разрешение на выезд получили 3 390 немцев¹¹. Имеющиеся в архиве две книги справок¹² позволяют уточнить эту цифру, которая составляет 6 160 человек.

Результаты исследования. Наиболее полное отражение в документах получил первый этап выселения немецкого населения, проведенный в октябре – ноябре 1947 г. В рамках подготовительных мероприятий на сформированные районные оперативные группы возлагалось составление списков лиц, подлежащих отправке в советскую зону оккупации Германии.

Список составлялся по каждому району (в некоторых случаях – по каждому крупному населенному пункту). В нем указывались фамилия и имя выселяемого лица, год рождения, место рождения, число членов семьи, а также место жительства. Всего на хранении находится 13 дел со списками, подготовленными районными оперативными группами МВД¹³, изучение которых позволяет уточнить численность немецкого населения, проживавшего в каждом районе Калининградской области, а также определить его половозрастную структуру.

Отдельное дело¹⁴ включает в себя нормативные акты по переселению немцев, подготовленные Управлением МВД по Калининградской области, а также отчетные материалы по отправке эшелонов (телеграммы на имя заместителя министра внутренних дел генерал-полковника И. А. Серова о результатах выселения за октябрь 1947 г., переписка с управлением Прибалтийского военного округа о выделении автотранспорта для перевозки немцев от мест проживания к местам формирования эшелонов, докладная записка начальника контрольно-пропускного пункта «Калининград» начальнику Управления МВД по Калининградской области об общем количестве эшелонов, отправленных в советскую зону оккупации Германии в октябре – ноябре 1947 г., и численности выселенных немцев). Особого внимания заслуживает докладная записка начальника Управления МВД по Калининградской области генерал-майора В. И. Демина начальнику Главного управления пограничных войск МВД СССР генерал-лейтенанту Н. П. Стаханову от 8 января 1948 г., содержащая перечень вопросов, которые необходимо было учесть в рамках последующего переселения немецкого населения¹⁵.

Одним из важнейших документов, касающихся выселения немецкого населения из Калининградской области, являются эшелонные списки, в которых указывались фамилия, имя, год рождения переселяемого лица, количество членов семьи (при наличии), а также место жительства. На каждый эшелон составлялось три эшелонных списка, подписанных начальником Управления МВД по Калининградской области, начальником сборно-пересельного пункта на станции отправки и начальником эшелона. Один экземпляр оставался в Управлении МВД по Калининградской области, второй передавался начальником

эшелона представителю советской военной администрации в Германии в пункте сдачи переселенцев, а третий, заверенный представителем советской военной администрации, возвращался начальником эшелона в Управление МВД по Калининградской области. Исследователям доступны два экземпляра эшелонных списков переселенных немцев, сопровождаемых в своем большинстве актами начальников эшелонов о количестве принятого и сданного контингента, его физическом состоянии и имевшихся случаях смертности. Эшелонные списки первого этапа выселения сосредоточены в десяти делах¹⁶, второго этапа – в пяти делах¹⁷, третьего этапа – в девяти делах¹⁸. Кроме того, четыре дела¹⁹ содержат эшелонные списки немцев, переселенных в Германскую Демократическую Республику в период с 1949 по 1951 г.

Опись № 3 фонда № 48 «Отдел делопроизводства и режима Управления МВД по Калининградской области» содержит подлинные нормативные правовые акты (совершенно секретные, секретные, несекретные приказы, указания, директивы и распоряжения) уполномоченного НКВД СССР по Восточной Пруссии, уполномоченного НКВД – НКГБ СССР по Восточной Пруссии, уполномоченного МВД СССР по Кенигсбергской области и начальника Управления МВД по Калининградской области. Документы, изданные в период с 1945 по 1949 г., содержатся в 28 делах²⁰. Особый интерес представляют приказы, касающиеся изменений организационно-штатной структуры (например, комплекс приказов, посвященных формированию органов МВД на территории Кенигсбергской области в мае – июне 1946 г., реорганизации органов МВД в октябре 1947 г., передаче милиции в состав МГБ СССР в 1949 г.), а также вопросов, касающихся различных направлений деятельности органов МВД в условиях интеграции региона в состав Советского Союза (приказы и директивы по охране общественного порядка, по приему переселенцев из различных регионов СССР, по выселению немецкого населения из Калининградской области, обеспечению охраны заключенных и военнопленных).

Своеобразным дополнением к материалам, характеризующим результаты деятельности органов МВД в исследуемый период, являются документы фонда № 45 «Информационный

центр УВД Калининградской области». В пятнадцати делах²¹ содержатся формализованные документы, представляемые Управлением МВД по Калининградской области в МВД СССР в 1946–1949 гг. (форма № 2 «Цифровые сведения о движении лиц, разрабатываемых по агентурным делам, делам-формулам и учетным делам»; форма № 4 «Сведения о численности и движении агентурно-осведомительной сети органов милиции»; форма № 6 «Цифровые сведения о результатах оперативно-следственной работы органов милиции»). Наибольший интерес для исследователей представляют данные, представленные в форме № 6, в которой отражались: 1) итоги оперативно-следственной работы за месяц (с разбивкой видов преступлений по отделу уголовного розыска, по отделу по борьбе с хищениями социалистической собственности, по другим отделам); 2) решения судебных органов; 3) анализ законченных и направленных по подследственности в органы прокуратуры дел по объектам работы ОБХСС; 4) количество изъятых у преступников денег, золота, иностранной валюты, хлебопродуктов, масла и жиров, мяса и мясопродуктов, продовольственных и промышленных товаров (по линии ОБХСС); 5) данные о прекращенных делах в процессе следствия (с указанием причин); 6) социальный состав, партийность, национальность, подданство и возраст привлеченных к уголовной ответственности и арестованных лиц. Анализ этих статистических данных позволяет увидеть наиболее характерные виды преступлений, совершаемые в Калининградской области, оценить динамику криминогенной обстановки, эффективность следственной работы органов МВД, а также рассмотреть социальную характеристику лиц, привлеченных к уголовной ответственности за совершение преступлений.

Важные материалы по кадровой политике органов МВД в рассматриваемый период содержатся в документах фонда № 33 «Управление по работе с личным составом Управления МВД России по Калининградской области». В четырнадцати делах²², относящихся к периоду с 1945 по 1949 г., сосредоточены докладные записки руководства Управления МВД по Калининградской области, обосновывающие изменения организационно-штатной структуры, отчеты по работе отдела кадров, именные списки личного состава.

Документы по отдельным направлениям деятельности органов МВД на территории области в исследуемый период отложились также и в ряде других архивных фондов. Так, материалы фонда № 47 «Отдел по борьбе с бандитизмом Управления МВД по Калининградской области» включают в себя ежемесячные и квартальные отчеты по деятельности отдела и его периферийных органов, документы по фильтрации репатриантов, число которых достигало в первые годы существования области до 10 тыс. человек²³.

Достаточно полно отражена деятельность отдела по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью. В документах двух фондов (фонд № 34 «Центр временного содержания несовершеннолетних правонарушителей Управления МВД России по Калининградской области» и фонд № 40 «Калининградская детская трудовая колония УВД Калининградского облисполкома») представлена документальная квартальная отчетность отдела, Калининградского и Черняховского детских приемников-распределителей, делопроизводственные документы (приказы, отчеты, справки) по Тапиаусской детской трудовой колонии для несовершеннолетних немцев, существовавшей с января по декабрь 1946 г., а также по Багратионовской детской трудовой колонии²⁴.

Большое число документов, находящихся на хранении, посвящено деятельности пенитенциарной системы на территории Калининградской области. В рассматриваемый период в области функционировало три следственные тюрьмы, а также несколько исправительно-трудовых колоний, контингент которых использовался на восстановлении промышленных предприятий. Фонд № 56, включающий в себя несколько описей, содержит материалы, касающиеся деятельности как отдела исправительно-трудовых колоний (опись 1), так и самих пенитенциарных учреждений (описи 2, 3, 8, 9). Документы фонда включают в себя приказы начальника отдела, начальников исправительно-трудовых колоний, производственную документацию, статистические материалы, касающиеся социального состава и трудового использования контингента.

В документах двух фондов (фонд № 5 «Лагерь военнопленных и интернированных № 445 и № 533» и фонд № 6 «Отдел по

делам военнопленных и интернированных Управления МВД по Калининградской области (оперативное отделение)» содержатся сведения по контингенту лагерей военнопленных и интернированных, функционировавших до 1949 г. Особую ценность имеют статистические данные, а также специальные сообщения о розыске военных преступников, докладные записки о характере переписки военнопленных с родственниками, находившимися не только в советской, но и в союзных зонах оккупации, сведения о моральном состоянии военнопленных и интернированных²⁵.

Следует отметить, что большая часть документов фондов, указанных в статье, находится на открытом хранении. Вместе с тем, ряд документов, особенно касающихся методов агентурно-оперативной работы и особенностей оперативно-розыскной деятельности, до сих пор засекречены. Так, большая часть дел фонда № 47 «Отдел по борьбе с бандитизмом Управления МВД по Калининградской области», касающаяся периода после 1947 г., полностью находится на секретном хранении. В полном объеме рассекречены только материалы, касающиеся деятельности отдела по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью, а также подведомственных ему учреждений.

Второй особенностью архивной коллекции является практически полное отсутствие документов, касающихся деятельности областного и городского управлений милиции, а также районных отделов (отделений) МВД за рассматриваемый период. Вместе с тем материалы из указанных выше фондов позволяют, пусть и не в полной мере, компенсировать этот недостаток.

Заключение. Документальные материалы, находящиеся на хранении в отделе специальных фондов и реабилитации жертв политических репрессий информационного центра Управления МВД России по Калининградской области, являются ценнейшим источником информации по ранней истории региона. Вместе с тем в научный оборот введено только несколько документов, находящихся в делах, входящих в опись № 1 фонда № 48 «Отдел делопроизводства и режима Управления МВД по Калининградской области». С остальными документами исследователи не работали, что является серьезным пробелом в процессе изучения вопросов интеграции бывшей германской провинции Восточная Пруссия в состав Советского Союза.

Примечания

¹ Восточная Пруссия. С древнейших времен до конца Второй мировой войны: Исторические очерки. Документы. Материалы / В. И. Гальцов, В. С. Исупов, В. И. Кулаков и др. Калининград: Книжное издательство, 1996. 538 с.; Очерки истории Восточной Пруссии / Г. В. Кретинин, В. Н. Брюшинкин, В. И. Гальцов и др. Калининград: Янтарный сказ, 2004. 536 с.

² Костяшов, Ю. В. Депортация немцев из Калининградской области после войны // Миграционные последствия Второй мировой войны: этнические депортации в СССР и странах Восточной Европы: сборник научных статей / Отв. ред. Н. Н. Аблажей, А. Блюм. Новосибирск: Наука, 2012. С. 56–67; Костяшов, Ю. В. Депортация немцев из Калининградской области после войны // Миграционные последствия Второй мировой войны: этнические депортации в СССР и странах Восточной Европы: сборник научных статей / Отв. ред. Н. Н. Аблажей, А. Блюм. Новосибирск: Наука, 2012. С. 56–67; Костяшов, Ю. В. Секретная история Калининградской области. Очерки 1945–1956 гг. Калининград: Терра Балтика, 2009. 352 с.; Кретинин, Г. В. К вопросу о создании системы советского государственного управления на территории Калининградской области // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 1. С. 82–87; Манкевич, Д. В. К вопросу о заселении сельских районов Калининградской области // Калининградские архивы. Материалы и исследования. Вып. 9 / Отв. ред. В. Н. Маслов. Калининград: Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта, 2011. С. 149–157; Манкевич, Д. В. «Немецкий контингент» Кенигсбергской области в 1945 – первой половине 1946 года: штрихи к портрету // Балтийские исследования. Сборник научных трудов. Вып. 5 / Отв. ред. В. Н. Маслов. Калининград: Балтийский федеральный университет им. И. Канта, 2009. С. 48–55; Маслов, В. Н. Из истории становления Калининградской области: Первое совещание при Кенигсбергском областном управлении по гражданским делам 26–27 июня 1946 года // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2013. № 12. С. 83–96; Маслов, В. Н. Создание Кенигсбергской области и ее переименование в 1946 г. // Калининградские архивы. Материалы и исследования. Вып. 11 / Отв. ред. В. Н. Маслов. Калининград: Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта, 2014. С. 99–109.

³ Калининградская милиция: Очерки, воспоминания, документы. 1946–2001 гг. / Авт.-сост. В. А. Чепрасов. Калининград: Янтарный сказ, 2001. 348 с.; На рубежах янтарного края: Сборник статей и документальных материалов по истории органов государственной безопасности

Калининградской области 1945–2011 гг. / Редсовет А. Н. Козлов (пред.) и др. Москва: Граница, 2011. 228 с.; Щеглов, А. М. Указ. соч.

⁴ Управление МВД России по Калининградской области. Отдел специальных фондов и реабилитации жертв политических репрессий информационного центра (УМВД КО. ОСФ ИЦ). Ф. 48. Оп. 1. Д. 1.

⁵ Там же. Ф. 48. Оп. 1. Д. 2.

⁶ Там же. Ф. 48. Оп. 1. Д. 4.

⁷ Там же. Ф. 48. Оп. 1. Д. 11.

⁸ Там же. Ф. 48. Оп. 1. Д. 3.

⁹ Там же. Ф. 48. Оп. 1. Д. 52.

¹⁰ Там же. Ф. 48. Оп. 1. Д. 53, 54, 55.

¹¹ Костяшов, Ю. В. Выселение немцев из Калининградской области в послевоенные годы // Вопросы истории. 1994. № 6. С. 187.

¹² УМВД КО. ОСФ ИЦ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 18, 19.

¹³ Там же. Д. 20–26, 28–33.

¹⁴ Там же. Д. 14.

¹⁵ Там же. Л. 24–24 об.

¹⁶ Там же. Д. 14–17, 27, 35–37, 51.

¹⁷ Там же. Д. 7–9, 43–48.

¹⁸ Там же. Д. 38–42.

¹⁹ Там же. Д. 12–13, 49–50.

²⁰ Там же. Оп. 3. Д. 1–28.

²¹ Там же. Ф. 45. Оп. 1. Д. 9–10, 15–21, 40–44а.

²² Там же. Ф. 33. Оп. 1. Д. 1–4, 9–14, 16–18, 24.

²³ Там же. Ф. 47. Оп. 1. Д. 1–3, 5, 19–23, 26, 42–44, 46.

²⁴ Там же. Ф. 34. Оп. 1. Д. 1–7, 15; Оп. 2. Д. 2–9, 11, 15; Ф. 40. Оп. 1. Д. 1, 3, 6, 7, 12, 15–17, 19.

²⁵ Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 3–5, 7, 9–13, 15–18, 23; Ф. 6. Оп. 1. Д. 4–19.

Аннотация

В статье рассмотрен комплекс документальных источников по истории органов МВД на территории Калининградской области в 1945–1949 гг., находящихся на хранении в отделе специальных фондов и реабилитации жертв политических репрессий информационного центра Управления МВД России по Калининградской области. Рассмотренный в статье период представляет собой пример активной работы органов государственного управления по интеграции бывшей германской провинции Восточная Пруссия в состав Советского Союза по итогам Второй мировой войны. Вместе с тем имеющиеся исторические исследования, в которых практически полностью рассмотрена ранняя история Калининградской области,

оставляют за рамками многогранную деятельность органов МВД, сыгравших значительную роль как в стабилизации обстановки на территории нового региона, так и в самом процессе его интеграции в состав СССР. Описаны фонды, содержащие документы, посвященные особенностям оперативной обстановки на территории Калининградской области, созданию и изменению организационно-штатной структуры органов МВД, совершенствованию основных направлений деятельности. Особое внимание уделено анализу документов, касающихся одного из элементов интеграции региона в состав Советского Союза – выселения немецкого населения в советскую зону оккупации Германии в 1947–1948 гг. Рассмотрены особенности статистической отчетности органов МВД за 1946–1949 гг., позволяющей выявить особенности криминогенной ситуации в области, эффективность проводимой следственной работы, а также характеристику лиц, совершавших преступления. Дана характеристика фондов, касающаяся деятельности ряда структурных подразделений Управления МВД по Калининградской области и их периферийных органов. Определены особенности архивной коллекции, связанной с отсутствием материалов, касающихся деятельности органов милиции в исследуемый период и работы периферийных структур Управления МВД по Калининградской области, а также ограниченным доступом к отдельным делам и документам. В заключение сделан вывод о том, что документы архивной коллекции Управления МВД России по Калининградской области являются ценнейшим источником по ранней истории региона, введение которых в научный оборот позволит уточнить многие вопросы, касающиеся проблем интеграции территорий, вошедших в состав СССР по итогам Второй мировой войны.

Ключевые слова: Калининградская / Кенигсбергская область, Восточная Пруссия, интеграция новых территорий СССР, выселение немецкого населения в советскую зону оккупации Германии в 1947–1948 гг., органы МВД СССР, милиция, охрана общественного порядка, немецкое население, исторический источник, архивная коллекция.

Список литературы

Восточная Пруссия. С древнейших времен до конца Второй мировой войны: Исторические очерки. Документы. Материалы / В. И. Гальцов, В. С. Исупов, В. И. Кулаков и др. Калининград: Книжное издательство, 1996. 538 с.

Калининградская милиция: Очерки, воспоминания, документы. 1946–2001 гг. / Авт.-сост. В. А. Чепрасов. Калининград: Янтарный сказ, 2001. 348 с.

Костяшов, Ю. В. Выселение немцев из Калининградской области в послевоенные годы // Вопросы истории. 1994. № 6. С. 186–188.

- Костяшов, Ю. В. Депортация немцев из Калининградской области после войны // Миграционные последствия Второй мировой войны: этнические депортации в СССР и странах Восточной Европы: сборник научных статей / Отв. ред. Н. Н. Аблажей, А. Блюм. Новосибирск: Наука, 2012. С. 56–67.
- Костяшов, Ю. В. Калининградская область в 1947–1948 гг. и планы ее развития // Вопросы истории. 2008. № 4. С. 105–114.
- Костяшов, Ю. В. Секретная история Калининградской области. Очерки 1945–1956 гг. Калининград: Терра Балтика, 2009. 352 с.
- Кретинин, Г. В. К вопросу о создании системы советского государственного управления на территории Калининградской области // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 1. С. 82–87.
- Кретинин, Г. В. Продовольственная проблема нового советского региона в 1945–1946 гг. // Вопросы истории. 2014. № 2. С. 116–121.
- Манкевич, Д. В. К вопросу о заселении сельских районов Калининградской области // Калининградские архивы. Материалы и исследования. Вып. 9 / Отв. ред. В. Н. Маслов. Калининград: Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта, 2011. С. 149–157.
- Манкевич, Д. В. «Немецкий контингент» Кенигсбергской области в 1945 – первой половине 1946 года: штрихи к портрету // Балтийские исследования. Сборник научных трудов. Вып. 5 / Отв. ред. В. Н. Маслов. Калининград: Балтийский федеральный университет им. И. Канта, 2009. С. 48–55.
- Маслов, В. Н. Из истории становления Калининградской области: Первое совещание при Кенигсбергском областном управлении по гражданским делам 26–27 июня 1946 года // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2013. № 12. С. 83–96.
- Маслов, В. Н. Создание Кенигсбергской области и ее переименование в 1946 г. // Калининградские архивы. Материалы и исследования. Вып. 11 / Отв. ред. В. Н. Маслов. Калининград: Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта, 2014. С. 99–109.
- На рубежах янтарного края: Сборник статей и документальных материалов по истории органов государственной безопасности Калининградской области 1945–2011 гг. / Редсовет А. Н. Козлов (пред.) и др. Москва: Граница, 2011. 228 с.
- Очерки истории Восточной Пруссии / Г. В. Кретинин, В. Н. Брюшинкин, В. И. Гальцов и др. Калининград: Янтарный сказ, 2004. 536 с.
- Щеглов, А. М. Щит и меч Янтарного края. Калининград, 2021. 300 с.

Сведения об авторах

Ченцов Алексей Станиславович, кандидат исторических наук, Военный университет им. князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, научно-исследовательский центр (фундаментальных военно-исторических проблем), старший научный сотрудник, г. Москва, Российская Федерация, 8-903-561-29-71, aschentsov@mail.ru

В редакцию статья поступила 01.04.2024 г., рекомендована к опубликованию 20.12.2024 г.

Scientific article

doi 10.28995/2073-0101-2025-1-83-98

For citation

Chentsov, Alexey S. (2025). Documentary sources on the activities of the Ministry of Internal Affairs in the territory of the Kaliningrad region, 1945–1949, *Herald of an Archivist*, no. 1, pp. 83–98, doi 10.28995/2073-0101-2025-1-83-98

Chentsov, A. S., Military University named after Prince Alexander Nevsky, Moscow, Russia

Documentary sources on the activities of the Ministry of Internal Affairs in the territory of the Kaliningrad region, 1945–1949

Abstract

The article considers a set of documentary sources on the history of the Ministry of Internal Affairs in the territory of the Kaliningrad region in 1945–1949, stored in the department of special funds and rehabilitation of victims of political repressions of the information center of the Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Kaliningrad region. The period considered in the article is an example of active work of state administration bodies on the integration of the former German province of East Prussia into the Soviet Union after the Second World War. At the same time, the available historical studies, which almost completely consider the early history of the Kaliningrad region, leave out the multifaceted activities of the Ministry of Internal Affairs bodies, which played a significant role both in stabilizing the situation in the new region and in the very process of its integration into the USSR. The fonds containing documents devoted to the peculiarities of the operational situation in the territory of the Kaliningrad region, the creation and changes in the organizational and staff structure of the Ministry of Internal Affairs bodies, and the improvement of the main areas of activity are described.

Particular attention is paid to the analysis of documents concerning one of the elements of integration of the region into the Soviet Union – the eviction of the German population to the Soviet zone of occupation of Germany in 1947–1948. The peculiarities of the statistical reporting of the Ministry of Internal Affairs for 1946–1949 are considered, which allows to reveal the peculiarities of the criminogenic situation in the region, the effectiveness of the investigative work carried out, as well as the characteristics of the persons who committed crimes. Characterization of the funds concerning the activity of a number of structural subdivisions of the Department of the Ministry of Internal Affairs in the Kaliningrad region and their peripheral bodies is given. The peculiarities of the archival collection are defined, connected with the absence of materials related to the activities of police bodies in the period under study and the work of peripheral structures of the Department of the Ministry of Internal Affairs in the Kaliningrad region, as well as limited access to individual cases and documents. The conclusion is that the documents of the archival collection of the Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Kaliningrad region are a valuable source on the early history of the region, the introduction of which into scientific circulation will clarify many issues related to the problems of integration of the territories that became part of the USSR after the Second World War.

Keywords

Kaliningrad / Königsberg region, East Prussia, integration of the new territories of the USSR, eviction of the German population in the Soviet zone of occupation of Germany in 1947–1948, bodies of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, police, protection of public order, German population, historical source, archival collection.

References

- Galtzov, V. I., Isupov, V. S., Kulakov, V. I. (Ed.) (1996). East Prussia. From Ancient Times to the End of the Second World War, Historical Sketches, Documents, Materials, Kaliningrad, Book Publishing House publ., 538 p.
- Cheprasov, V. A. (Ed.) (2001). Kaliningrad militia, Essays, memoirs, documents, Kaliningrad, Yantarny Skaz publ., 348 p.
- Kostyashov, Yu. V. (1994). Eviction of Germans from the Kaliningrad region in the postwar years, *Voprosy istorii*, № 6, pp. 186–188.
- Kostyashov, Yu. V. (2012). Deportation of Germans from the Kaliningrad region after the war IN: Migration consequences of the Second World War, ethnic deportations in the USSR and Eastern Europe, a collection of scientific articles, Ed. N. N. Ablazhey, A. Blum, Novosibirsk, Nauka publ., pp. 56–67.
- Kostyashov, Yu. V. (2008). Kaliningrad region in 1947–1948 and plans for its development, *Voprosy istorii*, № 4, pp. 105–114.

- Kostyashov, Yu. V. (2009). Secret history of the Kaliningrad region, Essays 1945–1956 gg., Kaliningrad, Terra Baltica publ., 352 p.
- Kretinin, G. V. (2018). To the question about the creation of the system of Soviet state administration in the territory of the Kaliningrad region, *Vestnik of the Baltic Federal University named after I. Kant. Series Humanities and Social Sciences*, № 1, pp. 82–87.
- Kretinin, G. V. (2014). Food problem of the new Soviet region in 1945–1946, *Voprosy istorii*, № 2, pp. 116–121.
- Mankevich, D. V. (2011). To the question about the settlement of rural areas of the Kaliningrad region IN: Kaliningrad archives. Materials and researches. v. 9, by V. N. Maslov (Ed.), Kaliningrad, Immanuel Kant Baltic Federal University publ., pp. 149–157.
- Mankevich, D. V. (2009). “German contingent” of the Königsberg region in 1945 – the first half of 1946, touches to the portrait. IN: Baltic Studies, Collection of scientific papers, v. 5, V. N. Maslov (Ed.), Kaliningrad, I. Kant Baltic Federal University publ., pp. 48–55.
- Maslov, V. N. (2013). From the history of the formation of the Kaliningrad region, The first meeting at the Königsberg Regional Department of Civil Affairs on June 26–27, 1946, *Bulletin of the I. Kant Baltic Federal University*, № 12, pp. 83–96.
- Maslov, V. N. (2014). Creation of the Koenigsberg region and its renaming in 1946. IN: Kaliningrad archives, Materials and researches, v. 11, V. N. Maslov (Ed.), Kaliningrad, Immanuel Kant Baltic Federal University publ., pp. 99–109.
- Kozlov, A. N. (Ed.) (2011). On the borders of the amber region, A collection of articles and documentary materials on the history of state security agencies of the Kaliningrad region 1945–2011, Moscow, Border publ., 228 p.
- Kretinin, G. V., Brushinkin, V. N., Galtzov, V. I. (Ed.) (2004). Essays on the history of East Prussia, Kaliningrad, Yantarny Skaz publ., 536 c.
- Shcheglov, A. M. (2021). Shield and Sword of the Amber Region, Kaliningrad, 300 p.

About authors

Chentsov, Alexey S., PhD Historical Sciences, Prince Alexander Nevsky Military University, Ministry of Defense of the Russia, Research Center (fundamental military-historical problems), Senior Researcher, Moscow, Russia, +7-903-561-29-71, aschentsov@mail.ru

The article was received in the editorial office on 01.04.2024, recommended for publication on 20.12.2024

Научная статья

УДК 001.38+573.2+93/94+001.814.2+57.017+930.85+008+17.023.36+573.7+001.99+001.89+001.891+001.92+001.53+311.218+930.253+930.255+930.23
doi 10.28995/2073-0101-2025-1-99-117

Для цитирования

Володарская, Е. А., Фандо, Р. А. Достижения советских биологов в экспозиции Дворца науки на Всемирной выставке в Брюсселе. 1958 г. // Вестник архивиста. 2025. № 1. С. 99–117, doi 10.28995/2073-0101-2025-1-99-117

Володарская, Е. А., Фандо, Р. А.

Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН,
г. Москва, Российская Федерация

Достижения советских биологов в экспозиции Дворца науки на Всемирной выставке в Брюсселе. 1958 г.

Введение. Привлечение внимания к роли науки в развитии СССР в середине и во второй половине XX в. отразилось в усилении акцентов государственной научной политики как одной из основных движущих сил дальнейшего прогресса страны. Так, президент АН СССР академик А. Н. Несмеянов, выступая в 1955 г. на сессии Академии наук СССР, посвященной мирному использованию атомной энергии, заявил: «Мы накануне величайшей технико-экономической революции»¹. В частности, 28 мая 1955 г. Центральный Комитет КПСС и Совет министров СССР приняли постановление «Об улучшении дела изучения и внедрения в народное хозяйство опыта и достижений передовой отечественной и зарубежной науки». В документе обращалось внимание на тот факт, что в министерствах и ведомствах имели место крупные изъяны в деле изучения и внедрения в промышленное производство, транспорт, сельское хозяйство и медицину новейших достижений отечественной и зарубежной науки и техники². Также отмечалось, что «научно-техническая пропаганда и информация о научных и технических достижениях в народном хозяйстве поставлены неудовлетворительно»³.

Историография. Истории популяризации достижений советской науки посвящены работы отечественных⁴ и зарубежных исследователей⁵. Авторы публикаций отмечают, что при создании имиджа нашей страны как научной сверхдержавы большое значение имела презентация на международном уровне успехов, которых достигли отечественные ученые за годы социалистического строительства. Значительного прогресса они добились в области физики, математики, химии, биологии, что во многом определялось практическими запросами промышленного производства, сельского хозяйства, медицины, армии и флота. Прорывные открытия советской науки демонстрировались приглашаемым в страну иностранным ученым. Их впечатления от визитов остались в воспоминаниях, в которых, кроме отдельных деталей, содержатся собственные позиции в отношении политических, экономических, культурных и научных достижений Советского Союза⁶. Одновременно с этим происходил и обратный процесс, когда советские специалисты продвигали свои достижения на различных международных конференциях и выставках⁷.

Постановка проблемы. Подготовка и издание ряда нормативных документов в области научно-технической политики в период «оттепели» привело к тому, что на промышленных предприятиях достаточно массовым стало движение рационализаторов и изобретателей, активно транслировались достижения новаторов производства, организовывались курсы для повышения теоретических и специальных знаний у различных специалистов⁸.

В данный исторический период институционализируется идея информационного обмена в науке⁹. Поэтому, несмотря на продолжающееся противостояние политических систем, необходимость послевоенного промышленного подъема предполагала активное участие отечественных ученых в международном сотрудничестве не только с целью включения в систему научно-технической коммуникации, но и с позиции пропаганды успехов социализма в производстве и продвижении научного знания, усиления имиджа страны на международной арене.

Обзор источников. Значимость внимания к вопросам формирования и поддержания позитивного образа СССР

как сильной, имеющей серьезный научно-технологический потенциал державы, находит свое отражение в переписке канцелярии Президиума АН СССР по вопросам международных связей с академическими и неакадемическими учреждениями. Например, И. И. Гривков, председатель Центрального комитета профсоюза работников просвещения, высшей школы и научных учреждений СССР, 12 марта 1959 г. письменно обратился к президенту АН СССР А. Н. Несмеянову: «ЦК профсоюзов убедительно просит Вас лично сделать доклад на Всемирной конференции научных работников о прогрессе наук в СССР и использовании научных достижений для развития экономики и благосостояния советского народа, а также о сотрудничестве СССР с зарубежными странами в области использования научных достижений. ЦК профсоюза считает, что Ваше личное выступление как видного ученого и президента АН СССР будет иметь большое значение для широкой пропаганды научных достижений СССР за рубежом, а также для успеха созываемой Всемирной конференции»¹⁰. Письмо было написано по результатам проходившего в Москве в период с 22 по 24 февраля 1959 г. заседания Организационного комитета по подготовке к Всемирной конференции научных работников, созываемой Всемирной федерацией научных работников в сентябре 1959 г. в Варшаве. Из текста того же письма можно узнать, что на конференции планировалось обсудить вопросы, волновавшие широкие круги научных работников всего мира, в частности, о роли науки в преодолении экономической отсталости и повышении благосостояния народов. Обсуждение этого вопроса должно было показать, какой вклад может внести наука в развитие экономически отсталых стран, вставших на путь государственной независимости¹¹.

Важным свидетельством международного научного сотрудничества СССР стала работа Постоянной смешанной советско-французской комиссии по научным, культурным и техническим связям, нацеленной на организацию научно-технического, культурного, экономического сотрудничества двух стран¹². На ежегодных заседаниях подкомиссии по научно-техническому обмену, проходивших попеременно в СССР

и во Франции, подводились итоги совместных работ за истекший год и намечались перспективы сотрудничества на следующий год.

Результаты исследования. Реализации намеченных комиссией планов иногда мешали бюрократические препоны или запреты от вышестоящих инстанций, в результате чего не всегда иностранные ученые получали разрешение на поездку в СССР. Интересно, что выйти за рамки ежегодно утверждаемых программ обмена было практически невозможно. Это подтверждают выдержки из переписки канцелярии Президиума АН СССР с Министерством иностранных дел СССР. Так, например, в ответе заместителя главного ученого секретаря Президиума АН СССР, члена-корреспондента И. И. Агашкова представителю Европейского отдела МИД на запрос № 444 от 17 апреля 1959 г. можно прочесть, что в программе обмена научными работниками, утвержденной постоянной смешанной советско-французской комиссией по культурным и техническим связям на 1959 г., поездка Жана Уберсфельда в СССР не предусмотрена, и АН СССР не может его принять¹³. Также в письме председателю президиума Всесоюзной торговой палаты М. В. Нестерову от 14 сентября 1959 г. вице-президент АН СССР, академик А. В. Топчиев указывал на то, что какое-либо отклонение от направляемого плана участия АН СССР в организуемых вами выставках за рубежом в 1960 г. в сторону расширения участия не может быть принято, так как это будет выходить за пределы финансирования, производственных и материально-технических ресурсов для подготовки и проведения участия АН в выставках¹⁴.

Примером активного продвижения достижений советских ученых в интернациональном поле науки стало участие АН СССР во Всемирной выставке, состоявшейся в 1958 г. в Брюсселе (Экспо-58). Она стала первой крупной Всемирной выставкой после Второй мировой войны. Советский выставочный павильон, созданный художником К. И. Рождественским и архитектором Р. Р. Кликсом, был удостоен высшей награды – Золотой звезды. В здании павильона экспонировались различные новинки советской техники: модель первого атомного ледокола «Ленин», факсимиле «Спутник-1»,

автомобили ГАЗ-21 «Волга», ГАЗ-13 «Чайка», «Москвич» 407 и 423, фотоаппарат «Комета» и т. п. Кроме павильонов, закрепленных за определенными странами, были построены выставочные залы, посвященные различным отраслям – финансам, транспорту, металлургии, горному делу, автомобилестроению, химической промышленности, атомной энергетике, образованию, культуре, науке и т. д.

Материалы научно-исследовательских работ, в частности, по биологии, выполненные сотрудниками институтов Отделения биологических наук АН СССР, были включены в экспозицию в Международном павильоне Дворца науки. В качестве исторического источника описания содержания и специфики представленного материала нами был использован отчет советского консультанта по биологии, кандидата медицинских наук В. И. Воробьева, отвечавшего за создание нашей экспозиции в павильоне Дворца науки Брюссельской выставки¹⁵. Отчет был направлен 29 января 1959 г. в Научный совет по выставкам при Президиуме АН СССР с приложением в двух экземплярах и одним комплектом фотографий. Сопроводительное письмо было подписано ученым секретарем Института цитологии АН СССР, кандидатом биологических наук А. В. Жирмунским¹⁶.

Согласно источнику, акцент в демонстрируемых на выставке результатах был сделан на экспериментальной биологии. Содержательная специфика передовых для того времени биологических исследований отражалась в 500 экспонатах, которые распределялись по тематическим разделам. В разделе «Живая клетка» было представлено 200 научно-исследовательских работ и приборов, что составило 40% от общего числа демонстрируемых материалов. В разделе «Молекула», посвященном открытиям в области биохимии и молекулярной биологии, экспонировалось 26 стендов, а в разделе «Кристалл» – 4 стенда, на которых наглядно изображались исследования, проведенные в смежных с биологией областях, в частности, по кристаллохимии витаминов, гормонов, антибиотиков, белков.

Большое разнообразие представляемых научных результатов в области изучения биологических молекул было

обусловлено быстрым развитием мировой молекулярной биологии, ее междисциплинарными связями с физикой и химией, помогающими изучать структурную организацию живого и механизмы различных процессов жизнедеятельности. Согласно отчету В. И. Воробьева о выставке, можно представить участие отдельных стран в экспозиции по биологическим наукам (табл. 1).

Таблица 1

Распределение стендов стран-участников экспозиции по биологическим наукам на выставке Экспо-58

Тематика экспозиции	Страна	Число стендов
«Живая клетка»	США	70
	Великобритания	37
	Франция	28
	Бельгия	24
	Италия	12
	ФРГ	11
	СССР	10
	Нидерланды	7
	Швейцария	5
	Чехословакия	4
	Португалия	4
	Испания	1
	Израиль	1
Югославия	1	

Согласно представленным данным, видно, что объем экспозиционно-выставочного пространства отдельных стран был связан с их позициями на мировой научной арене. Лидерами в области экспериментальной биологии в конце 1950-х гг.

были США, Великобритания и Франция, что отразилось на числе демонстрируемых этими странами стендов, посвященных важнейшим открытиям в данной научной отрасли.

Материалы отчета о выставке дают возможность представить в виде таблицы тематику советских экспонатов, которые распределялись по заявленным разделам (табл. 2).

Таблица 2

Представленные на Экспо-58
исследования советских ученых

Раздел	Темы исследования советских ученых	ФИО советских биологов
1	2	3
Химия клетки	Выяснение механизма использования энергии, накопленной клеткой в виде макроэргических соединений при работе мышц	Акад. В. А. Энгельгардт, М. Н. Любимова (Институт физиологии имени И. П. Павлова АН СССР)
Фотосинтез и растительная клетка	Изучение механизма фотосенсибилизирующего действия хлорофилла	Проф. А. Н. Теренин, проф. А. А. Красновский (Институт биохимии АН СССР)
	Исследование биохимии пластид	Проф. А. А. Ничипорович (Институт физиологии растений АН СССР)
	Изучение действия ферментов в зависимости от физико-химического состояния протоплазмы растительной клетки и от способности протоплазмных структур связывать ферменты	Акад. А. И. Опарин, проф. Н. М. Сисакян, (Институт биохимии АН СССР)

Окончание таблицы 2

1	2	3
	Исследование биохимии пластид	Проф. А. А. Ничипорович (Институт физиологии растений АН СССР)
	Изучение действия ферментов в зависимости от физико-химического состояния протоплазмы растительной клетки и от способности протоплазменных структур связывать ферменты	Акад. А. И. Опарин, проф. Н. М. Сисакян, (Институт биохимии АН СССР)
	Изучение способности растений аккумулировать определенные химические элементы из почвы	Акад. А. П. Виноградов (Институт геохимии АН СССР)
	Усовершенствованный метод аноптральной микроскопии	Проф. М. А. Пешков (Институт морфологии животных АН СССР)
	Анализ элементарных механизмов зрения	Проф. Н. Д. Ньюберг (Институт биофизики АН СССР)

В своем отчете В. И. Воробьев высказал сожаление относительно того, что советские работы не были представлены в некоторых разделах экспозиции: «Живая клетка», «Генетика», «Радиобиология», «Вирусы, бактериофаги, бактерии», «Простейшие организмы и грибы», «Животная клетка», «Эмбриология»¹⁷. Подобная картина стала отражением определенного отставания отечественных биологических исследований и разработок в связи с запретом на изучение вопросов генетики, молекулярной биологии, отдельных проблем эволюционной теории. Этот запрет был установлен после известной Августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г. и установившегося господства лысенковщины в биологических науках.

В своем отчете В. И. Воробьев констатировал отставание советской биологии от мировых разработок, не давая при этом соответствующих оценок и не указывая на истинные причины сложившейся ситуации. Он писал: «Оценивая вклад нашей страны в экспозицию Дворца науки, необходимо подчеркнуть, что наша страна совершенно не представила исследований по ведущим разделам экспериментальной биологии. Эти факты не являются случайными. В то время как в физике и ряде областей химии Советский Союз не только не уступает мировым державам, но в некоторых разделах идет впереди них, экспериментальная биология все еще является резко отстающей областью нашей науки. Это отставание резко тормозит использование достижений современной биологии в народном хозяйстве и медицине Советского Союза»¹⁸.

Отметим, что большое внимание организаторы Всемирной выставки в Брюсселе уделяли не только отбору достижений биологической науки, считавшихся в середине прошлого века прорывными, но и приемам их визуальной демонстрации. В упоминаемом ранее отчете было записано, что весьма сложные проблемы биохимии и биоэнергетики излагаются просто и доходчиво в виде схем на американских стендах. Разные виды деления клеток (митоз и мейоз) и сопровождающие их стадии были наглядно продемонстрированы с помощью прекрасных фотографий, представленных в экспозиции Великобритании. Бельгийские ученые рядом со стендом, посвященном наследованию групп крови, поставили лаборанта, который предлагал посетителям определить их группу крови биохимическим методом¹⁹.

Формы популяризации научного знания существенным образом влияют на укрепление интереса, доверия к информации, меру ее позитивной оценки учеными и представителями других целевых групп, обращающихся к теме науки. Поэтому становится интересным, какие сильные и слабые стороны продвижения отечественных научных результатов были обозначены нашим экспертом. Он отметил содержательность и художественное оформление стендов, что привлекало внимание посетителей выставки. Хотя надежность материалов им была оценена как кажущаяся, так как большинство стендов было «немым»²⁰.

В качестве минусов нашей экспозиции называлось следующее: «Посетитель не мог без помощи демонстраторов разобраться в представленных материалах, и даже специалисты, зачастую, с трудом понимали содержание стендов. Стенды перегружены деталями, а надписи слишком краткие, чтобы они могли помочь посетителю ориентироваться. Нельзя также признать удачным освещение подиумов наших стендов, т. к. бьющий свет в глаза затрудняет изучение материалов на стенде, отвлекает посетителя»²¹. Таким образом, можно констатировать, что неучет особенностей восприятия наглядной информации снижал эффективность воздействия на зрителей выставки и мог уменьшить позитивное мнение о достижениях советской науки.

По мнению В. И. Воробьева, иностранные ученые с большим интересом знакомились с представленной советскими специалистами экспозицией. В ходе организованных на выставках встреч ряд зарубежных исследователей высказали пожелания установить более тесные контакты с научными институтами СССР. Так, например, «усовершенствованный метод аностральной микроскопии Пешкова был высоко оценен специалистами, многие из которых интересовались возможностью закупки микроскопов в Советском Союзе»²².

Участие отечественных биологов в международной выставочной деятельности решало задачи как популяризации полученных результатов и подтверждения высокого статуса отечественных исследований, так и имело целью установление и поддержание научных связей не только в области биологии, но и в смежных дисциплинах. Так, встречи на «полях» выставочной экспозиции во Дворце науки позволили выстроить научные связи, в частности, с геологами Бельгии. Подтверждение этому факту можно найти в информационном отчете, подготовленном Н. Г. Тер-Оганесовым, руководителем отдела «Научные исследования в СССР» павильона СССР на Экспо-58. После просмотра нашего павильона бельгийские коллеги сказали, что восхищены и находились под впечатлением от выдающихся достижений Советского Союза в области науки, техники и образования. В результате посещения павильона СССР бельгийцы не только узнали о достижениях советской науки, но и познакомились с нужными им

специалистами, обменялись контактами и обсудили перспективы дальнейшего сотрудничества²³.

Выводы. Анализ участия институтов Отделения биологических наук АН СССР в международных выставках позволяет, с одной стороны, выделить приоритетные направления мировой и отечественной биологии, с другой стороны, помогает понять распределение ресурсов (материальных, технических, кадровых) в различных биологических дисциплинах. Отчеты об участии советских специалистов в международных выставках включают подробную информацию о содержании представленных экспозиций, приемах отбора и популяризации научных достижений. Данная разновидность источников достаточно достоверно и объективно отражает место советских исследований в общемировом процессе развития научных знаний. Зарубежные мероприятия, в которых участвовали советские ученые в период «хрущевской оттепели», стали весомым фактором развития отечественной науки и преодоления ее отставания от современных на тот момент мировых исследований. После частичного устранения негативных последствий сталинского режима партийное руководство не только стремилось восстановить утраченное лидерство страны в отдельных биологических дисциплинах, но и пыталось продемонстрировать миру изменения, произошедшие не только в сфере науки, но и в обществе в целом. С одной стороны, советское руководство субсидировало участие ученых в значимых мероприятиях, командировало их на международные выставки, с целью продвижения отечественных исследований и рецепции результатов, полученных зарубежными учеными. С другой стороны, государство всячески стремилось контролировать международную деятельность академических институтов и зарубежные визиты наших ученых, что порой мешало установлению и развитию научных контактов.

Примечания

¹ Лельчук, В. С. Научно-техническая революция и промышленное развитие СССР. Москва: Наука, 1987. С. 5.

² Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Сборник документов за 50 лет. 1953–1961 гг. В 5 т. Т. 4. Москва: Политиздат, 1968. 783 с.

³ Там же. С. 222.

⁴ Ананьев, В. Г., Бухарин, М. Д. Российская наука и государство в конце 1920-х – начале 1930-х годов // Вестник Российской академии наук. 2022. Т. 92. № 2. С. 900–910; Андреев, М. А. Культурно-масовая работа Московского зоопарка в 1953–1954 гг. и взаимодействие с учреждениями Москвы // История и архивы. 2023. № 3. С. 28–43; Демидов, С. С. Н. Н. Лузин на перекрестке европейской истории первой половины XX столетия // Вопросы истории естествознания и техники. 2022. Т. 42. № 1. С. 101–130; Долгова, Е. А. Научное знание в революцию: Издательства и книги на рубеже 1920-х гг. // Социология науки и технологий. 2019. Т. 10. № 3. С. 29–43; Печенкин, А. А. Научная дискуссия в контексте идеологии (как освещалась научная полемика физиков в советской и постсоветской литературе) // Эпистемология и философия науки. 2023. Т. 60. № 2. С. 168–186; Pirogovskaya, M. (2024). Profession of Revulsion: Subjective Science and the Mobilization of Emotions in Late Nineteenth-Century Russian Public Medicine, *ISIS*, v. 115, № 1, pp. 105–125.

⁵ Barany, M. A. (2023). “Truly International” Discipline, Adverbs, Ideals, and the Reinvention of International Mathematics, 1920–1950, *ISIS*, v. 114. № 4, pp. 791–816; Fischer, G., De George, R., Graham, L., Levine, H. (2017). Science and ideology in Soviet Society, 1917–1967, New Brunswick, Aldine Transaction, London, 185 p.; Josephson, P. (2024). Hero Projects, The Russian Empire and Big Technology from Lenin to Putin, IBEL, Barcelona, 344 p.; Kasperski, T., Josephson, P. (2023). Women, Reactors, and Weapons, From Revolutionary Liberation to the Miss Atom Pageant in (Post-Soviet Russia), *Technology and Culture*, v. 64, № 3, pp. 791–822; Rentetzi, M. (2021). The material culture and politics in nuclear diplomacy, *Centaurus*, v. 63, № 2, pp. 233–243; Taylor, N. (2021). The Visual Politics of Maralinga, Experiences (Re) presentations, and Vulnerabilities, *Journal of the History of Biology*, v. 54, № 1, pp. 95–106; Wagar, S., Zaidi, H. (2021). Scientists as political experts, Atomic scientists and their claims for expertise on international relations, 1945–1947, *Centaurus*, v. 63, № 1, pp. 17–31; Yi, J. Ch. (2021). Dialectical Materialism Serves Voluntarism Productivism, The Epistemic Foundation of Lysenkoism in Socialists China and Vietnam, *Journal of the History of Biology*, v. 54, № 3, pp. 513–539.

⁶ Груздинская, В. С., Корзун, В. П. «Наука не имеет отчества: этот лозунг и верен, и нет» (отклики иностранных ученых на 220-летний юбилей Академии наук СССР) // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 472. С. 85–94; Корзун, В. П. «Наука напоказ»:

Эрик Эшби о русском феномене популяризации науки // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 165. № 4–5. С. 182–191.

⁷ Груздинская, В. С., Фролова, Т. А. «Научная работа жива научным общением ученых», или зачем советские ученые ездили за границу в 1920–1930-е гг.? (Проблемы и перспективы изучения) // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2023. Т. 10. № 1 (37). С. 81–88.

⁸ Бодрова, Е. В., Калинов, В. В. Государственная научно-техническая политика в период «оттепели»: прорывы и причины торможения модернизации // Российский технологический журнал. 2017. Т. 5. № 5. С. 70–85.

⁹ Гарынов, А. А. Государственная политика СССР в области научно-технического развития в 1950–1980-е гг. // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. 2012. № 27. С. 555–560.

¹⁰ Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 2. Оп. 1–1959. Д. 76. Л. 15.

¹¹ Там же.

¹² От Атлантики до Урала: Советско-французские отношения. 1956–1973 / Науч. ред. Г. Ж. Муллек. Сост. Г. Ж. Муллек (отв. сост.), З. К. Водопьянова, Т. В. Домрачева, Т. Г. Зазерская. Москва: МФД, 2015. 624 с.

¹³ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 77. Л. 28.

¹⁴ Там же. Д. 84. Л. 31.

¹⁵ Там же. Ф. 1509. Оп. 1. Д. 30.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. Л. 28.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. Л. 25–26.

²² Там же. Л. 28.

²³ Там же. Д. 4. Л. 2.

Аннотация

Статья посвящена популяризации достижений советской науки, и в частности биологии, на Всемирной выставке в Брюсселе в 1958 г. Государственная научная политика в СССР в период «хрущевской оттепели» была направлена на расширение международных контактов

в различных естественнонаучных, технических и гуманитарных дисциплинах. Центральный Комитет КПСС и Совет министров СССР приняли ряд постановлений, регламентирующих изучение и внедрение зарубежного научного опыта в целях развития важнейших отраслей народного хозяйства, а также необходимость продвижения отечественных разработок в среде мирового научного сообщества. Несмотря на продолжающееся противостояние политических систем, необходимость послевоенного промышленного подъема предполагала активное участие отечественных ученых в международном сотрудничестве не только с целью включения в систему научно-технической коммуникации, но и с позиции пропаганды успехов социализма в производстве и продвижении научного знания, усиления положительного имиджа страны на международной арене. Значимость внимания к вопросам формирования и поддержания позитивного образа СССР как сильной, имеющей серьезный научно-технологический потенциал державы, нашла отражение в документах по вопросам международных связей с академическими и неакадемическими учреждениями, отложившихся в фондах Архива Российской академии наук: Секретариата Президиума АН СССР (Ф. 2), Научного совета по выставкам работ АН СССР и академий наук союзных республик (Ф. 1509). Ярким примером трансляции достижений отечественной науки стала подготовка сотрудниками Отделения биологических наук АН СССР тематической экспозиции для Всемирной выставки, проходившей в 1958 г. в Брюсселе. Акцент в демонстрируемых результатах был сделан на открытиях в области экспериментальной биологии, которая только начала преодолевать негативное давление лысенковщины. В связи с этим наша страна не представила для выставки экспонаты, отражающие открытия в таких областях, как цитология, генетика, радиобиология, микробиология, вирусология, протистология, эмбриология. Подобный результат стал показателем серьезного отставания отечественных биологических исследований от мировых разработок. На протяжении нескольких последующих десятилетий СССР преодолевал отставание в различных биологических дисциплинах. Этому способствовали установившиеся в конце 1950-х гг. тесные контакты между советскими и зарубежными учеными и организаторами науки. Участие наших делегаций в международных конференциях и выставках позволяло не только знакомиться с прорывными открытиями в области биологии, новыми физико-химическими методами, но и помогало поднимать авторитет советской науки, транслировать ее результаты, определять стратегии будущего развития.

Ключевые слова: советская пропаганда, популяризация науки, история биологии, Всемирная выставка, Бельгия, Дворец науки, Президиум АН СССР, исторические источники.

Список литературы

Ананьев, В. Г., Бухарин, М. Д. Российская наука и государство в конце 1920-х – начале 1930-х годов // Вестник Российской академии наук. 2022. Т. 92. № 2. С. 900–910.

Андреев, М. А. Культурно-массовая работа Московского зоопарка в 1953–1954 гг. и взаимодействие с учреждениями Москвы // История и архивы. 2023. № 3. С. 28–43.

Груздинская, В. С., Корзун, В. П. «Наука не имеет отчества: этот лозунг и верен, и нет» (отклики иностранных ученых на 220-летний юбилей Академии наук СССР) // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 472. С. 85–94.

Демидов, С. С. Н. Н. Лузин на перекрестке европейской истории первой половины XX столетия // Вопросы истории естествознания и техники. 2022. Т. 42. № 1. С. 101–130.

Долгова, Е. А. Научное знание в революцию: Издательства и книги на рубеже 1920-х гг. // Социология науки и технологий. 2019. Т. 10. № 3. С. 29–43.

Корзун, В. П. «Наука напоказ»: Эрик Эшби о русском феномене популяризации науки // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 165. № 4–5. С. 182–191.

Печенкин, А. А. Научная дискуссия в контексте идеологии (как освещалась научная полемика физиков в советской и постсоветской литературе) // Эпистемология и философия науки. 2023. Т. 60. № 2. С. 168–186.
Barany, M. A. (2023). “Truly International” Discipline: Adverbs, Ideals, and the Reinvention of International Mathematics, 1920–1950, *ISIS*, vol. 114. № 4, pp. 791–816.

Fischer, G., De George, R., Graham, L., Levine, H. (2017). *Science and ideology in Soviet Society, 1917–1967*, New Brunswick; Aldine Transaction, London, 185 p.

Josephson, P. (2024). *Hero Projects, The Russian Empire and Big Technology from Lenin to Putin*, IBEL, Barcelona, 344 p.

Kasperski, T., Josephson, P. (2023). Women, Reactors, and Weapons: From Revolutionary Liberation to the Miss Atom Pageant in (Post-Soviet Russia), *Technology and Culture*, v. 64, № 3, pp. 791–822.

Pirogovskaya, M. (2024). Profession of Revulsion, Subjective Science and the Mobilization of Emotions in Late Nineteenth-Century Russian Public Medicine, *ISIS*, v. 115, № 1, pp. 105–125.

Retetzi, M. (2021). The material culture and politics in nuclear diplomacy, *Centaurus*, v. 63, № 2, pp. 233–243.

Taylor, N. (2021). The Visual Politics of Maralinga: Experiences (Re) presentations, and Vulnerabilities, *Journal of the History of Biology*, v. 54, № 1, pp. 95–106.

Wagar, S., Zaidi, H. (2021). Scientists as political experts, Atomic scientists and their claims for expertise on international relations, 1945–1947, *Centaurus*, v. 63, № 1, pp. 17–31.

Yi, J. Ch. (2021). Dialectical Materialism Serves Voluntarism Productivism, The Epistemic Foundation of Lysenkoism in Socialists China and Vietnam, *Journal of the History of Biology*, v. 54, № 3, pp. 513–539.

Сведения об авторах

Володарская Елена Александровна, доктор психологических наук, Российская академия наук, Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова, главный научный сотрудник, г. Москва, Российская Федерация, 8-495-988-22-80, eavolod@gmail.com

ORCID 0000-0001-9879-0336

Фандо Роман Алексеевич, доктор исторических наук, Российская академия наук, Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова, директор института, г. Москва, Российская Федерация, 8-495-988-22-80, fando@mail.ru

ORCID 0000-0003-2180-4393

Сведения о грантах

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 22-18-00564, <https://rscf.ru/project/22-18-00564/>

В редакцию статья поступила 04.04.2024 г., рекомендована к опубликованию 20.12.2024 г.

Scientific article

doi 10.28995/2073-0101-2025-1-99-117

For citation

Volodarskaya, Elena A., Fando, Roman A. (2025). Achievements of Soviet biologists in the exposition of the Palace of Science at the World Exhibition in Brussels. 1958, *Herald of an Archivist*, no 1, pp. 99–117, doi 10.28995/2073-0101-2025-1-99-117

Volodarskaya, Elena A., Fando, Roman A., S. I. Vavilov Institute for the history of science and technology the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Achievements of Soviet biologists in the exposition of the Palace of Science at the World Exhibition in Brussels. 1958

Abstract

The article is devoted to the popularization of the achievements of Soviet science and, in particular, biology at the World Exhibition in Brussels in 1958. The state scientific policy in the USSR during the “Khrushchev thaw” was aimed at expanding international contacts in various natural science, technical and humanitarian disciplines. The Central Committee of the CPSU and the USSR Council of Ministers adopted a number of resolutions regulating the study and implementation of foreign scientific experience for the development of the most important branches of the national economy, as well as the need to promote domestic developments in the world scientific community. Despite the continuing confrontation of political systems, the necessity of the postwar industrial upswing implied the active participation of domestic scientists in international cooperation not only for the purpose of inclusion in the system of scientific and technical communication, but also from the position of propaganda of the successes of socialism in the production and promotion of scientific knowledge, strengthening the positive image of the country in the international arena. The importance of attention to the issues of formation and maintenance of a positive image of the USSR as a strong, having a serious scientific and technological potential power, was reflected in the documents on international relations with academic and non-academic institutions, deposited in the fonds of the Archive of the Russian Academy of Sciences: the Secretariat of the Presidium of the USSR Academy of Sciences (F. 2), the Scientific Council for exhibitions of works of the USSR Academy of Sciences and the academies of sciences of the union republics (F. 1509). A striking example of broadcasting the achievements of domestic science was the preparation by the staff of the Department of Biological Sciences of the USSR Academy of Sciences of a thematic exposition for the World Exhibition held in Brussels in 1958. The emphasis in the demonstrated results was placed on discoveries in the field of experimental biology, which was just beginning to overcome the negative pressure of Lysenkoism. In this connection, our country did not present for the exhibition exhibits reflecting discoveries in such fields as cytology, genetics, radiobiology, microbiology, virology, protistology, and embryology. Such a result was an indicator of the serious lag of domestic biological research behind the world developments. Over the next few decades, the USSR overcame the lag in various biological disciplines. This was facilitated by close contacts between Soviet and foreign scientists and science organizers established in the late 1950s. Participation of our delegations in international conferences and

exhibitions allowed not only to get acquainted with breakthrough discoveries in the field of biology, new physical and chemical methods, but also helped to raise the prestige of Soviet science, to broadcast its results, and to determine strategies for future development.

Keywords

Soviet propaganda, popularization of science, history of biology, World Exhibition, Belgium, Palace of Science, Presidium of the USSR Academy of Sciences, historical sources.

References

Ananiev, V. G., Bukharin, M. D. (2022). Russian science and the state in the late 1920s – early 1930s, *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*, vol. 92, № 2, pp. 900–910.

Andreev, M. A. (2023). Cultural and mass work of the Moscow Zoo in 1953–1954 and interaction with Moscow institutions, *History and Archives*, № 3, pp. 28–43.

Gruzdinskaya, V. S., Korzun, V. P. (2021). “Science has no patronymic: this slogan is both true and not” (responses of foreign scientists to the 220th anniversary of the Academy of Sciences of the USSR), *Bulletin of Tomsk State University*, № 472, pp. 85–94.

Demidov, S. S. (2022). N. N. Luzin at the crossroads of European history of the first half of the twentieth century, *Voprosy istorii nauchnosnaniya i tekhnika*, vol. 42, № 1, pp. 101–130.

Dolgova, E. A. (2019). Scientific knowledge in the revolution: Publishers and books at the turn of the 1920s, *Sociology of Science and Technology*, vol. 10, № 3, pp. 29–43.

Korzun, V. P. (2023). “Science on display”: Eric Ashby on the Russian phenomenon of popularization of science, *Scientific Notes of Kazan University. Series: Humanities*, vol. 165, № 4–5, pp. 182–191.

Pechenkin, A. A. (2023). Scientific discussion in the context of ideology (how the scientific polemics of physicists were covered in the Soviet and post-Soviet literature), *Epistemology and Philosophy of Science*, vol. 60, № 2, pp. 168–186.

Barany, M. A. (2023). “Truly International” Discipline: Adverbs, Ideals, and the Reinvention of International Mathematics, 1920–1950, *ISIS*, vol. 114, № 4, pp. 791–816.

Fischer, G., De George, R., Graham, L., Levine, H. (2017). *Science and ideology in Soviet Society, 1917–1967*, New Brunswick; Aldine Transaction, London, 185 p.

Josephson, P. (2024). *Hero Projects, The Russian Empire and Big Technology from Lenin to Putin*, IBEI, Barcelona, 344 p.

Kasperski, T., Josephson, P. (2023). Women, Reactors, and Weapons: From Revolutionary Liberation to the Miss Atom Pageant in (Post-Soviet Russia), *Technology and Culture*, v. 64, № 3, pp. 791–822.

Pirogovskaya, M. (2024). Profession of Revulsion, Subjective Science and the Mobilization of Emotions in Late Nineteenth-Century Russian Public Medicine, *ISIS*, v. 115, № 1, pp. 105–125.

Rentetzi, M. (2021). The material culture and politics in nuclear diplomacy, *Centaurus*, v. 63, № 2, pp. 233–243.

Taylor, N. (2021). The Visual Politics of Maralinga: Experiences (Re) presentations, and Vulnerabilities, *Journal of the History of Biology*, v. 54, № 1, pp. 95–106.

Wagar, S., Zaidi, H. (2021). Scientists as political experts, Atomic scientists and their claims for expertise on international relations, 1945–1947, *Centaurus*, v. 63, № 1, pp. 17–31.

Yi, J. Ch. (2021). Dialectical Materialism Serves Voluntarism Productivism, The Epistemic Foundation of Lysenkoism in Socialists China and Vietnam, *Journal of the History of Biology*, v. 54, № 3, pp. 513–539.

About authors

Volodarskaya, Elena A., Doctor of Psychology Sciences, in, S. I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, the Russian Academy of Sciences, chief researcher, Moscow, Russia, +7-495-988-22-80, eavolod@gmail.com

ORCID 0000-0001-9879-0336

Fando, Roman A., Doctor of Historical Sciences, S. I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, the Russian Academy of Sciences, director Institute, Moscow, Russia, +7-495-988-22-80, fando@mail.ru

ORCID 0000-0003-2180-4393

Grant information

This work was financially supported by the Russian Science Foundation, project № 22-18-00564, <https://rscf.ru/project/22-18-00564/>

The article was received in the editorial office on 04.04.2024, recommended for publication on 20.12.2024 г.

Научная статья

УДК 93/94+001.891+303.424+339.976.4+32.019.51+303.028+001.814.2+65.01+001.891+930.85+303.423+303.443+303.443.2+930.2+930.24+339.9+339.976+35.977.535.3+35.078.3+35.078.8+35.078.33+608.1+930.25+001.814.2+001.814.4+002.513.5+001.92+303.423+334.7

doi 10.28995/2073-0101-2025-1-118-135

Для цитирования

Самарин, А. В. Отчеты советско-американской комиссии по научно-техническому сотрудничеству СССР – США в 1973–1979 гг. как источник по изучению научной политики СССР // Вестник архивиста. 2025. № 1. С. 118–135, doi 10.28995/2073-0101-2025-1-118-135

Самарин, А. В.

Институт языка, литературы и истории

Коми научного центра Уральского отделения РАН,

г. Сыктывкар, Российская Федерация

Отчеты советско-американской комиссии по научно-техническому сотрудничеству СССР – США в 1973–1979 гг. как источник по изучению научной политики СССР

Введение. В 1950-х гг. в СССР формировался новый «послевоенный» вектор развития. Решения, в том числе научно-технические, принятые в те годы, оказывали влияние на развитие страны вплоть до конца XX в. Основной движущей силой развития экономики в западных странах того периода стала научно-техническая революция (НТР), во время которой произошел глобальный переворот в области науки и техники, вызвавший существенные изменения в обществе. НТР характеризовалась развитием и внедрением новых технологий, ростом автоматизации и информатизации, а также изменениями в структуре экономики и образе жизни людей.

Постановка проблемы. В 1930–1940-х гг. СССР благодаря мобилизации всех, в том числе и научных ресурсов, достиг существенных успехов в развитии технологий и промышленности, по некоторым направлениям заняв лидирующие позиции и получив мировое признание. Однако в последующие

десятилетия руководство страны отмечало, что темпы развития науки и техники в СССР отставали от западных, что производство шарахается от научно-технических новинок как черт от ладана. Приоритеты развития научных исследований неоднократно обсуждались на заседаниях Политбюро ЦК КПСС¹. В связи с этим чрезвычайно важным представляется изучение уникальных черт научно-технической политики СССР и причин, которые не позволяли СССР преодолеть нарастающее технологическое отставание некоторых отраслей.

Обзор историографии и источников. Существует значительное количество литературы и источников, изданных по указанной проблематике. Это и решения съездов партии, доклады, аналитические записки, научные статьи, и монографии, посвященные развитию научно-технической революции в СССР². Особо следует упомянуть работы по истории организации советской науки. Прежде всего это труды Е. А. Беляева, который выявил трансформацию советской научно-технической политики в зависимости от государственных приоритетов³. Г. А. Лахтин скрупулезно рассмотрел становление и развитие всей системы управления наукой от первых лет советской власти до 1980-х гг., при этом осветил все основные элементы этой системы: фундаментальная, отраслевая и вузовская наука⁴. Однако перечисленные исследования в разной степени оказались подвержены идеологическому влиянию. Современная литература избавлена от идеологии, но время, отдаляющее исследователей от рассматриваемых событий, выпрямляет острые углы, упрощает некоторые аспекты⁵. Другие работы зачастую глубоко затрагивают интересующие вопросы, но посвящены конкретной теме или ограниченному периоду времени⁶. Тем не менее, благодаря повсеместному развитию компьютерных технологий и интернета, а также оцифровке архивных документов, появилась возможность познакомиться с новыми документами и независимыми оценками научной политики СССР, сделанными современниками тех событий, а также ведущими специалистами в области научно-образовательного комплекса США.

Результаты исследования. Предпринята попытка провести источниковедческий анализ отчетов американских

специалистов, участников советско-американской комиссии по научной политике, которые спустя десятилетия появились в электронных архивах США. В начале 1970-х гг., после того как СССР достиг с США паритета по ядерному вооружению, и был подписан договор об ограничении стратегического вооружения, начался период очередной разрядки, которая ознаменовалась большим количеством культурных и научных мероприятий. Самым ярким и знаковым стало осуществление совместной программы «Союз–Аполлон». Начиная с 1972 г. правительства США и СССР подписали более десятка двусторонних соглашений о сотрудничестве в различных областях. Главное из них – соглашение о сотрудничестве в области науки и техники, которое было подписано президентом США Р. Никсоном и Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым в мае 1972 г. Для выполнения этих соглашений были созданы смешанные советско-американские комиссии и рабочие группы, в задачу которых входила выработка конкретных программ сотрудничества и их реализация. Ежегодно в соответствии с соглашениями Академия наук СССР принимала в своих институтах до 500 американских ученых и командировала в США такое же число советских специалистов⁷. Рассматриваемые документы были подготовлены американскими членами Объединенной советско-американской рабочей группы по научной политике.

Состав рабочей группы был весьма представительным. Руководителем группы с американской стороны сначала был Дэвид Беклер (David Z. Beckler), который в 1957–1973 гг. работал секретарем Президентского научного консультативного комитета (executive officer President's Science Advisory Committee) и помощником шести советников президентов США по науке. Его сменил Уильям Д. Кэри (William D. Carey), руководитель Американской ассоциации содействия развитию науки и издатель журнала «Science». В состав группы от США вошел 21 человек, которые представляли Национальный научный фонд, ведущие университеты страны, крупные промышленные компании, государственные структуры. Советскую сторону возглавлял руководитель отдела организации научных исследований Государственного комитета Совета

министров СССР по науке и технике (ГКНТ) Е. И. Скляров. В состав комиссии вошло 28 специалистов. Они представляли ГКНТ, президиум АН СССР, академические институты, МГУ, Госплан, Минфин, Госстат, Министерство высшего образования, Министерство точного приборостроения⁸. К сожалению, пока не удалось найти отечественные источники о работе этой комиссии, но из текстов анализируемых отчетов понятно, что американские специалисты плодотворно сотрудничали с советскими коллегами. Они видели черновые материалы отчетов, которые были сделаны советской стороной. Например, работу О. И. Ларичева «Достоинства и недостатки системного подхода к планированию и управлению научными исследованиями, включая анализ Т стоимость-эффективность».

Комиссия работала с 1973 по 1979 г. Ее деятельность была построена следующим образом: члены комиссии несколько раз собирались в Москве и Вашингтоне, для них были организованы посещения научных институтов и ведущих вузов. В повседневной деятельности члены комиссии обменивались запросами, на которые стороны готовили развернутые объяснения по механизмам организации научной политики в своей стране.

Несмотря на то, что работа межгосударственных комиссий была одобрена первыми лицами государств, в своей деятельности члены рабочих групп сталкивались со множеством проблем. Работа напоминала замысловатый танец, при котором требовалось узнать как можно больше, а рассказать как можно меньше. Нам хорошо известна система работы контролирующих органов в СССР – согласование каждого маршрута делегации, каждого шага, каждого слова, каждой страницы, переданной или просто увиденной на доске объявлений иностранным ученым. На начальном этапе работы американские специалисты столкнулись с ситуацией, когда советская сторона под разными предлогами не передавала запрашиваемые документы и информацию, и только усилия Дэвида Беклера, бывшего члена Президентского научного консультативного комитета, позволили разрешать возникшие сложности⁹.

Американским ученым приходилось также преодолевать похожие препоны. В отличие от СССР, с его жесткой

вертикалью исполнения решений, американским ученым приходилось в Конгрессе США отстаивать право на проведение совместных исследований. Советские ученые с удовольствием приводили развернутые цитаты своих американских коллег, которые доказывали различным комиссиям Конгресса, что идет взаимовыгодное сотрудничество, а не выкачивание информации и технологий советскими специалистами у своих зарубежных партнеров. Например, заместитель директора НАСА доктор Джордж Лоу (George Low), выступая в Конгрессе США с докладом о совместной программе «Союз-Аполлон», говорил: «Речь идет о сотрудничестве специалистов, которые с совершенной очевидностью обладают равной научно-технической компетенцией и достигли равного уровня в разработке соответствующих систем»¹⁰.

В 1982 г. руководитель группы по научной политике Уильям Д. Кэри на страницах журнала «Science» дискутировал с заместителем министра обороны США Фрэнком Карлуччи (Frank Carlucci)¹¹ по поводу опасений последнего, что научные обмены с Советским Союзом были использованы СССР в военных целях¹².

Помимо внешних (политических) сложностей, существовали и внутренние проблемы с пониманием. У советских и американских ученых было совершенно разное понимание термина «научная политика», несовместимая терминология, разные аналитические подходы и совершенно различное понимание механизмов организации и реализации научной политики двух стран. Примером «трудностей перевода», которые время от времени возникали у авторов отчетов, можно привести понимание термина «наука». Американские специалисты в своих отчетах недоумевали, почему в Советском Союзе наука отнесена к сфере культуры, а не к сфере производства, как это сделано в США. Вероятно, у советских ученых был обратный вопрос. Сейчас, когда мы познакомились с зарубежными базами данных, можно сделать предположение о том, что термин «наука», в отличие от того, как понимаем его мы, в США разделен на «Arts and humanities» и «Science». Следовательно, гуманитарные исследования, подпадающие под определение «Art» в США, тоже относятся к культуре,

а инженерные, точные, естественные науки, которые в своих результатах могут выходить на производство как раз относятся к «Science». Следствием этих различных подходов стало то, что, изучая проблематику формирования и исполнения научно-исследовательских работ (НИР), американские ученые воспринимали их как R&D, что в обратном русском переводе наиболее близко к научно-исследовательским и опытно-конструкторским работам (НИОКР). В результате каждый раз происходило небольшое смещение смыслов. Согласно документам, получалось, что основные структуры, которые в СССР отвечали за научно-техническую политику (Госплан, ГКНТ и АН СССР), занимались преимущественно формированием НИОКР. Действительно, в каком-то приближении это правда, но все-таки задачи этих структур были значительно более масштабными.

Основным результатом работы комиссии стал совместный отчет «Системы стимулирования развития фундаментальных исследований» (Systems for Stimulating the Development of Fundamental Research). К сожалению, нам не удалось выявить в архивах текст этого отчета. По имеющимся материалам американские специалисты подготовили несколько работ. Удалось найти три работы членов советско-американской рабочей группы, в которых анализируются материалы, полученные в результате совместных исследований.

Первая – Луван Нолтинг (Louvan E. Nolting) и Мюррей Фешбах (Murray Feshbach) в журнале «Science» опубликовали статью «Занятость в НИОКР в СССР» (R&D Employment in the U.S.S.R.). Сегодня эта статья доступна в цифровом архиве журнала¹³. В своем исследовании авторы сравнили динамику научных кадров в СССР и США и пришли к выводу, что распределение советских кадров по отраслям науки в целом столь же широкое, как и в США. Хотя в нашей стране преобладали физики, а у них биологи. Инженеров в СССР было вдвое больше, чем в США, а гуманитариев меньше. В итоге авторы приходят к выводу, что количество ученых и инженеров, занимающихся НИОКР в СССР, существенно превышало их число в США.

Исследование стало предметом обсуждения специальной комиссии Конгресса США. Вместе с другими обобщающими

статистическими исследованиями эта работа обратила внимание на методологические различия в национальных статистических методиках и отсутствие международной стандартизации статистических данных, в результате чего подходы к сбору и анализу информации были настолько разными, что практически исключали возможность прямого сравнения. Л. Нолтингу и М. Фешбаху в своей работе пришлось прибегнуть к допущениям при учете разных категорий специалистов.

Второе исследование, выполненное в результате деятельности совместной рабочей группы, это отчет Пола Кокса (Paul Cocks) для Национального совета по изучению Советского Союза и Восточной Европы¹⁴ «Роль партии в советской научно-технической политике»¹⁵. В исследовании отмечалось, что руководство СССР видело необходимость ускорения внедрения инноваций. Партия в 1970–1980-х гг. настаивала на улучшении методов комплексного планирования и управления системами. При этом с учетом того, что все окончательные решения должны были приниматься на партийном уровне, партия оказалась неспособной перестроить свои внутренние операции в сторону стимулирования технического прогресса и не смогла построить адекватный механизм стимулирования инноваций.

В результате именно КПСС была вынуждена заниматься преодолением ведомственных барьеров и организационной разобщенности участников НИОКР. КПСС выполняла те связующие функции, которые в США исполняли свободные рыночные отношения. Фактически научные исследования и производство – это две самостоятельные сферы, которые могут существовать не пересекаясь. Однако в США конкуренция и стремление получить прибыль подталкивают промышленность к внедрению инноваций, финансированию исследований и разработок, а в СССР компартия была вынуждена взять на себя функции руководства внедрением результатов научных исследований в производство. Как следствие, были сформированы идеологические механизмы, такие как межведомственные координационные советы, социалистические соревнования в науке и технике и другие, в то же время экономическим методам (премированию и стимулированию)

уделялось меньше внимания. В результате ни ученые, ни производственники не были особо заинтересованы во внедрении результатов научной деятельности в производство.

Однако наиболее значимым как по объему, так и по влиянию на последующие исследования, стал двухтомник «Научная политика США / СССР»¹⁶. Автором первого тома стал Нат Робертсон (Nat C. Robertson). В разные годы он был директором по науке нескольких крупных промышленных компаний США. Автором второго тома был Пол Кокс, ведущий американский специалист по научной политике в СССР. Пол М. Кокс знал русский язык, неоднократно бывал в СССР. При написании текста отчета широко привлекались дополнительные источники и литература, а также советская периодическая печать.

Первый том отчета был посвящен организации научной политики в США, и в свете рассматриваемой темы может быть интересен только в той связи, что представляет собой ответы американских специалистов на запросы советской части рабочей группы. Благодаря отчету можно сформировать представление о том, какие темы интересовали советских ученых:

1) организация научных исследований на федеральном уровне, на уровне штатов и взаимодействие правительства с другими организаторами научных исследований;

2) организация научных исследований в университетах, взаимоотношения университетов с государством и промышленностью;

3) организация научных исследований в частном секторе, как выбираются проекты, формируется бюджет, как происходит оценка результатов;

4) как происходит публикация статей, патентование и внедрение результатов; окупаемость исследований, государственное регулирование сферы НИОКР, взаимодействие государства и бизнеса в науке и другие.

Второй том был посвящен организации науки в СССР и сравнению научной политики СССР и США. Изначально документ задумывался как вспомогательный инструмент общего назначения, суммирующий большое количество информации

о советском научном руководстве, механизмах принятия решений и о разработке и реализации научной политики. Стремясь к полноте, авторы включили дополнительную информацию по истории советской научной политики, о ее структуре, о распределении ролей и иерархии. Однако главный вопрос отчета – какие уникальные черты имеет научная политика в СССР? И чем она отличается от научной политики в США? Были представлены две системы организации научно-технической политики. Благодаря их сравнению можно выявить сильные и слабые стороны каждой из них.

На западе по-хорошему завидовали централизованной системе научной политики в СССР, которая позволяла в сжатые сроки мобилизовать научный потенциал страны и реализовать приоритетные проекты, например, атомный или ракетный.

В США складывалась обратная ситуация. В стране не было структуры, которая бы возглавляла или координировала вопросы, связанные с наукой. Каждый участник научного процесса действует независимо, каждый университет, исследователь самостоятельно ищет финансирование для своего проекта. Как правило, это деньги частных лиц или негосударственных компаний. В государственном секторе существует угроза, что новый состав Конгресса отменит уже реализуемые государственные научные программы, в результате чего государственные структуры и фонды будут вынуждены сворачивать уже запущенные проекты. Как следствие, в США наблюдалась большая сегментированность исследований, ориентация на быстрый, прежде всего коммерческий результат. Стабильность и системность в реализации научных исследований наблюдаются только в вопросах обороны и развития технологического приоритета.

Другой интересный вывод американских экспертов заключается в том, что научно-техническая политика в СССР при внимательном рассмотрении оказалась не такой централизованной, как ее представляли за рубежом. Она фактически была такой же сегментированной, как и на Западе. В СССР планирование науки шло снизу вверх, и вышестоящие инстанции могли только поддержать или не поддержать предложения

снизу, а также обозначать некие приоритеты. Важным аспектом являлось наличие ведомственных противоречий: министерств и АН СССР, центров и регионов, академической, отраслевой, вузовской науки. Участники научно-технической политики в СССР осуществляли свою деятельность, лавируя между интересами разных инстанций, каждая из которых свои интересы ставила выше интересов своих партнеров. Эта система требовала постоянной балансировки, взаимного учета интересов. Именно на это уходили основные усилия Государственного комитета Совета министров СССР по науке и технике, государственного органа, который осуществлял функции по выработке научной политики в СССР.

Выводы. Анализируя последующие события, отметим, что монография «Научная политика США / СССР» нашла своего читателя. Наиболее важные выводы комиссии были заслушаны в 1979 г. на Объединенном экономическом комитете Конгресса США. Администрация президента Р. Рейгана свернула двухстороннее сотрудничество и провела серию расследований, пытаясь выявить ущерб, который был нанесен этим сотрудничеством. В процессе расследования использовались документы, собранные сотрудниками ЦРУ¹⁷. Со временем в западном мире второй том отчета стал настольной книгой для тех, кто изучает вопросы, связанные с организацией научных исследований. Монография была переиздана в 2015 г. В предисловии от издателя сказано, что «ученые назвали эту монографию культурным достоянием и включили ее в базу знаний цивилизации. Она представлена в наиболее важных библиотеках по всему миру. В США эта работа признана общественным достоянием, ее можно свободно копировать и распространять»¹⁸.

Рассмотренные отчеты, являясь достоверными документами своей эпохи, раскрывают ключевые вопросы формирования советской научно-технической политики с точки зрения американских специалистов, что в свою очередь позволяет увидеть известные события в новом свете. Изучаемые документы были подготовлены в начале 1980-х гг., они оказали влияние на изучение механизмов научной политики и эволюцию концепций о приоритетах национальных стратегий

научных исследований в США и других странах. При этом в СССР, а затем и в России эти документы остались практически незамеченными, в связи с чем дана внешняя и внутренняя критика источников, описана история появления рабочей группы, ее состав, дана характеристика авторов и специфических условий, в которых проводилась работа, таких как контроль со стороны Администрации президента и ЦРУ США. В обобщенном виде представлены важнейшие выводы исследований и описано значение документов для дальнейшего изучения рассматриваемых вопросов.

Примечания

¹ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 3. Оп. 8. Д. 107. Л. 32–43; Д. 176. Л. 11, 28–29; Оп. 14. Д. 52. Л. 82, Д. 131. Л. 25. Д. 233. Л. 3.

² Вопросы теории и практики управления и организации науки / Отв. ред. Д. М. Гвишиани. Москва: Наука, 1975. 334 с.; Бляхман, Л. С., Шкаратан, О. И. НТР, рабочий класс, интеллигенция. Москва: Политиздат, 1973. 320 с.; Афанасьев, В. Г. Научно-техническая революция, управление, образование. София: Профиздат, 1975. 431 с.

³ Беляев, Е. А., Пышкова, Н. С. Формирование и развитие сети научных учреждений СССР (исторический очерк). Москва: Наука, 1979. 246 с.; Беляев, Е. А. КПСС и организация науки в СССР. Москва: Политиздат, 1982. 143 с.

⁴ Лахтин, Г. А. Организация советской науки: история и современность. Москва: Наука, 1990. 224 с.

⁵ Бодрова, Е. В. Разработка проектов реформирования научно-технической сферы и результаты их реализации в контексте перехода РФ к рынку // Вестник Томского государственного университета. Серия: История. 2022. № 80. С. 5–15; Лебедев, В. Э. Управление научно-технической сферой региона: исторический аспект // Международный научно-исследовательский журнал. 2014. № 3 (22). Ч. 1. С. 97–98; Etkowitz, H. (1996). Losing our bearings, the science policy crisis in post-Cold War Eastern Europe, former Soviet Union and USA, *Science a. publ. policy – Guildford*, v. 23, № 1, pp. 13–26; Graham, Loren R. (1993). Science in Russia and the Soviet Union, a short history, Cambridge University Press publ., 321 p.; Bychkova, O. (2016). Innovation by coercion, Emerging institutionalization of university–industry collaborations in Russia, *Social Studies of Science*, № 46 (4), pp. 511–535.

⁶ Артемов, Е. Т. Научно-техническая политика в советской модели позднеиндустриальной модернизации. Москва: РОССПЭН, 2006. 256 с.; Козлов, Б. И. Индустриализация России: вклад Академии наук СССР. (Очерк социальной истории. 1925–1963) / Отв. редактор Б. В. Левшин. Москва: Academia, 2003. 272 с.; Водичев, Е. Г. Советская научная политика в период «позднего сталинизма» (вторая половина 1940-х – начало 1950-х гг.): маркеры и метаморфозы // Вестник Томского государственного университета. Серия: История. 2014. № 2 (28). С. 41–53.

⁷ Кулаков, А. А. Академия наук СССР и научные учреждения США: взаимовыгодное сотрудничество // Вестник АН СССР. 1977. № 6. С. 107.

⁸ Авторам не сразу удалось выявить состав советско-американской комиссии по научно-техническому сотрудничеству СССР – США в 1973–1979 гг. Информация была обнаружена в электронном архиве рассекреченных документов ЦРУ. Оказалось, что это управление отслеживало каждый контакт членов американской делегации с учеными СССР и членов советской делегации в США, а также контролировало официальную переписку между ними [Freedom of Information Act Electronic Reading Room. On the session of the US-USSR Joint working group in the field of science policy. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.cia.gov/readingroom/> (дата обращения: 25.10.2023)].

⁹ Science Policy: USA/USSR: Volume 1 The Science policy in the United States. USA: Foundation, 1980. Pp. IX–X.

¹⁰ Кулаков, А. А. Указ. соч. С. 112.

¹¹ Эта дискуссия стала следствием очередного витка напряженности. После ввода советских войск в Афганистан Администрация президента США Р. Рейгана попыталась ограничить или даже остановить поток передовой научной информации, перетекавшей из США в Советский Союз. Тогда многие американские ученые посчитали попытки ограничить научный обмен непростительной и опасной цензурой.

¹² Boffey, Philip M. (1982). Security and science collide on data flow, *The New York Times*, January 24, Section 4, Page 20.

¹³ Nolting, Louvan E., Feshbach, Murray (1980). R&D Employment in the U.S.S.R., *Science*, v. 207 (February 1), pp. 493–503.

¹⁴ Совет был создан в 1978 г. для разработки и проведения долгосрочных исследований социального, политического, экономического, экологического и исторического развития СССР и стран советского блока. Основная цель – поддерживать исследовательские проекты, которые способствовали бы получению информации и лучшему пониманию текущих событий и перспектив в коммунистических странах Европы.

¹⁵ Cocks, P. The Role of the Party in Soviet Science and Technology Policy. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.ucis.pitt.edu/nceeer/0000-620-4-Cocks.pdf> (дата обращения: 25.10.2023).

¹⁶ Science Policy, USA/USSR, v. 1, The Science policy in the United States, USA: Foundation, 1980. 201 p.; Science Policy, USA/USSR. v. 2, Science Policy in the Soviet Union Foundation, 1980. 345 p.

¹⁷ Freedom of Information Act Electronic Reading Room. Letter to Mr. William J. Casey, Director, Central Intelligence Agency. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/> (дата обращения: 25.10.2023).

¹⁸ Cocks, Paul, Robertson, Nat Clinton (2015). Science Policy, USA/USSR, v 2, USA, Creative Media Partners, LLC.

Аннотация

Статья представляет источниковедческий анализ материалов, созданных членами совместной советско-американской комиссии по научной политике в 1973–1979 гг. Некоторые из рассматриваемых документов впервые вводятся в научный оборот, так как они недавно стали доступны благодаря оцифровке архивных документов и размещению их в открытом доступе в Информационном центре образовательных ресурсов правительства США (Education Resources Information Center) и в онлайн-архиве Центрального разведывательного управления США. С середины 1950-х гг. и особенно в 1970-е – начале 1980-х гг. Советский Союз регулярно проводил корректировку научной политики, пытаясь создать необходимые условия для ускоренного развития науки и преодоления начавшегося технологического отставания от западных стран. Происходившие изменения не раз становились предметом изучения отечественных специалистов, однако наше исследование предлагает взглянуть на ключевые проблемы научной политики СССР глазами американских специалистов, современников тех событий. Изучаемые документы были подготовлены в начале 1980-х гг., они оказали влияние на изучение механизмов научной политики и эволюцию концепций о приоритетах национальных стратегий научных исследований в США и других странах. При этом в СССР, а затем и в России эти документы остались практически незамеченными. В статье дана внешняя и внутренняя критика источников, описана история появления рабочей группы, ее состав, дана характеристика авторов и специфические условия (контроль со стороны Администрации президента и ЦРУ США), в которых проводилась работа. В обобщенном виде представлены важнейшие выводы исследований и описано значение документов для дальнейшего изучения

рассматриваемых вопросов. Кратко сравниваются ключевые черты научной политики в СССР и США, выявляются сильные и слабые стороны каждой из систем. Прослеживается влияние коммунистической партии на развитие научно-технической политики. Американские специалисты отмечали, что, помимо идеологической роли, КПСС была вынуждена взять на себя и роль главного администратора и заказчика научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, чтобы компенсировать отсутствие свободного рынка, который в США являлся основным двигателем научно-технического прогресса. В завершение работы сделан вывод о том, что отчеты, являясь достоверными документами своей эпохи, раскрывают ключевые вопросы формирования советской научно-технической политики с точки зрения американских специалистов, что в свою очередь позволяет увидеть известные события в новом свете.

Ключевые слова: научная политика СССР и США, советско-американская комиссия по научно-техническому сотрудничеству СССР – США в 1973–1979 гг., Администрация президента США, ЦРУ США, Р. Рейган, Пол Кокс, инновации, КПСС, исторические источники.

Список литературы

- Артемов, Е. Т. Научно-техническая политика в советской модели поздней индустриальной модернизации. Москва: РОССПЭН, 2006. 256 с.
- Афанасьев, В. Г. Научно-техническая революция, управление, образование. София: Профиздат, 1975. 431 с.
- Беляев, Е. А., Пышкова, Н. С. Формирование и развитие сети научных учреждений СССР (исторический очерк). Москва: Наука, 1979. 246 с.
- Беляев, Е. А. КПСС и организация науки в СССР. Москва: Политиздат, 1982. 143 с.
- Бляхман, Л. С., Шкаратан, О. И. НТР, рабочий класс, интеллигенция. Москва: Политиздат, 1973. 320 с.
- Бодрова, Е. В. Разработка проектов реформирования научно-технической сферы и результаты их реализации в контексте перехода РФ к рынку // Вестник Томского государственного университета. Серия: История. 2022. № 80. С. 5–15.
- Водичев, Е. Г. Советская научная политика в период «позднего сталинизма» (вторая половина 1940-х – начало 1950-х гг.): маркеры и метаморфозы // Вестник Томского государственного университета. Серия: История. 2014. № 2 (28). С. 41–53.
- Вопросы теории и практики управления и организации науки / Отв. ред. Д. М. Гвишиани. Москва: Наука, 1975. 334 с.
- Гвишиани, Д. М., Голубцова, Н. И. Основные принципы и общие проблемы управления наукой. Москва: Наука, 1973. 319 с.

Козлов, Б. И. Индустриализация России: вклад Академии наук СССР. (Очерк социальной истории. 1925–1963) / Отв. редактор Б. В. Левшин. Москва: Academia, 2003. 272 с.

Кулаков, А. А. Академия наук СССР и научные учреждения США: взаимовыгодное сотрудничество // Вестник АН СССР. 1977. № 6. С. 106–118.

Лахтин, Г. А. Организация советской науки: история и современность. Москва: Наука, 1990. 224 с.

Лебедев, В. Э. Управление научно-технической сферой региона: исторический аспект // Международный научно-исследовательский журнал. 2014. № 3 (22). Ч. 1. С. 97–98.

Bychkova, O. (2016). Innovation by coercion, Emerging institutionalization of university–industry collaborations in Russia, *Social Studies of Science*, № 46 (4), pp. 511–535.

Etzkowitz, H. (1996). Losing our bearings, the science policy crisis in post-Cold War Eastern Europe, former Soviet Union and USA, *Science a. publ. policy – Guildford*, v. 23, № 1, pp. 13–26.

Graham, Loren R. (1993). Science in Russia and the Soviet Union, a short history, Cambridge University Press, 321 p.

Nolting, Louvan E., Feshbach, Murray (1980). R&D Employment in the U.S.S.R., *Science*, v. 207 (February, 1), pp. 493–503, <https://www.science.org/doi/10.1126/science.207.4430.493>

Сведения об авторах

Самарин Алексей Викторович, кандидат исторических наук, Институт языка, литературы и истории Федерального исследовательского центра «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук», старший научный сотрудник, г. Сыктывкар, Российская Федерация, 8-912-199-37-37, al.samarin@mail.ru

ORCID 0000-0002-7528-4242

Сведения о грантах

Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН по теме «Государственная политика развития Европейского Севера России в XVI – XX вв.» (номер государственного учета НИР: FUUU-2025-0026).

В редакцию статья поступила 12.02.2024 г., рекомендована к опубликованию 20.12.2024 г.

Scientific article

doi 10.28995/2073-0101-2025-1-118-135

For citation

Samarin, Alexey V. (2025). Reports of the Soviet-American Commission on Scientific and Technical Cooperation between the USSR and the USA, 1973–1979, as a source for the study of the USSR science policy, *Herald of an Archivist*, no. 1, pp. 118–135, doi 10.28995/2073-0101-2025-1-118-135

Samarin, Alexey V., Institute of Language, Literature and History, Komi Scientific Center, Ural Branch, Russian Academy of Sciences, Syktyvkar, Russia

Reports of the Soviet-American Commission on Scientific and Technical Cooperation between the USSR and the USA, 1973–1979, as a source for the study of the USSR science policy

Abstract

This article presents a source analysis of materials created by members of the joint Soviet-American Commission on Science Policy, 1973–1979. Some of the documents discussed are being introduced for the first time, as they have recently become available through the digitization of archival documents and their public access in the U.S. government's Education Resources Information Center and the online archive of the U.S. Central Intelligence Agency. Since the mid-1950s and especially in the 1970s and early 1980s, the Soviet Union has regularly adjusted its science policy in an attempt to create the necessary conditions for the accelerated development of science and to overcome the technological lagging behind Western countries. The changes that took place were repeatedly studied by domestic specialists, but our study offers a look at the key issues of the Soviet Union's science policy through the eyes of American specialists, contemporaries of those events. The documents under study were prepared in the early 1980s and have influenced the study of science policy mechanisms and the evolution of concepts about the priorities of national research strategies in the United States and other countries. At the same time, these documents remained virtually unnoticed in the USSR and then in Russia. The article provides an external and internal critique of the sources, describes the history of the emergence of the working group, its composition, characterizes the authors and the specific conditions (control by the Presidential Administration and the U.S. CIA) in which the work was carried out. The most important conclusions of the research are summarized and the significance of the documents for further study of the issues under consideration is described. The key features of science

policy in the USSR and the USA are briefly compared, and the strengths and weaknesses of each system are identified. The influence of the Communist Party on the development of science and technology policy is traced. American specialists noted that in addition to its ideological role, the CPSU was forced to assume the role of the chief administrator and customer of research and development to compensate for the lack of a free market, which in the United States was the main driver of scientific and technological progress. The paper concludes that the reports, being reliable documents of their era, reveal the key issues of the formation of Soviet science and technology policy from the point of view of American specialists, which in turn allows us to see the known events in a new light.

Keywords

Scientific policy of the USSR and the USA, Soviet-American Commission on Scientific and Technical Cooperation USSR-USA 1973–1979, US Presidential Administration, US CIA, R. Reagan, Paul Cox, innovation, CPSU, historical sources.

References

- Artemov, E. T. (2006). *Scientific and Technical Policy in the Soviet Model of Late Industrial Modernization*, Moscow, Rosspen publ., 256 p.
- Afanasyev, V. G. (1975). *Nauchno-technical revolution, management, education*, Sofia, Profizdat publ., 431 p.
- Belyaev, E. A., Pyshkova, N. S. (1979). *Formation and development of the network of scientific institutions of the USSR (historical sketch)*, Moscow, Nauka publ., 246 p.
- Belyaev, E. A. (1982). *CPSU and the organization of science in the USSR*, Moscow, Politizdat publ., 143 p.
- Blyakhman, L. S., Shkaratan, O. I. (1973). *NTR, working class, intelligentsia*, Moscow, Politizdat publ., 320 p.
- Bodrova, E. V. (2022). Development of projects to reform the scientific and technical sphere and the results of their implementation in the context of the transition of the Russian Federation to the market, *Bulletin of Tomsk State University, Series History*, № 80, pp. 5–15.
- Vodichev, E. G. (2014). Soviet scientific policy in the period of “late Stalinism” (the second half of the 1940s – early 1950s), markers and metamorphoses, *Bulletin of Tomsk State University, Series History*, № 2 (28), pp. 41–53.
- Gvishiani, D. M. (Ed.) (1975). *Voprosy teorii i praktiki upravleniya i organizatsii nauki*, Moscow, Nauka publ., 334 p.
- Gvishiani, D. M., Golubtsova, N. I. (Ed.) (1973). *Basic principles and general problems of science management*, Moscow, Nauka publ., 319 p.

- Kozlov, B. I. (2003). Industrialization of Russia: the contribution of the Academy of Sciences of the USSR (Sketch of social history. 1925–1963), Editor-in-Chief B. V. Levshin, Moscow, Academia publ., 272 p.
- Kulakov, A. A. (1977). The Academy of Sciences of the USSR and scientific institutions of the USA, mutually beneficial cooperation, *Bulletin of the Academy of Sciences of the USSR*, № 6, pp. 106–118.
- Lakhtin, G. A. (1990). Organization of Soviet Science, History and Modernity, Moscow, Nauka publ., 224 p.
- Lebedev, V. E. (2014). Management of scientific and technical sphere of the region: historical aspect, *International Research Journal*, № 3 (22). Ч. 1, pp. 97–98.
- Bychkova, O. (2016). Innovation by coercion, Emerging institutionalization of university–industry collaborations in Russia, *Social Studies of Science*, № 46 (4), pp. 511–535.
- Etzkowitz, H. (1996). Losing our bearings, the science policy crisis in post-Cold War Eastern Europe, former Soviet Union and USA, *Science a. publ. policy – Guildford*, v. 23, № 1, pp. 13–26.
- Graham, Loren R. (1993). Science in Russia and the Soviet Union, a short history, Cambridge University Press publ., 321 p.
- Nolting, Louvan E., Feshbach, Murray (1980). R&D Employment in the U.S.S.R., *Science*, v. 207 (February, 1), pp. 493–503, <https://www.science.org/doi/10.1126/science.207.4430.493>

About authors

Samarin, Alexey V., PhD Historical Sciences, Institute of Language, Literature and History, Federal Research Center “Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences”, Senior Researcher, Syktyvkar, Russia, +7-912-199-37-37, al.samarin@mail.ru
ORCID 0000-0002-7528-4242

Grant information

The publication was prepared within the framework of realization of the state assignment of the Komi Scientific Center of the Ural RAS Department on the theme “State policy of development of the European North of Russia in the XVI–XX centuries.” (state registration number FUUU-2025-0026).

The article was received in the editorial office on 12.02.2024, recommended for publication on 20.12.2024

Научная статья

УДК 002.6.048.26+93/94+001.814.2+329.051+001.814.4+329.15+930.25+303.832.24+303.833.5+303.833.6+303.833.73+002.63+32.019.52+659.4+329.055+329.1/.6+329.8+35.977.535.3+372.893+35.977.535.3+651.9+002.2+001.92+316.6+65.01+303.424+303.832+929+303.422+303.686.2+303.423+32.019.51

doi 10.28995/2073-0101-2025-1-136-153

Для цитирования

Никифоров, Ю. С. «Наследник», «маска», «возмутитель спокойствия»: образы политиков периода перестройки в СССР 1985–1991 гг. По страницам зарубежной печати из фонда Н. И. Рыжкова в РГАСПИ // Вестник архивиста. 2025. № 1. С. 136–153, doi 10.28995/2073-0101-2025-1-136-153

Никифоров, Ю. С.

Ярославский государственный педагогический университет
им. К. Д. Ушинского,
г. Ярославль, Российская Федерация

«Наследник», «маска», «возмутитель спокойствия»: образы политиков периода перестройки в СССР 1985–1991 гг. По страницам зарубежной печати из фонда Н. И. Рыжкова в РГАСПИ

Введение. Спустя более 30 лет после распада СССР значимость сохраняет вопрос о роли исторической личности в событиях перестройки¹. Многие из ключевых акторов политики перестройки оставили воспоминания², в которых затрагивается вопрос о персональной ответственности за распад СССР. Однако это обстоятельство в силу субъективности мемуаров только повышает градус напряжения в поиске научной объективности. Архивные документы в сочетании с другими источниками до известной степени способны помочь реконструировать роль политического деятеля в историческом контексте эпохи, приблизив объективную картину реальности. В этом смысле до некоторой степени недооцененными представляются материалы, отложившиеся в Российском

государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), в личном фонде Н. И. Рыжкова, бывшего председателя Совмина СССР и законодателя РФ, который скончался в феврале 2024 г. в почтенном возрасте 94 лет.

Актуальность. Затрагиваемая в статье проблема актуальна, по крайней мере, с двух позиций. С одной стороны, не утихают историографические дискуссии о характере перестройки и ее противоречивых итогах, которые рассматриваются с различных идейно-политических и теоретико-методологических позиций. С другой стороны, в современной историографии активно развивается как жанр исследования «новая биографическая история» («новая биографика»), которая базируется на «биографическом повороте» в исторической науке³ и требует вовлекать в орбиту исследования разнообразный контент источников.

Историографический обзор. Научные исследования, посвященные перестройке в СССР 1985–1991 гг., исчисляются тысячами статей и сотнями монографий. Остановимся лишь на знаковых работах. Отметим статьи и монографии таких отечественных исследователей, как А. С. Барсенков, С. В. Журавлев, Р. Г. Пихоя, М. Ф. Польшов⁴. Среди зарубежных авторов выделим таких ученых, как В. М. Зубок, Ст. Коткин, Ст. Коэн, А. Браун, Р. Саква⁵. Для исследователей поздней советской эпохи центральным остается вопрос о *причинах распада СССР*⁶.

Р. Г. Пихоя применительно к концу советской эпохи вводит понятие «*системный кризис*», выделяя пять его этапов: конец 1970-х – начало 1980-х гг.; 1982 – начало 1985 гг.; апрель 1985-го – конец 1986 г.; рубеж 1986–1987 – апрель 1989 г.; май 1989 – 1991 гг.⁷ С. В. Журавлев, полемизируя с Р. Г. Пихоя, отмечает «противоречивость» ситуации в позднем СССР. С одной стороны, он констатирует «провалы» в идеологической сфере и кадровой политике, падение темпов развития экономики, проблемы с производительностью труда, внедрением инноваций. С другой стороны, С. В. Журавлев подчеркивает, что «вряд ли можно говорить о наличии... кризиса в таких областях, как ВПК, космическая отрасль, образование, наука, культура, социальное обеспечение, уровень жизни

населения». Ученый резюмирует, что «ситуацию вряд ли можно было назвать «системным кризисом»⁸. Дискутирует с Р. Г. Пихоя и А. В. Шубин⁹. Он предлагает разделять понятия «падение режима», «распад СССР» и «системный кризис»¹⁰. Системность кризиса, с точки зрения А. В. Шубина, заключалась в том, что он «охватил все стороны жизни и состоял из взаимосвязанных составляющих: кризиса сверхдержавы; кризиса “государственного социализма”, т. е. государственно-монополистического индустриального общества; кризиса авторитарной государственно-политической системы; этнонационального кризиса». Не согласен А. В. Шубин и с утверждением Р. Г. Пихоя о «нарастании идеологической индифферентности в обществе». Он считает, что более корректным было бы определить эту ситуацию «как рост идеологического многообразия»¹¹.

Зарубежные исследователи, как представляется, в большей степени сосредоточены на внешнеполитических аспектах перестройки в СССР, международных последствиях деятельности М. С. Горбачева, завершении холодной войны. Наиболее рельефно данная линия прослеживается в трудах таких исследователей, как В. М. Зубок, Ст. Коткин, А. Браун, М. Маккоули¹². Определенное внимание в англо-американской историографии уделяется и советской экономике¹³. В контексте настоящей статьи особенно важны некоторые биографические исследования отечественных и зарубежных авторов, посвященные личности М. С. Горбачева¹⁴ и А. Н. Яковлева¹⁵.

Обзор источников. В центре внимания настоящего исследования материалы из фонда Н. И. Рыжкова в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), которые позволяют взглянуть на политические фигуры перестройки с оригинальной точки зрения внешних/зарубежных наблюдателей, добавив некоторые штрихи к политическим портретам известных деятелей перестройки в СССР. Анализируемое архивное дело, отложившееся в РГАСПИ, озаглавлено достаточно подробно: «Анализ статьи «Следите за Рыжковым», опубликованной в газете «Форин рипорт» (Великобритания) от 14.09.1989. Краткая характеристика советских политических деятелей СССР

из французского общественно-политического журнала «Экспресс» за 1989 г.»¹⁶. В этом документе отложились емкие и образные аналитические описания важнейших политических фигур эпохи М. С. Горбачева.

Следует подчеркнуть, по крайней мере, четыре источниковедческие особенности проанализированного документа. Во-первых, указание имен собственных анализируемых советских политических деятелей производится в западной манере – без указания отчества. Во-вторых, в статьях акцентированно указывается возраст каждого из анализируемых персонажей на момент публикации. В-третьих, описываемым «героям» статьи «приклеивается» своеобразное клише-ярлык посредством яркой метафоры. Наконец, в-четвертых, у большинства политических фигур указывается предыдущая ступень карьеры и/или среда, в которой происходило формирование политика.

Для исследования были использованы нарративный, сравнительно-исторический и историко-типологический методы, которые являются вполне традиционными для исторической науки.

Результаты исследования. Анализируемый архивный документ состоит из краткого реферата двух статей в зарубежной периодической печати, переведенных на русский язык: фрагменты статьи «Следите за Рыжковым», опубликованной в английской газете «Форин рипорт» от 14 сентября 1989 г.; выдержки из французского общественно-политического журнала «Экспресс» конца 1989 г. Начало анализируемого архивного дела открывается избранными фрагментами из указанной статьи.

Документ начинается с краткой информационной справки, подготовленной, вероятно, помощниками Н. И. Рыжкова, указывающей на солидный характер анализируемого источника: «еженедельное издание лондонского издательства «Экономист». В журнале помещаются редакционные статьи по важным событиям международной жизни под грифом «Конфиденциальный»¹⁷. В источнике британские авторы статьи подробно обрисовывают внутривнутриполитическую обстановку в СССР к осени 1989 г. на основе, выражаясь современным языком, инсайдерской информации, поступившей британцам.

Во-первых, британские аналитики отмечают падение авторитета КПСС и профсоюзов и постепенное ослабление статуса самого М. С. Горбачева в перспективе, несмотря на его текущую устойчивость: «Наши источники считают, что позиции Горбачева по-прежнему сильные... Давление на Горбачева усиливается, партия обеспокоена потерей власти, КГБ видит, как рушится авторитет организации, государственные профсоюзы презираются рабочими»¹⁸. Британские аналитики резюмировали, что «гласность открыла двери недисциплинованности и беспорядку»¹⁹.

Во-вторых, британцы констатируют формирование оппозиции, которая, прежде всего, включала в себя народные фронты прибалтийских республик. Помимо Прибалтики, по их оценкам, подобные оппозиционные настроения имели место и в других союзных республиках («оппозиция также существует внутри партии в республиках»). Особо подчеркивался критический настрой республик Закавказья: «Грузия и Азербайджан, которым хотелось бы решать самим свои дела»²⁰.

В-третьих, британцы указывают на отсутствие поддержки у М. С. Горбачева со стороны КПСС: «Июльский пленум – встретились 200 партийных деятелей... никто из участников не отозвался тепло о Горбачеве... Резко выступил Рыжков»²¹. В-четвертых, зарубежные аналитики диагностировали сознательное разрушение М. С. Горбачевым однопартийной системы в СССР, которое должно было привести к еще большему управленческому хаосу: «Горбачев последовательно передает власть от партии Верховному совету и местным советам. А Верховный совет еще более разобщен»²².

Авторы статьи в британской газете, прогнозируя гипотетическую ситуацию отставки М. С. Горбачева, задаются неожиданным, но резонным вопросом: «Если он будет вытеснен с поста Генерального секретаря КПСС, то кто же займет его место?». Аналитики отмечают несколько кандидатур. По их мнению, «основной противник, непопулярный *Егор Лигачев, не имеет шансов*»²³. При этом они представляют достаточно уважительную характеристику другого возможного претендента – Н. И. Рыжкова: «Человек, который является возможно приемлемым для советских граждан, – Николай Рыжков,

умеренный реформатор, который завоевал уважение тем, что, выполняя трудную работу, не был подпевалой Горбачева»²⁴.

Вторая часть британской статьи имеет подзаголовок «Потеря власти»²⁵. В этом разделе отмечается, что Н. И. Рыжков «косвенно критиковал союзника Горбачева – Вадима Медведева – главного идеолога – за усиление деидеологизации общества»²⁶. Затем британские аналитики весьма подробно останавливаются на характеристике политической позиции Н. И. Рыжкова, его коммуникативных качествах и организационных навыках, некоторые из которых были подчеркнуты красным карандашом: «Рыжков не является врагом перестройки и гласности. Но он ярый защитник установленного порядка, особенно положения партии и ее бюрократии»²⁷. Не считая Горбачева, он был единственной фигурой в руководстве, с которым бастующие шахтеры могли бы вести переговоры. Рыжков является посредником, человеком по возможности устраивающим всех»²⁸.

Далее следует значительный фрагмент текста, который полностью зачеркнут дважды под углом красным карандашом: «Если он видит себя в качестве возможной замены Горбачеву, то Рыжков попытается чаще выступать и найти союзников среди сторонников жесткого курса. А если Горбачев видит в Рыжкове для себя угрозу, то он возможно уберет его, пока не станет слишком поздно»²⁹. Можно лишь предположить, что правку текста красным карандашом проводил сам Н. И. Рыжков.

Другую значительную часть анализируемого источника представляют собой краткие «выжимки» фрагментов текста французской статьи в упомянутом журнале «Экспресс», которая, вероятно, была специально переведена на русский язык для тогдашнего председателя Совмина СССР Н. И. Рыжкова. Косвенно эту догадку подтверждает начало самого документа. Непосредственному тексту реферата французской статьи предшествует своеобразное введение ответственных работников Совмина, обращенное к Н. И. Рыжкову: «Николай Иванович! Это перевод из французского журнала. В нем даны характеристики политическим деятелям стран Восточной Европы, которые привлекают внимание на Западе»³⁰.

В центре основного внимания зарубежных авторов находится фигура Н. И. Рыжкова, который характеризуется во французской статье как «наследник» и «инженер по формации» с западным взглядом, который «постоянно находится в тени Горбачева, и как не удивительно правит». Отмечается, что «этот технократ с Урала стал популярным политическим деятелем»³¹. В источнике указывается на формально высокий статус Н. И. Рыжкова во властной иерархии СССР («вышел по протоколу на второе место в стране»). Авторы подчеркивают, как представляется, противоположные характеристики советского премьера: компромиссный стиль руководства («его решение всегда носит центристский характер») и, как это ни парадоксально звучит, готовность вступать в дискуссию с М. С. Горбачевым («иногда он высказывает даже критику в отношении патрона»). Французские авторы завершают характеристику Н. И. Рыжкова констатацией, что «в случае политических перемен в Москве можно ожидать, что он выйдет победителем»³².

Во французском журнале «Экспресс» даются достаточно пространственные характеристики и других советских политических деятелей, находившихся на пике своей карьеры в 1989 г.

Достаточно подробно характеризуется председатель КГБ Владимир Крючков (65 лет), который идентифицируется как «маска». С современной точки зрения, эта ключевая фигура в блоке советских спецслужб оценивается зарубежными аналитиками достаточно парадоксально – как «гарант правового государства». В источнике подчеркивались аспекты, значимые, прежде всего, для западного читателя. Так, в тексте статьи отмечалось, что он был «назначен шефом КГБ в 1988 г. Он курировал «Большой дом» в Нью-Йорке и в течение десяти лет отвечал за внешний шпионаж»³³.

Следующим в списке зарубежных наблюдателей был Анатолий Лукьянов. Подобно описанию других советских политиков указывается его возраст на момент публикации (59 лет) и должность («избран вице-президентом Верховного совета»). Лукьянов определялся посредством метафоры «бдительный». Авторы статьи указывают, что его «политический взлет начался в 1983 г. с приходом Андропова». В качестве его доминирующей психологической черты указывается, что он

«сдержан». Авторы публикации подчеркивали его основную функциональную характеристику в советской политической системе к 1989 г.: «его задача – обеспечивать постоянную работу власти»³⁴.

Еще один видный деятель перестройки Егор Лигачев (67 лет) характеризуется как «соперник» и глава консервативного направления в ЦК. Его властный статус, с точки зрения французских аналитиков, это «результат аппаратной карьеры в Сибири». Зарубежные наблюдатели задаются риторическими вопросами: «является ли он вторым лицом в Политбюро? Является ли... более-менее оппозиционной силой реформаторской политике Горбачева в действительности, или запасной вариант?»³⁵.

Следующий политический деятель, упоминаемый в документе, это Леонид Абалкин (59 лет), который определяется как «темная лошадка». Авторы статьи выделяют академическую среду в качестве главного фактора, повлиявшего на политическое мировоззрение Л. И. Абалкина («академик, связанный с реформистскими университетскими кругами») ³⁶. По мнению французских наблюдателей, он является «сторонником рыночной экономики». Следует обратить внимание, что авторы достаточно вольно (в собственной терминологии) указывают должность Л. И. Абалкина («вице-министр СССР»³⁷). Более корректным было бы указание на пост заместителя председателя Совмина СССР.

Значительное внимание в документе уделяется фигуре главы советского внешнеполитического ведомства. Эдуард Шеварнадзе (61 год), идентифицируемый как «миссионер», удостоивается наибольшей похвалы («великолепный техник своего дела, искусный дипломат»). Французские авторы восхищаются тем, что «бывший министр МВД Грузии, который ничего не понимал в дипломатии, в течение четырех лет достиг больших успехов». По прошествии более 30 лет этот тезис звучит весьма сомнительно. При этом французские аналитики подчеркивают его тесную политическую связь с генсеком ЦК КПСС («он приклеен к Горбачеву») ³⁸.

Будущий первый президент России Борис Ельцин (58 лет) удостоился целого набора ярких метафор – «возмутитель

спокойствия», «необузданный оппозиционер», «популист и демагог». Подчеркиваются коллизии в его карьере последних лет: «В 1986 г. назначен руководителем Московской парторганизации... и уволен в 1987 г.». С особым вниманием отмечается феноменальный результат Ельцина на выборах народных депутатов СССР 1989 г.: «избран народным депутатом от столицы с 89.44% голосов!». В заключение французские наблюдатели с пафосом констатируют, что «этот советский «генерал Буламже» не перестает сотрясать систему»³⁹.

Чуть более лаконичные характеристики получили другие общественно-политические деятели, находившиеся на слуху в 1989 г. и чуть менее известные в последующие десятилетия. Так, сопредседатель группы «Память»⁴⁰, историк Юрий Афанасьев (55 лет), атрибутируемый посредством условной метафоры «память», называется «одним из вождей реформистского течения»⁴¹. Указываются основные вехи его биографии: с 1986 г. ректор Историко-архивного института, с марта 1989 г. – народный депутат. В заключение его характеристики, как представляется, несколько однобоко трактуется мотивация его деятельности: «Ставит своей задачей заполнить белые пятна в истории. По призванию? Скорее по убеждению»⁴².

Будущий первый мэр Москвы Гавриил Попов (53 года), идентифицируемый французскими аналитиками как «один из признанных экономистов и видных реформаторов после выборов в Верховный совет». Подчеркивается его роль в развитии свободы слова в научной среде («возглавив крайне официальный журнал «Вопросы экономики», сделал его либеральным»). Ему французы приклеивают ярлык «капиталист». Кроме того, весьма грубо называют «пугалом для защитников марксизма»⁴³.

Наконец, будущий президент Литвы Альгердас Бразаускас (57 лет), который с 1988 г. возглавил компартию Литвы, определяется в качестве «мятежника», который «проповедует плюрализм в своей авангардной республике»⁴⁴. В его описании обращает на себя внимание фраза, которая может иметь достаточно широкие трактовки в части связи с границей: «Воспринял изоляционистские тезисы своих действительных руководителей»⁴⁵.

Любопытной выглядит характеристика секретаря ЦК КПСС (1986–1990), члена Политбюро ЦК КПСС (1987–1990) А. Н. Яковлева, извлеченная из французского журнала. В последние годы фигура этого общественно-политического деятеля вызывает много споров и дискуссий⁴⁶. Французские аналитики характеризовали этого «архитектора перестройки» как «атлантиста» (ему было 66 лет в 1989 г.), подчеркивая основные вехи его биографии: прохождение зарубежной образовательной программы («стажер Колумбийского университета»), опыт дипломатической деятельности 1970-х гг. («в 1972 Брежнев выдворил его послом в Оттаву»), преданность советскому лидеру («один из наиболее верных сторонников Горбачева»)⁴⁷.

Заключение. Подводя итоги, отметим, что проанализированный источник дает возможность сделать несколько выводов и обобщений разнопланового характера. Во-первых, само присутствие исследованного документа в архивном фонде Н. И. Рыжкова свидетельствует о значимости для тогдашнего председателя Совмина СССР оценок, которые давали зарубежные средства массовой информации политической обстановке в СССР и конкретным высшим партийно-государственным деятелям. Во-вторых, очевидна яркая публицистическая направленность статей (особенно французской) на массовую аудиторию, которая стремится к «легкому» чтению. В-третьих, прекрасно считывается субъективизм авторов обеих публикаций, их приверженность идеологии либеральных ценностей.

Как следствие, видны соответствующие симпатии и антипатии к советским политикам, ярко проявляющиеся посредством метафор, олицетворений и других художественных средств. Наконец, нельзя исключать определенный политический заказ на данные публикации от зарубежных спецслужб с целью дискредитации высших руководителей СССР. В частности, навязывание образа Н. И. Рыжкова в качестве «наследника» вряд ли могло сослужить хорошую службу советскому премьеру, поскольку текст публикации вполне мог оказаться на столе М. С. Горбачева.

Примечания

¹ Brown, A. (2020). *The Human Factor, Gorbachev, Reagan, Thatcher and the End of the Cold War*, New York, Oxford University Press publ., 500 p.

² См., к примеру: Лукьянов, А. И. Август 91-го. А был ли заговор? Москва: Эксмо, 2010. 237 с.; Рыжков, Н. И. Главный свидетель. Москва: Эксмо, 2009. 240 с.

³ Репина, Л. П. Личность и общество, или История в биографиях // История через личность: историческая биография сегодня. Москва: Кругъ, 2005. С. 5–16.

⁴ Барсенков, А. С. Политика перестройки и реформирование советского общества в 1985–1991 гг. // Российская история. 2014. № 6. С. 77–98; Журавлев, С. В. Перестройка как момент истины: к дискуссиям о природе и судьбе СССР // Российская история. 2022. № 6. С. 3–14; Пихоя, Р. Г. О периодизации системного кризиса Советского Союза // Российская история. 2019. № 2. С. 3–29; Польшов, М. Ф. СССР: от сталинского восстановления к горбачевской перестройке: вторая половина 1940-х – первая половина 1980-х гг. Санкт-Петербург: Алетейя, 2021. 772 с.

⁵ Зубок, В. М. Неудавшаяся империя. Советский Союз в холодной войне от Сталина до Горбачева. Москва: РОССПЭН, 2011. 669 с.; Коткин, Ст. Предотвращённый Армагеддон. Распад Советского Союза, 1970–2000. Москва: НЛО, 2018. 240 с.; Коэн, Ст. «Вопрос вопросов»: почему не стало Советского Союза? Москва: АИРО-XXI, 2007. 200 с.; Brown, A. (2007). *Seven Years that Changed the World, Perestroika in Perspective*, New York, Oxford University publ., 384 p.; Sakwa, R. (1999). *The Rise and Fall of the Soviet Union, 1917–1991*, London, New York, Routledge publ., 341 p.; Sakwa, R. (2020). 1989 as a mimetic revolution, Russia and the challenge of post-communism, *Social Science Information*, v. 59, no. 3, pp. 439–458.

⁶ Маслов, Д. В., Лазарева, Л. Н., Суханова, Н. И. Причины распада СССР: вопросы методологии исследования. Москва: РОССПЭН, 2022. 399 с.; Медушевский, А. Н. Перестройка и причины крушения СССР с позиций аналитической истории // Российская история. 2011. № 6. С. 3–30.

⁷ Пихоя, Р. Г. О периодизации системного кризиса Советского Союза // Российская история. 2019. № 2. С. 3–29.

⁸ Журавлев, С. В. Пока больше вопросов, чем ответов // Российская история. 2019. № 2. С. 50.

⁹ Шубин, А. В. Основные проблемы и этапы истории перестройки // Российская история. 2019. № 2. С. 39–47.

¹⁰ Там же. С. 40.

¹¹ Там же.

¹² Зубок, В. М. Указ. соч.; Коткин, Ст. Указ. соч.; Brown, A. Op. cit; McCauley, M. (2017). *The Cold War 1949-2016*, New York, Routledge publ., 390 p.

¹³ Hanson, Ph. (2003). *The rise and fall of the Soviet economy*, London, Longman publ., 279 p.

¹⁴ Таубман, У. Горбачев. Его жизнь и время. Москва: CORPUS, 2019. 768 с. На английском языке эта книга вышла ранее, см.: Taubman, W. (2017). *Gorbachev, his life and times*, New York, Norton & Company publ., 852 p.

¹⁵ Снегирев, В. Н. Александр Яковлев. Чужой среди своих. Партийная жизнь «архитектора перестройки». Москва: РОССПЭН, 2023. 672 с.; Pipes, R. (2015). *Alexander Yakovlev, The Man Whose Ideas Delivered Russia from Communism*, Illinois, NIU Press publ., 168 p.

¹⁶ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 653. Оп. 1. Д. 132.

¹⁷ Там же. Л. 1.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. Фраза подчеркнута красным карандашом.

²⁰ Там же. Л. 2.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Там же. Текст курсивом подчеркнут красным карандашом.

²⁴ Там же. Л. 1. Фраза подчеркнута красным карандашом.

²⁵ Там же. Л. 2.

²⁶ Там же.

²⁷ Первые предложения подчеркнуты красным карандашом.

²⁸ РГАСПИ. Ф. 653. Оп. 1. Д. 132. Л. 3.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. Л. 5.

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ Там же. Л. 6.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. Л. 7.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Вероятнее всего, здесь речь идет не об известном движении в СССР «Память», а о профессии Юрия Афанасьева как историка, ректора Московского государственного историко-архивного института

(МГИАИ), первого ректора Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ).

⁴¹ РГАСПИ. Ф. 653. Оп. 1. Д. 132. Л. 7.

⁴² Там же.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Сивов, А. Н. Особенности идеологической позиции «архитектора перестройки», первого заместителя заведующего отделом пропаганды ЦК КПСС А. Н. Яковлева в 1960–1970-е годы // *Via in tempore. История. Политология*. 2020. Т. 47. № 2. С. 378–386; Снегирев, В. Н. Указ. соч.

⁴⁷ РГАСПИ. Ф. 653. Оп. 1. Д. 132. Л. 5.

Аннотация

В статье имеет место обращение к персональному измерению новейшей отечественной истории – эпохе перестройки в СССР в свете архивных документов. Анализируемый архивный документ представляет собой реферат двух статей в зарубежной периодической печати, переведенный на русский язык. С одной стороны, представлены выдержки из французского общественно-политического журнала «Экспресс» за 1989 г. С другой стороны, имеются выдержки из статьи «Следите за Рыжковым», опубликованной в английской газете «Форин рипорт» (от 14 сентября 1989 г.). В исследовании использованы такие методы исторической науки, как нарративный, сравнительно-исторический и историко-типологический. Теоретико-методологической основой публикации является «биографический поворот» в историографии и «новая биографическая история» («новая биографика»), которая активно развивается в современной отечественной и зарубежной историографии. Анализируются образы политических деятелей периода перестройки в СССР, представленные в оценках зарубежных наблюдателей и аналитиков английской и французской прессы. В центре внимания находятся аналитические описания таких важнейших политиков эпохи М. С. Горбачева, как Ю. Н. Афанасьев, Б. Н. Ельцин, В. А. Крючков, Е. К. Лигачев, А. И. Лукьянов, Н. И. Рыжков, А. Н. Яковлев, и других. Фрагменты французской и английской статей переведены на русский язык для личного ознакомления Н. И. Рыжкова. Изучаемый архивный документ, который впервые вводится в научный оборот, отложился в фонде бывшего председателя Совета министров СССР Н. И. Рыжкова (Ф. 653) Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ). Выявлено, что зарубежные наблюдатели и аналитики крайне тенденциозно оценивали советских государственных деятелей накануне распада СССР.

Образы советских политиков конструируются в анализируемом источнике посредством применения оригинальных художественных средств, включая метафоры, олицетворения, эпитеты, аллегории, исторические аналогии. Установлено, что на фоне других политических деятелей наиболее позитивных оценок удостоивается Н. И. Рыжков. Для зарубежных наблюдателей и аналитиков характерна публицистическая манера подачи образов советских политических деятелей. Констатируется субъективность и оригинальность оценок и описаний зарубежных наблюдателей, представленных в анализируемом источнике. Ценность документа заключается в возможности использования оригинального источника для построения историко-биографического исследования исторических деятелей конца советской эпохи.

Ключевые слова: СССР, Н. И. Рыжков, М. С. Горбачев, А. Н. Яковлев, КПСС, перестройка в советской России, Ю. Н. Афанасьев, Б. Н. Ельцин, В. А. Крючков, Е. К. Лигачев, А. И. Лукьянов, пресса Великобритании и Франции о перестройке в СССР, Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), исторические источники.

Список литературы

- Барсенков, А. С. Политика перестройки и реформирование советского общества в 1985–1991 гг. // *Российская история*. 2014. № 6. С. 77–98.
- Журавлев, С. В. Перестройка как момент истины: к дискуссиям о природе и судьбе СССР // *Российская история*. 2022. № 6. С. 3–14.
- Журавлев, С. В. Пока больше вопросов, чем ответов // *Российская история*. 2019. № 2. С. 47–51.
- Зубок, В. М. Неудавшаяся империя. Советский Союз в холодной войне от Сталина до Горбачева. Москва: РОССПЭН, 2011. 669 с.
- Коткин, Ст. Предотвращённый Армагеддон. Распад Советского Союза, 1970–2000. Москва: НЛО, 2018. 240 с.
- Коэн, Ст. «Вопрос вопросов»: почему не стало Советского Союза? Москва: АИРО-XXI, 2007. 200 с.
- Лукьянов, А. И. Август 91-го. А был ли заговор? Москва: Эксмо, 2010. 237 с.
- Маслов, Д. В., Лазарева, Л. Н., Суханова, Н. И. Причины распада СССР: вопросы методологии исследования. Москва: РОССПЭН, 2022. 399 с.
- Медушевский, А. Н. Перестройка и причины крушения СССР с позиций аналитической истории // *Российская история*. 2011. № 6. С. 3–30.
- Пихоя, Р. Г. О периодизации системного кризиса Советского Союза // *Российская история*. 2019. № 2. С. 3–29.
- Польнов, М. Ф. СССР: от сталинского восстановления к горбачевской перестройке: вторая половина 1940-х – первая половина 1980-х гг. Санкт-Петербург: Алетей, 2021. 772 с.

Репина, Л. П. Личность и общество, или История в биографиях // История через личность: историческая биография сегодня. Москва: Кругъ, 2005. С. 5–16.

Рыжков, Н. И. Главный свидетель. Москва: Эксмо, 2009. 240 с.

Сивов, А. Н. Особенности идеологической позиции «архитектора перестройки», первого заместителя заведующего отделом пропаганды ЦК КПСС А. Н. Яковлева в 1960–1970-е годы // Via in tempore. История. Политология. 2020. Т. 47. № 2. С. 378–386.

Снегирев, В. Н. Александр Яковлев. Чужой среди своих. Партийная жизнь «архитектора перестройки». Москва: РОССПЭН, 2023. 672 с.

Таубман, У. Горбачев. Его жизнь и время. Москва: CORPUS, 2019. 768 с.

Шубин, А. В. Основные проблемы и этапы истории перестройки // Российская история. 2019. № 2. С. 39–47.

Brown, A. (2020). *The Human Factor, Gorbachev, Reagan, Thatcher and the End of the Cold War*, New York, Oxford University Press publ., 500 p.

Brown, A. (2007). *Seven Years that Changed the World, Perestroika in Perspective*, New York, Oxford University publ., 384 p.

Hanson, Ph. (2003). *The rise and fall of the Soviet economy*, London, Longman publ., 279 p.

McCauley, M. (2017). *The Cold War 1949–2016*, New York, Routledge publ., 390 p.

Pipes, R. (2015). *Alexander Yakovlev, The Man Whose Ideas Delivered Russia from Communism*, Illinois, NIU Press publ., 168 p.

Sakwa, R. (1999). *The Rise and Fall of the Soviet Union, 1917–1991*, London, New York, Routledge publ., 341 p.

Sakwa, R. (2020). 1989 as a mimetic revolution, Russia and the challenge of post-communism, *Social Science Information*, v. 59, no. 3, pp. 439–458.

Taubman, W. (2017). *Gorbachev, his life and times*, New York, Norton & Company publ., 852 p.

Сведения об авторах

Никифоров Юрий Сергеевич, кандидат исторических наук, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, кафедра отечественной истории, доцент, г. Ярославль, Российская Федерация, 8-920-115-99-15, Nikifor2108@yandex.ru

В редакцию статья поступила 17.07.2024 г., рекомендована к опубликованию 20.12.2024 г.

Scientific article

doi 10.28995/2073-0101-2025-1-136-153

For citation

Nikiforov, Yury S. (2025). “Heir”, ‘mask’, ‘troublemaker’, images of politicians of the perestroika period in the USSR 1985–1991, on the pages of the foreign press from the collection of N. I. Ryzhkov in RGASPI, *Herald of an Archivist*, no 1, pp. 136–153, doi 10.28995/2073-0101-2025-1-136-153

Nikiforov, Yury S., K. K. Yaroslavl State Pedagogical University, Yaroslavl, Russia

“Heir”, ‘mask’, ‘troublemaker’, images of politicians of the perestroika period in the USSR 1985–1991, on the pages of the foreign press from the collection of N. I. Ryzhkov in RGASPI

Abstract

The article deals with the personal dimension of the latest national history – the perestroika era in the USSR in the light of archival documents. The analyzed archival document is an abstract of two articles in foreign periodicals, translated into Russian. On the one hand, excerpts from the French socio-political magazine *Express* for 1989 are presented. On the other hand, there are excerpts from the article “Watch out for Ryzhkov” published in the English newspaper “*Forin Report*” (September 14, 1989). The study utilizes such methods of historical science as narrative, comparative-historical and historical-typological. The theoretical and methodological basis of the publication is the “biographical turn” in historiography and the “new biographical history” (“new biography”), which is actively developing in modern domestic and foreign historiography. The article analyzes the images of political figures of the perestroika period in the USSR, presented in the assessments of foreign observers and analysts of the English and French press. The focus is on analytical descriptions of such important politicians of the Gorbachev era as Y. N. Afanasyev, B. N. Yeltsin, V. A. Kryuchkov, E. K. Ligachev, A. I. Lukyanov, N. I. Ryzhkov, A. N. Yakovlev and others. Fragments of the French and English articles have been translated into Russian for N. I. Ryzhkov’s personal familiarization. The studied archival document, which is being introduced into the scientific turnover for the first time, was deposited in the fonds of the former Chairman of the USSR Council of Ministers N. I. Ryzhkov (F. 653) of the Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). It was revealed that foreign observers and analysts were extremely biased in their assessment of Soviet statesmen

on the eve of the collapse of the USSR. The images of Soviet politicians are constructed in the analyzed source through the use of original artistic means, including metaphors, personifications, epithets, allegories, and historical analogies. It was found that against the background of other political figures, N. I. Ryzhkov received the most positive assessments. Foreign observers and analysts are characterized by a publicistic manner of presenting the images of Soviet political figures. The subjectivity and originality of assessments and descriptions of foreign observers presented in the analyzed source are stated. The value of the document lies in the possibility of using the original source to build a historical and biographical study of historical figures of the late Soviet era.

Keywords

USSR, N. I. Ryzhkov, M. S. Gorbachev, A. N. Yakovlev, CPSU, perestroika in Soviet Russia, Y. N. Afanasyev, B. N. Yeltsin, V. A. Kryuchkov, E. K. Ligachev, A. I. Lukyanov, British and French press about perestroika in the USSR, Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI), historical sources.

References

- Barsenkov, A. S. (2014). Perestroika policy and reforming the Soviet society in 1985–1991, *Russian History*, № 6, pp. 77–98.
- Zhuravlev, S. V. (2022). Perestroika as a moment of truth: to the discussions on the nature and fate of the USSR, *Russian History*, № 6, pp. 3–14.
- Zhuravlev, S. V. (2019). More questions than answers so far, *Russian History*, № 2, pp. 47–51.
- Zubok, V. M. (2011). Failed Empire. Soviet Union in the Cold War from Stalin to Gorbachev, Moscow, ROSSPAN publ., 669 p.
- Kotkin, St. (2018). Prevented Armageddon, The collapse of the Soviet Union, 1970–2000, Moscow, UFO publ., 240 p.
- Cohen, St. (2007). “Question of Questions”, Why Didn’t the Soviet Union Become the Soviet Union?, Moscow, AIRO-XXI publ., 200 p.
- Lukyanov, A. I. (2010). August 91. Was there a conspiracy?, Moscow, Eksmo publ., 237 p.
- Maslov, D. V., Lazareva, L. N., Sukhanova, N. I. (2022). Reasons for the collapse of the USSR, issues of research methodology, Moscow, ROSSPEN publ., 399 p.
- Medushevsky, A. N. (2011). Perestroika and the causes of the collapse of the USSR from the standpoint of analytical history, *Russian History*, № 6, pp. 3–30.
- Pikhoya, R. G. (2019). On the periodization of the systemic crisis of the Soviet Union, *Russian History*, № 2, pp. 3–29.

- Polynov, M. F. (2021). USSR, from Stalin's restoration to Gorbachev's perestroika, the second half of the 1940s – the first half of the 1980s, St. Petersburg, Aleteia publ., 772 p.
- Repina, L. P. (2005). Personality and Society, or History in Biographies. IN: History through Personality: Historical Biography Today, Moscow, Krug publ., pp. 5–16.
- Ryzhkov, N. I. (2009). The main witness, Moscow, Eksmo publ., 240 p.
- Sivov, A. N. (2020). Features of the ideological position of the “architect of perestroika”, first deputy head of the propaganda department of the CPSU Central Committee A. N. Yakovlev in 1960–1970s, *Via in tempore. History. Political Science*, v. 47, № 2, pp. 378–386.
- Snegirev, V. N. (2023). Alexander Yakovlev, Stranger among his own, Party life of the “architect of perestroika”, Moscow, ROSSPAN publ., 672 p.
- Taubman, U. (2019). Gorbachev, His life and time, Moscow, CORPUS publ., 768 p.
- Shubin, A. V. (2019). Main problems and stages of the history of perestroika, *Russian History*, № 2, pp. 39–47.
- Brown, A. (2020). The Human Factor, Gorbachev, Reagan, Thatcher and the End of the Cold War, New York, Oxford University Press publ., 500 p.
- Brown, A. (2007). Seven Years that Changed the World, Perestroika in Perspective, New York, Oxford University publ., 384 p.
- Hanson, Ph. (2003). The rise and fall of the Soviet economy, London, Longman publ., 279 p.
- McCauley, M. (2017). The Cold War 1949–2016, New York, Routledge publ., 390 p.
- Pipes, R. (2015). Alexander Yakovlev, The Man Whose Ideas Delivered Russia from Communism, Illinois, NIU Press publ., 168 p.
- Sakwa, R. (1999). The Rise and Fall of the Soviet Union, 1917–1991, London, New York, Routledge publ., 341 p.
- Sakwa, R. (2020). 1989 as a mimetic revolution, Russia and the challenge of post-communism, *Social Science Information*, v. 59, no. 3, pp. 439–458.
- Taubman, W. (2017). Gorbachev, his life and times, New York, Norton & Company publ., 852 p.

About authors

Nikiforov, Yury S., PhD in History, K. K. Yaroslavl State Pedagogical University, Department of National History, Associate Professor, Yaroslavl, Russia, +7-920-115-99-15, Nikifor2108@yandex.ru

The article was received in the editorial office on 17.07.2024, recommended for publication on 20.12.2024

Документальная публикация

УДК 93/94+651.7+355.01+001.814.2+316.6+32.019.52+65.01+651.5+930.85+303.424+303.423+351/354+930.2+930.24+651.512+651.531.17+342.78+331.1+351.86+32.019.51+303.64+659.4+321.011.1+323.2+323.212+323.22/.28+323.22+330.31+364.022+364.023+364.12+364.144+930.25
doi 10.28995/2073-0101-2025-1-154-170

Для цитирования

Сушко, А. В., Петин, Д. И. Совершенно секретный отчет Е. М. Ярославского в ЦК ВКП (б) о командировке в Сибирь в ноябре-декабре 1942 г. // Вестник архивиста. 2025. № 1. С. 154–170, doi 10.28995/2073-0101-2025-1-154-170

Сушко, А. В., Петин, Д. И.

Омский государственный технический университет,
г. Омск, Российская Федерация

**Совершенно секретный отчет
Е. М. Ярославского в ЦК ВКП (б)
о командировке в Сибирь
в ноябре-декабре 1942 г.**

Введение. Емельян Михайлович Ярославский (Губельман Минейц (Мейт–Иуда) Израилевич) (1878–1943) – уроженец Сибири, происходивший из семьи евреев-ссыльно-поселенцев – профессиональный революционер из когорты самых авторитетных и влиятельных государственных и партийных лидеров в РСФСР–СССР, входивший в ЦК ВКП (б). К 1930-м гг. он стал «доверенным лицом» И. В. Сталина и одним из главных идеологов сталинизма. Ярославский хорошо знал Сибирь. Значимые вехи его жизни были связаны с регионом. Здесь он родился, состоялся как революционер, отбывал ссылку. В завершающий период Гражданской войны

в России, живя сначала в Омске, а затем в Новониколаевске, он занимался партийной работой, будучи членом Сиббюро ЦК РКП(б)¹.

Постановка проблемы. В годы Великой Отечественной войны Сибирь была глубоким тылом, внесшим колоссальный вклад в Великую Победу. «В Сибири не было войны, но славилась Сибирь полками», – метко подчеркнул известный сибирский поэт-фронтовик, полковник И. Г. Краснов (1923–1997). Действительно, регион имел для страны стратегическое значение в снабжении армии вооружением, боеприпасами и продуктами питания. В связи с чем аспекты локальной истории в отдельных моментах подчас обретают общероссийское значение. Подъем академической актуализации темы единства фронта и тыла произошел на волне полувекового и последующих юбилеев Победы². На текущем этапе для популяризации темы важную роль играет деятельность архивных учреждений³. Благодаря рассекречиванию государственными и ведомственными архивами комплексов документов периода Великой Отечественной войны, многие источники стали доступны для введения в научный оборот⁴. Здесь согласился с мнением Е. В. Лешуковой о том, что лишь в текущую треть века стало возможным полноценное осмысление роли сибирского тыла в Великой Победе. Но, несмотря на серьезные современные наработки, в этом весьма масштабном научном вопросе есть еще существенный объем лакун. Причем эта исследовательская тематика остается в большей степени в центре внимания исследователей из России, не будучи интересна для зарубежной историографии. Говоря о повседневности сибирского тыла, иностранные специалисты отчасти уделяют внимание жизни женщин и детей, изучая как таковые отдельные проблемы бытования глубокого советского тыла лишь применительно к некоторым регионам СССР⁵. Хотя постановка вопроса и степень проработки темы в этих трудах достойны внимания⁶.

Результаты исследования. Обратимся к обзору обстоятельств появления документа. В ноябре-декабре 1942 г. в начале этапа «коренного перелома» в Великой Отечественной войне состоялась последняя поездка Ярославского

в Сибирь. Его миссией стало непосредственное ознакомление с ситуацией в крае. Партийно-государственное руководство СССР рассчитывало на ресурсы региона. Получение от входившего в высшие эшелоны власти компетентного и заслуживавшего доверие И. В. Сталина человека, непосредственно на местах ознакомившегося с ситуацией, достоверной информации об условиях существования сибирского тыла было особенно важно тогда для Москвы.

Визит Ярославского в Сибирь пришелся на один из наиболее сложных периодов войны, когда РККА готовило и проводило наступательные операции под Сталинградом и Ржевом. Выбирая места посещения, партийный лидер сделал акцент на ключевых военно-промышленных центрах региона. Сведения от сибирского партийного и военного руководства о сформированных воинских соединениях и выпущенной для фронта продукции были объективны. Но для руководства страны было важно знать и о том, что думают и как живут люди, обеспечивавшие эти высокие и жизненно важные для государства показатели.

Особое место в поездке Ярославского по Сибири занял Омск. Именно от этого города его избрали депутатом Верховного Совета СССР, поэтому здесь он проводил приемы своих избирателей, в ходе чего получил достоверную информацию об условиях жизни местного населения.

По результатам командировки в Сибирь для информирования членов ЦК ВКП (б) Ярославский подготовил публикуемый нами отчет. Он содержал сведения, предназначавшиеся только высшему руководству СССР и партии, в связи с чем ему был присвоен гриф «совершенно секретно». В общем понимании это утилитарный документ, построенный в проблемном ключе с разделением на смысловые блоки; его отличают лаконичность и четкость изложения автором идей, предполагавшихся как руководство к действию. Здесь очевидно сказались чрезвычайные обстоятельства эпохи и особенность профессионального мышления Ярославского – к тому времени умудренного советского управленца, имевшего богатый опыт организационной работы в условиях военного времени. Содержание отчета можно разделить на три блока. Первый – информация о мероприятиях массово-политической работы,

проведенных Ярославским; второй – описание выявленных им социально-бытовых проблем повседневной жизни сибиряков; третий – практические рекомендации по вопросам, представлявшимся важными автору документа.

Содержание отчета раскрывает значение идеологии, внедрявшейся в советский народ через массово-политическую работу для завоевания Великой Победы; эта идеологическая составляющая в отечественной историографии традиционно оценивалась в качестве одного из ее ключевых факторов. В западной литературе значению пропаганды в повседневной жизни советского тыла отводится второстепенное место. По мнению современного нидерландского исследователя К. Беркхоффа в советском тылу решающее значение имела милитаризация труда, информация о жестокостях фашистов, разговоры с беженцами, эвакуированными, фронтовиками, и особенно слухи⁷.

Для понимания военной эпохи в СССР важно, что свой отчет Ярославский начал именно с характеристики массово-политической работы, проделанной им в ходе командировки. Он дает сведения о количестве проведенных им мероприятий, разбив их на группы по целевой аудитории (интеллигенция, военные, рабочие оборонных заводов, шахтеры, железнодорожники). Здесь показательно отсутствие встреч с колхозниками, по факту, кормившими страну и ее армию. Ярославский не посчитал нужным охватить своей работой эту социальную группу. В то же время в документе отмечена связь несвоевременной хлебосдачи сибирской деревней и недостаточной массово-политической работой здесь. На наш взгляд, данное противоречие объясняется традиционным пренебрежением большевиков/коммунистов к крестьянству, долгое время рассматриваемому в их идеологии в качестве мелкобуржуазной массы – классового врага. Кроме того, по отношению к промышленным оборонным мощностям сельскохозяйственное производство в годы Великой Отечественной войны было вторично.

Говоря об общении с публикой, Ярославский показательно подчеркнул в отчете значение личности Сталина, роли его политической фигуры в советской идеологии тех лет. Этот

фрагмент документа не был «обязательной данью» в угоду «отцу народов». Это суждение отражает истинный смысл персоны вождя для мобилизации советских людей на борьбу с фашизмом. «Традиционно» отечественные историки игнорируют данный пассаж. К числу исключений на этот счет можно отнести наработки о сформированной летом 1942 г. в Омске 75-й Сталинской добровольческой отдельной стрелковой бригаде омичей-сибиряков⁸. Отчет Ярославского подтверждает, что без акцента на символическом значении роли имени Сталина невозможно адекватно понять и оценить массово-политическую работу в СССР и мобилизацию советских людей на борьбу с врагом в годы Великой Отечественной войны.

Документ обнажает, прежде всего, социальные проблемы урало-сибирского тыла, ставшего основой для множества военных производств и подготовки кадров армии и флота. Всякая дестабилизация здесь в условиях тотальной войны была недопустима. Отчет показывает, что местные власти с трудом справлялись со сложностями социального блока или видели эти вопросы проблемами второго плана по сравнению с военным производством. Суждения Ярославского исходят во многом от понимания базовых потребностей человека (питание, жилье), важности урегулирования повседневных бытовых проблем, в то время являвшихся «благодатной почвой» для распространения антисоветских настроений. С позиций обострения социальной напряженности нерешение таких вопросов создавало угрозу срыва в стратегических сферах, что было недопустимо в момент еще только начинавшегося «коренного перелома» в войне с фашизмом.

Отчет – не вполне типичный документ своей эпохи, описывающий «проблемные грани» тыловой повседневности. Достоверность сообщаемых сведений не вызывает сомнений. Так, одним из первых негативных моментов, выделенных Ярославским, было плохо организованное общественное питание. К примеру, в Омске в 1942 г. ситуация в рабочих столовых была именно такой. В спецсводке с обзором перлюстрации писем, подготовленной в июле 1942 г. УНКВД по Омской области, есть показательный фрагмент письма омича: «Сейчас

у нас проходит комиссия <...> Много товарищей записываются добровольцами в Красную Армию, но комиссия много не принимает, потому что много записалось калек. Но это все заставило писаться питание – сейчас варят такую кислую капусту, что во рту невозможно держать, и дают три раза в день. Много товарищей заболело желудками. В уборную как пойдешь, слышишь один стон <...>⁹. Из ознакомления с отчетом Ярославского становится очевиден подвиг тружеников сибирского тыла, несмотря на чудовищные условия быта, обеспечивавших армию необходимым вооружением и снаряжением.

Завершая отчет, Ярославский дает практические рекомендации: о разукрупнении Новосибирской области (реализовано в 1943–1944 гг.) и реэвакуации АН СССР в Москву (реализовано к осени 1943 г.). Столь оперативная реакция власти свидетельствует о роли личности в истории, подтверждая авторитет автора отчета и правильность его предложений.

Выводы. Актуальность проделанного анализа документа видится, на наш взгляд, и в том, что в связи с текущими геополитическими задачами нашей страны историко-антропологическое знание обретает особенное значение¹⁰.

В российской историографии Ярославский известен, главным образом, как профессиональный революционер, непримиримый атеист и организатор антирелигиозной пропаганды, один из главных идеологов сталинизма, видный партийный функционер. Данный доклад позволяет судить об авторе публикуемого здесь отчета и как о ярком пропагандисте, умевшем в чрезвычайных военных условиях видеть насущные социальные проблемы и влиять на их решение.

Партийно-политическая работа Ярославского в Сибири, проводившаяся в форме коллективных бесед с представителями различных слоев советского общества, свидетельствует о наличии в годы Великой Отечественной войны особой формы пропагандистской работы, когда известный на всю страну партийный руководитель общался с народом, изучая местную жизнь в отдаленном от центра, но стратегически важном регионе. Степень распространенности такой практики в годы Великой Отечественной войны историкам еще предстоит оценить.

№ 1

[Москва]

2 января 1943 г.

Выполняя поручение ЦК ВКП (б), объехал ряд областей Урала и Сибири, выступая всюду с докладами о положении на фронтах Отечественной войны и международном положении. Всего за время с 15 ноября до 21 декабря я сделал 28 докладов, включая сюда доклад на юбилейной сессии Академии Наук СССР на тему «Место и значение Великой Октябрьской Социалистической Революции в истории человечества», а также беседы с пропагандистами, лекторами и митинги на заводах.

Доклады на парт[ийных]активах¹¹ я сделал в городах: Свердловске, Нижнем Тагиле, Новосибирске, Ленинске-Кузнецком, Прокопьевске, Сталинске-Кузнецком¹², Тайге, Томске, Омске, Молотове¹³.

Во всех крупных городах я делал доклады для интеллигенции, причем интерес к этим докладам со стороны интеллигенции всюду исключительный.

7 докладов сделаны мною на собраниях военных: Урал[ьского]В[оенного]О[круга] (Свердловск), Сиб[ирского]В[оенного]О[круга] и НКВД (Новосибирск), Моск[овского] арт.[иллерийского] училища (Ленинск[–Кузнецкий]), собрания командного и полит.[ического] состава гарнизонов в городах: Омске, Томске, Молотове и на собрании летчиков-гвардейцев в Омске.

Выступил на митингах рабочих паровозного депо Свердловск-пассажирская; на 2 собраниях рабочих и служащих шахты им.[ени] Ярославского¹⁴ (Ленинск[–Кузнецкий]), на шахте имени Сталина¹⁵ (Прокопьевск), завода «Фрезер»¹⁶ (Томск), завода № 174¹⁷ (Омск), завода им.[ени] Молотова¹⁸ (Молотов).

В Омске, откуда я избран депутатом Верховного Совета СССР, я провел собрание избирателей и в течение нескольких дней организовывал в Облисполкоме прием избирателей и разбор их жалоб.

На местах я знакомился с состоянием бытовых учреждений: столовых, общежитий, детсадов, интерната для инвалидов.

Особо уделил внимание состоянию пропаганды и агитации.

Кратко сообщаю выводы из этой поездки и отмечаю недостатки, требующие немедленного устранения.

1. Очень запущена забота о бытовых нуждах трудящихся во многих городах.

Плохо организовано общественное питание. Во многих столовых грязь, обвешивание, нет посуды, пища готовится отвратительно, овощи дают мороженые, утерявшие значительно питательность.

Жалуются на грубое обращение с просителями в райсоветах, на невнимание, на черствость, бездушие. Как в этом случае, так и в первом, объясняют такое отношение ссылкой на войну.

2. Во многих случаях совершенно недостаточно организована помощь красноармейцам как со стороны райсоветов, так и со стороны райвоенкоматов, так особенно со стороны предприятий, откуда красноармейцы мобилизованы. Многие предприятия стараются совершенно снять с себя такую заботу.

3. Плохо организована помощь инвалидам Отечественной войны. Органы социального обеспечения на местах относятся к этому делу формально и зачастую совершенно бездушно. Между тем количество инвалидов увеличивается по мере хода войны, и забота о них должна быть максимальной и немедленно усилена. Если этого не сделать сейчас, то трудности здесь возрастут. Неустроенный инвалид, естественно, является сеятелем недовольства, а таких неустроенных инвалидов везде много.

4. Не ведется фактически никакой борьбы со спекуляцией на рынках. Цены на так называемом колхозном рынке взвинчены до предела: продукты по этим ценам недоступны массе трудящихся. Среди спекулянтов можно, к сожалению, встретить военнотрудовых. Следует принять против этого самые решительные меры.

5. Во многих общежитиях рабочих грязно, нет постельного белья, кое-где рабочие спят на голых досках (Ленинск-Кузнецкий). Жалуются, что при огромном развороте строительства промышленных предприятий жилищное строительство находится в забвении, что ведет к массовым нарушениям трудовой дисциплины.

6. Мало что делается или почти ничего не делается, чтобы мобилизовать местную промышленность. Население жалуется, например, что нет соли даже там, где она в изобилии.

Поездка по Кузбассу привела меня к убеждению, что Кузбасс надо выделить в самостоятельную область с центром в Сталинске–Кузнецком и дать туда сильного руководителя. Кузбасс имеет все данные для огромного роста. Его узким местом сейчас является слабый транспорт, не справляющийся ни с перевозками угля, ни с перевозками металла. Вряд ли устранение этого зависит от секретаря [Новосибирского] обкома тов.[арища М. В.] Кулагина. (Я имею в виду упрек, сделанный ему в передовой «Правды»).

Уже сейчас недостаток жидкого топлива в Сибири снова и снова настойчиво выдвигает задачу, легко разрешимую в Кузбассе, Караганде и Черем[уховском]бассе[йне]: форсировать добычу жидкого горючего из угля и увеличить добычу бензина и других продуктов угольно-химической промышленности.

В частности, следовало бы дать Академии Наук СССР задание: изыскать пути улучшения питьевой воды в городах и поселках Кузбасса. Как правило, там нет хорошей питьевой воды, и рабочие часто пьют какую-то бурду.

В отношении Академии Наук СССР у меня сложилось убеждение, что пора уже президиум Академии Наук перевести в Москву.

Повсюду партийные и другие организации благодарили ЦК за присылку члена ЦК, за информацию, за помощь.

Как пример такой помощи могу привести шахту моего имени. Она за время войны из передовой сделалась отсталой. Рабочие находились в тяжелом положении: работали в мокрых забоях без прозодежды. Достаточно было небольшой помощи, и шахта выполнила в декабре план. Потребовалось личное вмешательство, чтобы такая помощь была оказана Наркоматом угля.

Всюду на собраниях подавались записки о здоровье товарища Сталина; интересуются: как успевает товарищ Сталин справиться с огромными задачами.

Эти вопросы задавались и рабочими, и интеллигенцией, и военными, и ответ на них выслушивался с особым вниманием.

Влияние нашей партии всюду, несомненно, выросло за время войны. Однако далеко не всюду это влияние использовано партией. Несвоевременное выполнение хлебосдачи колхозами Сибири в значительной степени объясняется,

по-моему, недостаточным развитием партийной массово-политической работы в деревне, ее ослаблением.

Ем.[ельян] Ярославский

Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 89. Оп. 12. Д. 2. Л. 156–159. Машинопись. Подлинник. Автограф.

Примечания

¹ Папков, С. А. Руководящие кадры Сибири 1919–1941 гг. Справочник. Новосибирск: Академиздат, 2021. С. 586.

² Анфертьев, И. А. Отражение темы «Единства фронта и тыла в годы Великой Отечественной войны» в материалах, опубликованных в «Военно-историческом журнале» в 2000–2005 гг. // Единство фронта и тыла в Великой Отечественной войне (1941–1945). Материалы Всероссийской научно-практической конференции (21–22 апреля 2005 г.). Москва: Academia, 2007. С. 218–228.

³ Моисеев, В. В., Захаров, К. В. Сибирские архивы в современном информационном обществе // История и архивы. 2023. Т. 5. № 2. С. 108.

⁴ Лешукова, Е. В. Практика военно-оборонной работы по подготовке боевых резервов для РККА в 1941–1943 гг. на территории Ханты-Мансийского национального округа // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2023. Т. 8. № 3. С. 33; Великая Отечественная: к 70-летию народной Победы: материалы международной научной конференции «Великая Отечественная война 1941–1945 в памяти народа и документах Архивного фонда Российской Федерации и зарубежных архивах. Проблемы изучения и публикации», Москва, 15 апреля 2015 г. / Отв. редактор Е. И. Пивовар; сост. И. А. Анфертьев. Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2015. 928 с.

⁵ См. например: Manley, R. (2009). *To the Tashkent Station. Evacuation and Survival in the Soviet Union at War*. Ithaca, NY, Cornell University Press publ., 282 p.; Holmes, L. E. (2012). *War, evacuation, and the exercise of power: The center, periphery, and Kirov's Pedagogical Institute, 1941–1952*. Lanham etc., Lexington Books publ., 239 p.; Goldman, W. Z., Filtzer, D. (2021). *Fortress Dark and Stern, The Soviet Home Front during World War II*. Oxford University Press publ., 512 p.; Yeleuhanova, S. V., Utebayeva, A. D. (2019). *Women of Kazakhstan during the Great Patriotic War, soviet historiography (1970–1980s)*, *Bulletin of The Karaganda University, History. Philosophy Series*, v. 94, № 2, pp. 31–38; Berdyguzhin, L. B., Shymanov, Z. Z., Muhanbedieva, G. K., Dosetova, A. A., Asimov, K. S. (2015). *Kazakh woman – oil in the Great Patriotic War*, *European Journal of natural history*, № 2, pp. 51–54.

⁶ Киличенков, А. А., Сторэлл, К. Дж. «Советский тыловой фронт»: к выходу в свет монографии Вэнди Голдман и Дональда Филцера о Великой Отечественной войне // Новый исторический вестник. 2023. № 1. С. 124–146.

⁷ Berkhoff, K. (2012). Motherland in danger Soviet Propaganda during World War II, Harvard University Press publ., pp. 277–278.

⁸ Сушко, А. В., Нагаев, И. Б. 75-я Сталинская добровольческая отдельная стрелковая бригада омичей-сибиряков: историописание и коммеморация // Новейшая история России. 2022. Т. 12, № 3. С. 563–580; Сушко, А. В., Лидер, Н. В. Школьный музей боевой славы 75-й Гвардейской бригады: история, опыт и значение патриотической работы // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2023. Т. 8, № 4. С. 19–30; Анфертьев, И. А. Издание омскими историками и архивистами труда о боевом пути 75-й Сталинской добровольческой отдельной стрелковой бригады омичей-сибиряков // Вестник архивиста. 2023. № 3. С. 945–952; Ростов, Н. Д., Петин, Д. И. Памяти славных: рецензия на сборник документов «Рождённая в Черёмушках: 75-я Сталинская добровольческая отдельная стрелковая бригада омичей-сибиряков» // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2023. Т. 10, № 3. С. 188–194.

⁹ Рожденная в Черёмушках: 75-я Сталинская добровольческая отдельная стрелковая бригада омичей-сибиряков. Сборник документов. Омск: Золотой тираж, 2022. С. 64.

¹⁰ Сенявская, Е. С. Военная антропология в новых исторических условиях // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 8. С. 46–54.

¹¹ Здесь и далее выделения текста подчеркиванием сделаны автором документа.

¹² С 1961 г. Новокузнецк.

¹³ С 1957 г. Пермь.

¹⁴ С 2000 г. ОАО Шахта «Егозовская».

¹⁵ С 2004 г. ООО «Шахта Коксовая».

¹⁶ Ныне часть группы компаний «Томский инструмент».

¹⁷ С 2000 г. ГУП «Омсктрансмаш».

¹⁸ С 1992 г. АО «Мотовилихинские заводы».

Аннотация

В работе проведено источниковедческое исследование не публиковавшегося ранее совершенно секретного отчета, подготовленного известным советским партийно-государственным деятелем

Е. М. Ярославским по итогам его последней рабочей поездки в Сибирь в ноябре-декабре 1942 г. Содержательная специфика документа предполагала ознакомление с ним только высшего руководства СССР. Публикуемый источник, находящийся на постоянном хранении в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), позволяет осветить ряд важных моментов. Прежде всего, это формы и методы организационно-управленческой работы центральной власти по отношению к урало-сибирскому тылу на этапе коренного перелома в Великой Отечественной войне. Основа содержания публикуемого отчета делает значительный акцент на проблемах функционирования оборонно-промышленных предприятий, устройстве социального блока и повседневной жизни жителей региона, обеспечивавших выполнение стратегических для государства задач. Цель исследования заключена в анализе содержательных особенностей публикуемого источника в контексте конкретно-исторической обстановки его появления. Теоретическая основа работы представлена сочетанием антропологического подхода, принципа системности, источниковедческого и биографического методов. Данная методологическая совокупность позволила в рамках особенностей эпохи сталинизма и периода Великой Отечественной войны исследовать публикуемый документ с учетом его авторства. При этом приводимый источник интерпретируется, в том числе, и как продукт функционирования советской административной системы. Отчет Е. М. Ярославского, повествующий о повседневной жизни тыла в Сибири, весьма ценен также с позиций локальной истории. Он обзорно охватывает сразу несколько крупных центров оборонно-промышленного производства и ресурсно-добывающих мощностей того периода. По мнению публикаторов, документ является ярким свидетельством партийной массово-политической работы, направленной на тотальную мобилизацию советского общества для борьбы с фашизмом. Как подчеркивается в работе, такая деятельность, в которой действительное участие принял Е. М. Ярославский, стала одним из залогов Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Работа может представлять интерес для исследователей, изучающих Великую Отечественную войну, сибирский тыл и военную повседневность, общественно-политическую деятельность Е. М. Ярославского, а также роль идеологии и массово-политической работы в советском обществе эпохи сталинизма.

Ключевые слова: исторические источники, историческая антропология, массово-политическая работа, ВКП (б), Великая Отечественная война 1941–1945 гг., сибирский тыл, повседневность, Е. М. Ярославский.

Список литературы

Анфертьев, И. А. Издание омскими историками и архивистами труда о боевом пути 75-й Сталинской добровольческой отдельной стрелковой бригады омичей-сибиряков // Вестник архивиста. 2023. № 3. С. 945–952.

Анфертьев, И. А. Отражение темы «Единства фронта и тыла в годы Великой Отечественной войны» в материалах, опубликованных в «Военно-историческом журнале» в 2000–2005 гг. // Единство фронта и тыла в Великой Отечественной войне (1941–1945). Материалы Всероссийской научно-практической конференции 21–22 апреля 2005 г. Москва: Academia, 2007. С. 218–228.

Великая Отечественная: к 70-летию народной Победы: материалы международной научной конференции «Великая Отечественная война 1941–1945 в памяти народа и документах Архивного фонда Российской Федерации и зарубежных архивах. Проблемы изучения и публикации», Москва, 15 апреля 2015 г. / Отв. ред. Е. И. Пивовар; сост. И. А. Анфертьев. Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2015. 928 с.

Киличенков, А. А., Сторэлла, К. Дж. «Советский тыловой фронт»: к выходу в свет монографии Вэнди Голдман и Дональда Филцера о Великой Отечественной войне // Новый исторический вестник. 2023. № 1. С. 124–146.

Лешукова, Е. В. Практика военно-оборонной работы по подготовке боевых резервов для РККА в 1941–1943 гг. на территории Ханты-Мансийского национального округа // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2023. Т. 8. № 3. С. 33–41.

Моисеев, В. В., Захаров, К. В. Сибирские архивы в современном информационном обществе // История и архивы. 2023. Т. 5. № 2. С. 101–115.

Папков, С. А. Руководящие кадры Сибири 1919–1941 гг. Справочник. Новосибирск: Академиздат, 2021. 598 с.

Рожденная в Черемушках: 75-я Сталинская добровольческая отдельная стрелковая бригада омичей-сибиряков. Сборник документов / Научн. ред. А. В. Сушко; авт.-сост. К. Э. Безродный, Т. В. Каиндина, А. В. Сушко. Омск: Золотой тираж, 2022. 420 с.

Ростов, Н. Д., Петин, Д. И. Памяти славных: рецензия на сборник документов «Рожденная в Черемушках: 75-я Сталинская добровольческая отдельная стрелковая бригада омичей-сибиряков» // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2023. Т. 10. № 3. С. 188–194.

Сенявская, Е. С. Военная антропология в новых исторических условиях // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45. № 8. С. 46–54.

Сушко, А. В., Лидер, Н. В. Школьный музей боевой славы 75-й Гвардейской бригады: история, опыт и значение патриотической работы // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2023. Т. 8. № 4. С. 19–30.

Сушко, А. В., Нагаев, И. Б. 75-я Сталинская добровольческая отдельная стрелковая бригада омичей-сибиряков: историописание и коммеморация // Новейшая история России. 2022. Т. 12. № 3. С. 563–580.

Berdyguzhin, L. B., Shymanov, Z. Z., Muhanbedieva, G. K., Dosetova, A. A., Asimov, K. S. (2015). Kazakh woman – oil in the Great Patriotic War, *European Journal of natural history*, № 2, pp. 51–54.

Berkhoff, K. (2012). Motherland in danger Soviet Propaganda during World War II, Harvard University Press publ., 416 p.

Goldman, W. Z., Filtzer, D. (2021). Fortress Dark and Stern, The Soviet Home Front during World War II. Oxford University Press publ., 512 p.

Holmes, L. E. (2012). War, evacuation, and the exercise of power: The center, periphery, and Kirov's Pedagogical Institute, 1941–1952, Lanham etc., Lexington Books publ., 239 p.

Manley, R. (2009). To the Tashkent Station. Evacuation and Survival in the Soviet Union at War. Ithaca, NY, Cornell University Press publ., 282 p.

Yeleuhanova, S. V., Utebayeva, A. D. (2019). Women of Kazakhstan during the Great Patriotic War, soviet historiography (1970–1980s), *Bulletin of The Karaganda University, History. Philosophy Series*, v. 94, № 2, pp. 31–38.

Сведения об авторах

Сушко Алексей Владимирович, доктор исторических наук, Омский государственный технический университет, кафедра истории, философии и социальных коммуникаций, профессор, г. Омск, Российская Федерация, 8-962-057-13-27, alexsushko_1974@mail.ru

Петин Дмитрий Игоревич, кандидат исторических наук, Омский государственный технический университет, кафедра истории, философии и социальных коммуникаций, доцент, г. Омск, Российская Федерация, 8-950-333-56-81, dimario86@rambler.ru

В редакцию статья поступила 17.06.2024 г., рекомендована к опубликованию 20.12.2024 г.

Document publication

doi 10.28995/2073-0101-2025-1-154-170

For citation

Sushko, Alexey V., Petin, Dmitry I. (2025). Top secret report of E. M. Yaroslavsky to the Central Committee of the All-Union Communist

Party of Bolsheviks on official journey to Siberia in November-December 1942, *Herald of an Archivist*, no. 1, pp. 154–170, doi 10.28995/2073-0101-2025-1-154-170

Sushko, Alexey V., Petin, Dmitry I., Omsk State Technical University, Omsk, Russia

Top secret report of E. M. Yaroslavsky to the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks on official journey to Siberia in November-December 1942

Abstract

This paper is a source study of the previously unpublished top secret report prepared by the famous Soviet party-statesman E. M. Yaroslavsky on the results of his last working trip to Siberia in November-December 1942. M. Yaroslavsky on the results of his last working trip to Siberia in November-December 1942. The content specificity of the document implied familiarization with it only by the top leadership of the USSR. The published source, which is in permanent storage at the Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI), makes it possible to highlight a number of important points. First of all, these are the forms and methods of organizational and managerial work of the central government in relation to the Ural-Siberian rear at the stage of a fundamental turning point in the Great Patriotic War. The basis of the content of the published report makes a significant emphasis on the problems of the functioning of defense-industrial enterprises, the arrangement of the social block and everyday life of the inhabitants of the region, which ensured the fulfillment of strategic tasks for the state. The purpose of the study is to analyze the content features of the published source in the context of the concrete-historical situation of its appearance. The theoretical basis of the work is represented by a combination of anthropological approach, the principle of systematicity, source and biographical methods. This methodological combination allowed us to study the published document within the framework of the peculiarities of the Stalinist era and the Great Patriotic War period, taking into account its authorship. At the same time, the cited source is interpreted, among other things, as a product of the functioning of the Soviet administrative system. E. M. Yaroslavsky's report on the everyday life of the home front on his trip to Siberia is also very valuable from the perspective of local history. It covers several major centers of defense-industrial production and resource-mining capacities of that period. According to the publishers, the document is a vivid testimony of the Party's mass-political work aimed at the total mobilization of Soviet society to fight fascism. As emphasized in the work,

such activities, in which E. M. Yaroslavsky took an effective part, became one of the guarantees of the victory of the Soviet people in the Great Patriotic War. The work may be of interest to researchers studying the Great Patriotic War, the Siberian rear and military everyday life, social and political activities of E. M. Yaroslavsky, as well as the role of ideology and mass-political work in the Soviet society of the Stalinist era.

Keywords

Historical sources, historical anthropology, mass-political work, All-Union Communist Party of Bolsheviks (b), Great Patriotic War 1941–1945, Siberian rear, everyday life, E. M. Yaroslavsky.

References

Anfertiev, I. A. (2023). Publication by Omsk historians and archivists of the work on the combat path of the 75th Stalin Volunteer Separate Rifle Brigade of Omichi-Siberians, *Herald of an Archivist*, № 3, pp. 945–952.

Anfertiev, I. A. (2007). Reflection of the theme “The Unity of the Front and Home Front in the Great Patriotic War” in the materials published in the “Military History Journal” in 2000–2005 IN: The Unity of the Front and Home Front in the Great Patriotic War (1941–1945). Materials of the All-Russian scientific-practical conference April 21–22, 2005, Moscow, Academia publ., pp. 218–228.

Pivovarov, E. I., Anfertiev, I. A. (Ed.) (2015). The Great Patriotic War, to the 70th anniversary of the People’s Victory: Proceedings of the International Scientific Conference “The Great Patriotic War 1941–1945 in the memory of the people and documents of the Archive Fund of the Russian Federation and foreign archives, Problems of Study and Publication”, Moscow, April 15, 2015, Moscow, Russian State University for the Humanities publ., 928 p.

Kilichenkov, A. A., Storella, K. J. (2023). “Soviet rear front”, to the publication of the monograph by Wendy Goldman and Donald Filzer on the Great Patriotic War, *Novy Historicheskiy Vestnik*, № 1, pp. 124–146.

Leshukova, E. V. (2023). Practice of military-defense work to prepare combat reserves for the Red Army in 1941–1943 on the territory of the Khanty-Mansiysk National District, *Omsk Scientific Bulletin, Series Society. History. Modernity*, v. 8, № 3, pp. 33–41.

Moiseev, V. V., Zakharov, K. V. (2023). Siberian archives in the modern information society, *History and Archives*, v. 5, № 2, pp. 101–115.

Papkov, S. A. (2021). Guiding cadres of Siberia 1919–1941, Reference book, Novosibirsk, Akademizdat publ., 598 p.

Sushko, A. V., Bezrodny, K. E., Kaïndina, T. V. (Ed.) (2022). Born in Cheremushki, 75th Stalin Volunteer Separate Rifle Brigade of Omichi-Siberians, Collection of documents, Omsk, Golden Tirazh publ., 420 p.

Rostov, N. D., Petin, D. I. (2023). Memory of the glorious: a review of the collection of documents “Born in Cheryomushki, 75th Stalin Volunteer Separate Rifle Brigade of Omichi-Siberians”, *Vestnik of Omsk University, Series Historical Sciences*, v. 10, № 3, pp. 188–194.

Senyavskaya, E. S. (2023). Military anthropology in new historical conditions, *Scientific Notes of Petrozavodsk State University*, v. 45, № 8, pp. 46–54.

Sushko, A. V., Leader, N. V. (2023). School museum of military glory of the 75th Guards Brigade: history, experience and importance of patriotic work, *Omsk Scientific Bulletin, Series Society, History, Modernity*, v. 8, № 4, pp. 19–30.

Sushko, A. V., Nagaev, I. B. (2022). 75th Stalin Volunteer Separate Rifle Brigade of Omichi-Sibiriyaks: historiography and commemoration, *The Newest History of Russia*, v. 12, № 3, pp. 563–580.

Berdyuzhin, L. B., Shymanov, Z. Z., Muhanbedieva, G. K., Dosetova, A. A., Asimov, K. S. (2015). Kazakh woman – oil in the Great Patriotic War, *European Journal of natural history*, № 2, pp. 51–54.

Berkhoff, K. (2012). Motherland in danger Soviet Propaganda during World War II, Harvard University Press publ., 416 p.

Goldman, W. Z., Filtzer, D. (2021). Fortress Dark and Stern, The Soviet Home Front during World War II. Oxford University Press publ., 512 p.

Holmes, L. E. (2012). War, evacuation, and the exercise of power: The center, periphery, and Kirov’s Pedagogical Institute, 1941–1952. Lanham etc., Lexington Books publ., 239 p.

Manley, R. (2009). To the Tashkent Station. Evacuation and Survival in the Soviet Union at War. Ithaca, NY, Cornell University Press publ., 282 p.

Yeleuhanova, S. V., Utebayeva, A. D. (2019). Women of Kazakhstan during the Great Patriotic War, soviet historiography (1970–1980s), *Bulletin of The Karaganda University, History. Philosophy Series*, v. 94, № 2, pp. 31–38.

About authors

Sushko, Alexey V., Doctor of Historical Sciences, Omsk State Technical University, Department of History, Philosophy and Social Communications, Professor; Omsk, Russia, +7-962-057-13-27, alexsushko_1974@mail.ru

Petin, Dmitry I., PhD of Historical Sciences, Omsk State Technical University, Department of History, Philosophy and Social Communications, Associate Professor, Omsk, Russia, Omsk, +7-950-333-56-81, dimario86@rambler.ru

The article was received in the editorial office on 17.06.2024, recommended for publication on 20.12.2024

Документальная публикация

УДК 355.01+001.814.2+94(47).084.8+355/359+355/359.07+94(430).086+93/94+001.814.4+35.977.535.3+002.513.5+001.92+65.01+930.85+303.832+303.423 303.422+351/354+930.2+930.24+651.9+342.77+351.86+32.019.51+930.25

doi 10.28995/2073-0101-2025-1-171-185

Для цитирования

Полтора́к, С. Н., Зото́ва, А. В. «Россия хочет чего угодно, только не войны...». О проводах 13 апреля 1941 г. И. В. Сталиным министра иностранных дел Японии Ё. Мацуоки накануне Великой Отечественной войны // Вестник архивиста. 2025. № 1. С. 171–185, doi 10.28995/2073-0101-2025-1-171-185

Полтора́к, С. Н.

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Зото́ва, А. В.

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

«Россия хочет чего угодно, только не войны...». О проводах 13 апреля 1941 г. И. В. Сталиным министра иностранных дел Японии Ё. Мацуоки накануне Великой Отечественной войны

Введение. Публикуемый документ из Архива Вооруженных сил Германии во Фрайбурге, Militäarchiv (MArch), одно из свидетельств того, как сложно и с каким трудом выстраивалась советская внешняя политика накануне Великой Отечественной войны. Чуть больше чем за два месяца до гитлеровского вторжения на территорию СССР советское руководство, понимая близость войны с Германией, совершило ряд важных дипломатических и политических ходов, нацеленных на укрепление отношений Советского Союза с Японией. Сложность задачи состояла в том, чтобы, не потеряв своих дальневосточных территорий, суметь укрепить советско-японские отношения таким образом, чтобы в момент начала войны между СССР и Германией Япония не начала оказывать какую-либо поддержку А. Гитлеру.

С этой целью в апреле 1941 г. советские политики и дипломаты провели в Москве переговоры с японской делегацией во главе с министром иностранных дел Японии Ё. Мацуоки. О тех переговорах написано немного. Публикуемый документ позволяет посмотреть на те переговоры и, в частности, на их заключительную часть в непривычном ракурсе: глазами германского военного дипломата, бывшего очевидцем проводов И. В. Сталиным министра иностранных дел Японии.

Актуальность публикации документа обусловлена тем, что, спустя более 80 лет со дня проведения переговоров, позиции России и Японии по поводу территориальных проблем так и не разрешились и до сих пор остаются основанием для обсуждения.

Историографический обзор. О проводах из Москвы И. В. Сталиным министра иностранных дел Японии Ё. Мацуоки в научной литературе отдельных сведений нет. Однако в историографии довольно подробно описан сам ход переговоров. О предыстории и самих переговорах, например, была публикация С. Л. Тихвинского в издательстве «Вече»¹. В качестве важного фрагмента российско-японских отношений описывались переговоры и в монографии В. Э. Молодякова². Одним из крупных специалистов по этой проблематике стал В. В. Кузьминков, посвятивший изучению темы научную монографию, ряд статей и учебное пособие³. История советско-японских переговоров, прошедших в Москве в апреле 1941 г., отражена в публикациях А. А. Кошкина. Этот исследователь посвятил им отдельную монографию⁴, а также статью в журнале «Родина»⁵. Представляет интерес статья Т. А. Воробьевой, приуроченная к 75-й годовщине подписания пакта о нейтралитете между Советским Союзом и Японией⁶. Заслуживает внимания и статья И. В. Волковой, в которой рассматриваются вопросы предыстории подписания советско-японского пакта о нейтралитете⁷. Особенностью статьи Я. Я. Гришина и А. А. Летяева стало то, что она основана на документах, в которых отражена динамика советско-японских отношений в преддверии Великой Отечественной войны⁸. Среди публикаций китайских авторов важно отметить статью И. Ян, в которой показана реакция китайской

стороны на заключение договора между Советским Союзом и Японией⁹.

В зарубежной историографии также немалое внимание уделено исследованию проблемы сложных взаимоотношений между СССР и Японией в преддверии Великой Отечественной войны. По понятным причинам, этот вопрос рассматривался в контексте уже начавшейся Второй мировой войны. С учетом этого представляет интерес анализ состояния японской армии и РККА¹⁰. Истории внешней и внутренней политики Японии посвящена работа, опубликованная в конце 1960-х гг. в Калифорнии. В ней сделан акцент на подписании мирного соглашения между Японией и Советским Союзом¹¹. Эта проблематика вызывала интерес также и у историков Кембриджского университета¹². Некоторые зарубежные исследователи считали, что дипломатические договоренности между двумя странами не вписывались в международные дипломатические стандарты¹³. Другими же авторами подписание советско-японского документа о нейтралитете представлялось как классический образец дипломатической истории периода Второй мировой войны¹⁴. К числу одной из последних заметных публикаций об исследуемой проблеме необходимо отнести статью Р. Ито, опубликованную в 2023 г., в которой обращается внимание на якобы ошибочную позицию японского министра иностранных дел, посчитавшего необходимым сближение с Советским Союзом накануне грядущего вторжения Германии в СССР¹⁵.

Эти и многие другие отечественные и зарубежные публикации отражают различные стороны непростых, но в целом успешных советско-японских переговоров апреля 1941 г., завершившихся подписанием важного двустороннего соглашения. Однако их недостатком во многом является то обстоятельство, что ученым до сих пор не удавалось передать человеческую атмосферу обстановки, в которой создавался и подписывался тот документ. Публикуемое донесение из посольства Германии в Москве восполняет этот пробел, поскольку в нем в необычайно эмоциональной форме воссоздается живая картина как проводов И. В. Сталиным важного японского дипломата, так и его общение с другими участниками

и очевидцами встречи на московском железнодорожном вокзале 13 апреля 1941 г.

Постановка проблемы. Публикуемый впервые документ представляет собой одну из страниц, иллюстрирующих сложную дипломатическую и политическую ситуацию, в которой находились Советский Союз и Япония накануне эпохальных событий, развернувшихся в июне 1941 г. Руководство СССР, понимая приближение войны с Германией, делало все возможное для того, чтобы обеспечить свой восточный тыл. С этой точки зрения пакт о нейтралитете между СССР и Японией имел для нашего государства колоссальное значение. Япония также разыгрывала сложную дипломатическую и политическую партию, балансируя между Советским Союзом и Германией. Гитлеровское государство было для нее стратегическим партнером и союзником, но СССР, как ближайший сосед, был выгоден своими практическими экономическими возможностями, способными «здесь и сейчас» обеспечить Японию необходимыми для жизнедеятельности ресурсами.

№ 1

№ 45

Донесение из посольства Германии в Москве полковника генерального штаба германских сухопутных войск Ганса Кребса от 15 апреля 1941 г.

Полковник Генштаба Кребс

Москва, 13.04.1941

Глубокоуважаемый господин полковник!

В дополнение к телеграмме от 13 апреля о разговоре со Сталиным на вокзале я хотел бы подробнее изложить свои впечатления об «историческом» событии.

Переговоры Мацуоки в Кремле¹⁶ возбудили самые невероятные слухи в немецких и нейтральных кругах. Обсуждались все возможности от заключения только одного торгового договора и до вступления России в тройственный пакт. Японцы в это время вели себя особенно сдержанно. Мне, например, не удалось поговорить с обычно очень общительным японским военным атташе. Переговоры были, видимо, прерваны в полдень 12 апреля, когда Мацуока нанес прощальный визит

в Кремль. Причина, как мне сообщили, состояла в том, что Япония не захотела пойти навстречу требованию русских об отказе от преимущественных прав на Северный Сахалин. Твердая японская позиция и очевидное намерение России в любом случае завершить сделку привели к неожиданному повороту. Вечером 12 апреля Мацуоку снова пригласили в Кремль. Итогом ночного разговора стал пакт о нейтралитете, содержание которого должно стать известным. Можно считать необычным, что этот договор требует ратификации, и об обязательствах Японии по тройственному пакту нет и речи! Пункт 2 позволяет самое большое за счет формулировки «объект военных действий» заключить, что пакт теряет силу, если Россия вступает в войну с Германией как «субъект»; иными словами, тогда Япония может выполнять свои обязательства по тройственному пакту и против России. Заключение пакта о нейтралитете многократно представляется в нейтральных кругах как успех политики Оси. Болгарский посланник, например, заявил мне 13 апреля: «Пакт станет большой неприятностью Англии и Америке!». Я, естественно, поддержал его мнение. Некоторые все же считают странным, что основная роль в поездке Мацуоки – по крайней мере, внешне – ввиду длительности его пребывания и заключения пакта – явно предназначается Москве! Что побудило Сталина и что побудило японцев заключить пакт, не вполне ясно; во всяком случае, каждый имел на то свои основания. Для Японии этот пакт означает, во всяком случае, большое облегчение, не только из-за войны в Китае, но и из-за предстоящей войны с Америкой и Англией, на Тихом или Индийском океане! Россия же видит в нем, главным образом, инструмент для прикрытия тылов на случай европейских осложнений. Так что русская любезность вызвана, в первую очередь, беспокойством по поводу Германии. Тем не менее, заключение договора отвечает нашему давнему упорному стремлению примирить Россию и Японию. Посольство также пока предписывает такую установку. Первые отклики в немецкой прессе выдержаны в том же ключе.

Но поистине драматичным финалом стало необычное первое появление Сталина при отъезде дипломата. Сначала плановое отправление транссибирского экспресса было

задержано на час, потому что – как я слышал потом – не успели закончить завтрак в Кремле. Когда до отправления оставалось минут 10, без всякого предварительного объявления Сталин с Молотовым появились на вокзале, практически заполненном дипломатическими представителями держав Оси. Не было заметно никаких необычных мер безопасности. «Народ» получил возможность наблюдать происходящее с не слишком большого расстояния, например, с другой платформы. Приветствие Сталиным японцев, в частности солдат, было более чем сердечным и явно соответствовало веселому характеру прощального завтрака. Сталин обнял всех присутствующих японских солдат и пожал руку каждому японцу. Я стоял с другими военными атташе в форме совсем близко, так что от меня не укрылась ни одна деталь этой сцены. Сталин показался мне постаревшим со времени прошлых встреч. Его волосы совсем седые, цвет лица нездоровый. Нельзя полностью отрицать, что и Сталин находился под влиянием алкоголя. Но, несмотря на это, Сталин выказывал определенное природное достоинство. Невозможно было отделаться от впечатления личности, а лучше сказать азиатского властителя. Чрезвычайно теплые приветствия японцев заняли несколько минут. Затем Сталин снова повернулся к солдатам и приветствовал меня, как первого из стоящих вместе иностранных атташе, рукопожатием, не сказав ни слова ни мне, ни другим. Потом он направился через два ряда дипломатов к немецкому послу, которого слегка обнял. Сталин шепнул пару слов на ухо графу Шуленбургу. Это, как потом сказал мне посол, были заверения в дружеском отношении к Германии с просьбой, чтобы граф Шуленбург позаботился о дружеских связях в Берлине! Затем последовали другие приветствия и представления, но уже без такой сердечности, как с японцами и немецким послом. Потом Сталин прошел в салон-вагон и там также дружески говорил с находившимися в поезде японцами (очевидно, младшим составом). Потом Сталин вышел с Молотовым на перрон. Вокруг него собралась большая группа. Я стоял впереди – в 15–20 метрах. Вдруг он смотрит прямо на меня и медленно идет ко мне, спрашивая вполоборота: «Немец?» Этот же вопрос он потом повторил мне.

Когда я поддакнул, он взял обеими руками мою правую руку, крепко пожал ее и сказал: «Мы будем с вами друзьями, что бы ни случилось». Все дипломаты и солдаты уставились на нас. Я отвечал в полный голос, чтобы слышали все присутствующие: «Я в этом убежден!». Это, как будто, обрадовало Сталина, он встряхнул мои руки и дружески похлопал меня по плечу. На этом исторический момент завершился! Сталин подождал отправления поезда, дружески кивнул японцам и козырнул на прощанье присутствующим дипломатам. Покидая перрон, он увидел собравшуюся толпу, которая, впрочем, никак себя не проявляла. Возможно, никто не поверил, что Сталин может ходить вот так просто и без охраны. Он уехал в лимузине с опущенными шторами. Удивительно, что Сталин сел на переднее откидное сиденье справа.

Намерение Сталина сказать что-то особенно приветливое немецким представителям и особенно немецкому военному было очевидно. Причиной этой необычной демонстрации было, конечно, не одностороннее объяснение в любви. Если все кажется непринужденным и сердечным, то азиаты имеют на это серьезные основания. Исходя из понимания русской психологии, я могу предположить следующее: Россия, а значит Сталин, вероятно подозревает, что Германия недовольна пактом с Югославией более чем недружественным коммунистическим по Венгрии и, возможно, также заключением пакта с Японией. Возможно, в связи с нашими стремительными и решающими военными успехами на Балканах, Сталин опасается, что Россия зашла слишком далеко. Короче говоря, он счел целесообразным именно в этот момент наглядно продемонстрировать добрую волю в отношении Германии. Не думаю, что это был грубый обман, чтобы скрыть собственные черные замыслы, потому что Россия хочет чего угодно, только не войны с Германией. Впрочем, все это вполне соответствует старым русским обычаям. Так что не стоит слишком много приписывать этим событиям. В Москве они вызвали незначительный резонанс. При этом нельзя не заметить, что на вокзале Сталин все время находился с представителями держав Оси и их партнеров по договору – что, должно быть, неприятно поразило англичан и американцев.

Со времени отъезда я, к сожалению, не в курсе дальнейших событий. Я знаю, что иначе быть не может, но все же это не особенно приятно. Однако надеюсь что-нибудь узнать у Нагеля. Впрочем, меня очень тянет назад в корпус. Не было дня, чтобы я не желал снова оказаться в своем штабе. Могу ли я рассчитывать вернуться к концу апреля?

По поводу Вашего багажа посольство телеграфировало дважды. Надеюсь, в остальном все в порядке.

С большим приветом и

Хайль Гитлер!

преданный Вам (подпись)

MArch RH2/2932. Bl. 216–221.

Примечания

¹ Советско-японский пакт о нейтралитете 1941 г.: от предыстории заключения до последней денонсации // Партитура Второй мировой. Гроза на Востоке. Москва: Вече, 2010. С. 52–74.

² Молодяков, В. Э. Россия и Япония в поисках согласия (1905–1945): геополитика, дипломатия, люди и идеи. Москва: АИРО-XXI, 2012. 656 с.

³ Кузьминков, В. В. Советско-японский пакт о нейтралитете в японской историографии // Советский Союз и Япония во Второй мировой войне: участие и последствия. Москва: Институт Дальнего Востока РАН, 2016. С. 29–39; Кузьминков, В. В. Россия и Япония. Японский взгляд на территориальное размежевание. Москва: Квадрига, 2018. 304 с.; Кузьминков, В. В. 1985–1999: советско-японские отношения в годы перестройки и российско-японские отношения в конце XX в. // История российско-японских отношений: XVIII – начало XXI века: учебное пособие для студентов вузов. Москва: Аспект Пресс, 2015. С. 233–250.

⁴ Кошкин, А. А. Россия и Япония: Узлы противоречий. Москва: Вече, 2010. 480 с.

⁵ Кошкин, А. А. Пакт 1941 года: ненападение или нейтралитет? // Родина. 2017. № 9. С. 130–133.

⁶ Воробьева, Т. А. СССР и Япония – год 1941 (к 75-летию Пакта о нейтралитете) // Международные отношения в XX веке: сборник научных статей, Киров, 11 апреля 2016 г. Вып. 4. Киров: Радуга-ПРЕСС, 2016. С. 156–171.

⁷ Волкова, И. В. Между Китаем и Японией: Внешняя политика СССР на Дальнем Востоке в контексте подготовки к заключению

советско-японского пакта о нейтралитете (1939–1941 гг.) // История: факты и символы. 2020. № 4 (25). С. 111–122, doi 10.24888/2410-4205-2020-25-4-111-122.

⁸ Гришин, Я. Я., Летяев, В. А. Советско-японские отношения накануне Великой Отечественной войны (по страницам документов) // Международные отношения и общество. 2019. № 1. С. 56–68.

⁹ Ян, И. Советско-японский договор 13 апреля 1941 г.: реакция Китая // Исторический журнал: научные исследования. 2021. № 2. С. 67–76, doi 10.7256/2454-0609.2021.2.35602.

¹⁰ War in Asia and the Pacific, 1937–1949. (1980), v. 10, Japan and the Soviet Union, N. Y., Garland Publishing publ., 610 p.

¹¹ Hellman, D. C. (1969). Japanese Foreign Policy and Domestic Politics, The Peace Agreement with the Soviet Union, Berkeley, CA, University of California Press publ., 202 p.

¹² Crawford, T. W. (2012). “Powers of Division, From the Anti-Comintern to the Nazi-Soviet and Japanese-Soviet Pacts, 1936–1941”. IN: Taliaferro, Jeffrey W., Norrin, Ripsman M., Lobell, Steven E. (2012). The Challenge of Grand Strategy, The Great Powers and the Broken Balance between the World Wars, Cambridge, Cambridge University Press publ., 264 p.

¹³ Lensen, G. A. (1972). The Strange Neutrality, Soviet-Japanese Relations during the Second World War, 1941–1945, N. Y., Diplomatic Press publ., 332 p.

¹⁴ Slavinsky, B. (2004). The Japanese-Soviet neutrality pact, A diplomatic history, 1941–1945, London, New York, RoutledgeCurzon publ., 2004, 227 p.

¹⁵ Ito, R. (2023). A neoclassical realist model of overconfidence and the Japan–Soviet Neutrality Pact in 1941, *International Relations*, doi 10.1177/00471178231218567.

¹⁶ Здесь и далее подчеркивания сделаны в оригинале.

Аннотация

В преддверии 80-летнего юбилея Победы советского народа в Великой Отечественной войне ряд научных вопросов до сих пор остается мало освещенным. В их числе находится история международных отношений Советского Союза с Японией накануне вторжения гитлеровской Германии на территорию СССР. Исследователи до сих пор не ввели в научный оборот ряд документов, всесторонне раскрывающих процесс развития взаимоотношений между Советским Союзом и ее восточным соседом, бывшим в то время главным союзником Гитлера. Цель публикации – осветить ранее неизвестные стороны завершающего этапа переговоров

между Советским Союзом и Японией в апреле 1941 г., результатом которых было подписание пакта о нейтралитете от 13 апреля 1941 г. Одной из задач публикации является введение в научный оборот документа из фондов Архива Вооруженных сил Германии во Фрайбурге, *Militärarchiv (MArch)*, в котором приводится донесение сотрудника посольства Германии в Москве, полковника Ганса Кребса своему руководству в Берлине. Документ во многом уникален, поскольку детально описывает обстановку прощания генерального секретаря ЦК ВКП (б) И. В. Сталина с главой японской дипломатии Ё. Мацуоки. В донесении германского военного дипломата описаны многочисленные интересные детали, не ускользнувшие от внимательного взгляда наблюдателя: подчеркнутое радушие по отношению к представителям дипломатического корпуса Германии, «сердечное и явно соответствовавшее веселому характеру прощального завтрака» приветствие И. В. Сталиным японских солдат, его объятия с германским послом. Характеристика Иосифа Виссарионовича очень противоречива и непривычна: советский лидер показался германскому дипломату заметно постаревшим, а цвет лица – нездоровым. При этом подчеркивалось «определенное природное достоинство» советского вождя. Крайне важна главная оценка Гансом Кребсом итогов советско-японских переговоров, которые в своем донесении он называл «поистине драматичным финалом». В донесении также высказывалось удивление офицера тому, что И. В. Сталин заметно пренебрегал охраной и был вполне доступен для широкого круга москвичей и гостей города, находившихся на вокзале. Из поля зрения германского офицера не ускользнула и чрезвычайно важная деталь: советский руководитель все время находился среди членов Оси и их партнеров по договору, что неприятно поражало присутствовавших на проводах представителей Соединенных Штатов Америки и Великобритании. Таким образом, документ отражает успех советской дипломатии, позволивший подписать крайне важный для советской стороны документ, что вызвало озабоченность как Германии, так и США и Великобритании.

Ключевые слова: пакт о ненападении между СССР и Японией, Северный Сахалин, И. В. Сталин, Ё. Мацуоки, Г. Кребс, граф Вернер фон дер Шуленбург, немецкая дипломатия, военная разведка Германии, Кремль, Великая Отечественная война 1941–1945 гг.

Список литературы

Волкова, И. В. Между Китаем и Японией: Внешняя политика СССР на Дальнем Востоке в контексте подготовки к заключению советско-японского пакта о нейтралитете (1939–1941 гг.) // История: факты и символы. 2020. № 4 (25). С. 111–122, doi 10.24888/2410-4205-2020-25-4-111-122.

- Воробьева, Т. А. СССР и Япония – год 1941 (к 75-летию пакта о нейтралитете) // *Международные отношения в XX веке. Сборник научных статей*, Киров, 11 апреля 2016 г. Вып. 4. Киров: Радуга-ПРЕСС, 2016. С. 156–171.
- Гришин, Я. Я., Летяев, В. А. Советско-японские отношения накануне Великой Отечественной войны (по страницам документов) // *Международные отношения и общество*. 2019. № 1. С. 56–68.
- Кошкин, А. А. Пакт 1941 года: нападение или нейтралитет? // *Родина*. 2017. № 9. С. 130–133.
- Кошкин, А. А. Россия и Япония: Узлы противоречий. Москва: Вече, 2010. 480 с.
- Кузьминков, В. В. 1985–1999: советско-японские отношения в годы перестройки и российско-японские отношения в конце XX в. // *История российско-японских отношений: XVIII – начало XXI века: учебное пособие для студентов вузов*. Москва: Аспект Пресс, 2015. С. 233–250.
- Кузьминков, В. В. Россия и Япония. Японский взгляд на территориальное размежевание. Москва: Квадрига, 2018. 304 с.
- Кузьминков, В. В. Советско-японский пакт о нейтралитете в японской историографии // *Советский Союз и Япония во Второй мировой войне: участие и последствия*. Москва: Институт Дальнего Востока РАН, 2016. С. 29–39.
- Молодяков, В. Э. Россия и Япония в поисках согласия (1905–1945): геополитика, дипломатия, люди и идеи. Москва: АИРО-XXI, 2012. 656 с.
- Тихвинский, С. Л. Советско-японский пакт о нейтралитете 1941 г.: от предыстории заключения до последней денонсации // *Партитура Второй мировой. Гроза на Востоке*. Москва: Вече, 2010. С. 52–74.
- Ян, И. Советско-японский договор 13 апреля 1941 г.: реакция Китая // *Исторический журнал: научные исследования*. 2021. № 2. С. 67–76, doi 10.7256/2454-0609.2021.2.35602.
- Crawford, T. W. (2012). “Powers of Division, From the Anti-Comintern to the Nazi-Soviet and Japanese-Soviet Pacts, 1936–1941”. IN: Taliaferro, Jeffrey W., Norrin, Ripsman M., Lobell, Steven E. (2021). *The Challenge of Grand Strategy, The Great Powers and the Broken Balance between the World Wars*, Cambridge, Cambridge University Press publ., 264 p.
- Hellman, D. C. (1969). *Japanese Foreign Policy and Domestic Politics, The Peace Agreement with the Soviet Union*, Berkeley, CA, University of California Press publ., 202 p.
- Ito, R. (2023). A neoclassical realist model of overconfidence and the Japan–Soviet Neutrality Pact in 1941, *International Relations*, doi 10.1177/00471178231218567.

Lensen, G. A. (1972). *The Strange Neutrality, Soviet-Japanese Relations during the Second World War, 1941–1945*, N. Y., Diplomatic Press publ., 332 p.

Slavinsky, B. (2004). *The Japanese-Soviet neutrality pact, A diplomatic history, 1941–1945*, London, New York, RoutledgeCurzon publ., 2004, 227 p.

War in Asia and the Pacific, 1937–1949. (1980), v. 10, Japan and the Soviet Union, N. Y., Garland Publishing publ., 610 p.

Сведения об авторах

Полторак Сергей Николаевич, доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Гуманитарный институт, Высшая школа общественных наук, профессор, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, г. Пушкин, Российская Федерация, 8-950-024-14-05, poltorak2006@yandex.ru

Зотова Анастасия Валерьевна, доктор исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, факультет международных отношений, кафедра международных отношений на постсоветском пространстве, профессор, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 8-950-024-14-05, anastasiyazotova@mail.ru

В редакцию статья поступила 14.05.2024 г., рекомендована к опубликованию 20.12.2024 г.

Document publication

doi 10.28995/2073-0101-2025-1-171-185

For citation

Poltorak, Sergey N., Zotova, Anastasia V. (2025). “Russia wants anything but war...”, On April 13, 1941, Stalin’s April 13, 1941 farewell to the Japanese Foreign Minister Yo. Matsuoka on the eve of the Great Patriotic War, *Herald of an Archivist*, no. 1, pp. 171–185, doi 10.28995/2073-0101-2025-1-171-185

Poltorak, Sergey N., Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia

Zotova, Anastasia V., St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

“Russia wants anything but war...”. On April 13, 1941, Stalin’s April 13, 1941 farewell to the Japanese Foreign Minister Yo. Matsuoka on the eve of the Great Patriotic War

Abstract

On the threshold of the 80th anniversary of the Victory of the Soviet people in the Great Patriotic War, a number of scientific issues still remain poorly publicized. Among them is the history of international relations between the Soviet Union and Japan on the eve of the invasion of Hitler's Germany into the territory of the USSR. Researchers have not yet introduced into scientific circulation a number of documents that comprehensively reveal the process of development of relations between the Soviet Union and its eastern neighbor, which at that time was Hitler's main ally. The purpose of the publication is to highlight previously unknown aspects of the final stage of negotiations between the Soviet Union and Japan in April 1941, which resulted in the signing of the Neutrality Pact of April 13, 1941. One of the tasks of the publication is to introduce into scientific circulation a document from the funds of the Archives of the German Armed Forces in Freiburg, Militärarchiv (MArch), which contains a report from an employee of the German Embassy in Moscow, Colonel Hans Krebs to his superiors in Berlin. The document is unique in many respects, because it describes in detail the situation of the farewell of the General Secretary of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks Stalin with the head of Japanese diplomacy Yo. Matsuoki. In the report of the German military diplomat described numerous interesting details that did not escape the careful eye of the observer: emphasized cordiality towards representatives of the German diplomatic corps, "cordial and clearly consistent with the cheerful nature of the farewell breakfast" greeting Stalin Japanese soldiers, his embrace with the German ambassador. The characterization of Joseph Vissarionovich is very contradictory and unusual: the Soviet leader seemed to the German diplomat visibly aged, and complexion – unhealthy. The "certain natural dignity" of the Soviet leader was emphasized. Extremely important is the main assessment of Hans Krebs the outcome of the Soviet-Japanese negotiations, which in his report he called "a truly dramatic finale". The report also expressed the officer's surprise at the fact that Stalin noticeably neglected the guards and was quite accessible to a wide range of Muscovites and guests of the city, who were at the station. An extremely important detail did not escape the German officer's notice: the Soviet leader was at all times among the Axis members and their treaty partners, which unpleasantly impressed the representatives of the United States and Great Britain who were present at the send-off. Thus, the document reflects the success of Soviet diplomacy, which made it possible to sign an extremely important document for the Soviet side, which caused concern of both Germany, the United States and Great Britain.

Keywords

Non-aggression pact between the USSR and Japan, North Sakhalin, I. V. Stalin, Yo. Matsuoki, G. Krebs, Count Werner von der Schulenburg, German diplomacy, German military intelligence, Kremlin, Great Patriotic War 1941–1945.

References

- Volkova, I. V. (2020). Between China and Japan: Foreign Policy of the USSR in the Far East in the context of the preparation for the conclusion of the Soviet-Japanese pact of neutrality (1939–1941), *History: facts and symbols*, № 4 (25), pp. 111–122, doi 10.24888/2410-4205-2020-25-4-111-122.
- Vorobyeva, T. A. (2016). USSR and Japan – the year 1941 (to the 75th anniversary of the Neutrality Pact). IN: *International Relations in the XX century*, Collection of scientific articles, Kirov, April 11, 2016, v. 4, Kirov, Raduga-PRESS publ., pp. 156–171.
- Grishin, Y. Y., Letyaev, V. A. (2019). Soviet-Japanese relations on the eve of the Great Patriotic War (on the pages of documents), *International Relations and Society*, № 1, pp. 56–68.
- Koshkin, A. A. (2017). Pact of 1941: non-aggression or neutrality? *Rodina*, № 9, pp. 130–133.
- Koshkin, A. A. (2010). Russia and Japan: Nodes of contradictions. Moscow, Veche publ., 480 p.
- Kuzminkov, V. V. (2015). 1985–1999, Soviet-Japanese relations in the years of perestroika and Russian-Japanese relations at the end of XX century. IN: *History of Russian-Japanese relations: XVIII – beginning of XXI century*, Textbook for students of universities, Moscow, Aspect Press publ., pp. 233–250.
- Kuzminkov, V. V. (2018). Russia and Japan, Japanese view on territorial demarcation, Moscow, Quadriga publ., 304 p.
- Kuzminkov, V. V. (2016). Soviet-Japanese Pact of Neutrality in Japanese historiography. IN: *The Soviet Union and Japan in World War II, Participation and Consequences*, Moscow, Institute of Far East RAS publ., pp. 29–39.
- Molodiakov, V. E. (2012). Russia and Japan in search of agreement (1905–1945), geopolitics, diplomacy, people and ideas, Moscow, AIRO-XXI publ., 656 p.
- Tikhvinsky, S. L. (2010). Soviet-Japanese Pact of Neutrality 1941, from the prehistory of the conclusion to the last denunciation. IN: *Partitura of the Second World, Thunderstorm in the East*, Moscow, Veche publ., pp. 52–74.
- Yang, I. (2021). Soviet-Japanese Treaty of April 13, 1941, the reaction of China, *Historical Journal, Scientific Research*, № 2, pp. 67–76, doi 10.7256/2454-0609.2021.2.35602.

- Crawford, T. W. (2012). 'Powers of Division, From the Anti-Comintern to the Nazi-Soviet and Japanese-Soviet Pacts, 1936–1941'. IN: Taliaferro, Jeffrey W., Norrin, Ripsman, M., Lobell, Steven, E. (2012). *The Challenge of Grand Strategy, The Great Powers and the Broken Balance between the World Wars*, Cambridge, Cambridge University Press publ., 264 p.
- Hellman, D. C. (1969). *Japanese Foreign Policy and Domestic Politics, The Peace Agreement with the Soviet Union*, Berkeley, CA, University of California Press publ., 202 p.
- Ito, R. (2023). A neoclassical realist model of overconfidence and the Japan–Soviet Neutrality Pact in 1941, *International Relations*, doi 10.1177/00471178231218567.
- Lensen, G. A. (1972). *The Strange Neutrality, Soviet-Japanese Relations during the Second World War, 1941–1945*, N. Y., Diplomatic Press publ., 332 p.
- Slavinsky, B. (2004). *The Japanese-Soviet neutrality pact, A diplomatic history, 1941–1945*, London, New York, RoutledgeCurzon publ., 2004, 227 p.
- War in Asia and the Pacific, 1937–1949 (1980), v. 10, Japan and the Soviet Union, N. Y., Garland Publishing publ., 610 p.

About authors

Poltorak, Sergey N., Doctor of Historical Sciences, Professor, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Humanitarian Institute, Higher School of Social Sciences, Professor, St. Petersburg, Russia, A.S. Pushkin Leningrad State University, Pushkin, Russia, A. S. Pushkin Leningrad State University, Pushkin, Russia, +7-950-024-14-05, poltorak2006@yandex.ru
Zotova, Anastasia V., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, St. Petersburg State University, Faculty of International Relations, Department of International Relations in the Post-Soviet Space, Professor, St. Petersburg, Russia, +7-950-024-14-05, anastasiyazotova@mail.ru

The article was received in the editorial office on 14.05.2024, recommended for publication on 20.12.2024

Научная статья

УДК 93/94+001.814.2+303.424+303.686.2+372.893+002.513.5+35.977.535.3+
651.9+930.85+001.92+316.6+303.832+930.2+930.24+303.422+303.423+
351/354+32.019.51+37.032.5+378.4+930.25
doi 10.28995/2073-0101-2025-1-186-203

Для цитирования

Лямин, С. К., Ловцов, В. А. И. А. Тарасенко-Отрешков и Н. Ю. Шильдер-Шульднер: факторы карьерной неуспешности вице-губернаторов в Российской империи начала XX века // Вестник архивиста. 2025. № 1. С. 186–203, doi 10.28995/2073-0101-2025-1-186-203

Лямин, С. К., Ловцов, В. А.

Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация

**И. А. Тарасенко-Отрешков
и Н. Ю. Шильдер-Шульднер:
факторы карьерной неуспешности
вице-губернаторов в Российской империи
начала XX века**

Введение. Начало XX века в Российской империи связано с модернизацией общественно-политической жизни, в наибольшей степени этот процесс проявился во время министерства П. А. Столыпина. В силу пристального внимания П. А. Столыпина к составу провинциальной администрации, интересна возможная смена подхода к замещению губернаторских вакансий, в частности, вопрос о том, насколько вице-губернаторская должность могла помочь стать губернатором. Данный вопрос является актуальным как для изучения истории государственной бюрократии, так и для анализа современных кадровых процессов в высшей провинциальной

администрации – насколько необходим кадровый резерв управленцев и по каким принципам он должен быть организован.

Постановка проблемы. Для того, чтобы выявить возможные факторы, не позволившие вице-губернаторам стать губернаторами, были проанализированы служебные биографии двух тамбовских вице-губернаторов – И. А. Тарасенко-Отрешкова и Н. Ю. Шильдера-Шульднера. Оба вице-губернатора закончили службу в этой должности. Их деятельность описана в мемуарах тамбовского губернатора Н. П. Муратова¹, что позволило дополнительно рассмотреть зависимость позитивных отношений с губернатором на перспективу собственного губернаторского назначения.

Историографический обзор. Отношения между губернатором и вице-губернатором могли быть источником конфликтов в провинциальной администрации, как отметил Г. В. Гарбуз², что в свою очередь могло происходить из-за противоположных взглядов на практику административного управления, как установила А. А. Смирнова³. Взаимосвязь между вице-губернаторским и последующим губернаторским назначениями выявила Л. М. Лысенко⁴, в свою очередь А. С. Минаков отметил, что вице-губернаторский опыт был лишь одним из факторов, который рассматривали при назначении, поэтому он работал не во всех случаях⁵. Д. И. Раскин установил, что к началу XX в. существенно повысилось внимание к профессиональной подготовке и образованию чиновников⁶. Помимо этого, при кадровых ротациях велико было значение неформальных факторов, которые проанализировал А. Г. Горак⁷. Влияние всей совокупности карьерных факторов на служебную биографию для курских вице-губернаторов XIX–XX вв. проанализировал И. Т. Шатохин⁸, а для провинциальных администраторов Пензенской, Самарской и Симбирской губерний начала XX в. – Г. В. Гарбуз⁹. В работе Р. Роббинса рассмотрены факторы карьерной динамики позднеимперского губернаторского корпуса¹⁰, факторы влияния политических связей на губернаторское назначение выявили Г. Гокмен и Д. Кофанов¹¹.

Источники и методы. В исследовании использованы две группы источников. К первой относятся формулярные

списки и делопроизводственная документация МВД, хранящиеся в фондах Государственного архива Тамбовской области (ГАТО)¹² и Российского государственного исторического архива (РГИА)¹³, на основе которых проанализированы служебные биографии чиновников. Ко второй группе относятся мемуары губернаторов или вице-губернаторов, это опубликованные воспоминания А. В. Болотова¹⁴, И. Ф. Кошко¹⁵, Н. П. Муратова¹⁶, А. А. Ознобишина¹⁷ и М. М. Осоргина¹⁸, неопубликованные воспоминания А. Н. Оболенского¹⁹, и мемуары С. Н. Палеолога²⁰, соприкасавшегося с кадровой политикой провинциальной администрации во время службы в Департаменте общих дел МВД. Источники личного происхождения помогли выявить неформальные факторы кадровой политики, которые не фиксировались в официальной документации.

Вице-губернатор И. А. Тарасенко-Отрешков. Формулярный список, составленный 13 апреля 1910 г.²¹, полностью охватил карьеру И. А. Тарасенко-Отрешкова, что позволило подробно рассмотреть все этапы служебной биографии данного чиновника.

И. А. Тарасенко-Отрешков родился в 1853 г., был православного вероисповедания и происходил из дворян. После окончания Московского университета 27 декабря 1873 г. получил чин коллежского секретаря и назначение сверхштатным чиновником в Департамент внутренних сношений Министерства иностранных дел, продолжив службу во 2-й экспедиции канцелярии этого же министерства с 1 февраля 1874 г. Затем И. А. Тарасенко-Отрешков предпочел провинциальную земскую службу в Скопинском уезде Рязанской губернии, несколько раз избирался почетным мировым судьей, занимал должности председателя уездной земской управы, директора тюремного комитета и земского начальника. 22 февраля 1894 г. И. А. Тарасенко-Отрешков изменил направление деятельности с провинциальной на столичную, став столоначальником Департамента торговли и мануфактур Министерства финансов. И. А. Тарасенко-Отрешков не задержался в Министерстве финансов надолго, уже с 1 января 1896 г. став старшим редактором Центрального статистического комитета МВД.

Затем И. А. Тарасенко-Отрешков снова вернулся на провинциальную службу, 16 декабря 1902 г. став вице-губернатором Уральской области, а 24 апреля 1904 г. – вице-губернатором Астраханской губернии. В этой должности получил чин действительного статского советника 17 апреля 1905 г. С 24 июня 1906 г. служил в качестве тамбовского вице-губернатора. Одновременно с этим тамбовский губернатор Б. М. Янушевич был переведен на должность ставропольского губернатора²², а вакансию тамбовского губернатора занял Н. П. Муратов²³.

Н. П. Муратов дал подробную характеристику И. А. Тарасенко-Отрешкову, прежде всего отмечая, что в вице-губернаторы он попал благодаря особой протекции, о которой никогда не говорил. Н. П. Муратов, поддерживавший намерения своих подчиненных продвигаться на высшие административные посты и дававший о них положительные характеристики в МВД, в отношении И. А. Тарасенко-Отрешкова ограничился лишь недонесением о попытках путем интриг сместить с должности действующего губернатора, ссылаясь на губернаторскую традицию «никогда министру на вице-губернаторов не жаловаться и ничего дурного о них не говорить»²⁴.

Осенью 1908 г. И. А. Тарасенко-Отрешков, воспользовавшись отсутствием губернатора, начал распускать слухи о возможной отставке Н. П. Муратова, чему предшествовал конфликт губернатора с частью либерально настроенных губернских чиновников. В связи с этими событиями, которые стали известны П. А. Столыпину, 15 декабря 1908 г. И. А. Тарасенко-Отрешков был переведен в Пензу. И. А. Тарасенко-Отрешков умер 13 апреля 1910 г.

За время службы И. А. Тарасенко-Отрешков успел поработать в трех министерствах: иностранных дел, финансов и внутренних дел, а кроме того, в земстве. Он служил как в центральных ведомствах, так и в провинции. Такой разнообразный набор должностей должен был обеспечить отличную профессиональную подготовку. Однако, как отмечал работавший с вице-губернатором А. Н. Оболенский, что, принимая участие в заседаниях губернского присутствия И. А. Тарасенко-Отрешков, «несмотря на свой возраст и долгую службу, он

мало понимал дело и если возражал кому-нибудь, что редко случалось, то всегда неудачно»²⁵.

Частным следствием низких деловых качеств можно считать низкую динамику чинопроизводства И. А. Тарасенко-Отрешкова. Его наивысшим чином был действительный статский советник, соответствующий должности губернатора, который был им получен в возрасте 53 лет. Для сравнения, Н. П. Муратов стал губернатором в возрасте 39 лет в чине статского советника, а чин действительного статского советника получил в возрасте 41 года. Таким образом, административный опыт вице-губернаторской службы не компенсировал общей карьерной неуспешности, так как Н. П. Муратов не служил вице-губернатором, но сумел значительно опередить более опытного И. А. Тарасенко-Отрешкова в губернаторском назначении.

Совместная служба с Н. П. Муратовым привела к конфликту, поэтому губернатор не поддержал карьерных устремлений И. А. Тарасенко-Отрешкова положительной рекомендацией перед министром П. А. Столыпиным. Даже если И. А. Тарасенко-Отрешков имел протекцию, нельзя уверенно говорить о том, что она продолжала работать при П. А. Столыпине, который стремился исключить постороннее влияние на кадровые решения, взяв их под свой полный контроль. В карьере И. А. Тарасенко-Отрешкова вице-губернаторская должность позволила выявить его низкие профессиональные, несмотря на продолжительную службу, и негативные личностные качества, которые привели к конфликтам с губернатором.

Однако не всегда хорошие профессиональные качества и отсутствие конфликтов с губернатором приводили к последующему губернаторскому назначению, как можно увидеть на примере карьеры Н. Ю. Шильдера-Шульднера.

Вице-губернатор Н. Ю. Шильдер-Шульднер. Формулярный список Н. Ю. Шильдера-Шульднера охватил все этапы его служебной деятельности²⁶. Н. Ю. Шильдер-Шульднер родился 1 декабря 1862 г., был православного вероисповедания и происходил из дворян. 20 февраля 1881 г. окончил курс Пажеского корпуса, что позволило ему быть произведенным в прапорщики и вступить в службу в Лейб-гвардейский

Гренадерский полк. Военную службу Н. Ю. Шильдер-Шульднер оставил 22 марта 1887 г. Гражданская служебная биография Н. Ю. Шильдера-Шульднера связана с большим количеством перемещений между губерниями и службой на различных должностях, связанных с провинциальной структурой МВД. Наиболее существенными карьерными достижениями стали служба в качестве советника Енисейского губернского правления и неперемного члена Тобольского и Витебского губернских присутствий.

Своим первым вице-губернаторским назначением Н. Ю. Шильдер-Шульднер обязан успехам в организации выборов в третью Государственную думу. Его деятельность отметил П. А. Столыпин²⁷ и 12 мая 1907 г. назначил екатеринославским вице-губернатором. Перед назначением тамбовским вице-губернатором 15 декабря 1908 г. П. А. Столыпин в беседе с Н. П. Муратовым охарактеризовал Н. Ю. Шильдера-Шульднера как способного чиновника, склонного к игре в карты. С этим был связан его перевод из Екатеринбургской губернии, где губернатор А. М. Клингенберг запретил азартные игры в клубе, во время его отсутствия Н. Ю. Шильдер-Шульднер снял запрет и начал играть. Н. П. Муратов отмечал, что Н. Ю. Шильдер-Шульднер завоевал его симпатии полным отсутствием качеств, характеризовавших И. А. Тарасенко-Отрешкова, и выдающимися профессиональными навыками²⁸. К числу негативных черт Н. Ю. Шильдера-Шульднера Н. П. Муратов относил беспорядочность в собственных денежных делах и крупные долги из-за постоянной игры в карты, что не портило отличных отношений с ним²⁹. Будучи действительным статским советником, чин которого он получил 18 апреля 1910 г., Н. Ю. Шильдер-Шульднер проиграл в Ницце все наличные средства, имевшиеся при нем, и начал рассылать телеграммы видным тамбовским общественным деятелям с просьбой о помощи. Так информация стала публичной. 10 декабря 1910 г. директор Департамента общих дел МВД А. Д. Арбузов запросил у Н. П. Муратова сведения для министра П. А. Столыпина, чтобы у него «были сосредоточены подробные конфиденциальные сведения о служебных и нравственных качествах вице-губернаторов, советников

губернских правлений и правителей канцелярий губернаторов»³⁰. Н. П. Муратов отметил хорошие деловые качества Н. Ю. Шильдера-Шульднера, к числу негативных качеств он отнес неудержимую любовь к картам и азартным играм. 2 сентября 1911 г. в той же должности вице-губернатора Н. Ю. Шильдер-Шульднер был переведен в Архангельскую губернию, после службы в которой подал в отставку.

Учеба в Пажеском корпусе дала Н. Ю. Шильдеру-Шульднеру необходимую базу сетевых связей в бюрократической иерархии, такую же роль играла и служба в гвардии. С точки зрения возможной протекции Н. Ю. Шильдер-Шульднер мог иметь все шансы на получение губернаторского назначения. Чинопроизводство Н. Ю. Шильдера-Шульднера говорило о том, что он был успешнее И. А. Тарасенко-Отрешкова, получив действительного статского советника в возрасте 48 лет, но до успеха Н. П. Муратова все равно не дотягивал.

В отличие от И. А. Тарасенко-Отрешкова, Н. Ю. Шильдер-Шульднер был сосредоточен на провинциальной деятельности по МВД, что позволило ему приобрести необходимые профессиональные навыки. Ключевая роль Н. Ю. Шильдера-Шульднера в землеустройстве, успешная работа с думскими выборами и связанная с этим протекция министра П. А. Столыпина и поддержка губернатора обеспечивали платформу для дальнейшего карьерного продвижения. Однако, как показал опыт работы Н. Ю. Шильдера-Шульднера в качестве вице-губернатора, при отсутствии контроля он мог бы полностью уничтожить престиж губернской власти из-за пристрастия к азартным играм. В случае Н. Ю. Шильдера-Шульднера вице-губернаторская должность позволила чиновнику раскрыться в профессиональном плане, но показала, что его нельзя назначать на самостоятельную должность губернатора из-за невысоких личностных качеств.

Таким образом, должность вице-губернатора действительно помогала отсеять чиновников, по разным причинам непригодных для должности губернатора. В числе таких причин могли быть низкая профессиональная подготовка, конфликтность и склонность к интригам и обстоятельства личной жизни чиновника, которые могли бросить тень на губернтскую власть.

Дополнительные замечания о взаимоотношениях губернатора и вице-губернатора. Важное значение при назначении вице-губернатора на должность губернатора имели взаимоотношения с действующим губернатором.

Самарский губернатор В. В. Якунин в результате конфликта обвинил вице-губернатора И. Ф. Кошко³¹ в том, что в своей политике тот шел против губернатора. И. Ф. Кошко опасался, что В. В. Якунин сообщил бы о возникших противоречиях в министерство и это повредило бы его карьере. По мнению И. Ф. Кошко, «если вице-губернатор открыто идет против губернатора, им вместе оставаться нельзя»³². Сохранившаяся делопроизводственная документация Департамента общих дел МВД подтвердила опасения И. Ф. Кошко, министерство действительно запрашивало у губернаторов подробные характеристики деловых качеств чиновников.

Директор Департамента общих дел А. Д. Арбузов запросил сведения о служебных и нравственных качествах бахмутского предводителя дворянства Ф. А. Бантыша 24 мая 1905 г. у екатеринославского губернатора А. Б. Нейдгарта, и заключение о готовности Ф. А. Бантыша к занятию должности вице-губернатора³³. А. Б. Нейдгарт отметил, что Ф. А. Бантыш обладал отличными нравственными качествами, жизненным и служебным тактом, продолжительная и усердная служба в должности земского начальника, а затем уездного предводителя дворянства, выделяющая его как знающего дело, энергичного и трудоспособного, приводит меня в уверенность в полной подготовленности его к занятию должности вице-губернатора³⁴. Подобная характеристика позволила Ф. А. Бантышу занять должность костромского вице-губернатора 30 сентября 1906 г.³⁵

А. А. Ознобишин отмечал, что во время его вице-губернаторства губернаторы в Гродненской губернии менялись настолько быстро, что ему пришлось самостоятельно управлять губернией. Со всеми губернаторами у А. А. Ознобишина сложились хорошие рабочие отношения, что было необходимо для нормальной работы губернской власти. А. А. Ознобишин, наблюдая за деятельностью губернатора И. Л. Блока, отмечал, что на губернаторов возлагалось слишком много

обязанностей, и вице-губернаторов должно быть два или три для эффективного управления губернией³⁶.

Пермский губернатор А. В. Болотов, характеризуя служебные качества своего вице-губернатора М. М. Стрижевского, упомянул, что тот был чужд интриг и не вел борьбы с губернатором³⁷. Занимавший должность вице-директора Департамента общих дел МВД С. Н. Палеолог отмечал, что ставшая известной интрига вице-губернатора против своего губернатора могла заблокировать для него самостоятельное губернаторское назначение³⁸. Но интриги были и карьерной стратегией, порой весьма эффективной. В полной мере это на себе ощутил М. М. Осоргин, столкнувшийся после перевода из Гродно в Тулу с вице-губернатором А. Н. Хвостовым³⁹.

По мнению М. М. Осоргина, А. Н. Хвостов в службе придерживался одного правила: «...быть всегда противного мнения со своим губернатором и стараться доказать Министерству, что только умелые действия его, Хвостова, спасают положение»⁴⁰. 18 октября 1905 г. М. М. Осоргин, получив известие о начале политических демонстраций, направил А. Н. Хвостова для переговоров с демонстрантами о прекращении манифестаций. Однако А. Н. Хвостов, ссылаясь на попытку разрядить таким образом обстановку, разрешил демонстрантам собраться на следующий день, при этом демонстрация не подверглась бы разгону со стороны губернских властей. Действуя от имени губернатора, он, с одной стороны, санкционировал антиправительственную демонстрацию, а с другой – в случае попытки ее разгона, выставил бы губернатора человеком, не сдержавшим слово, что негативно повлияло бы на репутацию губернатора в глазах губернского общества. Как считал М. М. Осоргин, своими действиями А. Н. Хвостов стремился выставить его как некомпетентного администратора⁴¹. В результате этих событий М. М. Осоргин решил подать в отставку, оставив не только пост тульского губернатора, но и государственную службу, а А. Н. Хвостов 2 июня 1906 г. получил должность вологодского губернатора.

Выводы. Конфликтные взаимоотношения губернатора и вице-губернатора могли сыграть как негативную роль, заблокировав дальнейшее служебное продвижение, так

и играть роль своеобразной карьерной стратегии, при которой путем интриг вице-губернатор демонстрировал свои позитивные служебные качества на фоне деятельности губернатора. Однако подобная модель карьерной стратегии не всегда закачивалась успешно, как показывает пример И. А. Тарасенко-Отрешкова. В целом антагонизм губернатора и вице-губернатора был логичен для системы провинциального управления, вице-губернатор в том числе осуществлял неформальный контроль за деятельностью губернатора в силу неизбежной конкуренции за властные полномочия.

Должность вице-губернатора действительно играла роль переходной ступени перед губернаторским назначением. Она помогала выявить те качества, которые невозможно было обнаружить до испытания на этой должности – слабые административные качества, безынициативность, конфликтность. В начале XX в., в условиях революционных событий 1905–1907 гг., важно было поддерживать авторитет императорской власти в провинции, поэтому требования к кандидатам в губернаторы значительно возросли.

Кадровая политика сконцентрировалась вокруг требований, которые действительно могли бы помочь составить профессиональный портрет кандидата в губернаторы: необходимость сколько-нибудь существенного административного опыта, положительный отзыв от действующего губернатора и отсутствие качеств, которые помешали бы осуществлять самостоятельную административную деятельность.

Можно говорить о том, что процесс модернизации общественно-политической жизни начала XX в. шел и в кадровой политике. Требования к кандидатам в губернаторы до конца не были регламентированы, но уже была сформирована определенная, постоянно действующая практика. К сожалению, эта практика постоянно нарушалась – в силу протекционизма, оказываемого отдельным кандидатам, что приводило на должности провинциальных администраторов неподходящих чиновников, однако общая тенденция наметилась в сторону назначения именно компетентных чиновников, обладающих необходимым образованием и служебным опытом.

Примечания

¹ Муратов, Н. П. Записки тамбовского губернатора. Тамбов: Пролетарский светоч, 2007. 436 с.

² Гарбуз, Г. В. Первые лица губернской администрации: особенности взаимодействия в конце XIX – начале XX в. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2021. № 4. С. 24–34.

³ Смирнова, А. А. Организация взаимодействия губернаторов, вице-губернаторов и правителей канцелярии в конце XIX – начале XX в. в Вятской губернии // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2012. № 3-1. С. 58–61.

⁴ Лысенко, Л. М. Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи (XVIII – начало XX века). Москва: МПГУ, 2001. 358 с.

⁵ Минаков, А. С. Губернаторский корпус и центральная власть: проблема взаимоотношений (по материалам губерний Черноземного центра второй половины XIX – начала XX в.). Орел: Орлик, 2011. 487 с.

⁶ Раскин, Д. И. Формирование высшей бюрократической элиты в Российской империи XIX – начала XX века: образование и профессиональная квалификация // Научный диалог. 2021. № 4. С. 410–422.

⁷ Горак, А. Г. Секс, ложь и карьера. Пикантные мотивы из жизни российских сановников // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2021. Т. 66. № 3. С. 755–770.

⁸ Шатохин, И. Т. Курские вице-губернаторы: опыт реконструкции служебной карьеры // Via in tempore. Серия: История. Политология. 2022. Т. 49, № 2. С. 375–384.

⁹ Гарбуз, Г. В. Социокультурный облик высшей провинциальной бюрократии в Поволжье в начале XX в. // Вестник Пензенского государственного университета. 2015. № 2 (10). С. 4–8.

¹⁰ Robbins, R. (1987). The Tsar's Viceroys, Russian Provincial Governors in the Last Years of the Empire, London, Ithaca publ., 271 p.

¹¹ Gokmen, G., Kofanov, D. (2020). Career incentives in political hierarchy: evidence from Imperial Russia, European Review of Economic History, v. 24, № 2, pp. 264–287.

¹² Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. 2. Оп. 143. Д. 258; Ф. 4. Оп. 1. Д. 7257.

¹³ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1162. Оп. 6. Д. 345; Ф. 1284. Оп. 47. 1906 г. Д. 153; Ф. 1284. Оп. 47. 1910 г. Д. 177; Ф. 1284. Оп. 73. 1910 г. Д. 160; Ф. 1284. Оп. 73. 1910 г. Д. 352; Ф. 1284. Оп. 73. 1915 г. Д. 134.

¹⁴ Болотов, А. В. Святые и грешные. Воспоминания бывшего человека. Париж: Франко-русская печать, 1924. 355 с.

- ¹⁵ Кошко, И. Ф. Воспоминания губернатора (1905–1914 гг.). Санкт-Петербург: Типография «Содружество», 1914. 259 с.
- ¹⁶ Муратов, Н. П. Записки тамбовского губернатора. Тамбов: Пролетарский светоч, 2007. 436 с.
- ¹⁷ Ознобишин, А. А. Воспоминания члена IV Государственной Думы. Париж: Склад и издательство Е. Сияльской, 1927. 263 с.
- ¹⁸ Осоргин, М. М. Воспоминания, или Что я слышал, что я видел и что я делал в течение всей моей жизни, 1861–1920. Москва: Российский фонд культуры, 2009. 1000 с.
- ¹⁹ РГИА. Ф. 1004. Оп. 2. Д. 152.
- ²⁰ Палеолог, С. Н. Около власти. Очерки пережитого. Москва: Айрис-Пресс, 2004. 350 с.
- ²¹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 73. 1910 г. Д. 160. Л. 2–16.
- ²² Там же. Оп. 73. 1915 г. Д. 134. Л. 41 об.–42.
- ²³ Там же. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 345. Л. 53 об.–54.
- ²⁴ Муратов, Н. П. Указ. соч. С. 204.
- ²⁵ РГИА. Ф. 1004. Оп. 2. Д. 152. Л. 11 об.
- ²⁶ ГАТО. Ф. 2. Оп. 143. Д. 258. Л. 4–17.
- ²⁷ Муратов, Н. П. Указ. соч. С. 243.
- ²⁸ Там же. С. 244.
- ²⁹ Там же. С. 243.
- ³⁰ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 7257. Л. 1.
- ³¹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 73. 1910 г. Д. 352. Л. 11 об.–12.
- ³² Кошко, И. Ф. Воспоминания губернатора (1905–1914 гг.). Санкт-Петербург: Типография «Содружество», 1914. С. 118.
- ³³ РГИА. Ф. 1284. Оп. 47. 1906 г. Д. 153. Л. 6.
- ³⁴ Там же. Л. 7.
- ³⁵ Там же. Л. 150 об.–151.
- ³⁶ Ознобишин, А. А. Воспоминания члена IV Государственной Думы. Париж: Склад и издательство Е. Сияльской, 1927. С. 179.
- ³⁷ Болотов, А. В. Святые и грешные. Воспоминания бывшего человека. Париж: Франко-русская печать, 1924. С. 136.
- ³⁸ Палеолог, С. Н. Около власти. Очерки пережитого. Москва: Айрис-Пресс, 2004. С. 98.
- ³⁹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 47. 1910 г. Д. 177. Л. 88 об.–89.
- ⁴⁰ Осоргин, М. М. Воспоминания, или Что я слышал, что я видел и что я делал в течение всей моей жизни, 1861–1920. Москва: Российский фонд культуры, 2009. С. 723.
- ⁴¹ Там же. С. 730.

Аннотация

Актуальность статьи обусловлена необходимостью обобщения опыта кадровой политики высшей провинциальной администрации в период управления МВД П. А. Столыпиным. В статье проанализированы карьерные факторы, не позволившие тамбовским вице-губернаторам И. А. Тарасенко-Отрешкову и Н. Ю. Шильдеру-Шульднеру получить самостоятельное губернаторское назначение. Источниковую базу исследования составили личные дела и формулярные списки чиновников, а также мемуары губернаторов и вице-губернаторов. В случае Н. Ю. Шильдера-Шульднера, несмотря на выдающиеся деловые качества, отрицательным карьерным фактором стало пристрастие к азартным играм, а у И. А. Тарасенко-Отрешкова – проявившиеся интриги против тамбовского губернатора Н. П. Муратова. Выявлено негативное влияние конфликтов с действующим губернатором на последующее самостоятельное губернаторское назначение, однако в некоторых случаях подобное поведение губернатора можно рассматривать как элемент карьерной стратегии – как у будущего министра МВД А. Н. Хвостова во время его конфликта с тульским губернатором М. М. Осоргиным, связанного с революционными событиями 1905–1907 гг. Отмечено личное влияние П. А. Столыпина на кадровую политику и отдельные назначения, отмечена роль оказываемой им протекции. Установлено, что должность вице-губернатора носила промежуточный характер перед самостоятельным губернаторским назначением. Она позволяла обнаружить отсутствие необходимых для самостоятельной административной деятельности профессиональных качеств у кандидатов в губернаторы. К числу таких качеств относились отсутствие инициативы, склонность к конфликтам и низкая профессиональная подготовка к занятию должности. В эпоху П. А. Столыпина это было особенно важно, так как после событий 1905–1907 гг. авторитет центральной власти требовал особой поддержки, поэтому требования к кандидатам на высшие административные должности в провинции возросли. В практике кадровой политики важным критерием подбора кандидатов в губернаторы был административный опыт, который позволяла получить вице-губернаторская должность. Большое значение имел положительный отзыв действующего губернатора. Была сформирована практика подбора кандидатов в губернаторы, однако она достаточно часто нарушалась из-за протекционизма, который позволял чиновникам с недостаточными деловыми качествами занимать должности в высшей провинциальной администрации. Можно говорить о том, что кадровая политика МВД в этот период была затронута общими процессами модернизации общества, характеризовавшими Российскую империю в начале XX в.

Ключевые слова: вице-губернатор, кадровая политика, П. А. Столыпин, Российская империя, исторические источники, источники личного происхождения, конфликты в губернской администрации.

Список литературы

- Болотов, А. В. Святые и грешные. Воспоминания бывшего человека. Париж: Франко-русская печать, 1924. 355 с.
- Гарбуз, Г. В. Первые лица губернской администрации: особенности взаимодействия в конце XIX – начале XX в. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2021. № 4. С. 24–34.
- Гарбуз, Г. В. Социокультурный облик высшей провинциальной бюрократии в Поволжье в начале XX в. // Вестник Пензенского государственного университета. 2015. № 2 (10). С. 4–8.
- Горак, А. Г. Секс, ложь и карьера. Пикантные мотивы из жизни российских сановников // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: История. 2021. Т. 66. № 3. С. 755–770.
- Кошко, И. Ф. Воспоминания губернатора (1905–1914 гг.). Санкт-Петербург: Типография «Содружество», 1914. 259 с.
- Льсенко, Л. М. Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи (XVIII – начало XX века). Москва: МПГУ, 2001. 358 с.
- Минаков, А. С. Губернаторский корпус и центральная власть: проблема взаимоотношений (по материалам губерний Черноземного центра второй половины XIX – начала XX в.). Орел: Орлик, 2011. 487 с.
- Муратов, Н. П. Записки тамбовского губернатора. Тамбов: Пролетарский светоч, 2007. 436 с.
- Ознобишин, А. А. Воспоминания члена IV Государственной Думы. Париж: Склад и издательство Е. Сяльской, 1927. 263 с.
- Осоргин, М. М. Воспоминания, или Что я слышал, что я видел и что я делал в течение всей моей жизни, 1861–1920. Москва: Российский фонд культуры, 2009. 1000 с.
- Палеолог, С. Н. Около власти. Очерки пережитого. Москва: Айрис-Пресс, 2004. 350 с.
- Раскин, Д. И. Формирование высшей бюрократической элиты в Российской империи XIX – начала XX века: образование и профессиональная квалификация // Научный диалог. 2021. № 4. С. 410–422.
- Смирнова, А. А. Организация взаимодействия губернаторов, вице-губернаторов и правителей канцелярии в конце XIX – начале XX в. в Вятской губернии // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2012. № 3-1. С. 58–61.

Шатохин, И. Т. Курские вице-губернаторы: опыт реконструкции служебной карьеры // *Via in tempore*. Серия: История. Политология. 2022. Т. 49. № 2. С. 375–384.

Gokmen, G., Kofanov, D. Career incentives in political hierarchy: evidence from Imperial Russia // *European Review of Economic History*. 2020. Vol. 24. Issue 2. Pp. 264–287.

Robbins, R. *The Tsar's Viceroys: Russian Provincial Governors in the Last Years of the Empire*. Ithaca; London, 1987. 271 p.

Сведения об авторах

Лямин Сергей Константинович, кандидат исторических наук, доцент, Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, Институт образования и общественных наук, кафедра истории и философии, доцент, г. Тамбов, Российская Федерация, 8-909-231-97-97, laomin@mail.ru

Ловцов Владимир Александрович, кандидат исторических наук, Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, Институт образования и общественных наук, кафедра истории и философии, доцент, г. Тамбов, Российская Федерация, 8-953-707-66-78, vladimirlovtsovdotcom@gmail.com

Сведения о грантах

Статья выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 24-28-00698 «Кадровая политика Министерства внутренних дел Российской империи в отношении губернаторов и вице-губернаторов Европейской России во второй половине XIX – начале XX в.», <https://rscf.ru/project/24-28-00698/>

В редакцию статья поступила 04.05.2024, рекомендована к опубликованию 20.12.2024 г.

Scientific article

doi 10.28995/2073-0101-2025-1-186-203

For citation

Lyamin, S. K., Lovtsov, V. A. (2025). I. A. Tarasenko-Otreshkov and N. Yu. Shilder-Shuldner: factors of career failure of vice-governors in the Russian Empire of the early XX century, *Herald of an Archivist*. no. 1, pp. 186–203, doi 10.28995/2073-0101-2025-1-186-203

Lyamin, S. K., Lovtsov, V. A., G. R. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russia

I. A. Tarasenko-Otreshkov and N. Yu. Shilder-Shuldner: factors of career failure of vice-governors in the Russian Empire of the early XX century

Abstract

The relevance of the article is due to the need to generalize the experience of personnel policy of the highest provincial administration during the period of management of the Ministry of Internal Affairs by P. A. Stolypin. The article analyzes the career factors that prevented Tambov vice-governors I. A. Tarasenko-Otreshkov and N. Yu. Shilder-Shuldner from receiving an independent gubernatorial appointment. The source base of the study was made up of personal files and form lists of officials, as well as memoirs of governors and vice-governors. In the case of N. Yu. Shilder-Shuldner, despite his outstanding business qualities, a negative career factor was his addiction to gambling, and in the case of I. A. Tarasenko-Otreshkov, intrigues against the Tambov governor N. P. Muratov manifested themselves. The negative impact of conflicts with the incumbent governor on the subsequent independent gubernatorial appointment was revealed, but in some cases such behavior of the governor can be considered as an element of career strategy – as in the case of the future Minister of Internal Affairs A. N. Khvostov during his conflict with Tula Governor M. M. Osorgin, associated with the revolutionary events of 1905–1907. The personal influence of P. A. Stolypin on personnel policy and individual appointments is noted, the role of his patronage is emphasized. It is established that the position of vice-governor was of an intermediate nature before an independent gubernatorial appointment. It made it possible to detect the lack of professional qualities necessary for independent administrative activity in candidates for governor. These qualities included a lack of initiative, a tendency to conflict, and low professional preparation for office. In the era of P. A. Stolypin it was especially important, because after the events of 1905–1907 the authority of the central government required special support, so the requirements for candidates for the highest administrative positions in the province increased. In the practice of personnel policy, an important criterion for selecting candidates for governor was administrative experience, which the vice-governor position allowed to obtain. A favorable review of the incumbent governor was of great importance. The practice of selecting candidates for governor was formed, but it was quite often violated due to protectionism, which allowed officials with insufficient business qualities to occupy positions in the highest provincial administration. We can say that the personnel policy of the Ministry of Internal Affairs in this period was affected by the general processes of modernization of society that characterized the Russian Empire in the early 20th century.

Keywords

Vice-governor, personnel policy, P. A. Stolypin, Russian Empire, historical sources, sources of personal origin, conflicts in the provincial administration.

References

- Bolotov, A. V. (1924). Saints and sinners. Memories of a former man. Paris, Franco-Russian Press publ., 355 p.
- Garbuz, G. V. (2021). The first persons of the provincial administration: features of interaction in the late XIX – early XX century, *Izvestiya vysshee obrazovaniya, Volga region. Humanities*, № 4, pp. 24–34.
- Garbuz, G. V. (2015). Socio-cultural image of the highest provincial bureaucracy in the Volga region in the early twentieth century, *Bulletin of Penza State University*, № 2 (10), pp. 4–8.
- Gorak, A. G. (2021). Sex, lies and career. Piquant motives from the life of Russian dignitaries, *Vestnik of St. Petersburg University, Series: History*, v. 66, № 3, pp. 755–770.
- Koshko, I. F. (1914). Memories of the Governor (1905–1914), St. Petersburg, Sodruzhestvo” publ, 259 p.
- Lysenko, L. M. (2001). Governors and Governors-General of the Russian Empire (XVIII – beginning of XX century), Moscow, MPGU publ., 358 p.
- Minakov, A. S. (2011). Governor’s corps and central power, the problem of relationships (on the materials of the provinces of the Black Earth Center in the second half of the XIX – early XX century), Orel, Orlik publ., 487 p.
- Muratov, N. P. (2007). Zapiski tambovskogo gubernora [Notes of the Tambov governor], Tambov, Proletarsky Svetoch publ., 436 p.
- Oznobishin, A. A. (1927). Memories of a member of the IVth State Duma, Paris, Warehouse and publishing house of E. Siyalskaya publ., 263 p.
- Osorgin, M. M. (2009). Vospominaniya, or What I heard, what I saw and what I did during my life, 1861–1920. Moscow, Russian Foundation for Culture publ., 1000 p.
- Paleolog, S. N. (2004). About power, Ocherki vestivatogo, Moscow, Iris-Press publ., 350 p.
- Raskin, D. I. (2021). Formation of the highest bureaucratic elite in the Russian Empire XIX – early XX century: education and professional qualification, *Scientific Dialogue*, № 4, pp. 410–422.
- Smirnova, A. A. (2012). Organization of interaction between governors, vice-governors and governors of the Chancellery in the late XIX – early XX century in Vyatka Gubernia, *Bulletin of Vyatka State University for the Humanities*, № 3-1, pp. 58–61.
- Shatokhin, I. T. (2022). Kursk vice-governors: the experience of reconstruction of service career, *Via in tempore, Series: History. Politologia*. T. 49, № 2, pp. 375–384.

Gokmen, G., Kofanov, D. (2020). Career incentives in political hierarchy: evidence from Imperial Russia, *European Review of Economic History*, v. 24, № 2, pp. 264–287.

Robbins, R. (1987). *The Tsar's Viceroys, Russian Provincial Governors in the Last Years of the Empire*, London, Ithaca publ., 271 p.

About authors

Lyamin, Sergey K., PhD in History, Associate Professor, G. R. Derzhavin Tambov State University, Institute of Education and Social Sciences, Tambov, Russia, 8-909-2-295-97-97, laomin@mail.ru

Lovtsov, Vladimir A., PhD in History, G. R. Derzhavin, Institute of Education and Social Sciences, Associate Professor, Tambov, Russia, 8-953-707-66-78, vladimirlovtsovdotcom@gmail.com

Grant information

This article was financially supported by the Russian Science Foundation, Project No. 24-28-00698 “Personnel Policy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire with regard to Governors and Vice-Governors of European Russia in the second half of the XIX-beginning of the XX centuries”, <https://rscf.ru/project/24-28-00698/>

The article was received in the editorial office on 04.05.2024, recommended for publication on 20.12.2024

Научная статья

УДК 93/94+001.814.2+658.5+303.424+323.2+65.01+001.92+930.85+651.531.11+651.9+002.513.5+930.2+930.24+334.7+334.72+351/354+331.07+32.019.51+303.64+32.019.51+330.31+364.023+651.512+651.5+930.25+651.9

doi 10.28995/2073-0101-2025-1-204-224

Для цитирования

Шевельков, А. И. Проблема аграрной реконструкции российского Нечерноземья в решениях ЦК ВКП (б) и Совнаркома в первой половине 1930-х гг. // Вестник архивиста. 2025. № 1. С. 204–224, doi 10.28995/2073-0101-2025-1-204-224

Шевельков, А. И.

Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет,
г. Москва, Российская Федерация

Проблема аграрной реконструкции российского Нечерноземья в решениях ЦК ВКП (б) и Совнаркома СССР в первой половине 1930-х гг.

Введение. В статье «Резервный миллиард (Химизация земледелия Нечерноземной полосы)», опубликованной в газете «Известия» 16 июня 1929 г., академик Д. Н. Прянишников предрекал, что при определенных условиях Нечерноземная полоса России даст стране дополнительно 1 млрд пудов (около 17 млн т) зерна¹. По данным Госплана СССР в этот период объем производства зерновых культур при урожайности 8 центнеров на гектар составлял 16,1 млн т зерна². Среди важнейших условий превращения региона в один из крупных центров производства зерновых культур ученый назвал: клеверосеяние, плодосменную систему земледелия, развитие научно обоснованных севооборотов³.

Постановка проблемы. Несомненно, что публикация Д. Н. Прянишникова не осталась без внимания И. В. Сталина. Но к потенциалу Нечерноземной полосы он обратится позднее, когда будут практически осуществлены планы сплошной коллективизации в зерновых районах, когда страна переживет

тяжелейшую засуху 1932 г., массовый голод и сосредоточит усилия на выполнении второй пятилетки. В то же время ЦК ВКП (б) поручил Наркомату земледелия СССР направить усилия на землеустроительные работы не только в зоне сплошной коллективизации, но и ряде районов Нечерноземной полосы⁴.

Историографический обзор. В настоящее время проблеме взаимоотношений российского крестьянства и правящей РКП (б) – ВКП (б) уделяется значительное внимание⁵, однако отсутствует обобщающий научный труд о формировании и реализации аграрной политики государства в Нечерноземной зоне России 1930-х гг. Предметом существующих научных работ, как правило, являются исследования отдельных проблем и направлений аграрной политики государства⁶ в отдельных субъектах региона⁷. Не сформирована и целостная картина развития советской аграрной политики в 1930-е гг. в российском Нечерноземье, в отличие от периода конца XIX – начала XX в., представленной в фундаментальном труде С. А. Козлова⁸. Хотя многие ее аспекты изложены в диссертации Г. С. Сергеева⁹, в трудах других исследователей¹⁰. Это также объясняет актуальность данной публикации для более полного исследования аграрной политики государства в Нечерноземной полосе в советский период истории. Таким образом, историография аграрной политики СССР в 1920–1930-е гг. представлена значительным количеством научных трудов, где преобладают исследования о руководящей роли партии в аграрной сфере и осуществлении массовой коллективизации.

Обзор источников и перспективы их изучения. Основными источниками исследования являются архивные документы ЦК ВКП (б), ЦК КПСС, Госплана СССР и Госплана РСФСР, выявленные в фондах Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ), Российского государственного архива экономики (РГАЭ), Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), в изданных материалах съездов и конференций ЦК ВКП (б), а также в периодической печати 1929–1930-х гг. Большая часть информации извлечена из материалов, хранящихся в фонде 17 РГАСПИ,

в том числе из стенограммы совещания при ЦК ВКП (б) по вопросу сельского хозяйства в Нечерноземной полосе, протоколах заседаний Политбюро ЦК ВКП (б), в записках, в частности, в записке сельскохозяйственного отдела ЦК ВКП (б) «О состоянии механизации сельскохозяйственных работ в Нечерноземной полосе» (1938 г.)¹¹.

Отдельные статистические материалы извлечены из записки председателю Госплана СССР Н. К. Байбакову «О развитии сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР», подготовленной сектором Нечерноземной зоны РСФСР в 1975 г.¹² В ней не только приводятся актуальные статистические данные, но и дается достаточно объективная оценка аграрной политике СССР. Более обстоятельные статистические материалы и другие ценные данные представлены в документе «Мероприятия по подъему сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР» (1965 г.), извлеченном из фонда 5 РГАНИ. Большой статистический и аналитический материал, подготовленный в Госплане РСФСР, содержится в фонде А-262 ГАРФ.

Результаты исследования. Как показывает анализ документов ЦК ВКП (б) и СНК СССР, реконструкция Нечерноземья осуществлялась сразу по нескольким направлениям. В первую очередь она увязывалась с курсом на колхозное строительство. XVI съезд ВКП (б) (26 июня–13 июля 1930 г.) признал недопустимым недооценку созданных в Нечерноземной полосе колхозов из-за их малочисленности¹³. По утверждению И. В. Сталина, эти колхозы должны стать образцом, примером для единоличных крестьян в ходе коллективизации¹⁴. В резолюции съезда «О подготовке массового колхозного движения в незерновых районах», была намечена программа подготовительной работы для перехода к массовой коллективизации в Нечерноземной полосе страны¹⁵. Она включала: развитие поселковых товариществ и специальных производственно-сбытовых кооперативных объединений бедняцкого и середняцкого крестьянства; создание новых МТС и товариществ по совместной обработке земли (ТОЗ) как переходной формы к сельскохозяйственным артелям; превращение Нечерноземной полосы в крупнейший

овощной, животноводческий и льняной район; строгое соблюдение принципа добровольности при вступлении крестьян в общественные хозяйства¹⁶. Применение методов принуждения в Нечерноземной полосе, которые практиковались при коллективизации в зерновых районах, расценивалось как извращение и ошибки¹⁷. Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП (б) в декабре 1930 г., обсуждавший вопрос о народнохозяйственном плане на 1931 г. установил: добиться в Нечерноземной полосе коллективизации крестьянских хозяйств, занимающихся производством зерновых культур, в пределах 20–25% от их общей численности¹⁸.

В результате засухи 1931 г. в восточных районах страны, низкой урожайности зерновых культур, медленных темпов роста посевных площадей в зерновых районах страны было недополучено сотни миллионов пудов хлеба. В связи с чем развитие аграрного сектора, повышение урожайности сельскохозяйственных культур Нечерноземной полосы, в том числе за счет распахки целины, стало весьма актуальным. Председатель СНК В. М. Молотов в докладе на XVII конференции ВКП (б) 2 февраля 1932 г. одной из важнейших задач в области сельского хозяйства определил создание зерновых районов в Нечерноземной полосе. Внесение необходимых удобрений он назвал одним из важных условий повышения плодородия ее земель¹⁹. Через год, 2 февраля 1933 г., было принято постановление Совета Труда и Обороне «О проведении известкования в сельском хозяйстве». В соответствии с ним намечалось произвести известкование 177 тыс. га подзолистых почв Нечерноземной полосы²⁰.

Аграрная политика государства в Нечерноземье выстраивалась с учетом достижений селекционной науки. Своеобразным «детонатором» в большей концентрации внимания государства к Нечерноземью стала публикация в «Правде» 19 января 1933 г. профессора В. Е. Писарева «Пшеницу – в потребляющую полосу Союза»²¹. Известный ученый-селекционер напомнил, что в 1916 г. в Российской империи из 29,8 тыс. га земли, занятой под пшеницу, на долю Нечерноземной полосы приходилось около 9%, а в 1926 г. в СССР – 12,5%.

В РСФСР это удалось прежде всего за счет Ленинградской и Западной областей. Удвоение посевных площадей в Ленинградской области произошло благодаря исключительно яровой пшенице. Да и в Западной области площади посевов под яровую пшеницу возросли на 354%, а на северо-востоке страны – на 40%. По утверждению В. Е. Писарева, в Нечерноземной полосе почвенные и климатические условия для яровой пшеницы весьма благоприятные. В связи с чем он заключил: при условии подбора сортов семян и соблюдения несложных агрономических приемов, урожайность озимой и яровой пшеницы может достичь европейских показателей²². В подтверждение своих выводов В. Е. Писарев отметил, что в 1928–1930 гг. средняя урожайность канадской пшеницы сорта «гурон» на Вятской селекционной станции достигала 24,3 ц/га, а на Северо-Двинской селекционной станции финский сорт пшеницы «тамми» – 18,8 ц/га²³. Ученый определил и географию посевов пшеницы: до Полярного круга на севере; до Вологоды на северо-западе и до Казани-Уфы на востоке²⁴.

Рекомендации академика Д. Н. Прянишникова в июне 1929 г., профессора В. Е. Писарева в 1933 г. о превращении Нечерноземья в один из важных районов по производству зерна были поддержаны в докладе И. В. Сталина на XVII съезде партии (26 января–10 февраля 1934 г.), в котором отмечалось, что в настоящее время Нечерноземная полоса вносит достойный вклад в производство зерна, выделялась важность осуществления агротехнических работ и организационных мероприятий, которые позволят повысить валовые сборы хлеба²⁵. Тем самым И. В. Сталин определил перспективу освоения целинных земель в Нечерноземной полосе посредством как вспашки новых земель, так и осуществления комплекса культур технических работ²⁶. Это нашло отражение в протокольном постановлении ЦК ВКП (б) 23 апреля 1934 г.²⁷, а затем и в постановлении СНК СССР и ЦК ВКП (б) «О льготах колхозам, поднимающим целину»²⁸.

На 1934 г. был определен план подъема целины в объеме 1 200 тыс. га, из которых только 250 тыс. га надлежало вспахать тракторами, остальные – при помощи тяглового скота и вручную. Разницу между стоимостью подъема одного гектара

целинной земли и за один га за весновспашку Наркомат земледелия СССР должен был выплатить МТС за счет средств фонда освоения, горючего и оборотных средств. Наркомат тяжелой промышленности и Наркомат земледелия были обязаны представить в ЦК предложения об увеличении производства корчевального и мелиоративного инвентаря в 1934 г. Колхозы освобождались на два года от поставок хлеба и от выплат сельскохозяйственного налога с посевов на поднятых целинных землях (путем расчистки, раскорчевки и осушения) Нечерноземной полосы. На один год освобождались от поставок зерна и сельхозналога колхозы, которые производили посевы на целине, не требовавшей расчистки, раскорчевки и осушения. При подъеме целины норму выработки механизаторам должны были устанавливать правления колхозов с последующим утверждением районным земельным отделом или директором МТС. Для закупок колхозами корчевального и мелиоративного инвентаря им был предоставлен беспроцентный кредит в размере 5 млн руб. с последующим его погашением в течение трех лет²⁹. Анализ принятых решений показывает, что они предполагали комплексный экономический подъем региона, затрагивали вопросы создания кормовой базы для животноводства, механизации производства.

Пленум ЦК ВКП (б) 29 июня – 1 июля 1934 г. был посвящен проблемам сельского хозяйства страны, включая Нечерноземную полосу РСФСР. Наряду с другими вопросами, речь шла о кормовой базе для животноводческой отрасли, расширении посевов клевера, а также об организации производства мелиоративной техники³⁰. По оценке заместителя председателя СНК СССР и СТО В. В. Куйбышева, с 1933 г. потребляющие области Нечерноземной полосы успешно превращаются в производящие зерно, а отдельные из них практически обеспечивают свои потребности в хлебе. Так, в 1933 г. Западная, Ивановская, Ленинградская, Московская области, а также Горьковский и Северный края сдали государству 205% хлеба против 1929 г. В итоге, Московская область и Горьковский край уже обеспечивали хлебом свои потребности³¹, в том числе благодаря расширению сельскохозяйственных угодий. За счет распашки, расчистки, раскорчевки и осушения земель

посевные площади под пшеницу в Нечерноземной полосе превысили 3 млн га. К примеру, за период 1932–1935 гг. в Северном крае было поднято 300 тыс. га целины, прежде всего, за счет осушения, раскорчевки и срезки кочек. Это позволило засеять 100 тыс. га пшеницей и продвинуть на север посевы озимой пшеницы сорта «дюрабль», а также яровой пшеницы сорта «гарнет», что ранее и прогнозировал профессор В. Е. Писарев. В 1934–1935 гг. среднегодовая урожайность этих сортов в Северном крае составила 10,6–12 ц/га против 8,5 ц/га в 1928–1932 гг. В 1934 г. валовой сбор пшеницы на одного колхозника здесь превысил 30 ц против 12 ц в 1931 г.³²

Реконструкция Нечерноземья к середине 1930-х гг. стала одним из приоритетных направлений в аграрной политике государства, о чем свидетельствует как характер и масштаб принимаемых решений, так и круг лиц, задействованных в решении поставленных задач. В ходе недельной работы Комиссии по сельскохозяйственным делам, созданной Политбюро ЦК ВКП (б) 19 ноября 1935 г. во главе с заведующим сельскохозяйственным отделом ЦК Я. А. Яковлевым, были выявлены многие проблемы в колхозах Нечерноземной полосы, в том числе срыв сроков уборки урожая, поднятия ячи, низкий уровень механизации, неэффективное использования техники. В связи с чем Политбюро ЦК ВКП (б) поручило комиссии наметить план производства сельскохозяйственных машин на 1936 г., а также оперативно созвать совещание по вопросам организационно-хозяйственного укрепления колхозов и улучшения производства сельскохозяйственной продукции в Нечерноземной полосе страны³³. И. В. Сталин определил его повестку: «О положении сельского хозяйства в некоторых районах Нечерноземной полосы»³⁴.

В соответствии с постановлением в совещании в ЦК ВКП (б) 5–8 декабря 1935 г. участвовали члены Политбюро, работники Наркомата земледелия СССР, секретари обкомов, крайкомов, заведующие сельскохозяйственными отделами, председатели облисполкомов, начальники областных, краевых земельных управлений, директора МТС, совхозов, совхозных трестов 11 краев и областей Нечерноземной полосы РСФСР, а также руководство Белорусской ССР³⁵.

Открывая совещание, А. Я. Яковлев отметил, что в связи со вступлением в 1935 г. в сельскохозяйственные артели Нечерноземной полосы около 1 млн крестьянских хозяйств, она стала полосой сплошной коллективизации. Он подтвердил выводы академика Д. Н. Прянишникова и профессора В. Е. Писарева: Нечерноземная полоса не знает засухи и сравнима по потенциалу производства пшеницы с европейскими странами, а ее природно-климатические условия позволяют ежегодно получать устойчивый урожай зерновых культур. Многие ее области обеспечивают себя хлебом и картофелем, а посевы пшеницы продвинулись на Север, где «никогда ученым и не снилось засеять поля пшеницей»³⁶. И заключил, что районы Нечерноземья, преимущественно животноводческие и льняные, могут внести достойный вклад в производство зерна³⁷.

С докладами на совещании выступили все первые секретари обкомов, крайкомов ВКП (б) и председатели исполкомов 11 краев и областей российской Нечерноземной полосы, а также представители ЦК ВКП (б) Белорусской ССР. После каждого выступления следовали содоклады членов комиссии ЦК ВКП (б), которой руководил заведующий планово-финансово-торговым отделом ЦК ВКП (б) А. А. Жданов.

И. В. Сталин не выступал на совещании, но принял активное участие в обсуждении докладов. Он внимательно выслушивал выступавших, многократно их прерывал, задавал вопросы, делал замечания, предложения³⁸. Они касались проблем освоения Нечерноземной целины, использования техники, целесообразности объединения мелких колхозов и разукрупнения слишком больших, причин выхода крестьян из колхозов, практики исключения колхозников из состава сельхозартели. К примеру, секретаря ЦК ВКП (б) особенно заинтересовала информация об одновременном исключении (по решению правления в сентябре 1935 г.) из колхоза Кстовского района Горьковского края сразу 212 крестьянских хозяйств³⁹. Не остались без его внимания сообщения о низкой технической оснащенности аграрного производства, неполном использовании кредитов. В частности, выяснилось, что в Западной области тракторами удавалось вспахать лишь 7% пашни, поднять зябь 12%, только 2% посевов убирались

техникой⁴⁰. В Северном крае 70% обмолота зерна проводилось вручную, цепями. Несмотря на выделение государством кредитов, при проведении мелиоративных работ колхозами края было использовано только 43%, при льноводстве 60%, при закупке минеральных удобрений 73% от общих сумм⁴¹.

По итогам совещания руководитель комиссии ЦК ВКП (б) А. А. Жданов не только перечислил недостатки в деятельности местных партийных, советских и хозяйственных организаций, а также руководства колхозов, но и предложил целый ряд практических мер по подъему сельского хозяйства, организационно-хозяйственному укреплению общественных хозяйств полосы. Они касались вопросов управления колхозами, подготовки кадров разных уровней, повышения урожайности, расширения посевов клевера, соблюдения научно-обоснованных севооборотов, использования удобрений, механизации производства, создания новых МТС.

С целью дальнейшего освоения Нечерноземной целины комиссия рекомендовала сосредоточить основные усилия на раскорчевке, расчистке земель, осушении болот, категорически запретив распашку лугов и пастбищ. Эти и другие предложения комиссии, а также выступавших участников совещания и легли в основу проекта постановления СНК СССР и ЦК ВКП (б) «Об организационно-хозяйственном укреплении колхозов и подъеме сельского хозяйства в областях, краях и республиках Нечерноземной полосы», который И. В. Сталин и В. М. Молотов основательно редактировали до его принятия 19 декабря 1935 г.⁴²

В постановлении было указано на крайне низкий и неустойчивый уровень производства сельскохозяйственной продукции, неудовлетворительное использование техники, а также на необходимость организационно-хозяйственного укрепления колхозов, в том числе посредством строгого соблюдения примерного Устава сельскохозяйственной артели, утвержденного СНК СССР и ЦК ВКП (б) в феврале 1935 г. Постановление обязывало местные партийные, советские и хозяйственные органы прекратить практику кадровой «чехарды» с председателями колхозов, бригадирами, заведующими фермами, а для их закрепления в хозяйствах активнее заниматься воспитательной работой; не подменять неотъемлемого права

общих собраний колхозников об исключении его членов из сельскохозяйственной артели; не налагать никаких штрафов на колхозников и исключать тех, чьи родственники занимались отходничеством, работой на строительстве промышленных объектов; запретить использование средств колхозов.

Заботясь об укреплении колхозов, пополнении их квалифицированными кадрами, И. В. Сталин не только скорректировал задание по подготовке на сельскохозяйственный сезон 1936 г. 108 860 человек квалифицированных кадров для работы на тракторах и сельскохозяйственных машинах, но и заменил содержание заключительного 13-го пункта проекта постановления о создании института инструкторов сельскохозяйственных отделов райкомов партии. С целью воспитания и сплочения колхозного актива была поставлена задача в течение 1–2 лет добиться значительного увеличения представительства женщин в качестве председателей колхозов, бригадиров, заведующих фермами, трактористов и комбайнеров. Кроме того, И. В. Сталин предложил увеличить в 1936 г. объемы освоения Нечерноземной целины до 700 тыс. га; повысить в ближайшие 3–4 года урожайность зерновых культур до 100 пуд./га (16 ц/га); стимулировать и поощрять добровольное объединение мелких колхозов в крупные⁴³.

Кроме задания по строительству в каждом колхозе сушилок для зерна, помещений и навесов для хранения урожая и техники, постановлением СНК и ЦК ВКП (б) было установлено создать 266 новых МТС; поставить в колхозы Нечерноземья 18 080 тракторов, более 50 тыс. сельскохозяйственных машин, включая комбайны, молотилки, а также около 4 тыс. единиц мелиоративного инвентаря⁴⁴. Предложение о производстве 18 млрд/пуд. зерновых было снято⁴⁵.

Рассмотрение аграрной политики государства в Нечерноземье в первой половине 1930-х гг. показывает, что процессы аграрной реконструкции происходили с определенными трудностями, в частности существенно отставала энергооборуженность и механизация производства, что сказывалось на эффективности сельского хозяйства. Так, тракторы обеспечивали лишь около 50% пахоты, сев и уборка были механизированы лишь на 7–8% против 64,2% в зерновых районах.

В связи с чем ставился вопрос о переброске «излишней техники» из зерновых районов в Нечерноземье⁴⁶.

Заключение. В первой половине 1930-х гг. были заложены основы аграрной политики советского государства в Нечерноземной полосе РСФСР, что положительно отразилось на развитии сельского хозяйства региона, включая производство пшеницы и технических культур, отдельные направления животноводческой отрасли. Благодаря подъему Нечерноземной целины к 1940 г. посевные площади возросли до 26 млн га, в том числе, на 4,5 млн га (до 17,8 млн га) под зерновые культуры. Если в 1913 г. зерновые занимали 85–90% посевной площади, то в 1940 г. 65%⁴⁷. Более 6 млн га пашни находились под парами, около 4 млн га под кормовыми культурами, в том числе 3,2 млн га под многолетними травами, включая клевер, что и рекомендовал для сохранения плодородия земли Д. Н. Прянишников⁴⁸. Хотя валовой сбор зерна с 16,1 млн т в 1929 г. снизился до 14,8 млн т в 1940 г., урожайность повысилась до 8,3 ц/га против 7,8 ц/га в 1913 г.⁴⁹ Среди зерновых культур стала преобладать доля пшеницы и ржи против овса и ячменя⁵⁰. Высокими темпами восстанавливалось поголовье скота. В 1940 г. поголовье овец и коз составило уже 13 371 тыс. голов против 13 309 тыс. голов в 1915 г., а крупного рогатого скота соответственно 8 735 и 9 276 тыс. голов⁵¹.

Прогнозам академика Д. Н. Прянишникова о производстве в Нечерноземной полосе РСФСР дополнительных 17 млн т зерновых – до 33 млн т, не было суждено осуществиться не только в 1930-е гг., но и в послевоенные десятилетия. С сокращением посевных площадей до 14,9 млн га уменьшился валовой сбор зерна до 10,5 млн т. И хотя с конца 1960-х гг. начался рост его производства, рекордный среднегодовой урожай зерновых культур в истории российского Нечерноземья был достигнут только в 1976–1980-х гг. – до 21,3 млн т⁵².

Примечания

¹ Прянишников, Д. Н. Резервный миллиард (Химизация земледелия Нечерноземной полосы) // Известия. 1929. 16 июня.

² Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 66. Д. 7095. Л. 7.

³ Прянишников, Д. Н. Указ. соч.

⁴ О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству. 5 января 1930 г. Постановление ЦК ВКП (б) // Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Институт Маркса–Энгельса–Ленина. Ч. II. Издание шестое. 1925–1939. Москва: Политиздат при ЦК ВКП (б), 1941. С. 389.

⁵ Ивницкий, Н. А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). Москва: Интерпракс, 1994. 267 с.; Кондрашин, В. В. Хлебозаготовительная политика в годы первой пятилетки и ее результаты. Москва: Политическая энциклопедия, 2014. 350 с.; Анфертьев, И. А. Отношение правящей РКП (б) – ВКП (б) к российским крестьянам «от сохи» в 1920-е гг.: источниковедческие аспекты // Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI века. Сборник статей, Москва, 15–16 ноября 2023 г. Москва: Институт российской истории РАН, 2024. С. 191–200.

⁶ Кондрашин, В. В. Российская деревня в условиях индустриальной модернизации. Москва: Политическая энциклопедия, 2024. 663 с.; Безнин, М. А., Димони, Т. М. Аграрный строй России 1930–1980-х гг. Москва: ЛЕНАНД, 2014. 608 с.; Анфертьев, И. А. Модернизация советской России в 1920–1930-е годы: программы преобразований РКП (б) – ВКП (б) как инструменты борьбы за власть: монография. Москва: ИНФРА-М, 2022. С. 194–219; Анфертьев, И. А. Советский миф о последствиях массовой коллективизации и ликвидации кулачества как класса в интересах ускоренной индустриализации // Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI века. Сборник статей, Москва, 27 января 2022 г. / Отв. ред. В. В. Кондрашин, А. И. Шевельков. Москва: Институт Российской истории РАН, 2021. С. 239–245; Анфертьев, И. А. Борьба И. В. Сталина за единоличное лидерство в крестьянской России. 1920-е гг. // Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI века: Сборник статей V Международной научно-практической конференции, Коломна, 29–31 октября 2015 г. / Отв. ред. А. И. Шевельков. Коломна: Государственный социально-гуманитарный университет, 2015. С. 173–178.

⁷ Мазур, Л. Н., Бродская, Л. И. Эволюция сельских поселений Среднего Урала в XX веке: опыт динамического анализа. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2006. 563 с.; Кирьянова, Е. А. Коллективизация деревни Центра России (1929–1932 гг.). Рязань: Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина, 2006. 264 с.; Коллективизация сельского хозяйства в Северо-Западном районе (1927–1937 гг. / Под ред. Н. А. Ивницкого. Л., 1970; Коллективизация сельского хозяйства Рязанской области (1927–1935 гг.) / Под ред. П. П. Кирьянова, Рязань, 1962; Коллективизация сельского хозяйства в Западном районе РСФСР /

Отв. ред Д. И. Будаев. Смоленск, 1968; Рязанская деревня в 1929–1930 гг. Хроника головокружения. Документы и материалы. М., 1998.

⁸ Козлов, С. А. Аграрная модернизация Центрально-Нечерноземной России в конце XIX – начале XX в.: по материалам экономической печати. М., 2012. 567 с.

⁹ Сергеев, Г. С. Социально-экономическое развитие деревни Нечерноземного центра РСФСР в годы социалистической реконструкции народного хозяйства (1926–1937 гг.). Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Москва, 1982. 42 с.

¹⁰ Иванов, Е. П. Социально-экономическое развитие деревни Северо-Запада РСФСР в процессе социалистического преобразования сельского хозяйства (1927–1937 гг.). Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Москва, 1985. 32 с.; Безгин, В. Б., Николашин, В. П. Основные источники по изучению институциональных и социальных аспектов коллективизации черноземной деревни. На материалах региональных архивов 1928–1932 гг. // Вестник архивиста. 2020. № 3. С. 786–795.

¹¹ Российский государственный архив современной политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 120. Д. 337. Л. 52–57.

¹² РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 66. Д. 7095. Л. 8.

¹³ Там же. С. 426.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 425.

¹⁶ Там же. С. 426.

¹⁷ Там же.

¹⁸ О народнохозяйственном плане на 1931 год (Контрольные цифры). Резолюция объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП (б) // Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Институт Маркса–Энгельса–Ленина. Ч. II. Издание шестое. 1925–1939. Москва: Политиздат при ЦК ВКП (б), 1941. С. 439–440.

¹⁹ XVII конференция Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет. Москва: Партийное издательство, 1932. С. 153, 168.

²⁰ О проведении известкования в сельском хозяйстве. 2 февраля 1933 г. Постановление Совета Труда и Оборона. Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства СССР за 1933 г. № 1–74. Отдел первый. Москва: Управление делами Совета министров СССР, 1948. С. 126–128.

²¹ Писарев, В. Е. Пшеницу – в потребляющую полосу Союза // Правда. 1933. 19 января.

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Сталин, И. Собр. соч. Т. 13. Июль 1930 – январь 1934. Москва: Государственное издательство политической литературы, 1951. С. 331–332.

²⁶ О народнохозяйственном плане на 1931 год (Контрольные цифры). Резолюция объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП (б). С. 759, 760.

²⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1021. Л. 10.

²⁸ О льготах колхозам, поднимающим целину. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) // Правда. 1934. 24 апреля.

²⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1021. Л. 9.

³⁰ Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Институт Маркса–Энгельса–Ленина. Ч. II.

Издание шестое. 1925–1939. Москва: Политиздат при ЦК ВКП (б), 1941. С. 788, 796.

³¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 525. Л. 3–4.

³² Там же. Оп. 120. Д. 147. Л. 108, 109.

³³ Там же. Оп. 163. Д. 1085. Л. 109.

³⁴ Там же. Л. 167.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. Оп. 120. Д. 147. Л. 7.

³⁷ Там же.

³⁸ В стенограмме совещания выявлено, что И. В. Сталин 369 раз задавал вопросы, делал реплики, замечания, оценки, выражал свою точку зрения. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 147. Л. 2–440.

³⁹ Там же. Л. 3, 5.

⁴⁰ Там же. Л. 142.

⁴¹ Там же. Л. 116.

⁴² Об организационно-хозяйственном укреплении колхозов и подъеме сельского хозяйства в областях, краях и республиках Нечерноземной полосы. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) // Правда. 1935. 20 декабря.

⁴³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1088, Л. 29–31, 34, 37.

⁴⁴ Правда. 1935. 20 декабря.

⁴⁵ В стенограмме совещания, где А. А. Жданов говорит о производстве зерна в Нечерноземной полосе в ближайшие годы в объеме 18 млрд пуд. зерна, допущена ошибка. Речь могла идти о производстве 1,8 млрд пуд. или 30 млн т. Как информировал участников совещания А. Я. Яковлев, 1 декабря 1935 г. И. В. Сталиным была поставлена задача: через 3–4 года производить в СССР 7–8 млрд пуд. (102–119 млн т зерна). РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 147. Л. 6.

⁴⁶ Там же. Д. 337. Л. 52–57.

⁴⁷ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ).
Ф. 5. Оп. 46. Д. 495. Л. 4.

⁴⁸ Прянишников, Д. Н. Указ. соч.

⁴⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 46. Д. 495. Л. 3.

⁵⁰ Там же. Л. 4.

⁵¹ Там же. Л. 7.

⁵² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).
Ф. А-262. Оп. 17. Д. 4245. Л. 169.

Аннотация

В статье на основе изучения комплекса документов федеральных архивов, отражающих деятельность центральных партийных и государственных органов, анализируется формирование аграрной политики советского государства в Нечерноземной полосе России в первой половине 1930-х гг., что позволяет заполнить существующую исследовательскую лауну. Особенностью историографической ситуации в освещении проблемы реконструкции сельского хозяйства Нечерноземья является, с одной стороны, обилие публикаций, отражающих различные аспекты аграрной политики государства в 1920–1930-е гг., а с другой – отсутствие обобщающих трудов в масштабах Нечерноземья в период советской истории. Автором показано, что аграрная политика в Нечерноземье к середине 1930-х гг. имела приоритетный характер, что было обусловлено как политической значимостью региона (центр советского государства), так и его экономической ролью. Об этом свидетельствует привлечение отраслевой науки для экспертизы решений и практика партийно-государственных совещаний. Руководители партии и советского государства, прежде всего И. В. Сталин, В. М. Молотов, предметно занимались вопросами аграрной реконструкции Нечерноземной полосы. Свидетельством этого являются регулярные оценки на партийных форумах о положении в сельском хозяйстве региона, активное участие в подготовке постановлений СНК СССР и ЦК ВКП (б), работе совещания по организационно-хозяйственному укреплению колхозов и подъему сельского хозяйства Нечерноземья. Исследование архивных документов, в первую очередь ЦК ВКП (б), показывает, что аграрная реконструкция региона жестко увязывалась с коллективизацией села, имела комплексный характер, затрагивая вопросы технической вооруженности деревни, кадрового обеспечения колхозов. Создание зерновых районов в Нечерноземье имело цель как удовлетворения потребностей в хлебе местного населения, так и подъем животноводства, льноводства. Доказано, что партийно-государственные решения первой половины 1930-х гг. заложили основы аграрной политики в регионе.

Для реализации исследовательской задачи автором был выявлен и привлечен обширный массив архивных материалов. Вовлечение в научный оборот новых источников не только дает возможность исследовать проблему аграрной реконструкции, социально-экономической политики СССР в эти годы, но и проливает свет на проблемы развития российского Нечерноземья.

Ключевые слова: И. В. Сталин, В. М. Молотов, исторические источники, аграрная политика, аграрная реконструкция, А. А. Жданов, Д. Н. Прянишников, Нечерноземная полоса советской России, В. Е. Писарев, сельское хозяйство, коллективизация, крестьянские хозяйства, колхозы, архивные документы, ЦК ВКП (б).

Список литературы

Анфертьев, И. А. Модернизация советской России в 1920–1930-е годы: программы преобразований РКП (б) – ВКП (б) как инструменты борьбы за власть: монография. Москва: ИНФРА-М, 2022. 593 с.

Анфертьев, И. А. Отношение правящей РКП (б) – ВКП (б) к российским крестьянам «от сохи» в 1920-е гг.: источниковедческие аспекты // Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI века. Сборник статей, Москва, 15–16 ноября 2023 г. Москва: Институт российской истории РАН, 2024. С. 191–200.

Анфертьев, И. А. Советский миф о последствиях массовой коллективизации и ликвидации кулачества как класса в интересах ускоренной индустриализации // Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI века. Сборник статей, Москва, 27 января 2022 г. / Отв. ред. В. В. Кондрашин, А. И. Шевельков. Москва: Институт Российской истории РАН, 2021. С. 239–245.

Анфертьев, И. А. Борьба И. В. Сталина за единоличное лидерство в крестьянской России. 1920-е гг. // Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI века: Сборник статей V Международной научно-практической конференции, Коломна, 29–31 октября 2015 г. / Отв. ред. А. И. Шевельков. Коломна: Государственный социально-гуманитарный университет, 2015. С. 173–178.

Безгин, В. Б., Николашин, В. П. Основные источники по изучению институциональных и социальных аспектов коллективизации черноземной деревни. На материалах региональных архивов 1928–1932 гг. // Вестник архивиста. 2020. № 3. С. 786–795.

Безнин, М. А., Димони, Т. М. Аграрный строй России 1930–1980-х гг. Москва: ЛЕНАНД, 2014. 608 с.

Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. II. 1925–1939. Издание шестое. Москва: Политиздат при ЦК ВКП (б), 1941. 834 с.

- Иванов, Е. П. Социально-экономическое развитие деревни Северо-Запада РСФСР в процессе социалистического преобразования сельского хозяйства (1927–1937 гг.). Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Москва, 1985. 32 с.
- Ивницкий, Н. А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). Москва: Интерпракс, 1994. 267 с.
- Из истории коллективизации сельского хозяйства Рязанской области (1927–1935 гг.). Сборник документов / Предисл. П. П. Кирьянова. Рязань: Книжное издательство, 1962. 295 с.
- Кирьянова, Е. А. Коллективизация деревни Центра России (1929–1932 гг.). Рязань: Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина, 2006. 264 с.
- Козлов, С. А. Аграрная модернизация Центрально-Нечерноземной России в конце XIX – начале XX в.: по материалам экономической печати. Москва: ИРИ РАН, 2012. 567 с.
- Коллективизация сельского хозяйства в Западном районе РСФСР. (1927–1937 гг.) / Отв. ред. Д. И. Будаев. Смоленск: Московский рабочий, 1968. 678 с.
- Коллективизация сельского хозяйства в Северо-Западном районе (1927–1937 гг.) / Сост. В. А. Селезнев, А. Я. Старикова. Под ред. Н. А. Ивницкого. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1970. 424 с.
- Кондрашин, В. В. Российская деревня в условиях индустриальной модернизации. Москва: Политическая энциклопедия, 2024. 663 с.
- Кондрашин, В. В. Хлебозаготовительная политика в годы первой пятилетки и ее результаты. Москва: Политическая энциклопедия, 2014. 350 с.
- Мазур, Л. Н., Бродская, Л. И. Эволюция сельских поселений Среднего Урала в XX веке: опыт динамического анализа. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2006. 563 с.
- Рязанская деревня в 1929–1930 гг. Хроника головокружения. Документы и материалы / Отв. ред. Л. Виола, С. В. Журавлев и др. Москва: РОССПЭН, 1998. 749 с.
- Сергеев, Г. С. Социально-экономическое развитие деревни Нечерноземного центра РСФСР в годы социалистической реконструкции народного хозяйства (1926–1937 гг.). Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Москва, 1982. 42 с.
- Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы / Под ред. А. Береловича, В. Данилова. В 4 т. Т. 3. 1930–1934 гг. Кн. 1. 1930–1931 гг. Москва: РОССПЭН, 2003. 864 с.
- Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы / Под ред. А. Береловича, В. Данилова. В 4 т. Т. 3. 1930–1934 гг. Кн. 2. 1932–1934 гг. Москва: РОССПЭН, 2005. 840 с.

Сталин, И. Собр. соч. Т. 13. Июль 1930 – январь 1934. Москва: Государственное издательство политической литературы, 1951. 424 с.
Судьбы российского крестьянства / Отв. ред. Ю. Н. Афанасьев. Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 1996. 624 с.
Сухова, О. А. Колхозная система и рефеодализация советской экономики в 1930-е – начале 1950-х гг.: пределы и возможности историкоэкономического анализа // Вестник архивиста. 2018. № 4. С. 1020–1037.
Яковлев, Я. А. Об укреплении колхозов. Москва: Сельхозгиздат, 1933. 64 с.

Сведения об авторах

Шевельков Анатолий Иванович, кандидат исторических наук, Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет, кафедра социально-гуманитарных наук и технологий, доцент, г. Москва, Российская Федерация, Shevelkov51@mail.ru

В редакцию статья поступила 15.03.2024 г., рекомендована к опубликованию 20.12.2024 г.

Scientific article

doi 10.28995/2073-0101-2025-1-204-224

For citation

Shevelkov, Anatoly I. (2025). The Problem of Agrarian Reconstruction of the Russian Non-Black Earth Region in the Decisions of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks (b) and the Council of People's Commissars of the USSR in the First Half of the 1930s, *Herald of an Archivist*, no. 1, pp. 204–224, doi 10.28995/2073-0101-2025-1-204-224

Shevelkov, Anatoly I., Research Moscow State Construction University, Moscow, Russia

The Problem of Agrarian Reconstruction of the Russian Non-Black Earth Region in the Decisions of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks (b) and the Council of People's Commissars of the USSR in the First Half of the 1930s

Abstract

The article analyzes the formation of the agrarian policy of the Soviet state in the Non-Black Earth zone of Russia in the first half of the 1930s on the basis of the study of a set of documents from federal archives, reflecting the activities of the central party and state bodies, which allows to fill the existing research gap. The peculiarity of the historiographical situation in the coverage of the problem of reconstruction of agriculture in the Non-Black Soil is, on the one hand,

the abundance of publications reflecting various aspects of the agrarian policy of the state in the 1920–1930s, and on the other hand, the lack of generalizing works on the scale of the Non-Black Soil in the period of Soviet history. The author shows that the agrarian policy in the Non-Black Earth region by the mid-1930s had a priority character, which was due to both the political importance of the region (the center of the Soviet state) and its economic role. This is evidenced by the involvement of industry science in the expertise of decisions and the practice of party-state meetings. The leaders of the Party and the Soviet state, first of all, I. V. Stalin, V. M. Molotov, were substantially engaged in the issues of agrarian reconstruction of the Non-Black Earth zone. This is evidenced by regular assessments at party forums on the situation in agriculture in the region, active participation in the preparation of resolutions of the SNK of the USSR and the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks (b), the work of the meeting on the organizational and economic strengthening of collective farms and the rise of agriculture in the Non-Black Earth region. Thus, in the transcript of the meeting on December 5-8, 1935, 369 manifestations of Stalin's participation (questions, remarks, remarks, evaluations, proposals) were noted. The study of archival documents, primarily of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks), shows that the agrarian reconstruction of the region was strictly linked to the collectivization of the village, had a complex character, affecting the issues of technical equipment of the village, staffing of collective farms. The creation of grain districts in the Non-Black Earth Region was aimed at meeting the bread needs of the local population, as well as the rise of cattle breeding and flax farming. It is proved that the party-state decisions of the first half of the 1930s laid the foundations of agrarian policy in the region. To realize the research task, the author identified and attracted an extensive array of archival materials. Involvement of new sources in the scientific turnover, not only gives the opportunity to study the problem of agrarian reconstruction, socio-economic policy of the USSR in these years, but also sheds light on the problems of development of the Russian Non-Black Earth region.

Keywords

I. V. Stalin, V. M. Molotov, historical sources, agrarian policy, agrarian reconstruction, A. A. Zhdanov, D. N. Pryanishnikov, Non-Black Earth strip of Soviet Russia, V. E. Pisarev, agriculture, collectivization, peasant farms, collective farms, archival documents, Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks (b).

References

Anfertiev, I. A. (2022). Modernization of Soviet Russia in 1920–1930-ies, Programs of transformations of the RCP (b) – All-Union Communist Party of Bolsheviks as tools of the struggle for power, monograph, Moscow, INFRA-M publ., 593 p.

- Anfertiev, I. A. (2024). The attitude of the ruling RCP (b) – VKP (b) to the Russian peasants “from the sohi” in the 1920s: source aspects. IN: State power and the peasantry in the XIX-beginning of the XXI century, Collection of articles, Moscow, November 15–16, 2023, Moscow, Institute of Russian History RAS publ., pp. 191–200.
- Anfertiev, I. A. (2021). Soviet myth about the consequences of mass collectivization and the elimination of kulachniki as a class in the interests of accelerated industrialization. IN: State power and the peasantry in the XIX – early XXI century. Collection of articles, Moscow, January 27, 2022, Ed. by V. V. Kondrashin, A. I. Shevelkov, Moscow, Institute of Russian History RAS publ., pp. 239–245.
- Anfertiev, I. A. (2015). Stalin’s struggle for sole leadership in peasant Russia 1920s. IN: State power and the peasantry in the XIX – early XXI century, Collection of articles of the V International Scientific and Practical Conference, Kolomna, October 29–31, 2015, Ed. by A. I. Shevelkov, Kolomna, State Socio-Humanitarian University publ., pp. 173–178.
- Bezgin, V. B., Nikolashin, V. P. (2020). Main sources for the study of institutional and social aspects of collectivization of the Black Earth village, On the materials of regional archives 1928–1932, *Herald of an Archivist*, № 3, pp. 786–795.
- Beznin, M. A., Dimoni, T. M. (2014). Agrarny sostoyanie Rossii 1930–1980 gg, Moscow, LENAND publ., 608 p.
- Ed. no. (1941). All-Union Communist Party (Bolsheviks) in Resolutions and Decisions of Congresses, Conferences and Plenums of the Central Committee, v. II, 1925–1939, Moscow, Politizdat at the Central Committee of the All-Union Communist Party (b) publ., 834 p.
- Ivanov, E. P. (1985). Socio-economic development of the village of the North-West RSFSR in the process of socialist transformation of agriculture (1927–1937), Avtoref. dis. ... Dr. of Historical Sciences, Moscow, 32 p.
- Ivnitsky, N. A. (1994). Collectivization and Raskulachivanie (The Beginning of the 30s), Moscow, Interprax publ., 267 p.
- Kiryanov, P. P. (Ed.) (1962). From the history of collectivization of agriculture in the Ryazan region (1927–1935), Collection of documents, Ryazan, Book publishing house publ., 295 p.
- Kiryanova, E. A. (2006). Collectivization of the village of Central Russia (1929–1932), Ryazan, Ryazan State University named after S. A. Esenin publ., 264 p.
- Kozlov, S. A. (2012). Agrarnaya modernizatsiya Tsentralno-Nechernozemnoy Rossii v late XIX – early XX c., on the materials of the economic press, Moscow, IRI RAS publ., 567 p.
- Budaev, D. I. (Ed.) (1968). Collectivization of agriculture in the Western region of the RSFSR (1927–1937), Smolensk, Moskovsky Rabochiy publ., 678 p.

- Seleznev, V. A., Starikova, A. Y., Ivitsky, N. A. (Ed.) (1970). *Collectivization of Agriculture in the North-West Region (1927–1937)*, Leningrad, Leningrad University Press publ., 424 p.
- Kondrashin, V. V. (2024). *Russian village in the conditions of industrial modernization*, Moscow, Political Encyclopedia publ., 663 p.
- Kondrashin, V. V. (2024). *Bread procurement policy in the years of the first five-year plan and its results*, Moscow, Political Encyclopedia publ., 350 p.
- Mazur, L. N., Brodskaya, L. I. (2006). *Evolution of rural settlements of the Middle Urals in the XX century, the experience of dynamic analysis*, Ekaterinburg, Ural University Publishing House publ., 563 p.
- Viola, L., Zhuravlev, S. V. (Ed.) (1998). *Ryazan village in 1929–1930, Chronicle of vertigo, Documents and materials*, Moscow, ROSSPEN publ., 749 p.
- Sergeev, G. S. (1982). *Socio-economic development of the village of the Non-Black Earth Center of the RSFSR in the years of socialist reconstruction of the national economy (1926–1937)*. Avtoref. dis. ... Dr. of Historical Sciences, Moscow, 42 p.
- Berelovich, A., Danilov, V. (Ed.) (2003). *Soviet village through the eyes of the VChK–OGPU–NKVD, 1918–1939, Documents and materials*, in 4 v., v. 3, 1930–1934 years, Book 1, 1930–1931, Moscow, ROSSPEN publ., 864 p.
- Berelovich, A., Danilov, V. (Ed.) (2005). *Soviet Village through the Eyes of the VChK–OGPU–NKVD, 1918–1939. Documents and materials* / Edited by A. Berelovich, V. Danilov, in 4 v., v. 3. 1930–1934. Book 2, 1932–1934. Moscow, ROSSPEN publ., 840 p.
- Stalin, I. (1951). *Sobr. sob.*, v. 13, July 1930 – January 1934, Moscow, State Publishing House of Political Literature publ., 424 p.
- Afanasyev, Y. N. (Ed.) (1996). *Fates of the Russian peasantry*, Moscow, Russian State University for the Humanities publ., 624 p.
- Sukhov a, O. A. (2018). *Kolkhoz system and refeudalization of the Soviet economy in the 1930s – early 1950s, the limits and possibilities of source analysis*, *Herald of an Archivist*, № 4, pp. 1020–1037.
- Yakovlev, Ya. A. (1933). *About the strengthening of collective farms*, Moscow, Selkhozgizdat publ., 64 p.

About authors

Shevelkov, Anatoly I., PhD in History, Research Moscow State Construction University, Department of Social and Humanitarian Sciences and Technologies, Associate Professor, Moscow, Russian Federation, Shevelkov51@mail.ru

The article was received in the editorial office on 15.03.2024, recommended for publication on 20.12.2024

Научная статья

УДК 351/354+93/94+001.814.2+303.423+355.01+334.7+355/359+355/359.07+352/354+930.85+352.9+303.424+352.93+930.2+930.24+658.5+342.553+352/353+342.591+342.77+342.78+930.25+35.977.535.3+001.92+303.832
doi 10.28995/2073-0101-2025-1-225-241

Для цитирования

Бондарев, В. А., Булыгин, Ю. А. Народное ополчение в СССР в 1941 г.: трудности процесса формирования. По архивным документам партийных органов Ростовской области // Вестник архивиста. 2025. № 1. С. 225–241, doi 10.28995/2073-0101-2025-1-225-241

Бондарев, В. А., Булыгин, Ю. А.

Донской государственный технический университет,
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Народное ополчение в СССР в 1941 г.: трудности процесса формирования. По архивным документам партийных органов Ростовской области

Введение. Народное ополчение, возникшее в СССР в начальный период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., выступало в качестве одного из ярчайших свидетельств массового патриотизма советского народа. В СССР было создано около 60 дивизий народного ополчения, 200 отдельных полков и множество иных подразделений общей численностью до 2 млн человек¹. Самоотверженно сражаясь с врагом, ополченцы внесли заметный вклад в отражение гитлеровской агрессии.

Обзор историографии. Созданию и боевой деятельности народного ополчения в годы Великой Отечественной войны посвящена обширная литература. На протяжении советских и постсоветских десятилетий исследователи, последовательно расширяя источниковую базу, все более подробно и всесторонне освещали процессы организации и реорганизации ополченческих формирований, участие ополченцев в боях, их вклад в победу над гитлеровской Германией. В советской историографии внимание акцентировалось на ведущей роли коммунистической партии

в создании ополчения, массовом патриотизме ополченцев и их героизме в борьбе с врагом; трудности, недостатки и недочеты в создании ополчения являлись фигурой умолчания². Современные исследователи, никоим образом не подвергая сомнению патриотизм и доблесть советских ополченцев, правомерно указывают на целый ряд явлений, затруднявших процесс создания ополчения и снижавших его боеспособность: дефицит вооружения, боеприпасов, инвентаря, краткосрочность военного обучения вступивших в ополчение граждан и т. д. Обоснованно подчеркивается, что такие явления порождались не только экстремальными военными условиями, но и сущностными характеристиками командно-административной системы, под влиянием которых формирование ополчения приобретало черты кампанейщины, а принцип добровольности подменялся администрированием³.

Постановка проблемы. Условием дальнейшего научного осмысления проблематики ополченческого движения в период Великой Отечественной войны выступают архивные изыскания, которые дают возможность не только подкрепить новыми документами исследовательские мнения и оценки, но и заполнить существующие в общероссийской и региональной историографии пробелы. В частности, выявленные нами в Центре документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО) документы Ростовского обкома ВКП (б) позволяют исследовать недостаточно изученный аспект указанной проблематики – воздействие специфических характеристик партийно-советской бюрократии и проводившихся ею политических кампаний на процесс формирования и подготовки народного ополчения. Эти документы и послужили основой публикации.

Результаты исследования. Формирование народного ополчения развернулось в Ростовской области после известного выступления И. В. Сталина 3 июля 1941 г., в котором прозвучали слова о необходимости создания подобных формирований. Выполняя указания председателя Государственного комитета обороны, Ростовский обком ВКП (б) 5 июля принял постановление «О народном ополчении в Ростовской области». Постановление обязывало горкомы и райкомы компартии совместно с Осоавиахимом развернуть мероприятия по созданию отрядов ополчения и их военной подготовке, подбирая командный состав

из числа бывших командиров и бойцов РККА и ВМФ и руководителей партизанских отрядов времен Гражданской войны⁴.

8 июля обком конкретизировал задачи создания ополченческих формирований, приняв постановление «Об организационных мероприятиях по созданию народного ополчения». Постановление содержало 6 пунктов, в которых излагались правила вступления в ополчение, определялась его структура и порядок военной подготовки ополченцев. Добровольцы должны были подать заявление «с указанием места работы и домашнего адреса» в первичную парторганизацию либо руководителю учреждения, председателю колхоза, домоуправления и т. д. Ополчение формировалось по территориально-производственному принципу: «цех, колхоз, учреждение – взвод; завод, фабрика, сельсовет – рота, батальон, полк». Возглавлять подразделения ополчения должны были директора предприятий, председатели колхозов и сельсоветов, секретари первичных парторганизаций и партийных комитетов «с соответствующими помощниками». Областному совету Осоавиахима поручалось снабдить ополченцев учебным оружием и необходимым инвентарем, подобрать инструкторов и обеспечить обучение военному делу, проводя занятия «3–4 раза в неделю без отрыва от производства» (лишь на время занятий ополченцы освобождались «от всяких других поручений»). Ответственность за работу по созданию ополчения возлагалась на горкомы и райкомы ВКП (б); им же поручалось осуществить необходимые агитационно-пропагандистские мероприятия, подобрать руководителей из числа добровольцев и определить места сбора и обучения ополченцев⁵. В тот же день Ростовским обкомом было принято постановление о создании стрелковых полков ополчения в городах Дона, согласно которому в эти полки следовало отбирать проверенных рабочих, служащих, интеллигентов, коммунистов и комсомольцев непризывных возрастов, имеющих навыки владения оружием⁶.

Содержание указанных постановлений подтверждает мнение исследователей о том, что создание народного ополчения в СССР в начальный период Великой Отечественной войны осуществлялось в соответствии с марксистскими идеями опоры на рабочий класс («вооруженный пролетариат») и являлось реинкарнацией Красной гвардии времен Гражданской войны⁷.

В процессе формирования ополчения доминировали социально-классовые мотивы. Помимо указаний Ростовского обкома ВКП (б) на то, что ополчение формируется по территориально-производственному принципу из «проверенных» людей (в том числе из рабочих одного завода), а его командирами, в частности, должны стать бывшие «красные партизаны», весьма показателен пункт 7 постановления обкома «Об организационных мероприятиях по созданию народного ополчения» от 8 июля. Этот пункт отсутствует в постановлении, которое, как уже отмечалось, ограничивалось шестью пунктами. Он был оформлен как отдельная выписка из протокола № 144 заседания бюро Ростовского обкома компартии (в этом протоколе содержится постановление от 8 июля из шести пунктов) и находится в другом архивном деле. Пункт 7 гласил: «Проследить за тем, чтобы к священному делу защиты родины не примазались нежелательные элементы»⁸. Данный пункт, вкупе с другими особенностями содержания постановлений о народном ополчении, с предельной очевидностью свидетельствует, что первоначально добровольческие формирования в СССР создавались с опорой на классовые принципы, из «социально-близких» кадров, а идея внеклассового патриотизма как любви к Родине оставалась вне поля зрения организаторов.

Инициировав создание народного ополчения на Дону, Ростовский обком ВКП (б) контролировал ход выполнения своих распоряжений и принимал меры для устранения возникавших затруднений. 7 августа 1941 г. на бюро обкома было принято постановление «О военном обучении народного ополчения в г. Ростове-на-Дону». Обком констатировал ряд недостатков, таких как «замедленность» комплектования командно-политического состава полков народного ополчения, слабость политико-массовой работы среди ополченцев, затрудненность их военной подготовки вследствие дефицита учебно-наглядных пособий, оружия и прочего. Поэтому был намечен ряд мер для преодоления этих недостатков. Данное постановление было опубликовано в советский период с сокращениями⁹.

В сентябре 1941 г. Ростовский обком компартии проверил состояние ополченческих формирований в Мясниковском районе области и городах Батайске и Таганроге, приняв по итогам проверок соответствующие постановления. Эти документы

не публиковались, за исключением нескольких фрагментов из постановления о народном ополчении Батайска и Таганрога, помещенных в монографии В. А. Волошина и В. И. Ратник¹⁰. Между тем, они содержат массив информации о существенных затруднениях в процессе формирования и военной подготовки донского ополчения, порожденных не только объективными трудностями военного времени, такими как недостаток учебных материалов, оружия, инструкторов, но и негативными характеристиками бюрократического аппарата.

11 сентября 1941 г. инструктор военного отдела Ростовского обкома ВКП (б) Квасиков направил первому секретарю обкома Б. А. Двинскому докладную записку «О результатах проверки состояния народного ополчения по Мясниковскому району», которая была проведена согласно поручению от 6 сентября. Работу Мясниковского райкома компартии по состоянию ополчения Квасиков оценил скептически. Он утверждал, что в течение двух месяцев райком не уделял должного внимания созданию ополчения и не вел агитационно-массовую работу среди населения. В результате, только «более передовые и патриотически настроенные товарищи» подали заявления о вступлении в добровольческие отряды, но и эти заявления оставались лежать под сукном у секретарей первичных парторганизаций и «дальше дело не шло». Сформировать ополчение по производственному принципу не удалось в связи с мобилизацией в РККА большого контингента военнообязанных. По той же причине не имели результатов попытки военного отдела Мясниковского райкома компартии подобрать командный состав для ополченцев и «вместо того, чтобы упорно продолжать подыскивать новых командиров, работа была вообще забыта». В целом к приезду Квасикова в Мясниковском районе «по неточным данным» подали заявления о вступлении в ополчение 120 человек, в том числе 64 коммуниста (24% от общего числа коммунистов района). Военная подготовка добровольцев не была организована. Лишь приезд посланца обкома расшевелил районное руководство. 8 сентября было проведено первое занятие ополченцев, на которое, «несмотря на отваливание некоторых руководящих работников», явились 90% из них. На следующий день Мясниковский райком провел заседание, на котором признал правомерность замечаний Квасикова, вынес

партийные взыскания «некоторым коммунистам, упорно нежелающим заниматься в ополчении» и разослал на места руководящих работников для оптимизации ополченческого движения¹¹.

Основываясь на информации Квасикова, военный отдел Ростовского обкома ВКП (б) 15 сентября выпустил собственное решение о положении с народным ополчением в Мясниковском районе, отметив «совершенно недопустимое отношение» районного руководства к созданию добровольческих формирований¹². В весьма жестких выражениях военный отдел обкома разъяснял руководящим районным работникам, что «первейшей обязанностью» их лично и всех коммунистов и комсомольцев «является работать над подготовкой обороны своих районов», «грудью защищать свой район, а не «эвакуироваться», предоставив дело защиты исключительно Красной армии» и, тем более, «не удирать постыдным образом, за что, как трусы, будут караться своими же товарищами»¹³. Принятое решение предусматривалось разослать всем райкомам компартии, которые должны были «сделать из него необходимые большевистские практические выводы»¹⁴.

Хлесткое выражение об удирающих «постыдным образом» от врага коммунистах появилось в решении военного отдела Ростовского обкома компартии не случайно. Начальные месяцы войны показали, что, наряду с огромным множеством патриотов, готовых самоотверженно сражаться с врагом, находятся и демонстрирующие трусость и малодушие индивиды. Самое печальное для руководства ВКП (б) заключалось в том, что среди таких субъектов встречались и их однопартийцы. Так, 30 июня 1941 г. Новошахтинский райком ВКП (б) исключил из местной парторганизации рабочего А. И. Лепешкина, который «отказался идти служить» в РККА¹⁵. Ростовский обком ВКП (б) 3 сентября 1941 г. рассмотрел вопрос о секретаре по кадрам Кривянского райкома ВКП (б) И. Я. Нетребине, который укрывал своего брата, дезертировавшего из Красной армии. На бюро обкома было принято решение Нетребина из партии исключить, с занимаемого поста снять и привлечь к уголовной ответственности за укрывательство дезертира¹⁶.

15 сентября 1941 г. уже не военный отдел Ростовского обкома ВКП (б), а непосредственно бюро обкома приняло обширное, на трех листах, постановление «О военной учебе народного

ополчения в городах Таганроге и Батайске». В постановлении констатировалось, что в указанных городах организация и военная подготовка ополчения «проходят совершенно неудовлетворительно»¹⁷. Военные отделы горкомов концентрировали внимание «на формировании крупных сводных общегородских соединений» и практически не занимались обучением и политическим воспитанием ополченцев. Городские советы Осоавиахима обеспечивали процесс военной подготовки добровольцев учебными пособиями и инвентарем, но их организующая роль в данном процессе была мизерной вследствие дефицита опытных инструкторов, которые, по всей видимости, по большей части были мобилизованы в действующую армию¹⁸.

Как следствие, обучение ополченцев Батайска и Таганрога проходило крайне неудовлетворительно. Явка ополченцев на занятия была низкой. В частности, в Батайске в ополчение записались 18 коммунистов из числа работников горкома ВКП (б) и столько же из числа сотрудников горисполкома, но из первых занятия посещали лишь 5 человек, а вторые не появлялись на занятиях вообще. Другие ополченцы Батайска следовали примеру представителей руководства. В среднем явка на учебные занятия составляла лишь 21,5% (по итогам учета четырех занятий, проведенных накануне посещения Батайска ревизорами из военного отдела Ростовского обкома компартии)¹⁹. В результате низкой посещаемости занятий по военной подготовке Батайский полк народного ополчения был «доведен до плохого состояния»²⁰.

Ростовский обком ВКП (б) сурово пенял Батайскому и Таганрогскому горкомам за пренебрежение вопросами организации и обучения ополченческих формирований, подчеркивая, что ополченцы представляют собой огромную силу, но лишь после обучения их военным навыкам: «Коллектив таганрогских рабочих, например, – это целая армия, которая может в случае необходимости дать мощный отпор врагу, но надо, чтобы он был к этому заранее подготовлен, обучен... Если этого не будет ... неприятель может так же захватить наши города, как это удавалось ему в ряде мест, где парторганизации оказались нестойкими, неподготовленными...»²¹. Обком требовал от Батайского и Таганрогского горкомов «немедленно организационно укрепить и улучшить военное обучение» ополченцев, усилить учебную дисциплину,

укомплектовать Осоавиахим «проверенными и знающими военное дело работниками». В оба города были отправлены представители обкома «для наведения порядка в работе народного ополчения»²². Обком полагал целесообразным, не ограничиваясь Батайском и Таганрогом, разослать это постановление «всем горкомам и райкомам ВКП (б)»²³ для ознакомления и привлечения пристального внимания к делу подготовки ополчения.

Ростовский обком ВКП (б) видел причины неурядиц с формированием и обучением народного ополчения в том, что местные парторганизации недооценили «огромного военного и политического значения этого мероприятия» и «упустили контроль» за его реализацией²⁴. Содержание процитированных документов о состоянии народного ополчения в Мясниковском районе, Батайске и Таганроге позволяет поддержать правомерность данного суждения: действительно, ополченческое движение находилось на периферии внимания райкомов и горкомов компартии.

Вместе с тем Ростовский обком ВКП (б) указывал лишь на верхушку айсберга. Причины серьезных недочетов и затруднений с организацией народного ополчения на Дону (как, собственно, и по всей стране) были более разнообразны и глубоки, чем простая халатность местных властей. Точнее сказать, сама эта халатность порождалась более глубокими причинами.

О причинах и основных трудностях в формировании народного ополчения. Очевидно, что нельзя недооценивать инерцию мирного времени, в той или иной степени порождавшую самоуспокоенность у представителей партийно-советского руководства тыловых областей, городов и районов и снижавшую их активность. Пока фронт был сравнительно далеко от Ростовской области, ощущение надвигающейся войны у местных чиновников притуплялось, что соответствующим образом сказывалось на их активности в осуществлении мероприятий по формированию народного ополчения. Члены Ростовского обкома ВКП (б) пытались бороться с расслабленностью массы партийных функционеров среднего и низшего звена, поскольку были гораздо лучше, чем их подчиненные, информированы о тяжелом положении на фронтах. Не случайно Ростовский обком 23 июля 1941 г. принял постановление «О состоянии политической работы с населением в условиях военного времени в городах Шахты и Таганроге», в котором,

в частности, требовал «объявить беспощадную войну благодушно-мирным настроениям» и «неустанно разъяснять народу всю глубину опасности, которая угрожает нашей стране»²⁵. Но, как видим, далеко не всегда районное и городское руководство слышало эти призывы и должным образом реагировало на них.

Мощным фактором замедленности создания ополченческих формирований и затрудненности их военной подготовки выступали врожденные черты партийно-советской бюрократии и стиль ее деятельности. По мнению О. В. Будницкого, процесс организации народного ополчения носил «характерные признаки кампании сталинского времени», так как ни организаторы, ни добровольцы не имели четкого представления о задачах этих формирований²⁶. Проанализированные нами архивные источники подкрепляют этот тезис. Сам факт отсутствия тщательной военной подготовки ополченцев говорил не только о халатности местных властей, но и о непонимании ими функций ополчения, того, зачем вообще оно создавалось и какую помощь армии должно было оказывать. Еще более ярко о непонимании местным руководством задач ополчения свидетельствовало то, как партийные функционеры Мясниковского района относились к заявлениям добровольцев, которые, как уже отмечалось, оставались лежать под сукном секретарей первичных парторганизаций. Более того, документы позволяют расширить и детализировать отмеченный тезис. В этом случае важно указать существенные характеристики политических кампаний 1930-х гг., сохранявшиеся и в годы Великой Отечественной войны.

Во-первых, такого рода кампании отличались идеологизацией и политизацией осуществлявшихся в их рамках конкретных мероприятий. Во-вторых, им была присуща ориентация на достижение количественных показателей, поскольку в условиях бюрократической реальности именно они выступали критерием активности, профессионализма и результативности деятельности того или иного чиновника, при этом качественные показатели оставались на втором плане. В-третьих, для политических кампаний была характерна кратковременность (составлявшая смысловую сердцевину советского термина «кампанейщина»). Развивая бурную энергию в начале кампании, партийно-советская бюрократия спустя короткое

время охладевала к ней; не в последнюю очередь подобное случилось потому, что текущая кампания сменялась очередной, на которую и переносился фокус внимания властей.

Отмеченные характеристики осуществлявшихся партийно-советской бюрократией политических кампаний отчетливо заметны и в процессе создания добровольческих формирований. Выше уже говорилось о политизации добровольческого движения, когда лидеры компартии актуализировали классовый подход, в соответствии с которым создание ополчения мыслилось как некое возрождение Красной гвардии, куда должны были допускаться лояльные большевикам кандидатуры, а не просто все желающие защищать Родину от врага. При всей политической целесообразности подобных требований, объективно они вели к сокращению социальной базы ополченчества.

Выводы. Хорошо заметна концентрация усилий властей на достижении внушительных количественных показателей при создании народного ополчения. Уместно вновь обратиться к постановлению Ростовского обкома ВКП (б) «О военной учебе народного ополчения в городах Таганроге и Багайске» от 15 сентября 1941 г., где говорилось, что местное руководство сосредоточило внимание «на формировании крупных сводных общегородских соединений»²⁷. Мало того, что в погоней за крупной цифрой, партийно-советские бюрократы не задумывались о том, как они будут налаживать военную подготовку крупных масс ополченцев, где найдут для этого специалистов и средства. Важно подчеркнуть, что увлечение количеством закономерно приводило к подмене принципа добровольности грубым администрированием. На это, в частности, указывает С. А. Разин, приводя примеры из практики создания Московского народного ополчения²⁸.

В процессе формирования народного ополчения сказалась и характерная для советских политических кампаний кратковременность, не подразумевавшая вдумчивой и планомерной работы на длительную перспективу. Об этом свидетельствует, например, зафиксированное в Мясниковском районе отсутствие деятельности местных властей по комплектованию командных кадров ополчения после того, как намеченные кандидаты были мобилизованы в армию. Вместо того, чтобы подбирать новых людей, райком компартии «позабыл» об этом вопросе.

Вкупе с концентрацией внимания на количественных показателях «кампанейщина» отрицательно сказывалась на военной подготовке ополченцев, ибо и в том, и в другом случае данная задача оставалась за пределами внимания партийно-советских бюрократов. Если в первом случае представители власти попросту не задумывались о необходимости военной подготовки ополченцев, то во втором случае они не уделяли этому необходимого продолжительного внимания и постоянных усилий, потому что уже были заняты выполнением других политических и хозяйственных кампаний, таких как сбор теплой одежды для армии, уборка урожая, подготовка к осеннему севу, и т. д.

Особенности функционирования партийно-советского аппарата негативно сказались на состоянии формирований народного ополчения Ростовской области. По существу, из создававшихся в области ополченческих полков полноценной боевой единицей стал только Ростовский стрелковый полк народного ополчения, поскольку он создавался в Ростове-на-Дону под контролем областного руководства, внимательно следившего за организацией и подготовкой подразделения. Без вдумчивой планомерной работы, без постоянного внимания властей к многообразным задачам создания народного ополчения и его военной подготовки, без систематического контроля вышестоящего руководства за тем, как выполняются эти задачи местными чиновниками, ополченческое движение в условиях СССР не могло быть эффективным.

Безусловно, все сопровождавшие процесс формирования народного ополчения трудности и допущенные недочеты никоим образом не умаляют ни целесообразности правительственных решений о создании ополчения, ни огромных масштабов добровольческого движения в СССР в годы Великой Отечественной войны, ни патриотизма добровольцев и их готовности отдать собственную жизнь в борьбе с врагом. Стоит отметить, что проблемы формирования ополчения не замалчивались руководством: пример отправки постановления по Батайску и Таганрогу всем горкомам и райкомам ВКП (б) для ознакомления и привлечения пристального внимания к подготовке ополчения показывает факт всесторонней работы по исправлению ситуации даже путем тиражирования описываемых проблемных ситуаций.

При условии слаженной работы органов власти и общественных организаций по созданию и военной подготовке добровольческих формирований ополченцы превращались в заметную силу. Ростовский стрелковый полк народного ополчения мужественно оборонял Ростов-на-Дону в ноябре 1941 г., покинув город в числе последних отступавших советских подразделений. А уже через неделю ростовские ополченцы шли в первых рядах войск, освободивших их родной город от гитлеровцев²⁹. Советские ополченцы упорно бились с захватчиками, защищая родную землю, и сыграли важную роль в разгроме гитлеровской Германии.

Примечания

¹ Кирсанов, Н. А., Дробязко, С. И. Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: национальные и добровольческие формирования по разные стороны фронта // Отечественная история. 2001. № 6. С. 62.

² Колесник, А. Д. Ополченческие формирования Российской Федерации в годы Великой Отечественной войны. Москва: Наука, 1988. 286 с.; Сеницын, А. М. Всенародная помощь фронту. О патриотических движениях советского народа в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Москва: Воениздат, 1985. 319 с.

³ Пилишвили, Г. Д. Добровольческие военизированные формирования в годы Великой Отечественной войны: на примере народного ополчения и истребительных батальонов Курской области. Дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2005. 236 с.; Будницкий, О. В. Московское народное ополчение: причины и особенности создания // Российская история. 2020. № 3. С. 3–21; Разин, С. А. Московское народное ополчение в годы Великой Отечественной войны: на примере 13-й Ростокинской дивизии. Дис. ... канд. ист. наук. Москва, 2017. 209 с.

⁴ На защите Родины. Партийная организация Дона в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Сборник документов / Под ред. В. М. Резванова. Ростов-на-Дону: Ростовское книжное издательство, 1980. С. 60–61.

⁵ Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. 9. Оп. 1. Д. 308. Л. 2.

⁶ Там же. Л. 2 об.

⁷ Будницкий, О. В. Указ. соч. С. 10.

⁸ ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 308. Л. 23.

⁹ На защите Родины... С. 75–76.

¹⁰ Волошин, В. А., Ратник, В. И. Вчера была война. Таганрог в годы немецко-фашистской оккупации (октябрь 1941 – август 1943 г.). Таганрог: Лукоморье, 2008. С. 18–19.

¹¹ ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 314. Л. 183.

¹² Там же. Л. 181.

¹³ Там же. Л. 181–182.

¹⁴ Там же. Л. 182.

¹⁵ Там же. Д. 309. Л. 56.

¹⁶ Там же. Д. 314. Л. 40.

¹⁷ Там же. Л. 185.

¹⁸ Там же. Л. 186.

¹⁹ Там же. Л. 185.

²⁰ Там же. Л. 186.

²¹ Там же. Л. 187.

²² Там же. Л. 187–188.

²³ Там же. Л. 188.

²⁴ Там же. Л. 186.

²⁵ Там же. Д. 310. Л. 31.

²⁶ Будницкий, О. В. Указ. соч. С. 13.

²⁷ ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 314. Л. 186.

²⁸ Разин, С. А. Указ. соч. С. 41–42.

²⁹ В боях за Дон... С. 10–11.

Аннотация

В статье на основе материалов Центра документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО) рассматривается один из аспектов добровольческого движения в годы Великой Отечественной войны – процесс формирования народного ополчения на Дону. Привлекая ряд ранее не публиковавшихся документов, авторы концентрируют внимание на актуальных, в силу недостаточной изученности в научной литературе, вопросах, таких как сложности и недостатки в процессе создания донского ополчения. В июле 1941 г. в Ростовской области планировалось создать формирование народного ополчения в сельских районах и ряде городов. Установлено, что Ростовский областной комитет ВКП (б), отвечавший за создание и военную подготовку ополчения, постоянно контролировал этот процесс. В сентябре 1941 г. обком проверил состояние ополченческих формирований в Батайске, Таганроге и Мясниковском районе. Результаты проверок и сделанные на их основе выводы и рекомендации обкома были отражены в ранее не публиковавшихся отчетах и постановлениях, которые выступают в качестве информативных источников по рассматриваемой

теме. Анализ документов Ростовского обкома ВКП (б), ранее не привлекавших внимания исследователей, позволяет говорить о наличии серьезных упущений в работе по созданию народного ополчения в Ростовской области. В частности, к сентябрю 1941 г. оказалось, что ополчение либо еще не создано (Мясниковский район), либо, как в Батайске и Таганроге, не представляло собой слаженных боевых единиц, поскольку военная подготовка ополченцев не была должным образом организована и многие из них не посещали занятий. Основываясь на содержании источников, авторы сформулировали итоговый вывод о причинах замедленной организации и неудовлетворительного состояния формирований народного ополчения в Ростовской области. К таким причинам относились не только порожденные экстремальными условиями военного времени нехватка опытных инструкторов или дефицит учебного оружия и методических материалов, но и особенности, специфика устройства и функционирования существовавшего в СССР бюрократического аппарата. Партийно-советские чиновники воспринимали создание ополченческих формирований как очередную кратковременную политическую кампанию, в связи с чем не были готовы к долговременной тщательной работе в этом важнейшем направлении, концентрировали усилия на достижении количественных показателей, а не на подготовке ополченцев к боям. Все это серьезно тормозило процесс создания народного ополчения Ростовской области и существенно снижало его потенциал.

Ключевые слова: исторические источники, Великая Отечественная война, народное ополчение, ополченческие формирования, Ростовская область, Ростовский обком ВКП (б), добровольческое движение, архивные документы.

Список литературы

- Будницкий, О. В. Московское народное ополчение: причины и особенности создания // Российская история. 2020. № 3. С. 3–21.
- Волошин, В. А., Ратник, В. И. Вчера была война. Таганрог в годы немецко-фашистской оккупации (октябрь 1941 – август 1943 г.). Таганрог: Лукоморье, 2008. 396 с.
- Колесник, А. Д. Ополченческие формирования Российской Федерации в годы Великой Отечественной войны. Москва: Наука, 1988. 286 с.
- Кирсанов, Н. А., Дробязко, С. И. Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: национальные и добровольческие формирования по разные стороны фронта // Отечественная история. 2001. № 6. С. 60–75.
- На защите Родины. Партийная организация Дона в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Сборник документов / Под ред. В. М. Резванова. Ростов-на-Дону: Ростовское книжное издательство, 1980. 374 с.

Пилишвили, Г. Д. Добровольческие военизированные формирования в годы Великой Отечественной войны: на примере народного ополчения и истребительных батальонов Курской области. Дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2005. 236 с.

Синицын, А. М. Всенародная помощь фронту. О патриотических движениях советского народа в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Москва: Воениздат, 1985. 319 с.

Разин, С. А. Московское народное ополчение в годы Великой Отечественной войны: на примере 13-й Ростокинской дивизии. Дис. ... канд. ист. наук. Москва, 2017. 209 с.

Сведения об авторах

Бондарев Виталий Александрович, доктор исторических наук, доцент, Донской государственный технический университет, факультет медиакоммуникаций и мультимедийных технологий, кафедра истории и культурологии, профессор, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, 8-928-150-33-02, vitalijj-bondarev27@rambler.ru

Булыгин Юрий Александрович, кандидат исторических наук, Донской государственный технический университет, международный факультет, исполняющий обязанности заведующего кафедрой общегуманитарных и естественнонаучных дисциплин, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, 8-863-273-86-98, youra.rgu@rambler.ru

Сведения о грантах

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РНФ (проект № 24-28-01265), <https://rscf.ru/project/24-28-01265/>

В редакцию статья поступила 06.04.2024 г., рекомендована к опубликованию 20.12.2024 г.

Scientific article

doi 10.28995/2073-0101-2025-1-225-241

For citation

Bondarev, Vitaly A., Bulygin, Yuri A. (2025). People's militia in the USSR in 1941, difficulties of the formation process, Based on archival documents of party bodies of the Rostov region, *Herald of an Archivist*, no. 1, pp. 225–241, doi 10.28995/2073-0101-2025-1-225-241

Bondarev, Vitaly A., Bulygin, Yuri A., Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

People's militia in the USSR in 1941: difficulties of the formation process. Based on archival documents of party bodies of the Rostov region

Abstract

The article, based on the materials of the Center for Documentation of Contemporary History of the Rostov Region (CDNIRO), examines one of the aspects of the volunteer movement during the Great Patriotic War – the process of formation of the people's militia on the Don. Using a number of previously unpublished documents, the authors focus on issues that are relevant due to the lack of study in the scientific literature, such as difficulties and shortcomings in the process of creating the Don militia. In July 1941 in Rostov region it was planned to create militia formations in rural areas and a number of cities. It has been established that the Rostov Regional Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks, which was responsible for the creation and military training of the militia, constantly monitored this process. In September 1941 the regional committee checked the condition of militia formations in Bataysk, Taganrog and Myasnikovsky district. The results of the inspections and the conclusions and recommendations of the regional committee made on their basis were reflected in previously unpublished reports and resolutions, which serve as informative sources on the topic under consideration. The analysis of the documents of the Rostov Regional Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks (b), which had not previously attracted the attention of researchers, allows us to say that there were serious omissions in the work on the creation of the people's militia in the Rostov region. In particular, by September 1941 it turned out that the militia either had not yet been created (Myasnikovsky district) or, as in Bataysk and Taganrog, did not represent coherent units, because the military training of the militia was not properly organized and many of them did not attend classes. Based on the content of the sources, the authors formulate a final conclusion about the reasons for the slow organization and unsatisfactory condition of the people's militia formations in Rostov Oblast. These reasons included not only the shortage of experienced instructors or the shortage of training weapons and methodological materials caused by the extreme wartime conditions, but also the peculiarities and specifics of the structure and functioning of the bureaucratic apparatus that existed in the USSR. Party and Soviet officials perceived the creation of militia formations as just another short-term political campaign, and therefore were not ready for long-term thorough work in this most important direction, concentrating their efforts on achieving quantitative indicators rather than on preparing the militia for combat. All this seriously hampered the process of creating the Rostov Oblast People's Militia and significantly reduced its potential.

Keywords

Historical sources, the Great Patriotic War, people's militia, militia formations, Rostov region, Rostov Regional Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks (b), volunteer movement, archival documents.

References

- Budnitsky, O. V. (2020). Moscow People's Militia: the reasons and features of the creation, *Russian History*, № 3, pp. 3–21.
- Voloshin, V. A., Ratnik, V. I. (2008). Yesterday was the war, Taganrog in the years of Nazi occupation (October 1941 – August 1943), Taganrog, Lukomorje publ., 396 p.
- Kolesnik, A. D. (1988). Militia formations of the Russian Federation in the years of the Great Patriotic War, Moscow, Nauka publ., 286 p.
- Kirsanov, N. A., Drobyazko, S. I. (2001). The Great Patriotic War of 1941–1945, national and volunteer formations on different sides of the front, *Otechestvennaya istoriya*, № 6, pp. 60–75.
- Rezvanov, V. M. (Ed.) (1980). In defense of the Motherland. Party organization of the Don in the Great Patriotic War of 1941–1945. Collection of documents, Rostov-on-Don: Rostov Book publ., 374 p.
- Pilishvili, G. D. (2005). Volunteer paramilitary formations during the Great Patriotic War: the example of the people's militia and fighter battalions of the Kursk region. Dis. ... cand. hist. nauk, Kursk, 236 p.
- Sinitsyn, A. M. (1985). All-people's help to the front. On patriotic movements of the Soviet people during the Great Patriotic War of 1941–1945, Moscow, Voenizdat publ., 319 p.
- Razin, S. A. (2017). Moscow people's militia in the years of the Great Patriotic War: on the example of the 13th Rostokinsky division. Dis. ... cand. hist. nauk, Moscow, 209 p.

About authors

Bondarev, Vitaly A., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Don State Technical University, Faculty of Media Communications and Multimedia Technologies, Department of History and Cultural Studies, Professor, Rostov-on-Don, Russian Federation, +7-928-150-33-02, vitalijj-bondarev27@rambler.ru

Bulygin, Yuri A., PhD in History, Don State Technical University, Faculty of International Studies, Acting Head of the Department of General Humanities and Natural Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation, +7-863-273-86-98, youra.rgu@rambler.ru

Grant information

The article was prepared with the financial support of RNF grant (project № 24-28-01265), <https://rscf.ru/project/24-28-01265/>

The article was received in the editorial office on 06.04.2024, recommended for publication on 20.12.2024

Научная статья

УДК 93/94+341.1/8+639.2/.3+930.22+930.85+008+32.019.5+321.02+341.783+001.814.2+351.71+304.9+002.6+930.24+651.5+321.8+341.2+341.6+341.9+351/354+351.72+351.79+351.82+341.3+351.88+502.743+639.2/.3+639.2.05+639.2.06+639.21+639.22/.23+639.25+639.29+372.893+001.814.4+002.513.5+001.92

doi 10.28995/2073-0101-2025-1-242-259

Для цитирования

Кошкарева, С. Г., Сесицкая, А. С. Материалы Государственного архива Камчатского края о советско-японских отношениях 1950-х–1970-х гг. // Вестник архивиста. 2025. № 1. С. 242–259, doi 10.28995/2073-0101-2025-1-242-259

Кошкарева, С. Г.

Камчатский государственный университет им. Витуса Беринга,
г. Петропавловск-Камчатский, Российская Федерация

Сесицкая, А. С.

Государственный архив Камчатского края,
г. Петропавловск-Камчатский, Российская Федерация

Материалы Государственного архива Камчатского края о советско-японских отношениях 1950-х–1970-х гг.

Введение. Политические и экономические взаимоотношения СССР и Японии 1950-х–1970-х гг. строились через преодоление проблем и выстраивание возможностей для сотрудничества. Существенным направлением советско-японских отношений была сфера рыболовства. До Второй мировой войны и на начальном ее этапе японцы осуществляли концессионную деятельность в советских территориальных водах Дальнего Востока на основе Рыболовной конвенции 1928 г.

Советско-японские отношения после войны были прерваны и требовали дальнейшего восстановления как в дипломатической, так и экономической сфере. Японская сторона была по-прежнему заинтересована в ресурсах советского Дальнего Востока, среди которых значительное место занимала добыча

тихоокеанских лососей, большая часть которых вылавливалась в камчатском рыбопромысловом районе. Лососевый промысел на советском Дальнем Востоке считался главным рыбным промыслом и в удельном весе добычи всей рыбной продукции составлял до 80%. Из общей добычи тихоокеанских лососей на долю Камчатки приходилось до 70% улова. Особенно богаты лососями западные районы полуострова, то есть побережье, омываемое водами Охотского моря.

В региональных архивах содержится значительный массив исторических источников, которые существенно дополняют данную тему. Например, в Государственном архиве Камчатского края (ГАКК) отложились документы, которые позволяют более основательно исследовать трансформацию советско-японских рыболовных отношений в 1950-х–1970-х гг. и увидеть сложности, с которыми сталкивался Советский Союз при выстраивании экономических связей с Японией. С учетом нерешенности территориального вопроса рыбная отрасль стала одним из важнейших направлений взаимодействия и получила особую актуальность для СССР и Японии.

В этой связи исследование направлено на то, чтобы выявить возможности введения в научный оборот не опубликованных ранее документов по проблемам рыболовства в советско-японских отношениях после Второй мировой войны, сосредоточенных в фондах ГАКК. Для этого был осуществлен научно-исследовательский поиск архивных документов, которые могут представлять интерес для исследования проблемы. Систематизация выявленных источников позволила отразить их значимость и содержание в воссоздании истории советско-японского взаимодействия в период, когда японские рыбопромышленники стали заниматься интенсивным ловом лососевых и, тем самым, оказывать серьезное влияние на советскую рыбную отрасль. Хронологические рамки исследования охватывают 1950-е–1970-е гг., то есть период, предшествующий заключению Рыболовной конвенции 1956 г., а также время дальнейшей реализации ее основных положений до 1977 г., когда была введена 200-мильная экономическая зона.

В ГАКК материалы о советско-японских отношениях в области рыболовства после Второй мировой войны

сосредоточены в делопроизводственных документах, находящихся в фондах: П-2 – «Камчатский областной комитет КПСС», Р-210 – «Камчатрыбвод», Р-470 – «Камчатское производственное объединение рыбной промышленности «Камчатрыбпром», Р-475 – «Отдел рыбной промышленности Камчатского облисполкома». В фонде № Р-480 – «Камчатское отделение Тихоокеанского НИИ рыбного хозяйства и океанографии (ТИНРО)» представлена научно-техническая документация.

Основными методами исследования, примененными в работе, стали: источниковедческий анализ (критика исторических источников), историко-генетический метод (для рассмотрения советско-японских рыболовных отношений в их развитии, через выявление документов в их хронологической последовательности), историко-системный метод (для формирования целостного представления о комплексе неопубликованных документов ГАКК для изучения анализируемой проблемы), а также историко-описательный метод (для изложения информационного содержания неопубликованных документов).

Историографический обзор. В отечественной и зарубежной историографии освещались различные аспекты выстраивания отношений между СССР и Японией. В советской историографии исследование послевоенных контактов двух стран не сразу нашло отражения. Япония считалась идеологическим соперником Советского Союза, к тому же остро стоял вопрос заключения мирного договора, решение которого зашло в тупик. В период перестройки японистом Л. Н. Кутаковым был проведен анализ советско-японских дипломатических отношений в 1956–1986 гг.¹ Автор затронул и тему заключения Рыболовной конвенции 1956 г., а также разрешения проблем рыболовства, возникавших в процессе добычи морских ресурсов. Значительное внимание Л. Н. Кутаковым уделено научно-техническому сотрудничеству двух стран в этой сфере.

В современной российской историографии достаточно подробно изучены экономические аспекты взаимодействия СССР и Японии в период между двумя мировыми войнами. Концессионное сотрудничество в этот период имело фундаментальную юридическую основу, в результате чего

японские предприниматели получали концессии в угольной и нефтяной отраслях на Сахалине², а также в рыбной отрасли Камчатки³. В военный период также сохранялось японское присутствие на советском Дальнем Востоке⁴.

Проблемы рыболовства в советско-японских отношениях 1950-х–1970-х гг. остаются недостаточно исследованными в современной историографии. Следует, однако, учитывать, что именно рыбная отрасль стала одним из первых направлений выстраивания экономических отношений СССР и Японии после войны. Данная тема вызывала наибольший интерес у работников Всероссийского научно-исследовательского института рыбного хозяйства и океанографии (ВНИРО). Например, А. А. Курмазов обобщил историю российско-японских рыболовных отношений с конца XIX в. до периода формирования в Российской Федерации рыночных отношений⁵. Частично проблемы рыболовства затрагивались при освещении темы формирования советского рыболовного флота в 1960-х–1970-х гг.⁶

Практически отсутствуют именно исторические работы по исследуемой теме. В обобщающем труде дальневосточных авторов «История Дальнего Востока России» (2016 г.)⁷ не уделено внимание советско-японским рыболовным отношениям, а все связи СССР с Японией показаны по межрегиональным контактам с участием советских представителей Приморского и Хабаровского краев. Только в историческом исследовании А. С. Куклиной предпринята попытка анализа проблемы чрезмерно интенсивной рыболовной деятельности японцев в XX в., но без привлечения архивных документов⁸.

В большей степени внимание современных отечественных историков концентрируется не на рыболовных отношениях двух стран, а на тех вопросах, которые чаще обсуждаются в общественных и политических кругах: дипломатическая сторона взаимодействия СССР и Японии во второй половине XX в., противостояние в период холодной войны⁹, а также пути и возможности заключения мирного договора¹⁰.

В зарубежной историографии значительная роль в освещении темы советско-японских отношений после Второй мировой войны принадлежит англо-американской исторической

науке. Япония рассматривалась западными странами как союзник в «холодном» противостоянии с СССР, поэтому данная тема всегда вызывала интерес и продолжает привлекать внимание исследователей. Зарубежные авторы не только проследили длительный период трансформации российско-японских отношений¹¹, акцентируя внимание на идеологических проблемах между двумя странами¹², но и предприняли попытку анализа взаимодействия двух стран в области рыболовства¹³. Однако большая часть исследований также, как и в отечественной историографии, посвящена нерешенности территориальных разногласий СССР и Японии¹⁴, влияющих на заключение мирного договора.

Документы Государственного архива Камчатского края о заключении и проблемах реализации Рыболовной конвенции 1956 г. С 1945 по 1951 г. в Японии установился оккупационный переходный режим, в течение которого японские рыбопромышленники практически не занимались ловом лососевых, но с 1952 г. возобновили свою деятельность в северной части Тихого океана. Первоначально японский флот приступил к промыслу сравнительно небольшими силами, но в следующие три года состав его значительно увеличился, повысилась уловы. В результате дрефтерный лов, применяемый японцами, стал приводить к сокращению советского берегового промысла, особенно на западных берегах Камчатки. Резко снизилась общая добыча лососей камчатскими рыбокомбинатами.

Рыбопромысловый сезон 1955 г. показал, что японские промышленники не ввели ограничений в промысле. Советское правительство сделало Японии соответствующее предупреждение и предложило обсудить создавшееся положение для принятия необходимых мер по регулированию рыболовства. Японское правительство уклонилось от этого предложения, и тогда правительство СССР заявило, что оно примет односторонние меры по охране лососей на путях их морских миграций. Результатом этой ситуации стало прибытие в Москву японских дипломатов, рыбопромышленников и ученых. После обмена мнениями между двумя сторонами были определены основные направления в дальнейшем использовании запасов лососей, сельди и краба в тихоокеанских водах.

Дипломатическое обсуждение проблемы сокращения запаса лососевых привело стороны к заключению 14 мая 1956 г. Рыболовной конвенции. В фонде Р-475 ГАКК содержится копия текста конвенции с приложением и дополнительными указаниями. В Рыболовной конвенции 1956 г. устанавливался «конвенционный район», включающий Японское, Охотское и Берингово моря¹⁵. Обе стороны взяли на себя обязательства по сохранению и увеличению рыбных ресурсов. Для достижения этих целей была создана советско-японская рыболовная комиссия (СЯРК), состоящая из двух национальных секций. Рыболовная конвенция установила принципы упорядочения морского промысла лососей. Однако не все вопросы рационализации морского лова лососей нашли свое быстрое практическое разрешение, и внимание к ним проявлялось на протяжении последующих лет.

В фонде П-2 в рамках функционирующего промышленно-транспортного отдела Камчатского обкома КПСС сохранились делопроизводственные документы, которые могут представлять интерес при рассмотрении темы советско-японских отношений. Так, например, в очерке «О запасах, воспроизводстве тихоокеанских лососей, о влиянии на них японского промысла» (1956 г.) представлена историческая справка по количеству уловов с советской и японской сторон, а также отмечается усиление японского дрейфтерного лова, достигшего особенно крупных масштабов к 1955 г.¹⁶

В источниках, сосредоточенных в фонде П-2, в отчетной документации раскрывается и актуализируется проблема сокращения подходов лососей к берегам Камчатки, снижения советских уловов из-за усилившегося в 1950-х гг. японского промысла¹⁷. Указывается также и на то, что после заключения Рыболовной конвенции 1956 г. ситуация не была урегулирована полностью. В отчетах о контроле за рыболовством в регулируемой зоне конвенционного района 1960-х гг. отмечаются многочисленные нарушения условий конвенции с японской стороны, в том числе травмирование лососей дрейфтерными сетями и крючковыми снастями¹⁸. В документах представлен также статистический материал, характеризующий японский лососевый промысел: состав и количество промыслового флота, орудия лова, объемы вылова рыбы.

Не менее важные документы отложились также в фонде Р-210. В задачи «Камчатрыбвода» входила охрана рыболовства в водах Камчатского рыбопромыслового бассейна. В представленных сведениях по организации и технике японского дрейфтерного лова лососей дается подробное описание устройства японских дрейфтерных сетей, включены карты районов работы японского флота¹⁹. В отчетах по итогам работы Госрыбнадзора в рыболовном конвенционном районе содержатся данные о количестве советских и японских промысловых судов, об уловах с обеих сторон, отмечаются случаи нарушения Рыболовной конвенции 1956 г. В документах отмечается, что японцы применяли огромное количество сетей, в результате чего пути миграции лососей в нерестовые реки Камчатки ими преграждались. Японские рыбопромышленники массово нарушали условия конвенции, применяли незаконные орудия лова.

Отдельно следует отметить «Рейсовые отчеты по контролю за выполнением условий советско-японской Рыболовной конвенции» с 1957 по 1977 г., которые также сосредоточены в фонде Р-210. В документах излагаются многочисленные проблемы по охране конвенционных вод²⁰. Подготовка и организация инспекторского надзора происходила поспешно и некачественно, инспекторская группа комплектовалась из лиц, не имеющих достаточного опыта и других необходимых данных. Актуальным оставался вопрос качества советского рыбоохранного флота, который был малочисленным, тихоходным и к лову малопригодным²¹. Содержащаяся в фонде информация в целом позволяет охарактеризовать работу Камчатгосрыбвода по контролю за соблюдением условий Рыболовной конвенции 1956 г., понять технические преимущества японского промысла, раскрыть характер нарушений условий конвенции в 1950-х–1970-х гг.

Материалы Государственного архива Камчатского края о влиянии японского промысла на советскую рыбную промышленность, об охране морских ресурсов Тихого океана. Особый интерес представляет фонд Р-480 Камчатского отделения (Тихоокеанского филиала «ВНИРО») ТИНРО, находившегося в подчинении Министерства рыбной промышленности

СССР. Камчатское отделение ТИНРО было обязано координировать все лососевые исследования на Дальнем Востоке и вести подготовку основных научных материалов к сессиям СЯРК. Ведущие сотрудники ТИНРО ежегодно работали в составе Научно-технического подкомитета СЯРК, а также участвовали в подготовке к советско-японским переговорам в Москве. Достигнутые советской стороной Комиссии ограничительные меры в промысле лососей сыграли большую положительную роль в обеспечении сохранности запасов этих рыб. Если бы не было введенных ограничений на пути безудержного развития морского активного лова японскими рыбопромышленниками, ценные виды лососевых могли быть уничтожены.

В фонде Р-480 находятся документы, в которых дается оценка запасов тихоокеанских лососей в камчатских водах в результате влияния на них японского промысла к середине 1950-х гг., документы к сессиям советско-японской рыболовной комиссии, а также материалы сессий международной комиссии по рыболовству с 1958 по 1977 г. В источниках отмечается, что японский лов причинил серьезный ущерб экономике дальневосточной рыбной промышленности, особенно камчатской, предлагались пути решения проблемы²².

Отдельного внимания заслуживают очерки сотрудников ТИНРО, принимавших непосредственное участие в работе СЯРК. В собранных материалах И. Б. Бирмана «Нерестовые миграции лососей и японский промысел этих рыб в прикамчатской области Тихого океана в 1955 г.» дается подробное описание японского промысла лососевых с 1952 по 1955 г., включая технические характеристики²³. В очерке Р. С. Семко «Предварительные соображения о развитии рыбной промышленности Камчатки на длительный период (1959–1975 гг.)» содержатся данные о советских и японских уловах лососей, получаемые за счет камчатского стада. Подчеркивается также необходимость дальнейшей борьбы в СЯРК за рационализацию морского промысла лососей, ограничения японского морского промысла²⁴. В «Краткой справке о работе японских рыболовных судов по добыче лососей в 1962 г.», составленной К. И. Паниным, описываются случаи нарушения Рыболовной конвенции 1956 г. японской стороной²⁵.

Заведующий лабораторией кормовой базы и промысловой океанографии ТИНРО И. В. Куренков, который был членом СЯРК, обобщил результаты ее деятельности с 1956 по 1966 г.²⁶ В материалах И. В. Куренкова дается подробное описание предыстории заключения Рыболовной конвенции 1956 г., целей создания комиссии по рыболовству, ее состава, функций, порядка и общего объема работы комиссии за время ее деятельности. В очерке представлена также информация об участии советских специалистов в делегациях, выезжающих в Японию, или в сопровождении японских делегаций в их поездке по советскому Дальнему Востоку, а также основные решения СЯРК по регулированию промысла лососей, сельди и крабов. И. В. Куренков дал описание состояния лососевого хозяйства на Дальнем Востоке, отмечая продолжающееся снижение запасов лососей, неравное распределение долей вылова между Японией и СССР, а также представил статистические данные ежегодных уловов лососей СССР и Японии в 1957–1966 гг.

В фонде Р-480 отложились также документы, отражающие непосредственное взаимодействие советских и японских специалистов. Так, например, в «Отчете по поездке японской делегации на Западное побережье Камчатки» (1970 г.) содержится информация о программе мероприятий японской делегации, находившейся на Камчатке в течение двух недель, а также перечень вопросов, которые были заданы японцами советской стороне о состоянии камчатской рыбной промышленности, с ответами на них²⁷. В фонде сохранился также «Доклад совещания советских и японских специалистов по вопросам выполнения положения Конвенции и решений Комиссии (г. Токио), 26 марта 1971 г.», в котором можно увидеть сведения о нарушениях японцами положений Рыболовной конвенции 1956 г., предъявленных Советским Союзом, но отвергавшихся японской стороной.

Несомненно, что японский интенсивный дрейфтерный лов в северной части Тихого океана нанес существенный ущерб советской дальневосточной рыбной промышленности. Заметно сократилась численность лососей-производителей, проходящих на нерест в большинстве бассейнов нерестовых рек. Камчатская рыбная промышленность оказалась наиболее чувствительна к сложившейся ситуации.

В фонде Р-470 отложились приказы и распоряжения по основной деятельности, протоколы экономических конференций, совещаний, анализы, обзоры, справки о хозяйственно-финансовой деятельности Камчатрыбпрома. В фонде содержатся также годовые бухгалтерские отчеты управления и подведомственных предприятий, организаций и учреждений. По финансовой документации можно проследить тенденцию к сокращению рыбокомбинатов на Камчатке, что происходило в результате огромных масштабов лова лососевых со стороны Японии в период, предшествующий заключению Рыболовной конвенции 1956 г., а также в результате многочисленных нарушений ее основных положений. Так, например, в «Сводном годовом бухгалтерском отчете по Главкамчатрыбпрому за 1950 год» в составе отчитывающихся предприятий перечисляются 32 рыбокомбината²⁸, а в 1960 г. их количество сократилось до 19²⁹. В документах отмечается проблема невыполнения годовых планов рыбоконсервными заводами по причине недолова лососевых из-за слабых подходов рыбы к побережьям Камчатки³⁰. Согласно «Сводному годовому бухгалтерскому отчету по Камчатрыбпрому за 1971 г.», количество рыбокомбинатов сократилось до 12³¹. Несмотря на действие Рыболовной конвенции 1956 г., в отчете по-прежнему к этому периоду обозначалась проблема слабых подходов лососей к камчатским берегам.

Послевоенный период и период после подписания Рыболовной конвенции 1956 г. для советско-японского взаимодействия в сфере рыболовства закончился в 1977 г. В 1976 г. некоторые европейские страны объявили об установлении единой 200-мильной зоны. Вслед за ними в 1977 г. СССР также объявил установление 200-мильной зоны, что стало для японских рыбопромышленников настоящим ударом.

Заключение. Непубликованные документы, которые находятся в Государственном архиве Камчатского края, позволяют раскрыть историю советско-японских отношений в области рыболовства в 1950-х – 1970-х гг. Содержащиеся в источниках факты, данные статистики, сохранившиеся очерки, справки, протоколы и отчетная документация помогают воссоздать основные проблемы, которые возникали между СССР и Японией в освоении морских ресурсов Тихого океана после Второй мировой войны.

В работе раскрываются тип, характер и содержание архивных документов на предмет исследования рыболовных отношений СССР и Японии в послевоенный период. В процессе исследования были выявлены исторические источники, позволяющие охарактеризовать японский промысел в советских территориальных водах, а также его влияние на состояние камчатской рыбной промышленности. Значительное внимание уделено изучению документов, характеризующих деятельность советско-японской рыболовной комиссии, созданной для эффективного освоения ресурсов северной части Тихого океана.

Именно северная часть Тихого океана по освоению рыбных ресурсов оказалась наиболее привлекательной для Японии. В результате неизбежно ее цели пересекались с экономическими интересами СССР, влияли на состояние камчатского рыбопромыслового района, важнейшего на советском Дальнем Востоке. Заключение Рыболовной конвенции в 1956 г. не помогло полностью стабилизировать ситуацию в рыбной отрасли, несмотря на осуществлявшееся сотрудничество двух стран в рамках деятельности советско-японской рыболовной комиссии. Японские рыбопромышленники постоянно нарушали договоренности, осуществляли дрейферный лов лососевых пород рыбы. В результате подход лососей к камчатским берегам оказался затрудненным, и это повлекло за собой сокращение советского промысла, закрытие камчатских рыбокомбинатов. С 1977 г. отношения СССР и Японии перешли на новый уровень.

Примечания

¹ Кутаков, Л. Н. Москва – Токио: очерки дипломатических отношений, 1956–1986. Москва: Международные отношения, 1988. 272 с.

² Плотников, А. Ю. Из истории советско-японских внешнеэкономических связей: японские концессии в СССР в межвоенный период // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. 2020. № 2. С. 94–104.

³ Мандрик, А. Т. Подавляющее превосходство японского капитала в рыболовстве Дальнего Востока России (1923–1926 гг.) // Россия и АТР. 2022. № 1. С. 119–130.

⁴ Дацьшен, В. Г., Ипеева, А. А. Японское присутствие на Дальнем Востоке России накануне и в начале Второй мировой войны // Японские исследования. 2019. № 2. С. 109–126.

⁵ Курмазов, А. А. В каком направлении развиваются российско-японские рыболовные отношения? // Труды ВНИРО. 2010. Т. 149. С. 408–428.

⁶ Янышев Нестерова, И. Советский рыболовный флот и внешняя политика СССР в 1960–1970-е гг. // Вестник РУДН. Серия: История России. 2014. № 3. С. 102–115.

⁷ История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 5 / Под общ. ред. В. Л. Ларина. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2016. 940 с.

⁸ Куклина, А. С. Японский дрейфтерный промысел на Дальнем Востоке и российско-японские отношения в сфере рыболовства // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2017. Т. 19. С. 101–113.

⁹ Стрельцов, Д. В. Факторы негативного образа СССР в Японии в период холодной войны // Восточная Азия: факты и аналитика. 2022. № 2. С. 32–45.

¹⁰ Харитоновна, Д. Россия и Япония на пути к мирному договору // Постсоветский материк. 2017. № 1. С. 14–28.

¹¹ Ferguson, J. (2011). *Japanese-Russian Relations, 1907–2007*, Routledge publ., London; New York, 304 p.

¹² Robertson, M. (1988). *Soviet Policy towards Japan: An analysis of trends in the 1970s and 1980s.*, Cambridge University Press publ., New York, 234 p.

¹³ Johnston, D. (1995). *Fisheries. The Russian Far East in transition: opportunities for regional economic cooperation*, Westview Press publ., Boulder; Colo, 243 p.

¹⁴ Kimie, H. (2003). *Japanese-Soviet/Russian Relations since 1945: A Difficult Peace*, Routledge publ., London; New York, 296 p.; Pak, H., Son, H. (2020). Analysis on the definition of Japanese territory after World War II in terms of International law: The Southern Kurils, the Diaoyu Islands and Tok Islet, *Russian law journal*, vol. VIII, № 4, pp. 30–52.

¹⁵ Государственный архив Камчатского края (ГАКК). Ф. Р-475. Оп. 1. Д. 34. Л. 1.

¹⁶ Там же. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 1976.

¹⁷ Там же. Оп. 29. Д. 4.

¹⁸ Там же. Оп. 32. Д. 41.

¹⁹ Там же. Ф. Р-210. Оп. 1. Д. 489.

²⁰ Там же. Д. 499.

- ²¹ Там же. Д. 490. Л. 37.
²² Там же. Ф. Р-480. Оп. 1. Д. 79.
²³ Там же. Оп. 3. Д. 553.
²⁴ Там же. Д. 689.
²⁵ Там же. Д. 927.
²⁶ Там же. Д. 1309.
²⁷ Там же. Д. 1768.
²⁸ Там же. Ф. Р-470. Оп. 1. Д. 138. Л. 27.
²⁹ Там же. Оп. 2. Д. 109. Л. 64–65.
³⁰ Там же. Д. 257. Л. 9.
³¹ Там же. Д. 1718. Л. 23.

Аннотация

В статье исследуются материалы Государственного архива Камчатского края (ГАКК) о советско-японских отношениях в 1950-х – 1970-х гг. Авторами использован метод источниковедческого анализа архивных документов на основе внешней и внутренней критики источников, а также применялись научные методы: историко-генетический, историко-системный, историко-описательный. Неопубликованные документы, отложившиеся в фондах ГАКК, существенно дополняют историю отношений СССР и Японии после Второй мировой войны, когда возникли территориальные проблемы и вопрос заключения мирного договора. Одним из направлений экономического взаимодействия двух стран после войны стала рыбная отрасль. Исследуемая проблема не теряет своей актуальности сегодня, так как отношения России и Японии складываются непросто, а опыт взаимодействия в период холодной войны может быть полезным и должен учитываться при выстраивании внешней политики России. Привлечение новых архивных источников позволяет воссоздать общую картину взаимоотношений двух стран в области рыболовства в то время, когда эскалация напряженности остро ощущалась в мире. Послевоенный период советско-японских рыболовных отношений на Дальнем Востоке все еще недостаточно изучен в современной историографии. Комплексные исторические труды по теме отсутствуют. Привлечение источников из регионального архива для восполнения существующего историографического пробела становится научной необходимостью. Именно камчатский рыбопромысловый район был основным для Японии в 1950-х – 1970-х гг., в связи с чем материалы ГАКК представляют особый интерес в исследовании темы советско-японских отношений в рыбной отрасли. Статья направлена на то, чтобы выявить возможности введения в научный оборот не опубликованных

ранее документов из фондов ГАКК по данной теме. Проведенное исследование позволило определить тип, характер и содержание архивных документов на предмет исследования рыболовных отношений СССР и Японии в послевоенный период, а также раскрыть информационные возможности сохранившихся источников при характеристике советского и японского морского промысла до и после заключения Рыболовной конвенции 1956 г. Значительное внимание уделено изучению документов, характеризующих деятельность советско-японской рыболовной комиссии (СЯРК), созданной для эффективного освоения ресурсов северной части Тихого океана. Проведенный научно-исследовательский поиск документов, а также их систематизация направлены на то, чтобы выявить изменения, которые происходили в японском морском промысле после Второй мировой войны. Если сразу после ее окончания Япония не имела возможностей проявлять себя активно в эксплуатации ресурсов Тихого океана, то в начале 1950-х гг. японские рыбопромысловники приступили к активному освоению морских запасов, применяя при этом методы дрейферного лова. В результате возникла проблема резкого сокращения лососевых рыб при их подходе к камчатским берегам, что наносило серьезный урон советской рыбной промышленности, приводило в том числе к ликвидации рыбоконсервных заводов Камчатки. По документам ГАКК можно воссоздать трансформацию этой проблемы до заключения Рыболовной конвенции 1956 г., а также на этапе ее реализации.

Ключевые слова: архивные документы, неопубликованные источники, источниковедческий анализ, советско-японские отношения, проблемы рыболовства, Рыболовная конвенция 1956 г., камчатская рыбная промышленность, дрейферный лов.

Список литературы

Дацышен, В. Г., Ипеева, А. А. Японское присутствие на Дальнем Востоке России накануне и в начале Второй мировой войны // Японские исследования. 2019. № 2. С. 109–126.

История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 5 / Под общ. ред. В. Л. Ларина. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2016. 940 с.

Куклина, А. С. Японский дрейферный промысел на Дальнем Востоке и российско-японские отношения в сфере рыболовства // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2017. Т. 19. С. 101–113.

Курмазов, А. А. В каком направлении развиваются российско-японские рыболовные отношения? // Труды ВНИРО. 2010. Т. 149. С. 408–428.

Кутаков, Л. Н. Москва – Токио: очерки дипломатических отношений, 1956–1986. Москва: Международные отношения, 1988. 272 с.

Мандрик, А. Т. Подавляющее превосходство японского капитала в рыболовстве Дальнего Востока России (1923–1926 гг.) // Россия и АТР. 2022. № 1. С. 119–130.

Плотников, А. Ю. Из истории советско-японских внешнеэкономических связей: японские концессии в СССР в межвоенный период // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. 2020. № 2. С. 94–104.

Стрельцов, Д. В. Факторы негативного образа СССР в Японии в период холодной войны // Восточная Азия: факты и аналитика. 2022. № 2. С. 32–45.

Харитоновна, Д. Россия и Япония на пути к мирному договору // Постсоветский материк. 2017. № 1. С. 14–28.

Янышев Нестерова, И. Советский рыболовный флот и внешняя политика СССР в 1960–1970-е гг. // Вестник РУДН. Серия: История России. 2014. № 3. С. 102–115.

Ferguson, J. (2011). *Japanese-Russian Relations, 1907–2007*, Routledge publ., London; New York, 304 p.

Johnston, D. (1995). *Fisheries. The Russian Far East in transition: opportunities for regional economic cooperation*, Westview Press publ., Boulder; Colo, 243 p.

Kimie, H. (2003). *Japanese-Soviet/Russian Relations since 1945: A Difficult Peace*, Routledge publ., London; New York, 296 p.

Pak, H., Son, H. (2020). Analysis on the definition of Japanese territory after World War II in terms of International law: The Southern Kurils, the Diaoyu Islands and Tok Islet, *Russian law journal*, vol. VIII, № 4, pp. 30–52.

Robertson, M. (1988). *Soviet Policy towards Japan: An analysis of trends in the 1970s and 1980s.*, Cambridge University Press publ., New York, 234 p.

Сведения об авторах

Кошкарева Светлана Геннадьевна, кандидат исторических наук, Камчатский государственный университет им. Витуса Беринга, кафедра истории и философии, доцент, г. Петропавловск-Камчатский, Российская Федерация, 8-925-009-74-57, koshkaryova_2011@mail.ru

Сесицкая Анастасия Сергеевна, Государственный архив Камчатского края, отдел обеспечения сохранности, государственного учета и научно-справочного аппарата ГАФ РФ, главный архивист, г. Петропавловск-Камчатский, Российская Федерация, 8-962-280-44-01, sesickaia@mail.ru

В редакцию статья поступила 06.02.2024 г., рекомендована к опубликованию 20.12.2024 г.

Scientific article

doi 10.28995/2073-0101-2025-1-242-259

For citation

Koshkareva, Svetlana G., Sesitskaya, Anastasia S. (2025). Materials of the State Archive of the Kamchatka Territory on Soviet-Japanese relations in the 1950s–1970s, *Herald of an Archivist*, no. 1, pp. 242–259, doi 10.28995/2073-0101-2025-1-242-259

Koshkareva, S. G., Kamchatka State University named after Vitus Bering, Petropavlovsk-Kamchatsky, Russian Federation. Vitus Bering Kamchatka State University, Petropavlovsk-Kamchatsky, Russia

Sesitskaya, A. S., State Archive of the Kamchatka Territory, Petropavlovsk-Kamchatsky, Russia

Materials of the State Archive of the Kamchatka Territory on Soviet-Japanese relations in the 1950s–1970s

Abstract

The article studies the materials of the State Archive of Kamchatka Territory (GAKK) on Soviet-Japanese relations in the 1950s–1970s. The authors used the method of source analysis of archival documents on the basis of external and internal criticism of sources, and also applied scientific methods: historical-genetic, historical-systemic, historical-descriptive. Unpublished documents preserved in the GAKK fonds significantly add to the history of relations between the USSR and Japan after World War II, when territorial problems and the issue of concluding a peace treaty arose. One of the directions of economic interaction between the two countries after the war was the fishing industry. The problem under study does not lose its relevance today, as the relations between Russia and Japan are not easy, and the experience of interaction during the Cold War can be useful and should be taken into account when building Russia's foreign policy. The involvement of new archival sources makes it possible to reconstruct a general picture of the relationship between the two countries in the field of fisheries at a time when the escalation of tension was keenly felt in the world. The post-war period of Soviet-Japanese fishing relations in the Far East is still insufficiently studied in modern historiography. There are no comprehensive historical works on the topic. The involvement of sources from the regional archives to fill the existing historiographical gap becomes a scientific necessity. The Kamchatka fishing area was the main fishing area for Japan in the 1950s–1970s, and therefore the GAKK materials are of special interest in the study of Soviet-Japanese relations in the fishing industry. The article is aimed at identifying

the possibilities of introducing into the scientific turnover the previously unpublished documents from the GAKK fonds on this topic. The research allowed to determine the type, nature and content of archival documents on the subject of the study of fishing relations between the USSR and Japan in the post-war period, as well as to reveal the information capabilities of the surviving sources in characterizing the Soviet and Japanese marine fisheries before and after the conclusion of the 1956 Fisheries Convention. Considerable attention was paid to the study of documents characterizing the activities of the Soviet-Japanese Fisheries Commission (SJFC), created for the effective development of resources of the North Pacific Ocean. The research search for documents, as well as their systematization, aims to reveal the changes that took place in Japanese marine fisheries after World War II. In the early 1950s, Japanese fishermen began to actively exploit the resources of the Pacific Ocean using driftnet fishing methods. As a result, the problem of sharp reduction of salmon fish at their approach to the Kamchatka shores arose, which caused serious damage to the Soviet fishing industry, leading, among other things, to the liquidation of fish canning plants in Kamchatka. According to the GACC documents it is possible to reconstruct the transformation of this problem before the conclusion of the Fishery Convention of 1956, as well as at the stage of its implementation.

Keywords

Archival documents, unpublished sources, source analysis, Soviet-Japanese relations, fishery problems, Fishery Convention of 1956, Kamchatka fishing industry, driftnet fishing.

References

- Datsyshen, V. G., Ipeeva, A. A. (2019). Japanese presence in the Russian Far East on the eve and at the beginning of the Second World War, *Japanese Studies*, № 2, pp. 109–126.
- Larin, V. L. (ed.) (2016). History of the Russian Far East, vol. 3, book. 5, ИАЕ FEB RAS, Vladivostok, Russia, 940 p.
- Kuklina, A. S. (2017). Japanese driftnet fishing in the Far East and Russian-Japanese relations in the field of fisheries, *Izvestia Irkutsk State University. Series: History*, vol. 19, pp. 101–113.
- Kurmazov, A. A. (2010). In what direction are Russian-Japanese fishery relations developing? IN: Proceedings of VNIRO, vol. 149, pp. 408–428.
- Kutakov, L. N. (1988). Moscow – Tokyo: sketches of diplomatic relations, 1956–1986, International Relations, Moscow, Russia, 272 p.
- Mandrik, A. T. (2022). The overwhelming superiority of Japanese capital in the fishing industry of the Russian Far East (1923–1926), *Russia and the APR*, № 1, pp. 119–130.

- Plotnikov, A. Yu. (2020). From the history of Soviet-Japanese foreign economic relations: Japanese concessions in the USSR in the interwar period, *Vestnik RSU. Series: Economics. Management. Law*, № 2, pp. 94–104.
- Streltsov, D. V. (2022). Factors of the negative image of the USSR in Japan during the Cold War, *East Asia: facts and analytics*, № 2, pp. 32–45.
- Kharitonova, D. (2017). Russia and Japan on the way to a peace treaty, *Post-Soviet Continent*, № 1, pp. 14–28.
- Yanyshv Nesterova, I. (2014). Soviet fishing fleet and foreign policy of the USSR in 1960–1970s, *Vestnik RUDN. Series: History of Russia*, № 3, pp. 102–115.
- Ferguson, J. (2011). *Japanese-Russian Relations, 1907–2007*, Routledge publ., London; New York, 304 p.
- Johnston, D. (1995). *Fisheries. The Russian Far East in transition: opportunities for regional economic cooperation*, Westview Press publ., Boulder; Colo, 243 p.
- Kimie, H. (2003). *Japanese-Soviet/Russian Relations since 1945: A Difficult Peace*, Routledge publ., London; New York, 296 p.
- Pak, H., Son, H. (2020). Analysis on the definition of Japanese territory after World War II in terms of International law: The Southern Kurils, the Diaoyu Islands and Tok Islet, *Russian law journal*, vol. VIII, № 4, pp. 30–52.
- Robertson, M. (1988). *Soviet Policy towards Japan: An analysis of trends in the 1970s and 1980s.*, Cambridge University Press publ., New York, 234 p.

About authors

Koshkareva, Svetlana G., PhD in History, Vitus Bering Kamchatka State University, Department of History and Philosophy, Associate Professor, Petropavlovsk-Kamchatsky, Vitus Bering Kamchatka State University, Department of History and Philosophy, Associate Professor, Petropavlovsk-Kamchatsky, Russia, +7-925-009-74-57, koshkaryova_2011@mail.ru

Sesitskaya, Anastasia S., State Archive of Kamchatka Territory, Department of Preservation, State Records and Scientific Reference Apparatus, GAF RF, Chief Archivist, Petropavlovsk-Kamchatsky, Russia, +7-962-280-44-01, sesickaia@mail.ru

The article was received in the editorial office on 06.02.2024, recommended for publication on 20.12.2024

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ: ИСТОРИЯ, ИСТОРИКИ, МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Scientific Life: History, Historians, Methods of Historical Research

Обзорная статья

УДК 93/94+001.814.4+372.893+303.832+001.891+35.977.535.3+303.423+32.019.51+321.011.5+930.85+378.4+001.35+001.38+930.2+930.24+001.92+001.53+001.36+308+321.015+321.014+321.013+930.25
doi 10.28995/2073-0101-2025-1-260-281

Для цитирования

Безбородов, А. Б. Советский исторический опыт как объект познания // Вестник архивиста. 2025. № 1. С. 260–281, doi 10.28995/2073-0101-2025-1-260-281

Безбородов, А. Б.

Российский государственный гуманитарный университет,
г. Москва, Российская Федерация

Советский исторический опыт как объект познания

Введение. 30 декабря 2022 г. исполнилось 100 лет со дня образования СССР, а 21 января 2024 г. – столетие с момента смерти В. И. Ленина – основателя Советского государства. И та, и другая годовщины практически остались без официального внимания. Да и неофициального тоже. Хотя к историческим событиям ушедшей страны и эпохи мы обращаемся регулярно. Некоторые из них прошли период определенного историографического забвения, а сегодня вновь вводятся в общественно-научный дискурс. В частности, речь идет об Октябрьской революции 1917 г. Выступая 7 ноября 2024 г. на заседании дискуссионного клуба «Валдай», В. В. Путин подчеркнул: «Русская революция 1917 года, как в свое время нидерландская, английская, Великая французская революция, стали в известной степени вехами в развитии человечества,

во многом определили ход истории, характер политики, дипломатии, экономики и общественного устройства»¹. Революция дала мощный импульс созданию Советского государства. В XX в. Советский Союз представлял собой крупнейшую мировую державу с противоречивой, но богатейшей историей, а советский исторический опыт уникален и поучителен до сих пор. Поэтому за границей все-таки увидели свет некоторые работы по истории СССР². Имели место и другие выступления ученых (в формате статей), живущих и работающих за рубежом³.

Постановка проблемы. Теоретические, методологические и историографические проблемы советского исторического опыта разработаны историками слабо. В советскую эпоху усилия обществоведов концентрировались в первую очередь на историческом опыте КПСС, а в более поздние годы исторический опыт СССР или воспринимался огульно критически, или уступил место ряду «горячих» тем, о которых в Советском Союзе было не принято упоминать. Понятие «исторический опыт» в целом оказалось недостаточно разработанным в отечественной историографии еще и ввиду того, что носители исторического действия в нашей стране зачастую руководствовались тезисом «отречемся от старого мира!», а механизм смены элит нередко работал с большими переboями. Предпочитали говорить об «уроках истории» применительно к тому или иному событию, что важно, но недостаточно.

Следует подчеркнуть, что фундаментальной основой советской историографии (исторической науки и методологии истории) являлась марксистско-ленинская теория. Различные положения из трудов К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, будучи догматически воспринятыми, вынуждали отечественных ученых при анализе исторической действительности каждый раз ритуально разоблачать западных «фальсификаторов», констатируя кризис «буржуазной исторической науки».

Результаты исследования. СССР развивался согласно законам диалектики и во второй половине 1980-х гг. активно вошел в полосу своего отрицания. Советская эпоха давно ушла в прошлое, оставив нам свой исторический опыт. Задача исторической науки – познание прошлого, его теоретическая

реконструкция, а также соединение востребованной проблематики с задачами общественного развития.

Советский исторический опыт – сложное историко-философское понятие, историко-методологическая сторона которого, исследуемая в статье, составляет самостоятельный объект познания. Многоаспектность, а заодно и сложность изучения советского исторического опыта заключаются в объективном признании ценности вненаучных форм познания и наличия неявного знания. На их основе нередко формируется научная мифология. В процессе познания исторического опыта СССР происходит выявление и кристаллизация знания о современной истории России и мира. Но основная трудность при этом состоит в преодолении политизации ряда аспектов советского исторического опыта и порой недоступности соответствующих исторических источников.

Анализируемый опыт складывался десятилетиями. Процесс его формирования был нередко выхолощен в научном отношении и максимально идеологизирован в связи с тем, что в качестве его ядра партийно-академическое сообщество называло исторический опыт Коммунистической партии Советского Союза. Уже в 2010-е гг. известный отечественный методолог истории Б. Г. Могильницкий писал: «Стоит признать, что оценки историка, как правило, идеологически мотивированы, поскольку зависят от того или иного идейно-политического подхода. Так, в исторической науке органически сливаются воедино два ее исконных начала – идеологический и собственно научный. В их взаимодействии создается знание»⁴.

Советская историческая наука сформировала самобытную историко-методологическую школу для научного познания прошлого и настоящего. Утверждалось, что историческая реальность прежде всего проявляется в действии общественных законов, а настоящее определяется прошлым, представляющим собой основу, на которой разворачиваются события современности⁵. «Сущность – в прошлом»⁶, – если цитировать Гегеля.

Советские обществоведы утверждали, что марксизм продемонстрировал органическую связь истории и современности, настоящего, прошлого и будущего⁷. При этом приводились следующие слова К. Маркса и Ф. Энгельса: «История – есть

не что иное, как последовательная смена отдельных поколений, каждое из которых использует материалы, капиталы, производительные силы, переданные ему всеми предшествующими поколениями; в силу этого данное поколение, с одной стороны, продолжает унаследованную деятельность при совершенно изменившихся условиях, а с другой – видоизменяет старые условия посредством совершенно измененной деятельности»⁸.

У Ф. Энгельса обнаруживалось еще более весомое высказывание: «История – это для нас все, и она ценится нами выше, чем каким-либо другим, более ранним философским учением»⁹.

В советской исторической науке, трактовавшейся как социальная память, исторический опыт рассматривался в качестве партийного по своей природе. Классово-партийным являлось и использование данного опыта. Более того, досадным заблуждением выглядело, на наш взгляд, утверждение о восприятии и использовании только того исторического опыта, который отвечал бы определенным интересам. На основе отношения к историческому опыту и способности его учитывать социальные силы разделялись на прогрессивные и реакционные¹⁰.

Один из советских социологов в диссертационной работе писал: «Категория исторического опыта имеет в виду в основном знание законов, устойчивых или повторяющихся тенденций, явлений в их единстве по линии регулирования и перестройки общественных отношений в соответствии с потребностями социального прогресса, различных социальных и политических общностей»¹¹. На диссертационном уровне исследование структуры исторического опыта включало знание свойств закономерностей объективного мира, прошлой практики, устойчивости и повторяемости, различных аспектов в истории, характера действий на основе данного опыта¹².

Историческое познание имеет реконструктивный характер и свои особенности. Как известно, всякое научное познание – это субъективное отражение объективной реальности. Но, как подчеркивал И. Д. Ковальченко, историческое знание представляет собой «дважды субъективизированное отражение». На первом уровне этого отражения авторы исторических источников фиксируют историческую действительность какой-либо эпохи, а на втором уровне историки на основе

исторических источников и восприятия этой действительности создают свои труды. Отсюда – особая сложность исторического познания¹³.

Не следует при этом забывать о третьем уровне отражения действительности – историографическом, где главный массив – это источники, связанные с исторической литературой¹⁴. Историография истории СССР (эпоха социализма) разрабатывалась в нашей стране «в связи с практикой коммунистического созидания»¹⁵ на основе марксистско-ленинских принципов партийности, историзма, диалектики общественного развития, представления о решающей роли народных масс в истории¹⁶.

При этом развитие советской исторической науки делилось на несколько основных периодов. Первый период (октябрь 1917 – середина 1930-х гг.) отмечен утверждением марксистско-ленинского направления в исторической науке. Во втором периоде (вторая половина 1930-х – конец 1950-х гг.), по мнению советских историографов, выработана единая периодизация всемирной и отечественной истории, на марксистско-ленинской основе создана обобщенная картина исторического процесса, выпущены соответствующие учебники по истории СССР. В послевоенные годы началось углубленное изучение истории социалистической формации, преодолевались догматизм и вульгаризаторство. Третий период (начало 1960-х – начало 1980-х гг.) синтезировал результаты двух первых периодов, ставя, по словам отечественных ученых, на преобладающее место разработку истории советского общества¹⁷.

Отмечались такие черты советской исторической науки, как наличие в ней коллективных форм деятельности историков, их международные связи, «борьба с буржуазной, ревизионистской историографией»¹⁸.

Однако во времена коммунистического руководства страной звучала критика сложившейся практики научных исследований по истории. Показателен в этом смысле тот путь, который проделал в своих трудах авторитетный историк Ю. Н. Афанасьев. В 1985 г. он подчеркивал: «в наши дни роль истории сводится порой исключительно к дидактическим ее возможностям»¹⁹. Со второй половины 1980-х гг. авторская

тональность стала меняться в направлении признания необходимости «более глубоко и всесторонне познать наше прошлое, а с этим – и самих себя...»²⁰. Он сетовал: «нас приучали называть вещи им не присущими, не принадлежащими им именами. Тоталитаризм мы называли демократией, не начавшееся еще – уже завершенным, а роющих котлован называли штурмующими небо. Сталинский режим создал и собственную историю»²¹. И призывал навсегда «отказаться от схем “Краткого курса” применительно к отечественной истории»²². Ю. Н. Афанасьев был уверен, что после XXII съезда КПСС советская историческая наука находилась в состоянии ответить на запрос нашего общества о «возвращении ему прошлого», но помешала брежневская ресталинизация²³.

Об историческом опыте в названных исследованиях речи не идет: используются важные, но неструктурированные понятия «прошлое», «память», отмечается изменчивость исторических закономерностей²⁴. Впоследствии автор в качестве своеобразного резюме высказал следующее, вполне определенное обобщенное суждение. Он определил «советскую историографию как особый научно-политический феномен, гармонично вписанный в систему тоталитарного государства и приспособленный к обслуживанию его идейно-политических потребностей»²⁵.

В наши дни нельзя не учитывать ускорение общего хода исторического развития. Настоящее быстрее превращается в прошлое, и переход от настоящего к будущему тоже движется динамичнее, а значит, грань между историей и современностью становится все менее различимой. Одновременно возрастает роль исторического опыта. Его учет необходим в качестве условия в процессе познания ведущих современных тенденций развития государств и мира в целом, а также выработки выверенных решений²⁶.

Рассматривая исторический опыт как проблему социального познания, отдельные авторы полагали, что он неопровержим²⁷. Однако ревизия советского исторического опыта осуществлялась общественно-политическим сообществом неоднократно: в 1920–1930-е гг. сталинским руководством; после XX съезда КПСС; в ходе перестройки; в 1990-е гг.

в связи с распространением либеральных взглядов на советский исторический опыт и, наконец, должны учитываться его новые историографические образы сегодняшнего дня.

Попытку вписать категорию «исторический опыт» в круг методологических проблем исторической науки предпринял В. В. Иванов. Он рассматривал его в предметном поле соотношения истории и современности, подчеркивая (с упоминанием В. И. Ленина) большую познавательную роль исторического опыта²⁸. Автор определил данное понятие с марксистско-ленинских позиций: «Исторический опыт в марксистско-ленинском понимании – это синтез объективно-научных знаний о явлении (процессе, событии и т. д.), взятом в диалектическом движении и в связи с конкретными условиями его становления»²⁹.

В приведенной цитате просматривается определенная зауженность трактовки анализируемого термина. И это неспроста. В советскую эпоху ядро исторического опыта страны составлял «героический путь» КПСС со всеми его поворотами и преодолениями. Он зафиксирован в большом количестве партийных документов различного уровня: материалах съездов, конференций, пленумов ЦК, трудах лидеров КПСС. Партия являлась строго централизованной организацией. Слово первого руководителя в ней значило очень многое. Зачастую именно его личные взгляды и образ действий, в первую очередь, формировали линию поведения остальных больших и малых начальников, а также рядовых партийцев. Иными словами, роль субъективного фактора в складывании исторического опыта КПСС была велика. Неудивительно, что он, как видим, время от времени пересматривался, ученым порой становилось трудно уловить его рациональное ядро, кроме тезисов о неизменной правоте курса правящей партии.

Кончина Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева в 1982 г. сразу сделала неоднозначными ряд партийных установок периода идейно-теоретического благополучия. Складывалась ситуация, когда новый руководитель страны имел возможность дать отвечающий духу времени, скорректированный набор целей и задач для партии. Следующий лидер партии Ю. В. Андропов практически сразу же воспользовался

предоставленной возможностью. Избранный Генеральным секретарем Ю. В. Андропов через несколько месяцев выступил со статьей «Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР»³⁰. Рассуждая о процессе совершенствования развитого социализма как его длительном историческом этапе, автор подчеркивал: «Нам надо трезво представлять, где мы находимся»³¹.

В работе Ю. В. Андропова дается более современный по сравнению с брежневскими идеологами подход к определению понятия «социализм», его опыта: «Ныне понятие “социализм”, – пишет он, – не может раскрываться иначе, как с учетом богатейшего практического опыта народов Советского Союза, других братских стран. Этот опыт показывает, сколь непросты многие проблемы, встающие на пути социалистического созидания. Но он свидетельствует и о том, что лишь социализму под силу решение самых сложных вопросов общественного бытия»³².

Через несколько месяцев, на июньском (1983 г.) пленуме ЦК КПСС, Ю. В. Андропов произнес свою известную исторически новаторскую, политически непредвзятую и гносеологически выверенную фразу: «Между тем, если говорить откровенно, мы еще до сих пор не изучили в должной мере общество, в котором живем и трудимся, не полностью раскрыли присущие ему закономерности, особенно экономические. Поэтому порой вынуждены действовать, так сказать, эмпирически, весьма нерациональным способом проб и ошибок»³³.

По догматическому типу партийного мышления был нанесен чувствительный удар. Констатировались, во-первых, недостаточная изученность советского общества как такового; во-вторых, неполное раскрытие его закономерностей; в-третьих, политически непродуманное общественное движение вперед. Так случалось каждый раз в истории России, когда предавался забвению исторический опыт страны, в первую очередь СССР. Получался путь методом проб и ошибок. Такой подход нашел отражение в ряде изданий фундаментального труда «История Коммунистической партии Советского Союза».

В пятом и шестом изданиях «Истории» (1980 и 1982 гг.) коммунизм назывался «самой влиятельной силой нашего

времени»³⁴, и говорилось о решении партией задач коммунистического строительства³⁵, а в седьмом издании (1984 г.) после критического осмысления Ю. В. Андроповым и его ближайшим окружением пройденного СССР пути речь уже шла о «знамени научного коммунизма»³⁶, самой «влиятельной силой нашего времени» именовались страны социалистического содружества³⁷ и писалось о социалистическом строительстве, «укреплении и всестороннем совершенствовании развитого социализма»³⁸.

Перестала быть актуальной, исчезнув из партийных текстов, и задача построения коммунистического общества, изложенная в названных книгах 1980 и 1982 гг. издания³⁹.

Однако распад СССР и переход страны на новые общественно-политические и экономические рельсы заставили забыть о совершенствовании развитого социализма. Теперь поиск отечественными обществоведами политически и стратегически важного объекта познания происходил с учетом научно-методологического багажа своих предшественников или собственных трудов предыдущей эпохи. Однако КПСС ушла в прошлое, став частью советского исторического опыта, и в отечественной гуманитаристике начался теоретико-методологический кризис.

По мере укоренения постсоциалистического уклада гуманитарии все чаще обращали внимание на прозападные теоретико-методологические концепции и модели. К методологическим новациям западной исторической науки середины – второй половины XX в. относились такие, обобщенно говоря, варианты направлений исследований, как «герменевтический поворот», «дискурсивный поворот», «лингвистический поворот», «визуальный поворот», «постмодернистский поворот», «культурологический поворот».

Подобные новаторские подходы привели к изменениям в методологии истории, дали возможность интенсивнее развивать междисциплинарность⁴⁰. При этом российские ученые критиковали советскую историографическую традицию, увидев в ней преобладание аксиологических характеристик над углубленным анализом существа проблем⁴¹. В целом отмечалось, что в 1960-е – 2000-е гг. теория исторической науки практически не развивалась, а ее методологическое обновление шло за счет

так называемой стратегии присвоения, то есть путем «обращения к теориям разных социальных и гуманитарных наук»⁴².

Указывалось и на то, что в новых условиях сложилась неоднородная структура исторической науки. В нее включали академическую науку, «государственно-политическую» и народную субструктуры. Первая создавалась профессиональными историками, вторая – по заданию властей, третья – массовым общественным сознанием⁴³.

Можно предположить, что представление о советском историческом опыте в каждой из этих структурных частей имело свои особенности, и в качестве объекта познания такой опыт выявлялся и осваивался весьма интуитивно – через личный опыт освоения прошлого⁴⁴, с признанием исторических закономерностей⁴⁵ или их отрицанием⁴⁶. При этом предлагалось придать категории времени статус основы теоретических построений истории⁴⁷.

Познание советского исторического опыта опирается на выявление в нем исторических закономерностей, присущих советскому прошлому. Вся сложность заключается в том, что это прошлое не избежало чрезмерной идеологизации, научной мифологизации, а нередко и прямой фальсификации. Нелестные оценки советского периода истории нашей страны звучали со страниц трудов российских ученых. Так, В. Л. Иноземцев полагал, что современная Россия отходит от наследия перестройки, стремясь «вернуться в свое прежнее состояние имперского, недемократического, государственно-олигархического общества, для которого прошлое всегда играло намного более значительную роль, чем будущее»⁴⁸. Еще более категоричен А. Н. Яковлев: «мы вознамерились догнать время. Но, увы, оно снова убегает от нас»⁴⁹ и «От прошлого ложью не скроешься...»⁵⁰.

Исторический опыт ушедшей страны освещают не только и даже не столько ученые-обществоведы. О Советском Союзе, его лидерах, внутренней и внешней политике, ВПК, повседневной жизни, кинематографе, спорте и т. д. пишут в многочисленных популярных и научно-популярных книгах, журналах, а также в социальных сетях. Не остаются в стороне другие средства массовой информации, производители кинофильмов. При этом современный феномен публичной истории лишь

активизирует поиск объективной истины в процессе познания советского исторического опыта. Такой поиск может вестись только с помощью обновленного теоретико-методологического инструментария, который во многом еще предстоит разработать. Это возможно сделать в рамках составной части познания, т. е. в процессе исторического познания, используя его объективно реконструктивный потенциал и опираясь на «субъективно-индивидуальные качества исследователя»⁵¹.

Историограф – всегда личность, нередко весьма заметная, поэтому исторический опыт включает в себя объемный пласт историографического осмысления проблемы. И хотя, по мнению Д. Тоша, «история всегда с трудом поддавалась логическим дефинициям»⁵², реконструктивно-историографический потенциал исторического познания как информационный ресурс реализуется с помощью столь востребованного системного подхода⁵³. Системность историографии как науки естественным образом придает историографическому исследованию методологический характер⁵⁴.

Выводы. Доказывая, что советский исторический опыт невелик и необратим, следует принимать во внимание и использовать при его исследовании систему методов на основе принципа историзма: сравнительно-исторический (история СССР – мировая история); описательно-повествовательный (характеристика процессов, явлений, событий, составляющих содержание этого опыта); биографический (анализ авторства и авторской позиции в разнообразных трудах по теме) и др.

Поколения советских людей десятилетиями формировали различного рода источники, т. е. часть глобального информационного ресурса, явившегося содержанием советского исторического опыта. Поэтому такой опыт как объект исследования представляет собой крупную проблему современной гуманитаристики, а необходимость анализа этих источников на основе использования общепринятых методов исторического познания может быть определена в качестве актуальной задачи исторической науки. При этом весь механизм формирования исторического опыта, включая методологический аппарат, историографические аспекты, интерпретации политики памяти, образуется предмет исследования.

В материальном мире ничто не исчезает бесследно. Настоящее – это непосредственное бытие, а прошлое – бытие опосредованное⁵⁵, и эта опосредованность формирует пространство исторического опыта. Вместе с тем между бытием и небытием, прошлым, настоящим, историческим опытом и будущим существует взаимосвязь.

Теоретическое осмысление советского исторического опыта в целях изучения этой научной проблемы должно вестись с учетом всей сложности вопроса о прошлом как объективной реальности и о его соотношении с настоящим. Таким образом выявляется фундаментальная проблема философии о сущности бытия и небытия и их соотношении, которая долгое время находится в русле острого теоретико-методологического противостояния материалистов и идеалистов⁵⁶. Исходя из сказанного выше советский исторический опыт рассматривается нами как совокупность закономерных тенденций и повторяемых явлений и событий советского прошлого, нашедших отражение в историографическом процессе. В своей работе отечественные ученые-обществоведы учитывают тот факт, что процесс познания советского исторического опыта отражает запрос российского общества на объективное изучение собственной истории.

Примечания

¹ Официальный сайт Президента Российской Федерации. Заседание дискуссионного клуба «Валдай». 7 ноября 2024, <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/75521>

² См.: Зубок, В. Коллапс. Гибель Советского Союза. Москва: АСТ, ОГИЗ, 2023; Фицпатрик, Ш. Кратчайшая история Советского Союза. Москва: Альпина Паблицер, 2023.

³ См.: Коллапс Союза. Интервью В. Зубока В. Рудакову // Историк. 2022. № 12. С. 38–44.

⁴ Могильницкий, Б. Г. История, логика и проблемы современного научного знания // Вопросы истории. 2014. № 4. С. 171.

⁵ См.: Гулыга, А. В. История как наука // Философские проблемы исторической науки / Отв. ред. А. В. Гулыга, Ю. А. Левада. Москва: Наука, 1969. С. 11.

⁶ Там же.

- ⁷ См.: Ковальченко, И. Д. Методы исторического исследования. Москва: Наука, 1987. С. 56.
- ⁸ Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. 2-е изд. В 30 т. Т. 3. Москва: Госполитиздат, 1955. С. 44–45.
- ⁹ Там же. Т. 1. Москва: Госполитиздат, 1955. С. 592.
- ¹⁰ См.: Ковальченко, И. Д. Указ. соч. С. 60–61.
- ¹¹ Царёв, Б. В. Исторический опыт как проблема социального познания. Автореф. дис. ... канд. философ. наук. Куйбышев, 1985. С. 11.
- ¹² См.: Там же. С. 12.
- ¹³ См.: Ковальченко, И. Д. Указ. соч. С. 105.
- ¹⁴ См.: Зевелёв, А. И. Историографическое исследование: методологические аспекты. Москва: Высшая школа, 1987. С. 133.
- ¹⁵ См.: Историография истории СССР. Эпоха социализма. Учебник / Под ред. И. И. Минца. Москва: Высшая школа, 1982. С. 7.
- ¹⁶ См.: Там же. С. 9.
- ¹⁷ См.: Там же. С. 10–12.
- ¹⁸ См.: Там же. С. 12.
- ¹⁹ Афанасьев, Ю. Прошлое и мы // Коммунист. 1985. № 14. С. 107.
- ²⁰ Афанасьев, Ю. Перестройка и историческое знание // Иного не дано. Судьбы перестройки / Под общ. ред. Ю. Н. Афанасьева. Москва: Прогресс, 1988. С. 497.
- ²¹ Там же. С. 498.
- ²² Там же. С. 505.
- ²³ См.: Афанасьев, Ю. Память, история // 50/50. Опыт словаря нового мышления / Под общ. ред. Ю. Афанасьева, М. Ферро. Москва: Прогресс; Париж: Пайо, 1989. С. 445.
- ²⁴ См.: Афанасьев, Ю. Прошлое и мы. С. 112; Афанасьев, Ю. Перестройка и историческое знание. С. 499; Афанасьев, Ю. Память, история. С. 444.
- ²⁵ Афанасьев, Ю. Н. Феномен советской историографии // Советская историография / Под общ. ред. Ю. Н. Афанасьева. Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 1996. С. 37.
- ²⁶ См.: Могильницкий, Б. Г. Введение в методологию истории. Москва: Высшая школа, 1989. С. 138.
- ²⁷ См.: Царёв, Б. В. Исторический опыт как проблема социального познания. С. 13.
- ²⁸ См.: Иванов, В. В. Методология исторической науки. Москва: Высшая школа, 1985. С. 151.
- ²⁹ Там же. С. 143.
- ³⁰ См.: Андропов, Ю. В. Избранные речи и статьи. 2-е изд. Москва: Политиздат, 1983. С. 231–249.

³¹ Там же. С. 245.

³² Там же. С. 246.

³³ Там же. С. 294.

³⁴ История Коммунистической партии Советского Союза. 5-е изд. Москва: Политиздат, 1980. С. 792; История Коммунистической партии Советского Союза. 6-е изд., доп. Москва: Политиздат, 1982. С. 776.

³⁵ См.: История Коммунистической партии Советского Союза. 5-е изд. С. 787; История Коммунистической партии Советского Союза. 6-е изд., доп. С. 771.

³⁶ История Коммунистической партии Советского Союза. 7-е изд., доп. Москва: Политиздат, 1984. С. 776.

³⁷ См.: Там же.

³⁸ Там же. С. 772, 777.

³⁹ См.: История Коммунистической партии Советского Союза. 5-е изд. С. 793; История Коммунистической партии Советского Союза. 6-е изд., доп. С. 777.

⁴⁰ См.: Бибииков, Г. Н., Бибиикова, Л. В. Методология современной истории. Историографический очерк. Москва: Фонд современной истории; Издательство Московского университета, 2011. С. 110.

⁴¹ См.: Афанасьев, Ю. Н. Феномен советской историографии. С. 8–9.

⁴² Иллерицкая, Н. В. Историография в современном измерении // Новые подходы к изучению всемирной истории (к 40-летию ИВИ РАН). Материалы юбилейной международной научной конференции. Москва, 10–11 ноября 2008 г. / Под ред. В. В. Ищенко, Л. П. Репиной. Москва: Институт всеобщей истории РАН, 2011. С. 80–81.

⁴³ См.: Согрин, В. В. Как возможна объективная история? // Может ли история быть объективной? Труды исторического факультета МГУ. Вып. 54. Серия 19. Исторические исследования: Материалы международной конференции. Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, 2 декабря 2011 г. / Под ред. С. П. Карпова. Москва: Издательство Московского университета, 2012. С. 172.

⁴⁴ См.: Анкерсмит, Ф. Р. Возвышенный исторический опыт. Москва: Европа, 2007. С. 500; Савельева, И. М., Полетаев, А. В. Теория исторического знания. Учебное пособие. Санкт-Петербург: Алетей. Историческая книга, 2007. С. 451.

⁴⁵ См.: Могильницкий, Б. Г. Закономерность историческая // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Отв. ред. А. О. Чубарьян. Москва: Авион, 2014. С. 111–112.

⁴⁶ См.: Соловей, Т. Д. Объективность исторической науки как культурный миф // Может ли история быть объективной? Труды

исторического факультета МГУ. Вып. 54. Серия 19. Исторические исследования: Материалы международной конференции. Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, 2 декабря 2011 г. / Под ред. С. П. Карпова. Москва: Изд-во Московского университета, 2012. С. 186.

⁴⁷ См.: Румянцева, М. Ф. Теория истории. Учебное пособие. Москва: Аспект Пресс, 2002. С. 38–39.

⁴⁸ Иноземцев, В. Несовременная страна. Россия в мире XXI века. Москва: Альпина Паблишер, 2018. С. 200.

⁴⁹ Яковлев, А. Н. Сумерки. 2-е изд. Москва: Материк, 2005. С. 669.

⁵⁰ Там же. С. 16.

⁵¹ Могильницкий, Б. Г. Академик РАН И. Д. Ковальченко как методолог истории (к 80-летию со дня рождения) // Отечественная история. 2003. № 6. С. 130.

⁵² Тош, Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка / Пер. с англ. Москва: Весь Мир, 2000. С. 287.

⁵³ См.: Медушевская, О. М. Теория и методология когнитивной истории. Москва: РГГУ, 2008. С. 203.

⁵⁴ См. подробнее об этом: Могильницкий, Б. Г. Александр Иванович Данилов (1916–1980) // Новая и новейшая история. 2001. № 2. С. 189.

⁵⁵ См.: Ковальченко, И. Д. Методы исторического исследования. С. 96.

⁵⁶ См.: Там же. С. 94–95.

Аннотация

В статье рассмотрены теоретические и методологические проблемы советского исторического опыта, отмечается их недостаточная разработанность из-за сложности вопроса о прошлом как объективной реальности и о его соотношении с настоящим. Советский исторический опыт рассматривается как совокупность закономерных тенденций и повторяемых явлений и событий советского прошлого, нашедших отражение в историографическом процессе. Автором выявляется фундаментальная проблема философии о сущности бытия и небытия и их соотношении в русле острого теоретико-методологического противостояния материалистов и идеалистов. В советскую эпоху усилия ученых концентрировались в первую очередь на историческом опыте КПСС, а в более поздние годы исторический опыт СССР или воспринимался огульно критически, или уступил место ряду «горячих» тем, о которых в Советском Союзе было не принято упоминать. Понятие «исторический опыт» в целом оказалось недостаточно разработанным в отечественной исторической науке еще и ввиду того, что носители исторического действия

в нашей стране зачастую руководствовались тезисом «отречемся от старого мира», а механизм смены элит нередко работал с большими переборами. Предпочитали говорить об уроках истории применительно к тому или иному событию, что важно, но недостаточно. Доказано, что советский исторический опыт неделим и необратим, необходимо это принимать во внимание и использовать при исследовании системы методов на основе принципа историзма: сравнительно-исторический (история СССР – мировая история); описательно-повествовательный (характеристика процессов, явлений, событий, составляющих содержание этого опыта); биографический (анализ авторства и авторской позиции в разнообразных трудах по теме) и др. Обращено внимание на то, что поколения советских людей десятилетиями формировали различного рода источники, т. е. часть глобального информационного ресурса, явившегося содержанием советского исторического опыта. Сделан вывод о том, что такой опыт как объект исследования представляет собой крупную проблему современной гуманитаристики, необходимо анализировать источники на основе использования общепринятых методов исторического познания, что является актуальной задачей исторической науки. При этом весь механизм формирования исторического опыта, включая методологический аппарат, историографические аспекты, интерпретации политики памяти, образует предмет исследования.

Ключевые слова: советский исторический опыт, теоретические и методологические проблемы современной исторической науки, исторический опыт КПСС, исторические источники как часть глобального современного информационного ресурса, проблемы формирования современной российской гуманитаристики, интерпретации политики памяти.

Список литературы

- Андропов, Ю. В. Избранные речи и статьи. 2-е изд. Москва: Политиздат, 1983. 320 с.
- Анкерсмит, Ф. Р. Возвышенный исторический опыт. Москва: Европа, 2007. 609 с.
- Афанасьев, Ю. Прошлое и мы // Коммунист. 1985. № 14. С. 105–116.
- Афанасьев, Ю. Перестройка и историческое знание // Иного не дано. Судьбы перестройки / Под общ. ред. Ю. Н. Афанасьева. Москва: Прогресс, 1988. С. 491–506.
- Афанасьев, Ю. Память, история // 50/50. Опыт словаря нового мышления / Под общ. ред. Ю. Афанасьева, М. Ферро. Москва: Прогресс; Париж: Пайо, 1989. 557 с.

- Афанасьев, Ю. Н. Феномен советской историографии // Советская историография / Под общ. ред. Ю. Н. Афанасьева. Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 1996. С. 3–33.
- Бибииков, Г. Н., Бибиикова, Л. В. Методология современной истории. Историографический очерк. Москва: Фонд современной истории; Издательство Московского университета, 2011. 208 с.
- Зевелёв, А. И. Историографическое исследование: методологические аспекты. Москва: Высшая школа, 1987. 160 с.
- Зубок, В. Коллапс. Гибель Советского Союза. Москва: АСТ, ОГИЗ, 2023. 656 с.
- Иванов, В. В. Методология исторической науки. Москва: Высшая школа, 1985. 170 с.
- Иноземцев, В. Несовременная страна. Россия в мире XXI века. Москва: Альпина Паблишер, 2018. 402 с.
- Иллерицкая, Н. В. Историография в современном измерении // Новые подходы к изучению всемирной истории (к 40-летию ИВИ РАН). Материалы юбилейной международной научной конференции. Москва, 10–11 ноября 2008 г. / Под ред. В. В. Ищенко, Л. П. Репиной. Москва: Институт всеобщей истории РАН, 2011. С. 78–90.
- История Коммунистической партии Советского Союза / Б. Н. Пономарев, М. С. Волин, В. С. Зайцев и др. 5-е изд. Москва: Политиздат, 1980. 800 с.
- История Коммунистической партии Советского Союза / Б. Н. Пономарев, М. С. Волин, В. С. Зайцев и др. 6-е изд., доп. Москва: Политиздат, 1982. 784 с.
- История Коммунистической партии Советского Союза / Б. Н. Пономарев, М. С. Волин, В. С. Зайцев и др. 7-е изд. Москва: Политиздат, 1984. 784 с.
- Историография истории СССР. Эпоха социализма. Учебник / Под ред. И. И. Минца. Москва: Высшая школа, 1982. 336 с.
- Ковальченко, И. Д. Методы исторического исследования. Москва: Наука, 1987. 440 с.
- Коллапс Союза. Интервью В. Зубока В. Рудакову // Историк. 2022. № 12. С. 38–44.
- Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. 2-е изд. В 30 т. Т. 1. 1839–1844. Москва: Госполитиздат, 1955. 698 с.
- Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. 2-е изд. В 30 т. Т. 3. 1845–1847. Москва: Госполитиздат, 1955. 630 с.
- Медушевская, О. М. Теория и методология когнитивной истории. Москва: РГГУ, 2008. 361 с.
- Могильницкий, Б. Г. Академик РАН И. Д. Ковальченко как методолог истории (к 80-летию со дня рождения) // Отечественная история. 2003. № 6. С. 127–138.

- Могильницкий, Б. Г. Александр Иванович Данилов (1916 – 1980) // Новая и новейшая история. 2001. № 2. С. 175–190.
- Могильницкий, Б. Г. Введение в методологию истории. Москва: Высшая школа, 1989. 175 с.
- Могильницкий, Б. Г. Закономерность историческая // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Отв. ред. А. О. Чубарьян. Москва: Авиолон, 2014. 576 с.
- Могильницкий, Б. Г. История, логика и проблемы современного научного знания // Вопросы истории. 2014. № 4. С. 169–171.
- Румянцева, М. Ф. Теория истории. Учебное пособие. Москва: Аспект Пресс, 2002. 319 с.
- Савельева, И. М., Полетаев, А. В. Теория исторического знания. Учебное пособие. Санкт-Петербург: Алетейя. Историческая книга, 2007. 523 с.
- Согрин, В. В. Как возможна объективная история? // Может ли история быть объективной? Труды исторического факультета МГУ. Вып. 54. Серия 19. Исторические исследования: Материалы международной конференции. Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, 2 декабря 2011 г. / Под ред. С. П. Карпова. Москва: Издательство Московского университета, 2012. С. 169–178.
- Соловей, Т. Д. Объективность исторической науки как культурный миф // Может ли история быть объективной? Труды исторического факультета МГУ. Вып. 54. Серия 19. Исторические исследования: Материалы международной конференции. Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, 2 декабря 2011 г. / Под ред. С. П. Карпова. Москва: Издательство Московского университета, 2012. 222 с. С. 179–188.
- Тош, Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка / Пер. с англ. Москва: Весь Мир, 2000. 296 с.
- Философские проблемы исторической науки / Отв. ред. А. В. Гулыга, Ю. А. Левада. Москва: Наука, 1969. 317 с.
- Фицпатрик, Ш. Кратчайшая история Советского Союза Москва: Альпина Паблишер, 2023. 336 с.
- Царёв, Б. В. Исторический опыт как проблема социального познания. Автореф. дис. ... канд. философ. наук. Куйбышев, 1985. 17 с.
- Яковлев, А. Н. Сумерки. 2-е изд. Москва: Материк, 2005. 672 с.
- Сведения об авторах**
- Безбородов Александр Борисович, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, советник ректора, Историко-архивный институт, исторический факультет, кафедра истории России новейшего времени, заведующий кафедрой, 8-495-250-66-20, ab-bezborodov@yandex.ru

В редакцию статья поступила 30.06.2024 г., рекомендована к опубликованию 20.12.2024 г.

Review article

doi 10.28995/2073-0101-2025-1-260-281

For citation

Bezborodov, Alexander B. (2025). Soviet historical experience as an object of cognition, *Herald of an Archivist*, no. 1, pp. 260–281, doi 10.28995/2073-0101-2025-1-260-281

Bezborodov, Alexander B. Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Soviet historical experience as an object of cognition

Abstract

The article considers theoretical and methodological problems of the Soviet historical experience, noting their lack of development due to the complexity of the issue of the past as an objective reality and its relationship with the present. The Soviet historical experience is considered as a set of regular trends and recurring phenomena and events of the Soviet past, reflected in the historiographical process. The author reveals the fundamental problem of philosophy about the essence of being and non-being and their correlation in the context of the acute theoretical and methodological confrontation between materialists and idealists. In the Soviet era, the efforts of scholars focused primarily on the historical experience of the CPSU, and in later years the historical experience of the USSR was either perceived indiscriminately critical, or gave way to a number of “hot” topics that were not commonly mentioned in the Soviet Union. The concept of “historical experience” in general has been underdeveloped in Russian historical science also due to the fact that the bearers of historical action in our country were often guided by the thesis “let’s renounce the old world”, and the mechanism of elite change often worked with great disruptions. Preferred to talk about the lessons of history in relation to this or that event, which is important, but not enough. It is proved that the Soviet historical experience is indivisible and irreversible, it is necessary to take this into account and use a system of methods in the study based on the principle of historicism: comparative-historical (the history of the USSR – world history); descriptive-narrative (characterization of processes, phenomena, events that make up the content of this experience); biographical (analysis of authorship and author’s position in a variety of

works on the topic), etc. It is also proved that generations of Soviet people have been forming various kinds of sources for decades, i.e. part of the global history). Attention is drawn to the fact that generations of Soviet people for decades formed various kinds of sources, i.e. part of the global information resource, which was the content of the Soviet historical experience. It is concluded that such experience as an object of research is a major problem of modern humanities, it is necessary to analyze the sources on the basis of the use of generally accepted methods of historical knowledge, which is an urgent task of historical science. In this case, the whole mechanism of formation of historical experience, including methodological apparatus, historiographical aspects, interpretations of memory policy, forms the subject of the study.

Keywords

Soviet historical experience, theoretical and methodological problems of modern historical science, historical experience of the CPSU, historical sources as part of the global modern information resource, problems of formation of modern Russian humanitarianism, interpretations of memory politics.

References

- Andropov, Y. V. (1983). Selected speeches and articles, 2nd ed., Moscow, Politizdat publ., 320 p.
- Ankersmit, F. R. (2007). Elevated Historical Experience, Moscow, Europe publ., 609 p.
- Afanasyev, Y. (1985). Past and we, *Kommunist*, № 14, pp. 105–116.
- Afanasyev, Y. (1989). Perestroika and historical knowledge. IN: No other way. Fates of Perestroika, ed. by Y. N. Afanasyev, Moscow, Progress publ., 1988, pp. 491–506.
- Afanasyev, Yu. (1989). Memory, history. IN: 50/50, Experience of the dictionary of new thinking, ed. by Y. Afanasyev, M. Ferro, Moscow, Progress publ., Paris, Payot publ., 557 p.
- Afanasyev, Y. N. (1996). Phenomenon of Soviet historiography. IN: Soviet historiography, ed. by Y. N. Afanasyev, Moscow, Russian State University for the Humanities publ., pp. 3–33.
- Bibikov, G. N., Bibikova, L. V. (2011). Methodology of modern history. Historiographic Essay, Moscow, Fund of Modern History, Moscow University Publishing House publ., 208 p.
- Zevelev, A. I. (1987). Historiographic research, methodological aspects, Moscow, Higher School publ., 160 p.
- Zubok, V. (2023). Collapse, Gibel of the Soviet Union, Moscow, AST, OGIZ publ., 656 p.

- Ivanov, V. V. (1985). Methodology of historical science, Moscow, Vysshaya shkola publ., 170 p.
- Inozemtsev, V. (2018). A non-modern country, Russia in the world of the XXI century, Moscow, Alpina Publishers publ., 402 p.
- Illeritskaya, N. V. (2011). Historiography in the modern dimension. IN: New approaches to the study of world history (To the 40th anniversary of IVI RAS), Materials of the anniversary international scientific conference. Moscow, November 10–11, 2008, ed. by V. V. Ishchenko, L. P. Repina, Moscow, Institute of General History RAS publ., pp. 78–90.
- Ponomarev, B. N., Volin, M. S., Zaitsev, V. S. et al. (Ed.) (1980). History of the Communist Party of the Soviet Union. 5th ed., Moscow, Politizdat publ., 800 p.
- Ponomarev, B. N., Volin, M. S., Zaitsev, V. S. et al. (Ed.) (1982). History of the Communist Party of the Soviet Union, 6th ed., supplement, Moscow, Politizdat publ., 784 p.
- Ponomarev, B. N., Volin, M. S., Zaitsev, V. S. et al. (Ed.) (1984). History of the Communist Party of the Soviet Union, 7th ed., Moscow, Politizdat publ., 784 p.
- Mints, I. I. (Ed.) (1982). Historiography of the History of the USSR, The Age of Socialism, Textbook, Moscow, Higher School publ., 336 p.
- Kovalchenko, I. D. (1987). Methods of historical research, Moscow, Nauka publ., 440 p.
- Zubok, V. (2022). Collapse of the Union. Interview with V. Zubok, V. Rudakov, *Historian*, № 12, pp. 38–44.
- Marx, K., Engels, F. (1955). Soch., 2nd ed., In 30 v., v. 1, 1839–1844, Moscow, Gospolitizdat publ., 698 p.
- Marx, K., Engels, F. (1955). Soch., 2nd ed., In 30 v., v. 3, 1845–1847. Moscow, Gospolitizdat publ., 630 p.
- Medushevskaya, O. M. (2008). Theory and methodology of cognitive history, Moscow, RSUHU publ., 361 p.
- Mogilnitsky, B. G. (2003). Academician of the Russian Academy of Sciences I. D. Kovalchenko as a methodologist of history (to the 80th anniversary of his birth), *Otechestvennaya istoriya*, № 6, pp. 127–138.
- Mogilnitsky, B. G. (2001). Alexander Ivanovich Danilov (1916–1980), *New and Modern History*, № 2, pp. 175–190.
- Mogilnitsky, B. G. (1989). Introduction to the methodology of history, Moscow, Vyshaya Shkola publ., 175 p.
- Mogilnitsky, B. G. (2014). Lawfulness of historical. IN: Theory and Methodology of Historical Science, Terminological dictionary, ed. by A. O. Chubarian, Moscow, Ailon publ., pp. 111–112.

- Mogilnitsky, B. G. (2014). History, logic and problems of modern scientific knowledge, *Voprosy istorii*, № 4, pp. 169–171.
- Rumyantseva, M. F. (2002). Theory of History, Study guide, Moscow, Aspect Press publ., 319 p.
- Savelyeva, I. M., Poletaev, A. V. (2007). Theory of Historical Knowledge, Study guide, St. Petersburg, Aleteia, Historic Book publ., 523 p.
- Sogrin, V. V. (2012). How is objective history possible? IN: Can history be objective? Proceedings of the Faculty of History of Moscow State University, v. 54, Series 19 Historical Studies, Proceedings of the International Conference, Moscow, Lomonosov Moscow State University, December 2, 2011, ed., by S. P. Karpov, Moscow, Moscow University publ., pp. 169–178.
- Solovey, T. D. (2012). Objectivity of historical science as a cultural myth. IN: Can history be objective? Proceedings of the Faculty of History of Moscow State University, v. 54, Series 19 Historical Studies, Proceedings of the International Conference, Moscow, Lomonosov Moscow State University, December 2, 2011, ed., by S. P. Karpov, Moscow, Moscow University publ., pp. 179–188.
- Tosh, D. (2000). The Pursuit of Truth, How to master the skill of a historian, Moscow, Vse Mir publ., 296 p.
- Gulyga, A. V., Levada, Y. A. (Ed.) (1969). Philosophical problems of historical science, Moscow, Nauka publ., 317 p.
- Fitzpatrick, S. (2023). The Shortest History of the Soviet Union Moscow, Alpina Publisher publ., 336 p.
- Tsarev, B. V. (1985). Historical experience as a problem of social cognition, Avtoref. dis. ... kand. filosof. Nauk, Kuibyshev, 17 p.
- Yakovlev, A. N. (2005). Twilight. 2nd ed., Moscow, Materik publ., 672 p.

About authors

Bezborodov, Alexander B., Doctor of Historical Sciences, Professor, Russian State University for the Humanities, Advisor to the Rector, Historical and Archival Institute, Faculty of History, Department of Modern Russian History, Head of Department, Moscow, Russia, +7-495-250-66-20, ab-bezborodov@yandex.ru

The article was received in the editorial office on 30.06.2024, recommended for publication on 20.12.2024

Обзорная статья

УДК 93/94+359.33+651.5+001.814.2+303.422+355.01+355/359+355/359.07+351.86+331.07+930.85+001.814.4+002.513.5+338.23+930.2+930.24+001.92+658.5+303.64+359.41+359.411+359.412+35.083.8+35.083.11+651.531.17+651.531.11+65.01+303.424+303.832+930.25
doi 10.28995/2073-0101-2025-1-282-288

Для цитирования

Смирнов, Ю. Н. Создатель морского компонента ядерной триады В. Н. Перегудов: архивы открывают завесу секретности // Вестник архивиста. 2025. № 1. С. 282–288. doi 10.28995/2073-0101-2025-1-282-288

Смирнов, Ю. Н.

Самарский национальный исследовательский университет,
г. Самара, Российская Федерация

Создатель морского компонента ядерной триады В. Н. Перегудов: архивы открывают завесу секретности

Введение. Деятельность создателя первого советского атомного подводного крейсера Владимира Николаевича Перегудова (1902–1967)¹ была совершенно неизвестна широкому читателю. Интерес автора книги В. Н. Токарева, ныне архивиста, а прежде офицера-подводника, к такой теме понятен, а профессиональная компетентность в вопросах, связанных с кораблестроением и с работой над документальными источниками, очевидна. Автором использованы материалы, которые хранятся в Российском государственном архиве Военно-морского флота (РГА ВМФ) и в ведомственном Архиве Военно-морского флота (филиале Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации). Возможность работы с многими из них могла быть получена при определенных условиях, в том числе наличия у исследователя большого опыта флотской службы и высокого воинского звания. С делами Центрального архива ФСБ РФ и Архива Управления ФСБ по Саратовской области «удалось ознакомиться», как пишет автор, «благодаря конструктивной позиции» этого управления².

Историографический обзор. Имя В. Н. Перегудова следует поставить в один ряд с А. Н. Туполевым и С. П. Королевым. Только в таком виде будет полным список ведущих конструкторов всех компонентов отечественной «ядерной триады». Ее наличие исключает возможность «уничтожения всего боеспособного арсенала ядерного оружия в случае внезапного нападения противника», сохраняет потенциал для неотвратимого ответного удара возмездия, при этом «самый малоуязвимый компонент триады – это именно оснащенные баллистическими ракетами подводные лодки»³.

Создателям ядерного оружия, его носителей воздушно-го и наземного базирования посвящено немало публикаций, в том числе в специализированных архивных изданиях⁴. Однако о В. Н. Перегудове имелись только несколько статей – В. В. Балабина, В. М. Пашина, В. Н. Пялова и др. в сборниках и журналах военно-технического содержания⁵. Монографических исследований не было.

Результаты исследования. В. Н. Токарев восполнил этот пробел, как отмечено в книге, с опорой «на весьма широкое использование им архивных документов, в том числе никогда ранее не публиковавшихся». Тем самым еще более приоткрыта завеса над недавно закрытыми сведениями о превращении СССР в ядерную сверхдержаву, а всем равнодушным к своей истории предложено весьма фундированное повествование об одном из технических гениев страны, который «создавал умные, сильные и красивые корабли»⁶.

Несколько таких подводных кораблей стоят как памятники или музейные экспонаты во Владивостоке

Обложка книги

(С-56 серии IX-бис), Санкт-Петербурге (С-189 проекта 613 в), Кронштадте (атомоход К-3 «Ленинский комсомол»). Теперь и в интересной книге получила достойное отражение память об их создателе, запечатленная в архивных и опубликованных источниках. Правда, во включенном в книгу списке «Принятых сокращений и специальных терминов» нет расшифровки аббревиатур названий архивов, что создает трудности для читателя-неспециалиста. Вызывает сожаление и отсутствие обзоров литературы и источников по теме.

Примечания

¹ Токарев, В. Н. Главный конструктор. Саратов: СГЮА, 2022. 263 с.

² Там же. С. 138.

³ Бычков, В., Семилетов, В. Морской стратегический компонент // Армейский сборник. 2023. № 11. С. 50–57.

⁴ Цветков, Б. М. Из опыта организации архивного дела в атомной отрасли // Вестник архивиста. 2012. № 2. С. 3–14; Артамонова, Л. М., Смирнов, Ю. Н. Документальные и архитектурные маркеры «мест памяти» авиационно-космической Самары в архиве и на мемориальных площадях // Историческая наука и архивы в XXI веке. Самара: САМАРАМА, 2023. С. 67–75.

⁵ Балабин, В. В. Главный конструктор первого советского подводного атомного // Малоизвестные создатели боевых кораблей. Москва: Наука, 1996. С.133–141; Разлетов, Б. Первопроходец отечественного атомного... К 100-летию со дня рождения Владимира Николаевича Перегудова // Морской сборник. 2002. № 7. С.14–15; Поляков, В. Н., Александров, Ю. И., Шмаков, Р. А. Владимир Николаевич Перегудов // Военно-промышленная комиссия. 60 лет на страже Родины. Москва: Оружие и технологии, 2017. С. 963–966.

⁶ Токарев, В. Н. Указ соч. С. 4, 6, 256.

Аннотация

Автор анализирует основные положения труда В. Н. Токарева «Главный конструктор» о создателе первой советской атомной подводной лодки Владимире Николаевиче Перегудове (1902–1967), Герое Социалистического Труда, руководителе и главном конструкторе Специального конструкторского бюро № 143 (ныне АО «СПМБМ «Малахит»»). Высокий уровень проведенного исследования, положенный

в основу книги, обусловлен наличием у автора, директора Государственного архива Саратовской области и капитана 2 ранга в запасе, компетенций морского офицера-подводника и специалиста по работе с документальным наследием. Руководство ведомственных архивов не только флота, но и ФСБ также пошло навстречу в вопросах предоставления и обнародования информации, необходимой для выполнения поставленных исследовательских задач. Использованы в работе и опубликованные источники, в том числе из трехтомника «Атомный проект СССР: документы и материалы». Методы авторского исследования можно определить как современные приемы «биографической истории» и «интеллектуальной истории». Жизнь и деятельность выдающегося изобретателя и инженера, творческие разработки коллективов, в которых тот работал и которые возглавлял, вписаны в канву непростой истории нашей страны в разные эпохи. Временные границы охватывают годы революции, Гражданской войны, социалистического строительства, «Большого террора», Великой Отечественной войны, послевоенного восстановления и развития СССР до уровня мировой сверхдержавы. В книге затронуты различные аспекты творческой и организационной работы советских ученых, инженеров, управленцев, их общественных и личных отношений, реализуемых ими повседневных практик, служебных и карьерных траекторий, а в сложных чрезвычайных ситуациях – «стратегий выживания». Содержание книги полностью подтверждает мнение автора предисловия к ней контр-адмирала, доктора военных наук Б. С. Зулкарнаева, справедливо поставившего рядом имена А. Н. Туполева, С. П. Королева, В. Н. Перегудова как ведущих конструкторов трех компонентов «ядерной триады»: стратегических бомбардировщиков, межконтинентальных ракет наземного базирования, атомных подводных ракетоносцев. С точки зрения современной военной теории именно наличие данной триады, которой обладают только две державы в мире, Россия и США, создает паритет их стратегических вооружений. При этом большинство россиян не знают творца отечественного атомного подводного крейсера К-3 (типа «Кит»). Рецензируемая книга способствует ликвидации данного пробела в нашей коллективной памяти.

Ключевые слова: Атомный проект СССР, В. Н. Перегудов, первая советская атомная подводная лодка, Специальное конструкторское бюро № 143, АО «СПМБМ «Малахит», наука в СССР, подводные лодки, Владивосток С-56 серии IX-бис, Санкт-Петербург С-189 проект 613 в, Кронштадт атомоход К-3 «Ленинский комсомол», стратегический паритет, биографическая история, архивы.

Список литературы

Балабин, В. В. Главный конструктор первого советского подводного атомохода // Малоизвестные создатели боевых кораблей / Сост. В. В. Балабин, В. Н. Краснов, Е. А. Шитиков. Москва: Наука, 1996. С. 133–141.

Бычков, В., Семилетов, В. Морской стратегический компонент // Армейский сборник. 2023. № 11. С. 50–57.

Военно-промышленная комиссия. 60 лет на страже Родины / Под ред. Д. О. Рогозина. Москва: Оружие и технологии, 2017. 1175 с.

Малоизвестные создатели боевых кораблей / Сост. В. В. Балабин, В. Н. Краснов, Е. А. Шитиков. Москва: Наука, 1996. 160 с.

Поляков, В. Н., Александров, Ю. И., Шмаков, Р. А. Владимир Николаевич Перегудов // Военно-промышленная комиссия. 60 лет на страже Родины. Москва: Оружие и технологии, 2017. С. 963–966.

Токарев, В. Н. Главный конструктор. Саратов: СГЮА, 2022. 268 с.

Сведения об авторах

Смирнов Юрий Николаевич, доктор исторических наук, профессор, Самарский национальный исследовательский университет, кафедра всеобщей истории, международных отношений и документоведения, заведующий кафедрой, г. Самара, Российская Федерация, 8-927-756-57-99, smirnov195503@yandex.ru

В редакцию статья поступила 27.02.2024 г., рекомендована к опубликованию 20.12.2024 г.

Review article

doi 10.28995/2073-0101-2025-1-282-288

For citation

Smirnov, Yuri N. (2025). Creator of the Naval Component of the Nuclear Triad Vladimir N. Peregudov: Archives open the Veil of Secrecy, *Herald of an Archivist*, no. 1, pp. 282–288, doi 10.28995/2073-0101-2025-1-282-288

Smirnov, Yuri N., Samara National Research University, Samara, Russia
Creator of the Naval Component of the Nuclear Triad Vladimir N. Peregudov: Archives open the Veil of Secrecy

Abstract

The book “Chief Designer” is being reviewed. It was written by V. N. Tokarev and tells the story of the creator of the first Soviet nuclear

submarine, Vladimir Nikolaevich Peregudov (1902–1967), Hero of Socialist Labor, director and chief designer of Special Design Bureau № 143 (now «Malachite»). The high level of research that formed the basis of the book is due to the fact that the author, director of the State Archives of the Saratov Region and captain of the 2nd rank in the reserve, has the competencies of a naval submarine officer and a specialist in working with documentary heritage. The management of departmental archives not only of the navy, but also of Federal Security Service (FSB) also met halfway in the provision and publication of information which was necessary to complete the assigned research tasks. Published sources were also used in the work, for example, the three-volume book “USSR Atomic Project: Documents and Materials”. The author’s research methods can be defined as modern techniques of “biographical history” and “intellectual history”. The life and work of the outstanding inventor and engineer, the creative developments of the teams in which he worked and which he led, are inscribed in the outline of the difficult history of our country in different eras. The time boundaries cover the years of revolution, Civil War, socialist construction, the “Great Terror”, the Great Patriotic War, post-war reconstruction and development of the USSR to the level of a world superpower. The book touches on various aspects of the creative and organizational work of Soviet scientists, engineers, managers, their social and personal relationships, their daily practices, service and career trajectories, and “survival strategies” in difficult emergency situations. The contents of the book fully confirm the opinion to rank the names of A. N. Tupolev, S. P. Korolev, V. N. Peregudov as the leading designers of the three components of the “nuclear triads”: strategic bombers, ground-based intercontinental missiles, nuclear missile submarines. From the point of view of the modern military theory, it is the presence of this triad, which is possessed by only two powers in the world, Russia and the United States, that creates the parity in their strategic weapons. At the same time, most Russians do not know the name of the creator of the domestic nuclear submarine cruiser K-3. The book under review helps to fill this gap in collective memory of our people.

Keywords

Atomic project of the USSR, V. N. Peregudov, the first Soviet nuclear submarine, Special Design Bureau No. 143, JSC SPMBM Malakhit, science in the USSR, submarines, Vladivostok S-56 series IX-bis, St. Petersburg S-189 project 613 in, Kronstadt atomic ship K-3 “Leninsky Komsomol”, strategic parity, biographical history, archives.

References

- Balabin, V. V. (1996). Chief designer of the first Soviet underwater nuclear-powered ship IN: Balabin, B. V., Krasnov, V. N., Shitikov, E. A. (1996). Little-known creators of warships, Moscow, Nauka publ., С. 133–141.
- Bychkov, V., Semiletov, V. (2023). Marine strategic component, *Army collection*, № 11, pp. 50–57.
- Rogozin, D. O. (Ed.) (2017). Military-Industrial Commission, 60 years on guard of the Motherland, Moscow, Weapons and Technologies publ., 1175 p.
- Balabin, B. V., Krasnov, V. N., Shitikov, E. A. (Ed.) (1996). Little-known creators of warships, Moscow, Nauka publ., 160 p.
- Polyakov, V. N., Alexandrov, Yu. I., Shmakov, R. A. (2017). Vladimir Nikolaevich Peregudov. Military-Industrial Commission, 60 years on guard of the Motherland, Moscow, Weapons and Technologies publ., pp. 963–966.
- Tokarev, V. N. (2022). Chief Designer, Saratov, SGYUA publ., 268 c.

About authors

Smirnov, Yuri N., PhD in History, Professor, Samara National Research University, department of general history, international relations and document science, head of the department, Samara, Russia, +7-927-756-57-99, smirnov195503@yandex.ru

The article was received in the editorial office on 27.02.2024, recommended for publication on 20.12.2024

Обзорная статья

УДК93/94+001.814.2+303.424+303.422+303.686.2+303.423+930.85+930.25+002.2+002.63+930.2+930.24+323.3.01/.06+323.383+332.1+364.12+364.146+37.061+001.814.4+930.25

doi 10.28995/2073-0101-2025-1-289-296

Для цитирования

Артамонова, Л. М. Архивисты продолжают издание трудов одного из создателей Саратовской ученой архивной комиссии А. Н. Минха // Вестник архивиста. 2025. № 1. С. 289–296, doi 10.28995/2073-0101-2025-1-289-296

Артамонова, Л. М.

Самарский государственный институт культуры,
г. Самара, Российская Федерация

Архивисты продолжают издание трудов одного из создателей Саратовской ученой архивной комиссии А. Н. Минха

Введение. В российских архивах находится немало издающихся публикации рукописей, которые являются важными источниками по воссозданию региональной истории XIX в. Их появление в печати вызывает интерес широкого круга историков и краеведов, чему есть примеры последних лет, в том числе в городах Поволжья¹. Среди авторов такого рода рукописей особое внимание привлекают труды Александра Николаевича Минха (1833–1912) – видного общественного деятеля, исследователя-краеведа, мемуариста, одного из создателей Саратовской ученой архивной комиссии². Его богатое научное и литературное наследие при жизни было опубликовано лишь частично. К счастью, за последние годы оно стало более доступным для специалистов и любителей истории благодаря сотрудникам Государственного архива Саратовской области (ГАСО), не только хранящим, но и издающим рукописи А. Н. Минха. Последней из таких публикаций стала «Поездка в Пятигорск 1868 года»³. Перед тем вышли в свет «Записки о Крымской войне»⁴ и «Разбой и клады Низового Поволжья»⁵.

Результаты исследования. Все эти издания соответствуют современным нормам научной публикации письменных источников. Две более ранние публикации рукописей А. Н. Минха были подготовлены в соответствии с «Правилами издания исторических документов в СССР» (1990), а текст «Поездки в Пятигорск 1868 года» уже следовал новым «Методическим рекомендациям по публикации архивных документов в печатном виде» (2022), разработанным ВНИИДАД. Издания всех трех рукописей сопровождаются комментариями, списками сокращенных слов и иными необходимыми словарями, оснащены именными и географическими указателями.

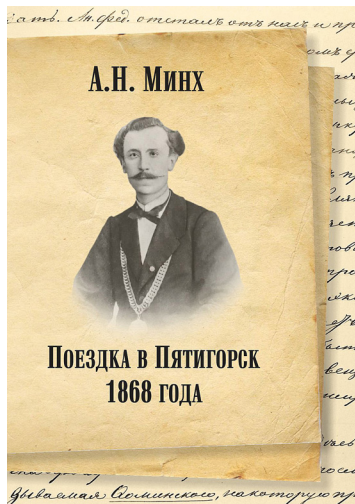
Рукопись, описывающая длительную, почти месячную поездку по югу России на паромовых, паровозах, почтовых лошадях и трехмесячное пребывание на Кавказе, разделена А. Н. Минхом на три части. Составители приводят доказательства того, что работа автора над рукописью продолжалась не только в 1868–1869 гг., но и после этих лет. Автор не предназначал ее к печати, полагая, что текст не пройдет цензуру из-за критических замечаний в адрес властей разного уровня, некоторых должностных и влиятельных лиц. Черновой первоначальный вариант не сохранился, выправленный текст был передан в музей только в начале XX в., а в архиве рукопись оказалась в 1919–1922 гг. или даже позднее.

Части рукописи не имеют названий, но 13 глав-очерков, на которые поделен текст всех частей, имеют подробные заголовки. Вместе они представляют читателю детальное оглавление рукописи. Уже по ним видно, как автор соединяет изложение по тематическому принципу (описания территорий, этнографические заметки, рассказы о личностях) и хронологическому (перечень поездок или прогулок с указанием мест и дат посещения). Это можно увидеть, например, даже в неполном перечне заголовков IX главы: «Прогулка на вершину Машуки. – Принц Альтенбургский. – Калмыки. – Проект Витмана. – Прогулка вокруг Машуки. – Вторичная прогулка на Машуку. – Почтовые дилижансы. – ... – Небрежное содержание садов. – Армянки. – Исправник с медицинским призванием. – Михайловы. – Геогностический музей. – Еще рассказы о Кавказе; кровник. – Каменоломня и пруд; неизвестный памятник. – Армянский аул. – Библиотека вод...».

Объем и разнообразие представленного в книге материала в некоторых случаях приводил публикаторов и издателей в затруднение, особенно когда речь шла о мало знакомых волжанам объектах и именах, связанных с Кавказом. Этих пробелов немного, они не снижают качество публикации, но оставляют без разъяснений нечеткие и иногда противоречащие друг другу указания А. Н. Минха о времени основания Пятигорска и событий его начальной истории. В его рукописи также мало сказано об обстоятельствах пребывания в этом городе М. Ю. Лермонтова и ничего не говорится о двух поездках сюда А. С. Пушкина, который отразил их в описаниях и поэтических откликах. В комментариях не дается объяснений такому отношению А. Н. Минха к самым знаменитым посетителям курорта в не столь далеком от него прошлом.

Издателем стоило бы также внимательнее отнестись к тем, кто стоял у истоков кавказоведения в конце XVIII – начале XIX в., упомянуть их в комментариях к книге или хотя бы дать полное имя в указателе, к примеру, Яна Потоцкого. А. Н. Минх не случайно ссылается на сочинение этого польского писателя и российского дипломата «Путешествие в Астраханские и Кавказские степи», написанное и изданное на французском языке⁶. Однако недавно Я. Потоцкий в качестве исследователя-путешественника стал известен широкому кругу читателей. Это произошло, как и в случае с А. Н. Минхом, стараниями местных ученых, переводчиков и издателей, на этот раз – из Пятигорска⁷. Ученые изыскания поляка на Кавказе, по мнению Пушкина, были столь же занимательны, как и его самая известная книга, наполненная приключениями и «готическими» тайнами «Рукопись, найденная в Сарагосе».

Обложка книги

Эта оценка поэта могла быть вполне приложена и к «Поездке в Пятигорск» А. Н. Минха, которая представляется не менее любопытной и увлекательной, чем его военные мемуары или записи волжских преданий об атаманах-колдунах и заповедных кладках.

Многие места на Кавказе А. Н. Минх посетил и описал после Я. Потоцкого, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова. Историки, литературоведы, специалисты в разных дисциплинах и читатели теперь могут сравнить произошедшие в тех краях изменения и их восприятие образованным современником Великих реформ второй половины XIX в. с впечатлениями ярких и выдающихся личностей, побывавших здесь во времена Павла I, Александра I, Николая I.

Еще одно полезное для читателей свойство изданной в Саратове книги заключается в том, что «Поездка в Пятигорск 1868 года» проиллюстрирована. А. Н. Минх включил в рукопись собственные рисунки людей, построек, природных объектов, транспортных средств и других предметов, а также начерченные им карты, планы, схемы. В рецензируемой публикации весь иллюстративный материал составил особый раздел книги и был воспроизведен на вклейках в полноцветном виде. Это позволило максимально сохранить визуальную информацию, заложенную в изображения. В соответствующих местах текста есть указания, где именно в рукописи помещался тот или иной рисунок.

Заключение. Издание «Поездки в Пятигорск 1868 года», как и других трудов А. Н. Минха, стало плодом слаженных коллективных действий. Основной объем археографической и источниковедческой работы выполнили А. И. Пирев и Ю. Г. Степанов, с ними в редакционную коллегию этого и предыдущих изданий входили также В. Н. Токарев и Г. В. Захарова. Активную помощь в подготовке публикации оказали специалисты в области истории, географии, культуры В. П. Тотфалушин, В. З. Макарова, В. В. Кирюшкина и краевед из Пятигорска В. Б. Алябышев. Их общими усилиями продолжилось осуществляться намерение архивистов ввести ценные рукописи А. Н. Минха в широкий читательский оборот, которое следует приветствовать, а также поблагодарить за высокое качество его исполнения.

Примечания

¹ Смирнов, Ю. Н. Саратовское Заволжье в «путеводителе» для великого князя Константина Николаевича // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22. № 1. С. 104–110.

² Майорова, А. С. Изучение А. Н. Минхом истории заселения Саратовского Поволжья // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. № 2. С. 266–267.

³ Минх, А. Н. Поездка в Пятигорск 1868 года. Саратов: Изд-во Саратовской гос. юридической академии, 2023. 389 с.

⁴ Минх, А. Н. Разбои и клады Низового Поволжья. Саратов: Изд-во Саратовской гос. юридической академии, 2021. 336 с.

⁵ Минх, А. Н. Записки о Крымской войне. Саратов: Изд-во Саратовской гос. юридической академии, 2019. 276 с.

⁶ Potocki, J. (1829). Voyage dans les steps d'Astrakhan et du Caucase, v. I (6), XVI, Paris, Merlin publ., 359 p.

⁷ Соснина, Е. Л. Ян Потоцкий и его «Путешествие в Астраханские и Кавказские степи». Пятигорск: Изд-во «Спецпечать», 2003. 189 с.

Аннотация

В статье представлен обзор изданной Государственным архивом Саратовской области и Управлением делами Правительства Саратовской области книги по рукописи А. Н. Минха «Поездка в Пятигорск 1868 года», хранящейся с начала 1920-х гг. в архиве. По инициативе руководства и сотрудников архива с 2010-х гг. осуществляется научная публикация наиболее важных с точки зрения мемуаристики и краеведения неопубликованных трудов этого автора, являвшегося боевым офицером, деятелем Крестьянской реформы, исследователем родного края, одним из основателей Саратовской ученой архивной комиссии. Изданию предшествовали публикации архивистами таких трудов А. Н. Минха, как «Записки о Крымской войне» (2019), «Разбои и клады Низового Поволжья» (2021). Все три издания полностью соответствуют современным эдиционным практикам, следуют Правилам и Методическим указаниям о публикации письменных источников. «Поездку в Пятигорск 1868 года» предваряет историческое и археографическое предисловие, сопровождают обстоятельные комментарии, дополняют различные указатели и словари, список сокращений. Собственно текст делится на вступление, три части и 13 глав-очерков, в которых отражены хронология и топография путешествия. Оно продлилось с 8 мая (выезд из усадьбы под Саратовом) до 31 августа (возвращение в Саратов) 1868 г. Пребывание на курортном лечении на водах заняло 91 день, 25 дней потрачено на дорогу туда и обратно.

Путь на пароходах и почтовых лошадях, по железной дороге пролегал через Царицын, Калач, Ростов, Екатеринодар, Ставрополь, Пятигорск, Ессентуки, Кисловодск и другие поселения, которым в книге даны более или менее полные описания. Также в нее внесены исторические, географические, статистические обзоры территорий, по которым автор проследовал: Саратовской, Екатеринославской, Ставропольской губерний, области Войска Донского. Особое внимание уделено достопримечательностям, состоянию, рекреационным возможностям района Кавказских минеральных вод. Отдельный раздел книги составляют вклейки с цветными иллюстрациями к рукописи, выполненными самим А. Н. Минхом: рисунками, картами, планами, схемами. Рецензент сделал замечания о некоторых недостатках в авторском тексте и комментариях к нему относительно начальной истории Пятигорска, пребывания здесь А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова. Рецензируемая книга обогащает знания о регионах Поволжья, Придонья, Северного Кавказа, средствах передвижения, дорожной повседневности, курортах России в эпоху Великих реформ второй половины XIX в. и предшествующие десятилетия.

Ключевые слова: Россия в XIX в., краеведение, источниковедение, архивы, археография, путешествия, курорты.

Список литературы

Майорова, А. С. Изучение А. Н. Минхом истории заселения Саратовского Поволжья // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21. № 2. С. 264–269.

Минх, А. Н. Записки о Крымской войне. Саратов: Изд-во Саратовской гос. юридической академии, 2019. 276 с.

Минх, А. Н. Поездка в Пятигорск 1868 года. Саратов: Изд-во Саратовской гос. юридической академии, 2023. 468 с.

Минх, А. Н. Разбои и клады Низового Поволжья. Саратов: Изд-во Саратовской гос. юридической академии, 2021. 336 с.

Смирнов, Ю. Н. Саратовское Заволжье в «путеводителе» для великого князя Константина Николаевича // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22. № 1. С. 104–110.

Соснина, Е. Л. Ян Потоцкий и его «Путешествие в Астраханские и Кавказские степи». Пятигорск: Изд-во «Спецпечать», 2003. 189 с.

Potocki, J. (1829). Voyage dans les steps d'Astrakhan et du Caucase. Т. I (6), XVI, Paris, Merlin publ., 359 p.

Сведения об авторах

Артамонова Людмила Михайловна, доктор исторических наук, профессор, Самарский государственный институт культуры, факультет культурологии, социально-культурных и информационных технологий,

кафедра культурологии, музеологии и искусствоведения, профессор,
г. Самара, Российская Федерация, 8-927-908-17-27, artamonovoi@mail.ru

В редакцию статья поступила 05.03.2024 г., рекомендована к опубликованию 20.12.2024 г.

Review article

doi 10.28995/2073-0101-2025-1-289-296

For citation

Artamonova, Ludmila M. (2025). Archivists continue to publish the works of one of the founders of the Saratov Academic Archival Commission A. N. Minh, *Herald of an Archivist*, no. 1, pp. 289–296, doi 10.28995/2073-0101-2025-1-289-296

Artamonova, Ludmila M., Samara State Institute of Culture, Samara, Russia
Archivists continue to publish the works of one of the founders of the Saratov Academic Archival Commission A. N. Minh

Abstract

The article presents a review of the book published by the State Archive of the Saratov Region and the Department of Affairs of the Government of the Saratov Region on the manuscript of A. N. Minh “Trip to Pyatigorsk in 1868”, kept since the early 1920s in the archive. N. Minh’s manuscript “Trip to Pyatigorsk in 1868”, kept in the archive since the early 1920s. On the initiative of the management and staff of the archive, since the 2010s, the most important unpublished works of this author, who was a military officer, a figure of the Peasant Reform, a researcher of his native land, and one of the founders of the Saratov Academic Archival Commission, have been scientifically published. The publication was preceded by the publication of such works of A. N. Minh by archivists as “Notes on the Crimean War” (2019), “Robberies and treasures of the Lower Volga region” (2021). All three editions fully comply with modern editorship practices and follow the Rules and Methodological Guidelines for the publication of written sources. “A Trip to Pyatigorsk in 1868” is preceded by a historical and archaeological preface, accompanied by extensive commentary, supplemented by various indexes and dictionaries, and a list of abbreviations. The text itself is divided into an introduction, 3 parts and 13 chapters-essays, which reflect the chronology and topography of the journey. It lasted from May 8 (departure from the estate near Saratov) to August 31 (return to Saratov), 1868. Staying at the resort treatment at the waters took 91 days, 25 days were spent on the way back and forth. The way by steamboats and mail horses, by railroad passed through Tsaritsyn, Kalach, Rostov, Ekaterinodar, Stavropol, Pyatigorsk, Essentuki, Kislovodsk and other settlements, which are

more or less fully described in the book. It also includes historical, geographical, and statistical reviews of the territories through which the author traveled: Saratov, Ekaterinoslav, Stavropol provinces, and the region of the Army of Don. Special attention is paid to the sights, condition and recreational opportunities of the Caucasian Mineral Waters region. A separate section of the book consists of inserts with color illustrations of the manuscript made by A. N. Minh himself: drawings, maps, plans, schemes. The reviewer made remarks about some shortcomings in the author's text and comments on the initial history of Pyatigorsk and the stay here of A. S. Pushkin and M. Y. Lermontov. The book under review enriches the knowledge about the regions of the Volga region, the Pidonia, the North Caucasus, means of transportation, road everyday life, and Russian resorts in the era of the Great Reforms of the second half of the 19th century and the preceding decades.

Keywords

Russia in the XIX century, local lore, source study, archives, archaeography, travel, resorts.

References

Mayorova, A. S. (2021). Study of A. N. Minhom's history of settlement of the Saratov Volga region, *Izvestia Saratov University, Series History, International Relations*, v. 21, № 2, pp. 264–269.

Minh, A. N. (2019). Notes on the Crimean War, Saratov, Saratov State Law Academy publ., 276 p.

Minh, A. N. (2023). Trip to Pyatigorsk in 1868, Saratov: Saratov State Law Academy publ., 468 p.

Minh, A. N. (2021). Robberies and treasures of the Lower Volga region, Saratov, Saratov State Law Academy publ., 336 p.

Smirnov, Yu. N. (2022). Saratov Trans-Volga region in the “guidebook” for Grand Duke Konstantin Nikolaevich, *Izvestia Saratov University, Series History, International relations*, v. 22, № 1, pp. 104–110.

Sosnina, E. L. (2003). Jan Pototsky and his “Journey to the Astrakhan and Caucasian Steppes”, Pyatigorsk, Spetspechat Publishing House publ., 189 p.

Potocki, J. (1829). Voyage dans les steps d'Astrakhan et du Caucase, v. I (6), XVI, Paris, Merlin publ., 359 p.

About authors

Artamonova, Ludmila M., Doctor of Historical Sciences, Professor, Samara State Institute of Culture, Faculty of Cultural Studies, Socio-Cultural and Information Technologies, Department of Cultural Studies, Museology and Art History, Professor, Samara, Russia, +7-927-908-17-27, artamonovoi@mail.ru

The article was received in the editorial office on 05.03.2024, recommended for publication on 20.12.2024.

Научная статья

УДК93/94+334.7+001.814.2+364.044.62+334.72+351/354+331.07+69.009.1+658.5+930.85+303.424+303.423+331.5+930.2+930.24+364.02+364.042+364.044.2+364.044.68+658.2+658.336+658.7.07+65.02+69.055+69.036+930.25

doi 10.28995/2073-0101-2025-1-297-312

Для цитирования

Гордина, Е. Д., Гордин, А. А. «Дома росли как в сказке»: метод народной стройки в Горьковской области 1950-х гг. // Вестник архивиста. 2025. № 1. С. 297–312, doi 10.28995/2073-0101-2025-1-297-312

Гордина, Е. Д.

Нижегородский государственный технический университет им. Р. Е. Алексеева,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация

Гордин, А. А.

Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация

**«Дома росли как в сказке»:
метод народной стройки
в Горьковской области 1950-х гг.**

Введение. Актуальность представленного исследования определяется социальной значимостью жилищной проблематики и жилищного строительства в нашей стране. Опыт решения этой проблемы в трудные послевоенные десятилетия актуален и интересен до сих пор и может быть использован с учетом новых реалий на современном этапе. Научная актуальность статьи определяется тем, что тема народной стройки в Горьковской области не являлась предметом детального научного исследования. Она схематично раскрывается в некоторых

обзорных статьях¹, а также можно отметить несколько работ, посвященных распространению горьковского опыта народной стройки в других регионах страны². Спецификой данной публикации является широкое использование материалов личного происхождения, позволяющих представить читателям неизвестные страницы истории появления и развития метода народной стройки в Горьковском регионе.

К началу 1950-х гг. в г. Горьком исключительно остро стоял жилищный вопрос. Кратко проиллюстрируем ситуацию на примере Автозаводского района города. Основной жилищный фонд был введен в эксплуатацию еще до войны. Главным застройщиком в районе был Горьковский автозавод. В 1945–1953 гг. прирост работающих на заводе составил 144%³. За этот же период введено новой жилой площади 113 078 кв. м, или 24,7% к общему жилому фонду на 1 января 1946 г.⁴ На 1 января 1953 г. жилищный фонд составляли: кирпичные дома (43,2%), рубленые (5,8%), щитковые (20,2%), бараки (30%). В среднем на одного человека в районе приходилось 4,6 кв. м жилья (1 октября 1954 г.)⁵. «У нас имеется много барakov, которые давно «отжили свой век» [...] А в них живут люди, семьи рядовых тружеников, малолетние дети», – писал И. О. Филиппов в Автозаводский райком (1953 г.)⁶.

В 1954 г. рабочие Горьковского автозавода обратились с инициативой строительства многоквартирного дома своими силами к директору завода Н. И. Строкину. Директор проектного института «Гипрогорьковстрой» Ю. Н. Бубнов разработал проект одноэтажного дома с 24 квартирами по 20 и 16 квадратных метров⁷, включавшими комнату и кухню. Под застройку определили участок на улице Рабочей Северного поселка Автозаводского района. Кандидатуры будущих жильцов рассматривались и утверждались на расширенном профкоме пресового корпуса. Прорабом строительства был назначен начальник пресового участка П. И. Игнатьев. Профессиональных строительных навыков у пресовщиков не было⁸.

В мае 1955 г. началось возведение дома. Материал для строительства отпускал завод. Пресовщики сами изготовили и приобрели весь необходимый инструмент: носилки, сделанные из днищ бензиновых баков, топоры, молотки, долота и др.

Фундамент дома был бутобетонный, каркас – деревянный. Внутренние стены здания и перегородки были сделаны из гипсо-алебастровых плит⁹. Наружные стены обшивались недорогим тесом и по дранке штукатурились. Крыша была металлической, в здании устанавливались шведские печи. Дом состоял из шести подъездов. Рядом был сделан общий сарай, с подразделением на секции для каждой семьи, для дров и инвентаря¹⁰. К концу года дом был готов.

П. М. Чернеев, начальник прессового корпуса Горьковского автозавода, об истории возникновения и развития жилищного строительства методом народной стройки вспоминал: «...Нужда в жилье была большая. Но что я мог ответить рабочим? Свыше 400 семей рабочих прессового корпуса жили на частных квартирах, да такое же количество, если не больше, в ветхих бараках. [...] Мы обратились к руководству завода за разрешением построить один дом своими силами. [...] Трудно описать трудовой порыв масс. Через пять месяцев новый удобный теплый дом был построен. Сделанный с большой любовью, он выглядел очень приветливо, у каждого подъезда – крылечки с лавочками»¹¹. В 1956 г. решили построить еще один дом, уже на 46 квартир. Гипроавтопром разработал проект возведения двухэтажных шлакоблочных домов рядом с поселком Парышева. В 1956 г. прошло активное обсуждение нового способа возведения домов¹². В ноябре 1956 г. горисполком принял решение № 211 «О строительстве экспериментальных жилых домов с малометражными квартирами с трудовым участием будущих квартиросъемщиков». В проекте для каждой семьи предполагалось наличие сараев и небольших участков под огороды¹³. Вторая половина 1950-х ознаменовалась ростом темпов строительства в Автозаводском районе. Каждый цех выделял руководителя стройки и рабочих, стройматериалами снабжал автозавод. Изготовление шлакоблоков, балок, перемычек, окон и дверей было организовано в цехе стройдеталей и деревообрабатывающем цехе, на заводе «Новая сосна»¹⁴.

«За счет мобилизации внутренних резервов нам удалось решить вопрос и с финансированием стройки. В цехах и на участках было организовано соревнование за экономию металла, за дополнительные накопления. В 1956 г. накопления корпуса составили свыше 3 млн руб. Часть этих средств мы израсходовали

на строительство дома. Второй дом был построен за 6,5 месяцев. В канун Октябрьских праздников в нем справили новоселье 46 семей рабочих и служащих нашего корпуса. Строительство одного кв. м нам обошлось в 600 руб. – в два с лишним раза дешевле, чем жилье, возводимое специальными строительными организациями. Только за последние три года методом народной стройки мы построили 4 дома, в которых поселилось 100 семей. [...] В 1958 г. мы построим своими силами пять двухэтажных 16-квартирных каменных домов. Один из них уже подведен под крышу, на втором и третьем полным ходом идет кладка стен»¹⁵.

В апреле 1957 г. Н. С. Хрущев посетил народные стройки в Сормовском районе, и проекты восьми- и шестнадцатиквартирных домов, разработанные под руководством Ю. Н. Бубнова, были разосланы в крупнейшие города СССР, а в июне в г. Горьком прошла конференция по массовому строительству жилья методом народной стройки с участием представителей 43 регионов страны. 31 июля 1957 г. вышло Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «О развитии жилищного строительства в СССР», в котором было особо отмечено «огромное значение» начинаний горьковчан «как начала всенародного движения за скорейшее улучшение жилищных условий»¹⁶. Новый метод строительства жилья быстро распространился на другие предприятия. Развернулось движение за изыскание внутренних резервов для увеличения производства строительных материалов, за сверхплановые накопления для финансирования народного строительства. В 1957 г. предприятия закладывали уже не отдельные дома, а поселки: на автозаводе – из 65 двухэтажных домов, в Сормовском районе – свыше 155 домов, в Приокском районе – из 130 домов и т. д.

Ценные сведения о народной стройке в г. Горьком представлены в воспоминаниях участников событий. Они рисуют интересную, яркую, эмоционально окрашенную картину развернувшегося строительства. Токарь Сормовского завода М. Немцова вспоминала: «Весть о почине горьковских автомобилестроителей, начавших строить жилье методом народной стройки, молниеносно облетела все предприятия г. Горького. Великое дело! Смелая мысль! Но как строить? С чего начать? [...] Осенью 1956 г. мы начали народную стройку. Участок, отведенный горсоветом под

застройку за поселком Высоково, представлял собой песчаный пустырь, рядом находилось чистое озеро и протекала небольшая речка. [...] зимой здесь даже и дороги не было. [...] и мы, слесари, кузнецы, наладчики, электрики никогда раньше не были строителями, но за дело взялись дружно. Дома-то мы ведь начали строить своими силами для себя, для своих семей. Это удваивало силы. [...] В дождь и непогоду мы разгружали бутовый камень, прокладывали дорогу, рыли траншеи под фундамент, создавали базу для стройки. С помощью завода проложили железнодорожную ветку к проходящей недалеко железной дороге Горький–Балахна. Теперь материалы на стройку стали подвозить вагонами. Завезли механизмы: краны, бульдозеры. Вскоре мы заложили фундаменты под 72 восьмиквартирных дома, а с января 1957 г. начали кладку стен. В качестве стенового материала использовали крупные силикатные блоки, производство которых организовали на заводской площадке. Столярные изделия изготовляли также в заводской мастерской. Для кровли использовали цеховые отходы листового металла, делая из них металлическую черепицу. Дома росли как в сказке. Через месяц-два многие дома уже были подведены под крышу [...] Каждый рабочий твердо знал, в каком доме и какую квартиру получит. Близость новоселья прибавляла сил. И мы, вчерашние металлисты, стали плотниками, каменщиками, монтажниками. Крупные блоки мы монтировали при помощи кранов быстро и с наименьшей затратой сил. [...] 1958 г. будет годом еще большего размаха строительства жилья методом народной стройки. [...] 25 тыс. кв. м жилья методом народной стройки будет возведено в текущем году коллективом нашего завода в районе поселка Высоково. Такие темпы строительства позволят нам в 1960 г. полностью решить жилищную проблему для рабочих нашего предприятия»¹⁷.

Конечно, остро ощущался недостаток строительных материалов и средств на финансирование жилищного строительства, не предусмотренного государственным планом. Непонятно было, как оплачивать труд людей, строящих жилье, как их заменить на производстве и т. д. Повышая производительность труда на производстве, рабочие заменяли своих товарищей, занятых на строительстве жилья. Экономия материалов и налаживание массового производства необходимых для строительства

и оснащения нового жилья изделий приобрела на предприятиях массовый характер, расширился спектр наименований производимых заводами товаров, необходимых для нового жилья. Заместитель председателя Горьковского совнархоза В. М. Сухов отмечал: «Горьковский автозавод, завод фрезерных станков «Двигатель революции» освоили производство отопительных радиаторов. Завод «Заря» производит эмалировку изготавливаемых на автозаводе штампованных стальных раковин. Семеновский чугунолитейный завод, помимо выпуска фитингов из сэкономленного сырья, освоил производство сантехнической арматуры – задвижек «Лудло». Завод «Красное Сормово» освоил производство водоразборных, водозапорных кранов и кранов двойной регулировки. По инициативе работников завода было организовано массовое поточное производство штампованных сварных радиаторов для малоэтажного строительства. Заводы радиодеталей и имени Ленина освоили изготовление фарфоровых роликов, распорных шайб, ребристых втулок, распределительных коробок для радио. [...] На заводах «Красное Сормово», им. Воробьева, фрезерных станков, им. Ленина, Семеновском чугунолитейном и автозаводе было организовано производство 18 видов чугунных канализационных фасонных деталей. [...] заводами выпускается печное литье, дверные приборы из пластмассы, патроны, выключатели и другая электрическая арматура, вентиляционные решетки, петли дверные и оконные, шпингалеты, ветровые крючки, стальная черепица, дверные задвижки, линолеум. [...] Предприятия обеспечивают народные стройки автотранспортом, подъемно-транспортным оборудованием, строительным инвентарем»¹⁸.

Фактически мы видим процесс организации безотходного производства. Поскольку авторы воспоминаний были рабочими и инженерами, часто они детально описывают конкретную технологическую цепочку изготовления того или иного стройматериала. Повсеместно отходы использовались как вторсырье для изготовления продукции для стройки, строго экономились ресурсы. П. М. Чернеев отмечал, что в 1956 г. автозаводцы перевыполнили производственную программу и дали 2 272,2 тыс. руб. сверхплановой экономии. За счет внедрения ряда организационно-технических мероприятий резко снизился расход

металла. За год коллектив завода сэкономил 2 650 тонн металла на сумму 29 тыс. руб. Общая экономия по корпусу составила 5 172,2 тыс. руб. В 1958 г. борьба за сверхплановые накопления шла в каждой бригаде, на каждом рабочем месте, чтобы сберечь средства для финансирования народной стройки¹⁹.

Фундаменты, стены, дымоходы, перегородки сормовичи научились делать из шлакосиликатных блоков. Они организовали производство шлакосиликатных изделий на заводе силикатного кирпича, но это не отражалось на выполнении плана по выпуску основной продукции. Организовал производство шлакоблоков завод «Красная Этна». Завод им. Ленина и чулочная фабрика им. Клары Цеткин для кладки наружных и внутренних стен применяли глиногипсовые шлакоблоки. Расширялось производство кирпича и шлакоблоков на основе отходов Горьковского, Выксунского, Кулебакского заводов²⁰.

В результате расширения производства появлялись новые цеха и даже заводы, специализировавшиеся на стройматериалах. «Помимо изготовления строительных материалов у себя, предприятия берут шефство над заводами стройматериалов, помогая им необходимым оборудованием. Например, завод «Красное Сормово» оказал помощь в строительстве нового силикатного завода, что на год ускорило ввод его в эксплуатацию. [...] на Семёновском чугунолитейном заводе ведется подготовка к выпуску канализационных труб. Производство чугунных канализационных труб организуется на Выксунском металлургическом заводе. [...] В 1958 г. будет налажено производство нового вида строительного материала – древесно-стружечных плит, разработанной лабораторией автозавода совместно с коллективом Дзержинского химического завода «Рулон». [...] плиты предназначены для дверных филенок. [...] Намечается дальнейшее расширение крупноблочного строительства. Для этой цели управление строительства и промышленности стройматериалов, используя имеющееся на сормовских заводах оборудование, построит два силикатных цеха мощностью 50 тыс. куб. м в год»²¹.

Инструктор горьковского обкома КПСС Б. М. Троицкий рассказывал о технологии производства строительных материалов из шлака и других отходов промышленности: «Для изготовления стеновых блоков почти на всех заводах, коллективы

которых включились в строительство жилищ методом народной стройки, стали широко использоваться котельный и металлургический шлак и золы, полученные от сжигания каменноугольного и торфяного топлива. На автозаводе рабочие построили мастерскую, где изготавливают стеновые блоки из шлака и золы заводской ТЭЦ. [...] В 1958 г. шлакоблочная мастерская будет расширена, а производство блоков доведено до 1,5 млн штук. Таким образом, коллектив автозавода не только решил задачу получения стеновых материалов для нужд народного строительства, но и нашел путь эффективной замены дефицитного цемента известью и золой. Рабочие Сормовского завода построили цех крупных шлакосиликатных блоков. [...] Рабочие завода «Красное Сормово» дороги и тротуары в поселке мостили шашкой, изготовленной из мартеновского шлака. На многих строительных площадках применяется в качестве вяжущего в кирпичной кладке и во внутренней штукатурке домов карбидный ил – отход ацетиленового производства. Ранее этот ценный отход годами выбрасывался на свалку, а теперь его применение только на одной строительной площадке Горьковского автозавода заменило 340 тонн извести и дало экономию в 46 тыс. руб. [...] группа работников Чернореченского химического завода разработала технологию переработки фосфогипса в вяжущее. В 1957 г. на соседнем гипсовом заводе было организовано производство перегородочных плит с применением в качестве вяжущего активного фосфогипса»²².

Для решения проблемы кровельного материала на народных стройках широко применялось упаковочное железо и черепица, изготовленная из отходов стальной ленты. Так, на заводе «Красная Этна» широко использовались отходы стальной ленты для изготовления кровельной черепицы. Бывшее помещение склада в течение 1957 г. было переоборудовано под цех оцинкованной черепицы. На Сормовском заводе было организовано производство кровельной черепицы из мелких отходов листовой стали, которые ранее сдавались в утиль или выбрасывались на свалку. По инициативе работников Дзержинского предприятия «Заводстрой» в 1957 г. началось производство линолеума из отходов полихлорвиниловой смолы. На предприятии был оборудован цех, изготовлявший в месяц 30–35 тыс. кв. м линолеума.

Себестоимость одного кв. м составляла всего 15–20 руб.²³ Начальник цеха линолеума «Заводстрой» Д. А. Демидов отмечал: «До 1957 г. в Горьковской области линолеум не производился. Эти отходы [...] в виде отсева, корок ранее выбрасывались, а между тем их ежемесячно накапливалось несколько тонн»²⁴. На стекольном заводе им. Горького было организовано производство стекловаты из отходов боя стекла²⁵.

Непростой задачей была разработка типовых проектов для строительства домов новым методом. Под дома народной стройки выделялись ранее не освоенные участки, не имеющие транспортных путей, коммуникаций, расположенные в поле, на песках, на пересеченной, овражистой местности, где безопасно было только малоэтажное строительство. Был специально разработан проект домов переменной этажности для косоогоров, продумывалось местонахождение подсобных помещений – сараев, подвалов, уборных при необходимости. «В зонах малоэтажной застройки канализация иногда отсутствует. В результате жители таких поселков длительное время вынуждены пользоваться дворовыми уборными (поселок автозавода и Сортовского завода). Во многих городах под самостоятельное строительство отводят участки, неудобные для многоэтажного строительства, в частности, косоогоры»²⁶.

Ю. Н. Бубнов отмечал, что наибольшее распространение в г. Горьком при строительстве жилья методом народной стройки получили двухэтажные дома. В соответствии с действующими нормами они могли размещаться в районах, временно не имеющих водопровода, канализации и централизованного теплоснабжения. Строительство велось на пересеченной местности в неблагоприятных грунтовых условиях с применением упрощенных конструкций и местных малопрочных материалов, которые не могли быть использованы в строительстве домов большей этажности. Двухэтажные здания возводились с помощью менее мощных, но более подвижных строительных механизмов. Их строительство и ввод в эксплуатацию не требовали больших сроков.

Поскольку проведение коммуникаций требовало большого количества времени и средств и значительно запаздывало по срокам по сравнению с возведением зданий, иногда проектами было предусмотрено оснащение домов дровяными печами

и плитами для приготовления пищи. «При строительстве методом народной стройки часто очень трудно организовать централизованное отопление и горячее водоснабжение строящихся домов. Этот недостаток устранен путем применения индивидуального водяного отопления. [...] В плиту вмонтирован ящик для топлива. Плита экономична, нетребовательна к топливу (можно использовать каменный уголь, дрова, торф), быстро прогревает отопительную систему, обеспечивает скорое приготовление пищи. Производство таких плит было организовано на ряде предприятий»²⁷. Многие новоселы, получившие квартиры без ванн и душей, сами оборудовали санитарные узлы в кухне.

Средняя жилая площадь квартиры в типовых проектах равнялась 26,2–28 кв. м, в г. Горьком – 24–25 кв. м.²⁸ Получение новой квартиры было огромным событием. Из воспоминаний М. Немцовой: «И вот настал долгожданный день новоселья. Это было в канун всенародного праздника 1 мая 1957 г. В числе первых новоселов были и мы с мужем, получившие отдельную квартиру из двух комнат, кухни и прихожей общей площадью в 32 кв. м. Для нашей семьи из 3 человек это было вполне достаточно. Есть в домах квартиры и поменьше, с одной комнатой, но тоже с отдельной кухней и прихожей. В квартирах сухо, тепло, светло, уютно. Отопление центральное. [...] У каждой семьи – своя собственная квартира. В прошлое отошли тесные бараки, частные неблагоустроенные уголки и комнаты [...] Теперь на месте пустыря возник целый поселок с клубом, магазинами, почтой, строится семилетняя школа. С центром района поселок соединен автобусным и железнодорожным транспортом. С весны этого года будет открыто троллейбусное сообщение, линию для которого сормовичи построили также методом народной стройки. [...] Прекрасным стал наш новый поселок, имя которому рабочие дали “40 лет Октября”»²⁹. Уделялось внимание и благоустройству окружающей территории. Широко распространились индивидуальные придомовые участки площадью 75–100 кв. м, на которых разбивались сады и цветники.

Заключение. Если в 1955 г. в г. Горьком было построено 74 тыс. кв. м жилья, то за 1957 г. только предприятиями Сормовского района сдано в эксплуатацию 63,3 тыс. кв. м, автозаводцами – 69 тыс. кв. м. В 1957 г. в городе было построено 267 тыс. кв. м

жилья, из них 87 тыс. кв. м – методом народной стройки. Для сравнения, за всю первую послевоенную пятилетку было построено 282 тыс. кв. м³⁰. Подводя итог, можно сделать вывод об эффективности нового метода строительства жилья. Инициатива автозаводцев и высокая мотивация рабочих предприятий позволили значительно снизить остроту жилищной проблемы к началу 1960-х гг. с помощью развития метода народной стройки.

Примечания

¹ Например: Сагателян, Г. Ш. Решение жилищной проблемы на ГАЗе методом народной стройки в конце 1950-х годов // Актуальные проблемы социальной коммуникации: материалы второй Международной научно-практической конференции, Нижний Новгород, 20 мая 2011 г. Нижний Новгород: Нижегородский государственный технический университет им. Р. Е. Алексеева, 2011. С. 421–424.

² Ванин, А. А. Влияние на развитие пространства крупного советского города применения «горьковского» метода жилищного строительства во второй половине 1950-х годов (на примере Саратова) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22. № 2. С. 269–274; Давлетшина, Р. М. Массовое жилищное строительство на Южном Урале (1953–1964 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2018. 235 с.; Королева, Т. М. Решение жилищного вопроса в городах Иркутской области в 1960–1980-е гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 3-2 (17). С. 94–98.

³ Гордин, А. А., Абаймова, А. А., Варакин, С. А. «Строительство ведите на задворках» – метод народной стройки (по материалам Автозаводского района г. Горького) // Приволжский научный журнал. 2013. № 4. С. 198.

⁴ Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 2435. Оп. 8. Д. 148. Л. 41.

⁵ Государственный общественно-политический архив Нижегородской области (ГОПАНО). Ф. 37. Оп. 14. Д. 162. Л. 149.

⁶ Гордин, А. А. Промышленные рабочие: условия жизни и общественные настроения (на материалах Горьковского автозавода) // Общество и власть. Российская провинция: 1917–1980-е гг.: (по материалам нижегор. архивов). Т. 4. 1953–1965 гг., ч. II. Ожидание перемен и политические настроения общества, отношение к власти / Ин-т рос. истории РАН и др.; сост. А. А. Кулаков, В. В. Смирнов, Л. П. Колодников. Москва; Нижний Новгород, 2007. С. 22.

⁷ Чернеев, П. М. Рабочие завода дополнительно строят жилые дома. Музей истории ОАО «ГАЗ». Л. 2.

⁸ Там же. Л. 2–3.

⁹ Там же. Л. 3.

¹⁰ Там же.

¹¹ Методом народной стройки. Опыт массового строительства жилья методом народной стройки в Горьковской области. Горький, 1958. С. 11–12.

¹² ГОПАНО. Ф. 39. Оп. 6. Д. 348. Л. 21.

¹³ Там же.

¹⁴ Сурьянинов, Г. М. Как это было. Летопись организации строительства, проектирования, выполнения строительства, расширения, восстановления и реконструкции Горьковского автозавода, Социалистического города и Автозаводского района в 1929–1980 годах (документальные данные, комментарии). Музей истории ОАО «ГАЗ».

¹⁵ Методом народной стройки. Опыт массового строительства жилья методом народной стройки в Горьковской области. Горький, 1958. С. 12.

¹⁶ Анисимов, С. Народная стройка: горьковский метод строительства жилья «своими силами», инициатором которого был ГАЗ // День города. Нижний Новгород. 2020. 21–27 октября. № 86. С. 8.

¹⁷ Там же. С. 13–14.

¹⁸ Там же. С. 97–98.

¹⁹ Там же. С. 12.

²⁰ Там же. С. 98, 100.

²¹ Там же. С. 99–100.

²² Там же. С. 101–102.

²³ Там же. С. 104.

²⁴ Там же. С. 114.

²⁵ Там же. С. 112.

²⁶ Там же. С. 131–132.

²⁷ Там же. С. 98.

²⁸ Там же. С. 124.

²⁹ Там же. С. 13–14.

³⁰ Методом народной стройки. Опыт массового строительства жилья методом народной стройки в Горьковской области. Горький, 1958. С. 7–8.

Аннотация

В статье раскрывается история появления и развития в Горьковской области метода народной стройки. Широко использованы при

подготовке статьи источники личного происхождения (воспоминания участников строительства), находящиеся в данный момент в фондах нижегородских архивов (прежде всего, Государственном общественно-политическом архиве Нижегородской области) и музеях (музее истории ОАО «ГАЗ»). Эти документы позволяют ярко и образно, на конкретных примерах реконструировать и в доступной форме раскрыть одну из самых интересных и малоизвестных страниц советской истории послевоенного периода. В таком источниковом ракурсе тема «народной стройки» представлена впервые. Источники впервые вводятся в широкий научный оборот, что также обуславливает новизну исследования. Методологически статья построена на принципах историзма и научной объективности. С помощью многочисленных примеров показан процесс развития народной стройки на различных предприятиях Горьковской области в 1954–1958 гг. и его дальнейшие перспективы глазами очевидцев. Пионером и инициатором метода выступил Горьковский автозавод. Раскрываются особенности метода народной стройки в строительном, производственном, финансовом, кадровом, социальном планах. Показаны результаты реализации этой уникальной инициативы горьковчан, выразившиеся в фактическом решении многими предприятиями жилищной проблемы для своих рабочих и служащих к началу 1960-х гг. Несомненный интерес представляет материал статьи с точки зрения изучения опыта экономии ресурсов, бережливого производства и организации безотходного типа производства. В тексте приведено множество примеров достижения этой цели на материалах разных предприятий Горьковской области. В статье представлен жилищно-бытовой контекст условий жизни советских рабочих второй половины 1950-х гг. Источники позволяют реконструировать восприятие событий (жилищной проблемы, строительства жилья с помощью метода народной стройки, трудового участия рабочих в этом процессе, самих новых квартир и поселков и др.) гражданами, что позволяет воссоздать фрагмент картины советского общественного сознания первых послевоенных десятилетий. Народная стройка позволила заметно снизить остроту жилищной проблемы в среде рабочих и служащих предприятий Горьковской области, а на ряде предприятий – решить ее к началу 1960-х гг. История развития строительства показывает уникальный опыт реализации (и поддержки) общественной инициативы, что несколько по-новому раскрывает советское общество второй половины XX в.

Ключевые слова: исторические источники, метод народной стройки, Горьковская область, Горьковский автозавод, рабочие, жилищное строительство, предприятия, дома, источники личного происхождения.

Список литературы

Ванин, А. А. Влияние на развитие пространства крупного советского города применения «горьковского» метода жилищного строительства во второй половине 1950-х годов (на примере Саратова) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22. № 2. С. 269–274.

Давлетшина, Р. М. Массовое жилищное строительство на Южном Урале (1953–1964 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2018. 235 с.

Королева, Т. М. Решение жилищного вопроса в городах Иркутской области в 1960–1980-е гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 3-2 (17). С. 94–98.

Сагателян, Г. Ш. Решение жилищной проблемы на ГАЗе методом народной стройки в конце 1950-х годов // Актуальные проблемы социальной коммуникации: материалы второй Международной научно-практической конференции, Нижний Новгород, 20 мая 2011 г. Нижний Новгород: Нижегородский государственный технический университет им. Р. Е. Алексеева, 2011. С. 421–424.

Сведения об авторах

Гордина Елена Дмитриевна, доктор исторических наук, доцент, Нижегородский государственный технический университет им. Р. Е. Алексеева, кафедра методологии, истории и философии науки, заведующая кафедрой, г. Нижний Новгород, Российская Федерация, 8-910-388-18-27, gordinelena@yandex.ru

Гордин Алексей Александрович, доктор исторических наук, доцент, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, проректор по учебной работе, г. Нижний Новгород, Российская Федерация, 8-910-388-17-61, alexei.gordin@yandex.ru

В редакцию статья поступила 27.06.2024 г., рекомендована к опубликованию 20.12.2024 г.

Scientific article

doi 10.28995/2073-0101-2025-1-296-312

For citation

Gordina, Elena D., Gordin, Alexey A. (2025). “Houses grew like in a fairy tale”, the method of ‘people’s construction’ in the Gorky region in the 1950s., *Herald of an Archivist*, no. 1, pp. 296–312, doi 10.28995/2073-0101-2025-1-296-312

Gordina, Elena D. Nizhny Novgorod State Technical University, Nizhny Novgorod, Russia

Gordin, Alexey A. Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering, Nizhny Novgorod, Russia

“Houses grew like in a fairy tale”, the method of ‘people’s construction’ in the Gorky region in the 1950s

Abstract

The article reveals the history of the emergence and development of the method of “people’s construction” in the Gorky region. The sources of personal origin (memoirs of the construction participants), which are currently in the fonds of Nizhny Novgorod archives (first of all, the State Socio-Political Archive of Nizhny Novgorod Region) and museums (the Museum of the History of GAZ OAO), were widely used in the preparation of the article. These documents make it possible to reconstruct vividly and figuratively, using specific examples, and reveal in an accessible form one of the most interesting and little-known pages of the Soviet history of the post-war period. The topic of “people’s construction” is presented for the first time in such a source perspective. The sources are first introduced into a wide scientific turnover, which also determines the novelty of the research. Methodologically, the article is built on the principles of historicism and scientific objectivity. With the help of numerous examples the process of development of “people’s construction” at various enterprises of the Gorky region in 1954–1958 and its further prospects is shown through the eyes of eyewitnesses. The pioneer and initiator of the method was the Gorky automobile plant. The peculiarities of the method of “people’s construction” in construction, production, financial, personnel, social plans are revealed. The results of the implementation of this unique initiative of the citizens of Gorky region are shown, expressed in the actual solution by many enterprises of the housing problem for their workers and employees by the early 1960s. The material of the article is of undoubted interest from the point of view of studying the experience of resource saving, lean production and organization of zero-waste type of production. The text gives many examples of achieving this goal on the materials of different enterprises of the Gorky region. The article presents the housing and living context of the living conditions of Soviet workers in the second half of the 1950s. The sources allow us to reconstruct the perception of events (the housing problem, the construction of housing through the method of “people’s construction”, the labor participation of workers in this process, the new apartments and settlements themselves, etc.) by citizens, which allows us to

reconstruct a fragment of the picture of Soviet public consciousness of the first postwar decades. “People’s construction” allowed to noticeably reduce the acuteness of the housing problem among workers and employees of enterprises of the Gorky region, and at a number of enterprises – to solve it by the early 1960s. The history of construction development shows a unique experience of realization (and support) of public initiative, which reveals the Soviet society of the second half of the XX century in a somewhat new way.

Keywords

Historical sources, method of people’s construction, Gorky region, Gorky automobile plant, workers, housing construction, enterprises, houses, sources of personal origin.

References

Vanin, A. A. (2022). Impact on the development of space of a large Soviet city of the application of the “Gorky” method of housing construction in the second half of the 1950s (on the example of Saratov), *Izvestia Saratov University, New series, Series History, International relations*, v. 22, № 2, pp. 269–274.

Davletshina, R. M. (2018). Mass housing construction in the South Urals (1953–1964). Dis. ... cand. hist. nauk, Orenburg, 235 p.

Koroleva, T. M. (2012). Solving the housing issue in the cities of the Irkutsk region in the 1960–1980s, *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Issues of theory and practice*, № 3-2 (17), pp. 94–98.

Sagatelian, G. Sh. (2011). Solving the housing problem at GAZ by the method of people’s construction in the late 1950s, IN: Actual problems of social communication, materials of the Second International Scientific and Practical Conference, Nizhny Novgorod, May 20, 2011, Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod State Technical University named after R. E. Alekseev publ., pp. 421–424.

About authors

Gordina, Elena D., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, R. E. Alekseev Nizhny Novgorod State Technical University, Department of Methodology, History and Philosophy of Science, Head of Department, Nizhny Novgorod, Russia, +7-910-388-18-27, gordinelena@yandex.ru

Gordin, Alexey A., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering, Vice-Rector for Academic Work, Nizhny Novgorod, Russia, +7-910-388-17-61, alexei.gordin@yandex.ru

The article was received in the editorial office on 27.06.2024, recommended for publication on 20.12.2024.

Указатель материалов

doi 10.28995/2073-0101-2025-1-313-319

Для цитирования

Указатель материалов, опубликованных в журнале «Вестник архивиста / Vestnik arhivista / Herald of an Archivist» в 2024 г. / Сост. И. А. Анфертьев // Вестник архивиста. 2025. № 1. С. 313–319, doi 10.28995/2073-0101-2025-1-313-319

For citation

Anfertiev, I. A. (Ed.) (2025). Index of materials published in the journal “Vestnik arhivista / Vestnik arhivista / Herald of an Archivist” in 2024, *Herald of an Archivist*, no. 1, pp. 313–319, doi 10.28995/2073-0101-2025-1-313-319

Указатель материалов, опубликованных в журнале «Вестник архивиста / Vestnik Arhivista / Herald of an Archivist» в 2024 г.

ПРОБЛЕМЫ АРХИВОВЕДЕНИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ, ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЯ, АРХЕОГРАФИИ

Абеленцева, О. А. Особенности фиксации данных о вкладах в делопроизводстве Успенского Тихвинского монастыря середины XVII в. // Вестник архивиста. 2024. № 3. С. 669–684, doi 10.28995/2073-0101-2024-3-669-684

Авдашкин, А. А. Новейшая история миграций в Россию: основные источники и сюжеты. На материалах заседаний коллегии Федеральной миграционной службы 2004–2016 гг. // Вестник архивиста. 2024. № 3. С. 779–793, doi 10.28995/2073-0101-2024-3-779-793

Ананьев, В. Г. «Как нам жить дальше»: комбинаты Ленинградского отделения Художественного фонда СССР накануне «оттепели» на рубеже 1940–1950-х гг. По материалам ЦГАЛИ СПб // Вестник архивиста. 2024. № 1. С. 112–125, doi 10.28995/2073-0101-2024-1-112-125

Андреева, Г. Н. Российские князья М. С. и С. М. Воронцовы и архивный экземпляр копии Декларации независимости США 1776 г. // Вестник архивиста. 2024. № 4. С. 1019–1036, doi 10.28995/2073-0101-2024-4-1019-1036

Бородина, Е. В., Цеменкова, С. И. Подворные переписи Екатеринбурга 1728 и 1788 гг. как источник по истории населения города // Вестник архивиста. 2024. № 4. С. 1003–1018, doi 10.28995/2073-0101-2024-4-1003-1018

Бородихин, А. Ю., Подопригора, В. В. Иностранная часть рукописного собрания академика М. Н. Тихомирова: источники формирования // Вестник архивиста. 2024. № 1. С. 11–27, doi 10.28995/2073-0101-2024-1-11-27

Бульчева, Е. В. Дом в договорах об аренде священной земли в Аттике IV века до н. э. // Вестник архивиста. 2024. № 4. С. 971–983, doi 10.28995/2073-0101-2024-4-971-983

Ванчикова, Ц. П. «Сказание о хождении в Тибет пандита-хамбо-ламы Заяева из цонгольского рода» как источник по истории буддизма // Вестник архивиста. 2024. № 1. С. 57–70, doi 10.28995/2073-0101-2024-1-57-70

- Горлова, Н. И.** Донорское движение в Москве в 1950–1970-е гг.: по документам Центрального государственного архива города Москвы // Вестник архивиста. 2024. № 2. С. 423–440, doi 10.28995/2073-0101-2024-2-423-440
- Горская, Н. И.** Власть и общество в условиях Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.: по документам Смоленского государственного архива // Вестник архивиста. 2024. № 3. С. 685–702, doi 10.28995/2073-0101-2024-3-685-702
- Гришина, Н. В.** Защита докторской диссертации по истории на годы Великой Отечественной войны: опыт Ивана Матвеевича Катаева // Вестник архивиста. 2024. № 4. С. 1083–1100, doi 10.28995/2073-0101-2024-4-1083-1100
- Зарубина, К. А.** Революционные настроения провинциального студенчества в конце XIX – начале XX века на примере Курской губернии // Вестник архивиста. 2024. № 4. С. 1055–1069, doi 10.28995/2073-0101-2024-4-1055-1069
- Иванов, И. О.** Церковные архивы Московской епархии в 1812 г.: проблемы сохранности документов в условиях оккупации Москвы армией Наполеона // Вестник архивиста. 2024. № 2. С. 331–340, doi 10.28995/2073-0101-2024-2-331-340
- Колосовская, Т. А.** Кавказский музей в документах Российского государственного исторического архива: к проблеме репрезентативности источниковой базы имперского кавказоведения // Вестник архивиста. 2024. № 4. С. 1037–1054, doi 10.28995/2073-0101-2024-4-1037-1054
- Комаров, Д. Е.** Освобождение Освенцима (Аушвиц-Биркенау) частями Красной армии 27 января 1945 г.: хроника событий по документам 60-й общевойсковой армии // Вестник архивиста. 2024. № 2. С. 409–422, doi 10.28995/2073-0101-2024-2-409-422
- Красникова, Ю. Н.** Жизненный путь профессора Евгения Александровича Энгеля по архивным документам и материалам личного дела. 1878–1942 гг. // Вестник архивиста. 2024. № 2. С. 391–408, doi 10.28995/2073-0101-2024-2-391-408
- Лиджиева, И. В.** Выпускники факультета восточных языков Императорского Санкт-Петербургского университета на службе в инородческих управлениях конца XIX – начала XX века // Вестник архивиста. 2024. № 2. С. 341–357, doi 10.28995/2073-0101-2024-2-341-357
- Ляпин, Д. А.** Ландратские книги исторического региона Белгородской черты 1716–1719 гг. // Вестник архивиста. 2024. № 1. С. 43–56, doi 10.28995/2073-0101-2024-1-43-56
- Ляховицкий, Е. А., Поляков, И. А.** Производство чернил в России в XVI–XVII вв. по письменным источникам // Вестник архивиста. 2024. № 4. С. 984–1002, doi 10.28995/2073-0101-2024-4-984-1002
- Мазур, Л. Н., Хорькова, В. М.** Паспорта городов 1954 г. как исторический источник: информационный потенциал и методы исследования // Вестник архивиста. 2024. № 3. С. 749–765, doi 10.28995/2073-0101-2024-3-749-765
- Макеева, Е. Д.** Архивные документы Государственного комитета по охране природы СССР как источник по экологической истории России конца 1980-х – начала 1990-х гг. // Вестник архивиста. 2024. № 2. С. 441–458, doi 10.28995/2073-0101-2024-2-441-458
- Марханова, Т. Ф.** Планировка буддийских храмов в городе Чаньань при династии Тан. 618–907 гг. // Вестник архивиста. 2024. № 3. С. 651–668, doi 10.28995/2073-0101-2024-3-651-668
- Наумов, А. О., Сенин, А. В.** Аншлюс Австрии 1938 г. и позиция «великих держав»: путь к катастрофе. На основе новых архивных документов // Вестник архивиста. 2024. № 1. С. 98–111, doi 10.28995/2073-0101-2024-1-98-111

Новосельский, С. С. На пути к свободе слова: Особое совещание по составлению нового Устава о печати в 1905 г. // Вестник архивиста. 2024. № 1. С. 71–84, doi 10.28995/2073-0101-2024-1-71-84

Петин, Д. И. Празднование годовщины установления антибольшевистской власти в Сибири 7 июня 1919 г. По документам Омской городской думы // Вестник архивиста. 2024. № 2. С. 370–380, doi 10.28995/2073-0101-2024-2-370-380

Романов, В. В., Николашин, В. П. Американские иммигрантские коммуны Кирсановского уезда Тамбовской губернии 1920-х – 1930-х гг.: основные источники и особенности изучения // Вестник архивиста. 2024. № 4. С. 1070–1082, doi 10.28995/2073-0101-2024-4-1070-1082

Соколов, С. В., Гилевич, Н. Д. Архивные фонды и коллекции документов профессора Г. З. Байера в Санкт-Петербурге и Глазго // Вестник архивиста. 2024. № 1. С. 28–42, doi 10.28995/2073-0101-2024-1-28-42

Спичак, А. В., Ванюшина, О. В., Кривошеева, Ю. А. Дела о наказании за многобрачие во второй половине XIX – начале XX в.: межрегиональное исследование // Вестник архивиста. 2024. № 2. С. 358–369, doi 10.28995/2073-0101-2024-2-358-369

Суданц, Б. М. Внутрипартийная дискуссия по четвертому проекту программы КПСС в 1991 г. По материалам заседания постоянной идеологической комиссии и комиссии по науке, образованию и культуре от 12 июля 1991 г. // Вестник архивиста. 2024. № 1. С. 126–139, doi 10.28995/2073-0101-2024-1-126-139

Сухова, О. А. Обуздание Смуты: практики коммеморации в российской провинции в 1918 г. По материалам Государственного архива Пензенской области // Вестник архивиста. 2024. № 3. С. 703–717, doi 10.28995/2073-0101-2024-3-703-717

Тагирова, Л. Ф. Подворные карточки сельскохозяйственной переписи 1920 г. как исторический источник // Вестник архивиста. 2024. № 3. С. 718–732, doi 10.28995/2073-0101-2024-3-718-732

Тимкин, Ю. Н. «Неделя партийной пропаганды» и начало деятельности губернского отдела РКП (б) по работе в деревне осенью 1919 – зимой 1920 г. По архивным материалам Вятской губернии // Вестник архивиста. 2024. № 2. С. 381–390, doi 10.28995/2073-0101-2024-2-381-390

Трошина, Т. И. Информационный потенциал документов бывших партийных архивов. «Дело Русанглодеса» 1920-х гг. // Вестник архивиста. 2024. № 3. С. 733–748, doi 10.28995/2073-0101-2024-3-733-748

Ходяков, М. В. Введение карточной системы в осажденном Ленинграде летом 1941 г. // Вестник архивиста. 2024. № 3. С. 766–778, doi 10.28995/2073-0101-2024-3-766-778

Шишкин, Д. В. Диалог с «вождем»: письма и записки Г. Е. Зиновьеву как средство коммуникации граждан и власти. 1918–1921 гг. // Вестник архивиста. 2024. № 1. С. 85–97, doi 10.28995/2073-0101-2024-1-85-97

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ахметова, А. В., Ковальчук, М. А., Бобышев, С. В. Особенности подготовки национальных интеллектуальных кадров в Николаевском-на-Амуре техникуме народов Севера в 1930-е гг. // Вестник архивиста. 2024. № 3. С. 913–929, doi 10.28995/2073-0101-2024-3-913-929

Баштурина, А. Ю. Получение российского гражданства подданными неприятельских стран в период Первой мировой войны 1914–1918 гг.: этничность или лояльность // Вестник архивиста. 2024. № 1. С. 205–218, doi 10.28995/2073-0101-2024-1-205-218

Бодрова, Е. В., Калинов, В. В. Государственная политика СССР в сфере внедрения достижений науки и техники в середине 1950-х гг. // Вестник архивиста. 2024. № 1. С. 246–256, doi 10.28995/2073-0101-2024-1-246-256

Булычева, Е. В. Сбор эйсфоры в Аттике второй половины IV в. до н. э. По данным договоров об аренде семян // Вестник архивиста. 2024. № 1. С. 154–165, doi 10.28995/2073-0101-2024-1-154-165

Вязинкин, А. Ю., Якимов, К. А. Российская деревня 1905–1907 гг. в исторической памяти поколения «революционного перелома». На материалах Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев // Вестник архивиста. 2024. № 1. С. 193–204, doi 10.28995/2073-0101-2024-1-193-204

Гагиева, А. К., Шестакова, А. А. Городское управление и общественные организации г. Усть-Сысольска Вологодской губернии во второй половине XIX – начале XX века // Вестник архивиста. 2024. № 3. С. 879–895, doi 10.28995/2073-0101-2024-3-879-895

Галимзянова, А. Т. Периодическая печать Казанского пединститута в развитии самокритики и практики публичного покаяния в годы массовых репрессий второй половины 1930-х гг. // Вестник архивиста. 2024. № 3. С. 896–912, doi 10.28995/2073-0101-2024-3-896-912

Головин, Е. А., Коровин, В. В. Документы Российского государственного архива экономики о торговом обслуживании железнодорожников в 1950-е гг. // Вестник архивиста. 2024. № 2. С. 593–606, doi 10.28995/2073-0101-2024-2-593-606

Димони, К. О. Хозяйственно-управленческая этика советских руководителей предприятий периода 1930–1940-х гг. По источникам личного происхождения // Вестник архивиста. 2024. № 1. С. 232–245, doi 10.28995/2073-0101-2024-1-232-245

Катцица, Т. А., Мезит, Л. Э. Борьба с беспризорностью несовершеннолетних в Енисейской губернии в контексте деятельности Комиссии по улучшению жизни детей. 1921 г. // Вестник архивиста. 2024. № 1. С. 219–231, doi 10.28995/2073-0101-2024-1-219-231

Колтаков, П. А. Противодействие распространению антиправительственных изданий на железных дорогах России в последней четверти XIX – начале XX в. По материалам жандармской железнодорожной полиции // Вестник архивиста. 2024. № 1. С. 179–192, doi 10.28995/2073-0101-2024-1-179-192

Маджаров, А. С. «Сказание о Мамаевом побоище»: религиозные символы в структуре исторического описания // Вестник архивиста. 2024. № 1. С. 166–178, doi 10.28995/2073-0101-2024-1-166-178

Новиков, М. Д. Отражение событий Великой Отечественной войны на реализации кампаний государственных займов 1946–1957 гг. в СССР // Вестник архивиста. 2024. № 2. С. 579–592, doi 10.28995/2073-0101-2024-2-579-592

Петров, А. Ю. Н. П. Резанов о борьбе за колонии на Тихоокеанском севере в начале XIX века: новые архивные документы // Вестник архивиста. 2024. № 4. С. 1215–1227, doi 10.28995/2073-0101-2024-4-1215-1227

Шкаревский, Д. Н. Кадровое обеспечение специальных судебных коллегий. 1934–1938 гг. // Вестник архивиста. 2024. № 4. С. 1196–1214, doi 10.28995/2073-0101-2024-4-1196-1214

НАУЧНАЯ ПУБЛИКАЦИЯ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ

Андреев, С. Н. Госкоопхозы для подъема сельского хозяйства: записка А. Гречухи о реорганизации системы колхоз – МТС. Декабрь 1957 г. // Вестник архивиста. 2024. № 4. С. 1177–1195, doi 10.28995/2073-0101-2024-4-1177-1195

- Башнин, Н. В., Грязнов, А. Л., Гуслистова, А. Н.** Купчая на вологодский двор 1624 г. из собрания Slovanská knihovna // Вестник архивиста. 2024. № 2. С. 508–521, doi 10.28995/2073-0101-2024-2-508-521
- Богомолов, И. К.** Доклад генерал-майора Д. П. Струкова о постановке военной цензуры в Петрограде и Петроградском военном округе. 1915 г. // Вестник архивиста. 2024. № 2. С. 536–549, doi 10.28995/2073-0101-2024-2-536-549
- Горшенин, А. В.** Советский микробиолог З. В. Ермольева в борьбе за освобождение из заключения эпидемиолога А. А. Захарова: архивные свидетельства конца 1930-х – начала 1940-х гг. // Вестник архивиста. 2024. № 4. С. 1160–1176, doi 10.28995/2073-0101-2024-4-1160-1176
- Давиденко, Д. Г.** Каменное храмостроительство в Вологде и в Троице-Сергиевом монастыре в последней трети XVI века // Вестник архивиста. 2024. № 2. С. 495–507, doi 10.28995/2073-0101-2024-2-495-507
- Лизогуб, А. С.** Воспоминания подполковника К. Н. Игнатьева о службе в 12-м пехотном Сибирском Барнаульском полку. 1910 г. // Вестник архивиста. 2024. № 2. С. 522–535, doi 10.28995/2073-0101-2024-2-522-535
- Лупанова, Е. М.** «Во всех консерваториях обучаются всем видам искусства, кроме русского, национального». Письмо П. И. Нечепоренко В. М. Андрианову об исполнительстве и обучении игре на народных инструментах. 1950 г. // Вестник архивиста. 2024. № 3. С. 864–878, doi 10.28995/2073-0101-2024-3-864-878
- Михеев, М. В., Бедель, А. Э.** Специфика кадрового комплектования советского акционерного общества «Висмут»: материалы переписки аппарата Первого главного управления при Совете министров СССР и парторганизаций Свердловского обкома ВКП (б) в 1949 г. // Вестник архивиста. 2024. № 1. С. 271–283, doi 10.28995/2073-0101-2024-1-271-283
- Михальченко, С. И., Ткаченко, Е. В.** «Есть в жизни каждого человека впечатления, которые живы в его душе до последнего вздоха». Письма С. Ю. Кулаковского Е. В. Спекторскому. 1938 г. // Вестник архивиста. 2024. № 4. С. 1122–1139, doi 10.28995/2073-0101-2024-4-1122-1139
- Морозов, Д. В.** «Все же не получилось великого содружества Ленина со Сталиным»: стенограмма совещания при дирекции Института Маркса–Энгельса–Ленина (ИМЭЛ) по обсуждению научной биографии В. И. Ленина 20 ноября 1940 г. // Вестник архивиста. 2024. № 1. С. 257–270, doi 10.28995/2073-0101-2024-1-257-270
- Муратова, Е. Г.** «Велено о содержащихся в Кизляре разных владений аманатчиках ежегодно присылать в Астраханскую губернскую канцелярию ведомости»: документы к истории аманатства на Северном Кавказе в XVIII веке // Вестник архивиста. 2024. № 4. С. 1101–1121, doi 10.28995/2073-0101-2024-4-1101-1121
- Окрошидзе, Л. Г., Юренков, А. К.** Новые документы к биографии русского реставратора Андрея Филипповича Митрохина. 1765–1845 гг. // Вестник архивиста. 2024. № 3. С. 810–830, doi 10.28995/2073-0101-2024-3-810-830
- Слискова, В. В.** «Осмеливаюсь предложить Вам карандашные портреты детей-правонарушителей»: визуальные источники по истории Лечебно-воспитательной колонии Наркомата здравоохранения РСФСР. 1922–1923 гг. // Вестник архивиста. 2024. № 4. С. 1140–1159, doi 10.28995/2073-0101-2024-4-1140-1159
- Соловьева, С. В., Болотова, Е. Ю.** «О поле, поле! Кто тебя усеял мертвыми костями?!». Из воспоминаний защитника Сталинграда политрука П. В. Ткаченко. Август 1942 г. // Вестник архивиста. 2024. № 2. С. 566–578, doi 10.28995/2073-0101-2024-2-566-578

Сушко, А. В., Петин, Д. И. Секретная почтотелеграмма о кадровой чистке организаций и учреждений связи в Сибири. 17 августа 1928 г. // Вестник архивиста. 2024. № 3. С. 849–863, doi 10.28995/2073-0101-2024-3-849-863

Тихомиров, Н. В. «Оживились антисоветские элементы»: дневник колхозной практики студентов Коммунистического университета национальных меньшинств Запада. Весна 1930 г. // Вестник архивиста. 2024. № 2. С. 550–565, doi 10.28995/2073-0101-2024-2-550-565

Филиппова, Т. П. Дневник академика Ф. Н. Чернышева о работе российско-шведской экспедиции по градусным измерениям на архипелаге Шпицберген в 1900 г. // Вестник архивиста. 2024. № 3. С. 831–848, doi 10.28995/2073-0101-2024-3-831-848

ЭЛЕКТРОННЫЕ АРХИВЫ И ДОКУМЕНТЫ

Ларин, М. В. Зарубежный опыт организации архивного хранения электронных документов // Вестник архивиста. 2024. № 2. С. 459–479, doi 10.28995/2073-0101-2024-2-459-479

Суровцева, Н. Г. Трансформация признаков документа в электронной среде // Вестник архивиста. 2024. № 1. С. 140–153, doi 10.28995/2073-0101-2024-1-140-153

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

Долгова, А. В. «Пермская катастрофа»: органы местного самоуправления в период Верховного правителя // Вестник архивиста. 2024. № 3. С. 943–959, doi 10.28995/2073-0101-2024-3-943-959

Юрганов, А. Л. О первоначальной редакции пьесы «Страх» сталинского драматурга Александра Афиногенова. 1930-е гг. // Вестник архивиста. 2024. № 2. С. 480–494, doi 10.28995/2073-0101-2024-2-480-494

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ: ИСТОРИЯ, ИСТОРИКИ, МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Анфертьев, И. А. К изданию в РГГУ монографии «Оборонно-промышленный комплекс России: история и современное развитие» // Вестник архивиста. 2024. № 4. С. 1268–1279, doi 10.28995/2073-0101-2024-4-1268-1279

Храмкова, Е. Л., Тузова, О. В. «Штурм Перекопа»: к изданию сборника документов РГА в г. Самаре // Вестник архивиста. 2024. № 4. С. 1258–1267, doi 10.28995/2073-0101-2024-4-1258-1267

ОБЗОРЫ АРХИВНЫХ ФОНДОВ И КОЛЛЕКЦИЙ

Иванцов, И. Г. Перерегистрация членов ВКП (б) как форма проверки их лояльности советской власти на примерах Краснодарского края. 1943–1944 гг. // Вестник архивиста. 2024. № 2. С. 620–630, doi 10.28995/2073-0101-2024-2-620-630

Иерусалимский, Ю. Ю., Попова, А. В. Первые годы деятельности Ярославского общества пособия лицам, освобождаемым из тюремного заключения. 1895–1907 гг. // Вестник архивиста. 2024. № 4. С. 1240–1257, doi 10.28995/2073-0101-2024-4-1240-1257

Мухина, М. В. Социально-политический состав участковых комиссий по выборам во Всероссийское Учредительное собрание в ноябре 1917 г. По материалам Калужской губернии // Вестник архивиста. 2024. № 3. С. 794–809, doi 10.28995/2073-0101-2024-3-794-809

Павлюкевич, Р. В., Северьянов, М. Д., Элтеко, Ю. В. Краевые архивные источники по истории молодого города на примере Дивногорска Красноярского края // Вестник архивиста. 2024. № 1. С. 295–304, doi 10.28995/2073-0101-2024-1-295-304

МУЗЕЙНЫЕ И АРХИВНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ

Кротова, М. В. Судьба архива Китайской Восточной железной дороги (КВЖД). 1898–1953 гг. // Вестник архивиста. 2024. № 3. С. 930–942, doi 10.28995/2073-0101-2024-3-930-942

Ситова, И. В. Документы по регламентации детского труда в сфере зрелищ и увеселений конца XIX века. На архивных материалах Санкт-Петербурга // Вестник архивиста. 2024. № 1. С. 284–294, doi 10.28995/2073-0101-2024-1-284-294

Тихонова, А. В. Усадьба Высокое графов Д. Н. и А. Г. Шереметевых. По документам Российского государственного исторического архива // Вестник архивиста. 2024. № 2. С. 607–619, doi 10.28995/2073-0101-2024-2-607-619

Тихонова, А. В. Усадьба Высокое во владении графа Александра Дмитриевича Шереметева в 1874–1918 гг. По документам Российского государственного исторического архива // Вестник архивиста. 2024. № 4. С. 1228–1239, doi 10.28995/2073-0101-2024-4-1228-1239

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Бабкин, М. А. Издание об истории организации, управления и поддержки науки в СССР // Вестник архивиста. 2024. № 2. С. 631–639, doi 10.28995/2073-0101-2024-2-631-639

Сушко, А. В. Церковь и «красный террор» на Дону в 1918–1919 гг. в новейшей археологии // Вестник архивиста. 2024. № 1. С. 305–311, doi 10.28995/2073-0101-2024-1-305-311

УКАЗАТЕЛЬ МАТЕРИАЛОВ

Указатель материалов, опубликованных в журнале «Вестник архивиста / Vestnik arhivista / Herald of an Archivist» в 2023 г. / Сост. И. А. Анфертьев // Вестник архивиста. 2024. № 1. С. 312–319, doi 10.28995/2073-0101-2024-1-312-319.

РЕДАКЦИЯ медиагруппы: «Вестник архивиста» (печатная версия); сетевые журналы «Вестник архивиста.ru» (www.vestarchive.ru) – на русском языке; «Вестник архивиста.com» (www.herald-of-an-archivist.com) – на английском языке; «Вестник архивиста.TV» (www.tv.vestarchive.ru) – видеожурнал; «Вестник архивиста.Vk.com» (www.vk.com/heraldofanarchivist.vk.com)

И. А. Анфертьев – доктор исторических наук, главный редактор (г. Москва, Российская Федерация); В. В. Борисов – редактор и системный администратор сетевых журналов (г. Москва, Российская Федерация); Н. И. Медведева – верстка (г. Москва, Российская Федерация); З. П. Иноземцева – кандидат исторических наук, заместитель главного редактора (г. Москва, Российская Федерация); М. С. Исакова – доктор исторических наук, руководитель представительства журнала в Республике Узбекистан (г. Ташкент, Республика Узбекистан); С. В. Кулинок – кандидат исторических наук, руководитель представительства журнала в Республике Беларусь (г. Минск, Республика Беларусь); К. И. Ляшенко – магистр истории, заместитель главного редактора (шеф-редактор сетевых журналов) (г. Москва, Российская Федерация); Д. И. Петин – кандидат исторических наук, руководитель представительства журнала в Сибирском федеральном округе (г. Омск, Российская Федерация); В. Б. Прокурова – кандидат исторических наук, руководитель представительства журнала в Европе (г. Париж, Франция); Д. В. Савин – ведущий научный редактор (г. Москва, Российская Федерация); О. Н. Солдатова – доктор исторических наук, руководитель представительства журнала в Приволжском федеральном округе (г. Самара, Российская Федерация).

EDITORIAL STAFF of the magazines group: 'Herald of an Archivist' (printed version), 'Herald of an Archivist.ru' (www.vestarchive.ru), 'Herald of an Archivist.com' (www.herald-of-an-archivist.com), 'Herald of an Archivist.TV' (www.tv.vestarchive.ru), 'Herald of an Archivist' (www.vk.com/heraldofanarchivist.vk.com)

I. A. Anfertiev – doctor of historical sciences, editor-in-chief (Moscow, Russian Federation); V. V. Borisov – editor and system administrator of the supplements to print magazine – online magazines (Moscow, Russian Federation); N. I. Medvedeva – lead out (Moscow, Russian Federation); Z. P. Inozemtseva – PhD in History, deputy editor-in-chief (Moscow, Russian Federation); M. S. Isakova – doctor of historical sciences, director of the magazine branch in Uzbekistan (Tashkent, Uzbekistan); S. V. Kulinok – PhD in History, director of the magazine branch in Belarus (Minsk, Belarus); K. I. Lyashenko – Master of History, deputy editor-in-chief (managing editor of the supplements to print magazine – online magazines) (Moscow, Russian Federation); D. I. Petin, PhD in History, director of the magazine branch in the Siberian Federal District (Omsk, Russian Federation); V. B. Prozorova – PhD in History, director of the magazine branch in Europe (Paris, France); D. V. Savin – leading scientific editor (Moscow, Russian Federation); O. N. Soldatova – doctor of historical sciences, director of the magazine branch in the Volga Federal District (Samara, Russian Federation).

Допечатная подготовка выполнена в Издательском центре
Российского государственного гуманитарного университета (ИЦ РГГУ).

Подписано в печать 20.03.2025 г. Формат 60×84¹/₁₆.

Уч.-изд. л. 19,5. Усл. печ. л. 18,6.

Тираж 1000 экз. Заказ № 2131

Отпечатано: ИЦ РГГУ, 125047, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6.

Prepress by the Publishing Center of the Russian State University for the Humanities.

Signed to print 20.03.2025 г. Format 60×84¹/₁₆. Volume of 20 printed sheets.

Print run of 1000 copies.

Printed in the Publishing Center of the Russian State University for the Humanities,

Miusskaya sq., 6, Moscow, GSP-3, 125047